

А. К. Салмин

Савиры, болгары и тюрко-монголы в истории чувашей

Пестор-История
Санкт-Петербург
2019

УДК 63.3
ББК 94
С 16

Рецензенты:

ведущий научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии
Дагестанского научного центра РАН доктор исторических наук

Р. И. СЕФЕРБЕКОВ,

ведущий научный сотрудник Удмуртского Института истории,
языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН доктор исторических наук

Н. И. ШУТОВА

С16 Салмин А. К.

Савиры, болгары и тюрко-монголы в истории чувашей. — СПб.:
Нестор-История, 2019. — 296 с.

ISBN 978-5-4469-1542-2

Монография посвящена важнейшим, но спорным этапам истории чувашского народа. В ней анализируются наиболее приемлемые — савирская, болгарская и тюрко-монгольская — версии происхождения чувашей. При этом используется междисциплинарный подход: исследуются открытия в области истории, географии, геногеографии, антропологии, археологии, религии, языка, этнографии, искусства и фольклора.

На обложке: Албания и сопредельные страны VI — начала VIII в.

Выше Албанских ворот — страна савиров со столицей Варачан
[Мамедова 2005, илл. 11].

ISBN 978-5-4469-1542-2

**УДК 63.3
ББК 94**

© А. К. Салмин, 2019

© Издательство «Нестор-История», 2019

ВВЕДЕНИЕ

Писание истории является делом величайшим, святейшим,
стоящим выше всякого другого занятия.
[Агафий 1996: 83]

Мы знаем все, не зная главного.
[Риттих 1870: 3]

Мы признаем самостоятельный голос за каждую народностью
и желаем, чтобы эти здоровые и звучные, но различные голоса
составляли один стройный хор, который поет на общее благо
человеческое!
[Шпилевский 1884: 30]

Методология

В истории происхождения и формирования чувашского народа слишком много неясных страниц. До сих пор остается за семью печатями истина, которую желает узнать читатель. Чрезмерное желание читателей быстрее узнать, с одной стороны, и великое намерение авторов скорее доставить свои соображения до читателя — с другой, порождали третье: компиляцию, сумбур и беллетристику. Большинство работ по этногенезу чувашей на сегодняшний день выполнено не выше уровня любительского краеведения. Одна из основных причин таких неудач — отсутствие прямых источников об исторических предках чувашей: «История была крайне немилолюбива к чувашам и языку их. В течение целого ряда веков они оставались в полном забвении и неизвестности, как бы в положении народа без роду и племени» [Егоров 1953: 66]. В аналогичных случаях историческая наука за помощью всегда обращается к ретроспекции и сравнительно-исторической методологии. Ведь любые племена

с самой загадочной историей непременно имели соседей, обязательно общались с другими племенами, входили в союзы.

Свое можно познать только в сравнении с другими культурами. При сравнительном изучении «вдруг» станут заметными и общие, и особенные черты этноса. Тогда выход один: искать и изучать предков чувашей, исследуя их взаимоотношения с соседними общинами. Так родилась идея структуры исследования. Порой читателю будет думать, что автор уходит от темы, увлекаясь соседними и родственными племенами. Однако любая картина действий может реализовываться только в контексте времени и пространства. Народ не существует сам по себе. Не поняв, кто же были соседи изучаемого народа, невозможно ответить на главный вопрос. Не зная причину, невозможно говорить о сути произошедшего события. Контекстное изучение соседей предков чувашей, естественно, не самоцель, главное — таким образом пролить луч истины на изучаемую проблему. Выбранный подход позволяет использовать метод исключения и приближения. Предлагаемая методология, надеюсь, будет способствовать корректировке степени родства со сравниваемыми племенами, народами и религиями.

Ведущие исследователи историко-этнографического направления обращают внимание на необходимость комплексного (или междисциплинарного) подхода в освещении этногенетических процессов. При всем превосходном исполнении частный взгляд представителя любой научной дисциплины на происхождение и формирование народа всегда ущербен. Во-первых, он охватывает отрезок времени и пространства, во-вторых, оставляет в стороне все остальные аспекты исторического процесса. В результате к бесчисленным гипотезам прибавляется еще одна и поэтому не может претендовать на полноту убедительности [Алексеев 2009: 208–209]. Поэтому, например, «в работах археологов совершенно необходим комплексный подход, а именно сочетание этнографических, лингвистических, антропологических данных и письменных источников» [Молодин 1985: 5]. Например, горные группы грузин, карачаевцы, балкарцы и осетины — классические представители высокогорной культуры. Но говорят они на разных языках. Однако некоторые из них (карачаевцы и балкарцы) перешли на современный их язык (тюркский) в историческом плане недавно. В то же время есть веские основания полагать, что предки всех

перечисленных народов говорили на кавказских языках. Одновременно известно, что для этих центрально-кавказских народов характерна особая комбинация антропологических черт. В данном случае совпадают границы этнической и антропологической общности. Именно в силу указанных причин выдвижение на первый план данных только одной дисциплины всегда недостаточно. Естественно, этническая проблематика — тем более междисциплинарный подход — требует синтеза знаний многих научных дисциплин. К тому же чем дальше от исследователя отстоит время формирования изучаемой общности, тем уже и скуднее круг искомых источников. А это подталкивает к соблазну исходить из современной картины мира при поиске темных пятен истории. Иначе говоря, исследователь может оказаться в плену априорных суждений. Отсюда и до методологических ошибок рукой подать: появляется желание современное состояние источников принять за древние истоки.

Несмотря на ратование за мультидисциплинарный подход в изучении этногенеза, ощутимых сдвигов в этом направлении не произошло. Каждый исследователь оставался преимущественно в своей ячейке.

При изложении содержания автор старался следовать первоисточникам и оригинальным мыслям, высказанным предшественниками. Меня могут упрекнуть в чрезмерном цитировании, однако это лучше, чем изобретать сомнительные факты и события. В конце концов, цитирование — это обращение к оригиналу, тем более если это первоисточник. Анализ первоисточников и критической литературы по теме проводится в целях выяснения исторических, генетических и контактных связей предков чувашей с упоминаемыми племенами и народами. Такую многотрудную работу необходимо было сделать в целях системного изучения достоверного материала. Для выяснения исторической правды важно знать, в каких годах, где, с какими племенами имели контакты изучаемые племена. Изучение исторических соседей необходимо для установления и корректировки истории самих предков чувашей. Ведь контекстное изучение источников увеличивает их информативную отдачу. Задача настоящего исследования — систематизировать имеющиеся по теме источники и литературу и получить из них адекватное заключение. Возможно, параграфы получились местами излишне пространными. Сделано это для того, чтобы не упрекнули автора

в лаконичности и категоричности. Хотя источники можно было бы и добавить.

В работе понятия «история», «исторические» подаются расширительно. Помимо собственно истории, автор по мере необходимости и по мере доступности пользуется экстраисторическими доводами этнонимии, географии, генетики, антропологии, археологии, религии, языка, этнографии, искусства и фольклора. Таким образом, предпринята попытка исследования истории народа как единого целого, т. е. системы.

Совершенно справедливо предупреждение о трудностях использования междисциплинарного подхода. Например, всем известно скептическое отношение лингвистов к археологам и наоборот. Да и опубликованный труд, написанный с использованием междисциплинарного подхода, часто не находит отклика. Объясняется такое явление приверженностью каждого к своей специальности. В результате многие исследователи остаются нецитированными и уходят в более востребованные ниши. Например, занимаются изучением проблем национализма [Шнирельман 2016: 434–435]. Использование источников и трудов заведомо не этнографического и не исторического плана не говорит о желании автора этих строк взять на себя всю ответственность по этим дисциплинам. Из них используются источники и исследования преимущественно обобщающего характера. Они в монографии занимают место дисциплин, призванных построить наиболее полную систему. При этом следует признать, что деление исторических событий, скажем, на чисто исторические и географические весьма условно и носит рабочий характер.

Естественно, факты — это кирпичики истории. Однако настоящее исследование предполагает и осмысление фактов, и умозаключение, вытекающее из них. Насколько удалось автору разрешить поставленные задачи — судить читателям. А вообще, изучение запутанной истории чувашей — занятие труднейшее. Питер Голден обсуждаемую тему называет самой запущенной («one of the largely neglected and vexing problems») [Golden 2011: 146].

Хронологический диапазон исследуемых событий: с середины II в. до середины XX в. Более ранние источники, увы, пока не поддаются достоверной идентификации. В работе больше внимания уделяется событиям I тысячелетия н. э., которые стали решающими в судьбе исторических предков чувашей.

Может вызвать вопрос и часто встречающийся в книге термин «сопредельные племена»: а почему «сопредельные племена», а не часто используемое словосочетание «сопредельные территории»? Потому что в доисторические времена, в древности и в Средневековые территории, занимаемые племенами и народами, как правило, не имели четких границ. Более того, границы соприкосновений были «плавающими», менялись очень часто. Племена не только постоянно мигрировали, но менялись и их наименования. В понимании Византийской империи границы — это, во-первых, пределы сферы деятельности ее администрации на землях, разделенных на римские провинции; во-вторых, это пределы стран, имеющих местных правителей, но находящихся в сфере византийской юрисдикции. Однако и эти границы между эллинизмом и варварским миром были весьма условные, расплывчатые, к тому же часто менялись. Заклятые враги — гунны и византийцы — имели условленный район, предназначенный для дипломатических переговоров и торговли. Что касается территорий, над которыми властвовал Атиллы, то тут имеются самые разные высказывания. Не было четких границ в Волжской Булгарии. В пространстве между Хазарией и Бургасией не имелось постоянных поселений. От Итиля до соседних буртасов лежали степи, для преодоления которых нужно было 20 дней пути [Ал-Идриси 2006: 120; Бартольд 1973: 37]. Кроме того, между племенами и народами (например, между хуннами и китайцами, гуннами и ромеями, а также между булгарами и саварами) имелись нейтральные полосы. По состоянию на IX — начало X в. расстояние между булгарами и башкирами, подчиненными Булгарии, составляло 25 дней пути [Бартольд 1968: 494]. Еще более аморфными были границы Золотой Орды. Что касается термина «сопредельные территории», то он используется, как правило, при исследовании сформировавшихся народов и государств. В принципе, можно было пользоваться и терминологией «сопредельные территории», но тогда работа приняла бы историко-географический крен. А автору хотелось, чтобы в книге было больше историко-этнографических сюжетов.

Успехи в генетике позволяют проникнуть в самые древние слои истории человечества. Уместно заметить, что используемый генетиками термин «этногеномика» еще требует уточнений. На самом деле вернее было бы сказать «геногеография», что «гораздо более

адекватно описывает цели и результаты их научной деятельности» [Тишков 2016: 14]. Термином «генеогеография» историки и генетики также пользуются широко. Этому есть веское основание, ибо генетическое сходство популяций определяется их географическим соседством, а не лингвистическим сходством [Балановский 2015: 70; Балановская и др. 2016: 76, 77].

Как известно, маркеры ДНК, согласно популяционным исследованиям, разделяются на три группы: маркеры митохондриальной ДНК (мтДНК), аутосомные маркеры и маркеры Y-хромосомы. В отличие от генетических маркеров религия, язык, этнические особенности — явления изменчивые. Например, крещение Руси привело к коренным преобразованиям верований жителей Восточной Европы. Совершенно справедливо утверждение, что исследование генетической структуры народов Кавказа может послужить значительным вкладом в решение проблем этногенеза, истории и культуры не только самих кавказских народов, но и многих других, в частности народов Восточной Европы [Кутуев и др. 2010: 18–19].

В популяциях Волго-Уральского региона подавляющее большинство (82,7%) представлено западно-евразийскими гаплогруппами (HV, H, V, J, T, U, R1, N1a, N1b, N1c, W, X). Наибольший вклад в митохондриальный генофонд региона вносят линии гаплогрупп H (25%), U (21%) и T (11,5%). В сумме они составляют около половины всех гаплогрупп мтДНК в Волго-Уральском регионе. Исключение составляют пермские башкиры, в генофонде которых обнаружены высокие частоты восточно-евразийских гаплогрупп F1b (23%) и D4 (14,6%). Основная доля отцовского генофонда изученных популяций приходится на гаплогруппы R-M269, R-M198 и N-M231 [Трофимова 2015: 8, 16, 21].

Естественно, в процессе этногенеза племена трансформируются. Причин много: нашествие более мощных соседей, разделение по родовым коленам, массовое принятие другой религии (например, исламизация египтян и превращение их в египетских арабов). Как будет выяснено, аналогичная трансформация произошла в истории булгар. Поэтому априорное увлечение булгарскими истоками предков чувашей, а заодно прямая идентификация булгар с древнетюркским миром приводит к весьма ненаучным обобщениям. Аналогично интернациональным следует считать верховное божество чувашей *Турă* (*Тор*, *Тур*, *Торă*) [Салмин 2016:

255–263]. Он стоит в одном ряду со скандинавским *Тор*, ирландским *Торан*, шотландским *Торун*, *Тора* у африканских бушменов, пигмеев и бамбути, мансийским *Нума-Торум* и *Таром*. Говоря словами коллеги, «Тору удалось перешагнуть этнические границы» [Головнёв 2009: 38].

Язык также содержит в себе историю. Для анализа его надо сравнивать с родственными языками и языками соседних племен и народов. Язык во времени может расщепляться на несколько языков-потомков. Связано это с нарушением единства социума, в котором он функционирует. Когда различия начинают затруднять взаимопонимание между членами общества, тогда появляются разные, но родственные языки. Изменение является обязательным свойством языка хотя бы потому, что застывшая система не могла бы обеспечивать коммуникацию социума в изменяющемся мире. Лингвистами на ряде языковых групп установлена скорость размывания пяти слов из списка Сводеша за 1000 лет. При такой скорости за 20 000 лет список Сводеша должен вымываться полностью [Дыбо 2015: 338, 344, 370]. Выходит, нет статичных языков, просуществовавших 20 000 лет. При изучении влияния фактора языка на происхождение народа наряду с современной графикой следует вводить в научный оборот и другие формы письменности (руническую письменность, тамги и прочие символы).

Основным термином в работе будет «племя» как этническая общность на ранних этапах исторического процесса. Как правило, изучаемые в работе племена, вовлеченные в поток Великого переселения, более цивилизованными соседями назывались варварами. Этот термин ничем, по сути, не отличается от греческого *ἔθνος* (у Приска — *ἔθνησι* [Prisc 1979: 9]), использовавшегося в Византии по отношению к «варварским» племенам, т. е. не принявшим христианство. Аналогично тартары (монголо-татары) иноземцев, которых они не уважали, называли варварами, говорили о них, что те видят одним глазом, а сами тартары — двумя [Витсен 2010: 4]. В то же время некорректно подменять термины «племя» и «варвары» понятием «народ», как часто встречается и у вполне серьезных историков. Поэтому «принципиально неверно переводить выражение *hominum genus* словом „народ“» [Анфертьев 1994: 141]. В таких случаях лучше подходят термины «род», «племя». Так, на тюрко-китайском двуязычном памятнике в честь Кюль-Тегина (730-е гг.)

имеется, в частности, фраза: *Qayanin anta ölürtümüz elin altımız* «Их кагана мы там убили, а их племенной союз покорили» [Наде- ляев и др. 1969: 168]. Здесь слово *el* верно переведено как «племя», «племенной союз». А для понятия «народ» в древнетюркском языке использовали слово *bodun*. К тому же при родоплеменном строе языковой фактор еще не мог играть этноразделительную роль.

Радует то, что отдельные представители отдельных наук ведут поиски способов объединения локальных культур в наднациональные (надэтнические) целостности. Пока исследователи истории народов и народных традиций используют устоявшийся прием: следуют лингвистическим группировкам языков по семьям. Например, «известны попытки создать музыкальное славяноведение, музыкальное финно-угроведение, музыкальную тюркологию» [Кондратьев 2011: 6]. М. Г. Кондратьев справедливо считает, что такие подходы не помогают проникнуть в суть. В. С. Виноградов видел пять групп музыкальных групп: «К первой группе мы относим азербайджанцев, у которых имеются родственные связи с армянами. Вторая группа — [волжские] татары, башкиры, некоторые алтайские племена, ойроты, тувинцы, в музыке которых есть черты общности с музыкой монголов и марийцев. Третья группа — узбеки; их музыка родственна музыке таджиков. Четвертая группа — казахи и туркмены. Пятая — киргизы, хакасы и некоторые алтайские племена» [Виноградов 1961: 278]. Как видим, не всегда признаки и границы языка и музыкальной культуры совпадают. В качестве примера, как применение классификационных категорий внемузыкального порядка при изучении музыки порождает тенденции расчленения феноменов регионального характера и искажения их масштабов, М. Г. Кондратьев приводит Волго-Уральский регион. Действительно, при изучении культур народов этого региона музыкальные и поэтические явления сравниваются у тюркоязычных народов только с аналогами у других тюрков, у финно-угорских — только с финно-угорскими и т. п.: «Аналогично обстоит дело и с конфессиональной ориентацией: у исламизированных народов региона поиски родственных явлений иногда ограничиваются параллелями в исламских культурах, порой весьма далеких, и не замечаются более близкие параллели у рядом живущих немусульманских народов. Это обстоятельство еще раз подчеркивает необходимость разработки собственно музыковедческих классифи-

каций, независимых от лингвистической, конфессиональной или даже этнической принадлежности культур, составляющих целостности. Музыка — в определенных отношениях самодостаточная и саморазвивающаяся система» [Кондратьев 2011: 6–7]. Исследователям следует находить иногда совсем далекие отзвуки у изучаемых народов. Например, музыковеды доказали краткосюжетность и афористичность поэтики Волго-Уральской цивилизации. Как показал М. К. Кондратьев, ветвь афористических традиций поэтики Востока занесена к чувашам с юга более тысячи лет тому назад. Для выхода на новый уровень знаний необходимо разработать собственно музыковедческие классификации изучаемых культур. Они должны быть надэтническими, надлингвистическими и надконфессиональными, констатирует М. Г. Кондратьев: «По особенностям традиционной ритмики культуры Поволжья являют собой пример редкой сохранности архаической квантитативной системы, известной главным образом территориально и хронологически отдаленным цивилизациям (индоиранские, средиземноморские культуры)» [Кондратьев 2011: 10]. Концепции В. С. Виноградова и М. Г. Кондратьева имеют прямое отношение к методологии изучения обсуждаемой темы.

В главах изучаются племена и народы, с которыми входили во взаимодействие исторические предки чувашей. В каждой главе автор пытается оценить адекватность очередной анализируемой версии. Однако когда имеет место историческое (в широком смысле) несоответствие фактов, приходится ставить под сомнение рассматриваемую версию, признать только частично или отказать в правдоподобности.

Историография

Гипотез о происхождении чувашей много. Предками чувашей называли сюнну, хунну, сяньби, ухуаней, огуров, угров, гуннов, болгар, древних тюрков, иранцев, шумеров. Весь этот длинный и в то же время неполный перечень племен говорит не только о плохой изученности, но, прежде всего, о сложности обсуждаемой проблематики. Одни исследователи с одинаковым успехом пишут как о тюркских, так и финно-угорских корнях чувашей. Другие

уверенно относят этот народ к тюркской группе. Например, историко-этимологические штудии позволили Густаву Рамstedту говорить о принадлежности чувашей к финно-угорской семье языков [SUS. Kotelo 644: 1]. В. Н. Татищев первым назвал чувашей «бол-горами» [Татищев 1962: 252]. А. А. Куник допускал, что чувашаи составляют часть булгар, а до V–VI вв. предки чувашей и булгары еще не выделились в отдельные племена, но тут же выразил сомнение: «Или, может быть, чувашаи никто иное, как отуречившиеся черемисы?» [Куник 1878: 145]. Язык чувашей очень отличается от других тюркских языков, их религия также не похожа на религии других тюркских народов [Chuvash 1994], заявляют другие. В то же время антропологический тип, этнография (традиционные обряды и верования), народное искусство тяготеют к финно-уграм, а также к кавказцам.

Если исходить из взглядов авторов публикаций, то материнскими лонами исторических предков чувашей являются соответственно Сибирь, Индия и Месопотамия. К первому направлению относим работы Н. И. Ашмарина, В. Ф. Каховского, С. Р. Малютина, Н. И. Егорова, В. П. Иванова. Хронологический диапазон обсуждаемых материалов — с древнейших времен до начала нашей эры. Второе направление представлено фрагментарными высказываниями искусствоведа А. А. Трофимова, ссылающегося на труды Мегасфена, Арриана, Плиния Старшего, охватывает период с древнейших времен и завершается описанием ирано-индийских походов Александра Македонского. Третье направление (назовем его условно шумерским) представлено публикациями Н. Я. Марра, А. А. Трофимова, Г. П. Егорова и Д. Ф. Мадурова. Что касается книг, изданных В. В. Николаевым, то в них размыты все три направления. Таким образом, в предлагаемых гипотезах имеются хронологические провалы, т. к. они не в состоянии объяснить события, происходившие до нашей эры. Теоретически все три предположения должны быть доведены до логического конца — быть доказаны или отвергнуты.

Этнографам известно, что не было и нет чистокровного племени и народа. Можно говорить лишь о синхронном срезе на определенный отрезок времени или о диахронии длиною в несколько веков. История народа — это череда перерождений. Следует писать только о пространственно-временных параметрах племен и наро-

дов. Одновременно полезно распрощаться с иллюзиями и свыкаться со многими вновь открытыми фактами.

В. В. Бартольд историческими предками чувашей признавал гуннов, зафиксированных в истории Китая в III в. до н. э. [Бартольд 1926: 23]. В. Ф. Каховский и Антей Илитвер идентифицировали племена чэши в качестве предков чувашей, основываясь лишь на далеком созвучии. В то же время потомками княжества Чэши в литературе признаются скорее эфталиты.

По мнению Андраша Рона-Таша, к V в. до н. э. началось формирование изоглосс *r/l*, *z/š*. Названные важные для определения этнической принадлежности фонетические варианты он связывает с пратюрками, а пратюркской прародиной определяет Западную Сибирь и прилегающие к ней с юга территории. Однако им же оговаривается, что под прародиной тюрков имеются в виду не исторические регионы их проживания, а регион, где жили пратюрки непосредственно перед распадом их единства. Таким образом, Андраш Рона-Таш началом распада пратюркского единства считает V в. до н. э., а локусом обитания — юг Западной Сибири [Róna-Tas 1998: 67–80]. Однако в раннее Средневековье название «тюрк» распространилось на половине территории Азии. Арабы называли тюрками всех воинственных кочевников к северу от Согдианы. Степняк стал образцом доблести и геройства. Затем этот термин трансформировался и стал названием языковой семьи. По мнению Л. Н. Гумилева, некоторые тюрки (например, балкарцы и чуваше) сложились раньше, чем сами тюрки [Гумилев 1993: 6].

Автор этих строк склонен считать, что положение о чувашах-тюрках не так уж незыблемо. Пока в науке, особенно в языкознании, сохраняется тенденция априорно утверждать о тюркских основах чувашей. Так, Андраш Рона-Таш уверенно заявляет, что существуют два подхода к изучению чувашского языка: «С одной стороны, можно исходить из пратюркских форм и подбирать современные чувашские соответствия к отдельным пратюркским фонемам. С другой стороны, можно исходить из фонетики современного чувашского языка, выявляя затем пратюркские соответствия чувашским звукам» [Рона-Таш 1987: 43]. Он использует оба эти подхода. Обыкновение начинать свои книги и статьи с априорного утверждения: «Чуваши — название тюркского народа», имел М. Р. Федотов [Федотов 1996а: 394]. Этот метод — кредо почти всех

тюркологов, заведомо загоняющих чувашский язык и культуру в тюркскую «одежду». Между тем подход М. Р. Федотова и Андраша Рона-Таша о подборе соответствий ни «с одной», ни «с другой стороны» методологически не оправдан. Такой подход игнорирует все, что не тюркское (шире: не тюрко-монгольское), т. е. преследует заведомо заданную цель. Используя эту методику, можно с таким же успехом найти общие корни чувашей с этрусками, яфетидами, японцами и т. д., что, впрочем, и имеет место.

Среди чувашей можно найти и европеоидный, и монголоидный антропологические типы. Трудность и в том, что невозможно определить этническую принадлежность встречающихся в источниках названий по имеющимся признакам. Чаще всего эти термины обозначают их образ жизни, а не языковую или антропологическую принадлежность. Например, *кыпчаки* — степняки, чье имя происходит от слова «дупло», *уйгуры* — «объединившиеся», *канглы* — «люди в повозках». Также и относительно *хунну*: слово это не носит ни этнический, ни антропологический, ни религиозный признак. «Оно ни турецкое, ни монгольское, а китайское и очень древнее», — писал французский ориенталист Леон Каен [см.: Иностранцев 1926: 15]. Для китайцев хунну были *гуй-фан* — «демонами». Китайцы почти всем своим соседям раздавали уничижительные прозвища. К. А. Иностранцев различал хуннов как турков, а гуннов — как угров. В период расцвета в государство хуннов входили монгольские, тунгусские, корейские и тибетские племена. Однако менялись и они. Так, невозможно поставить знак равенства между подданными Модэ и Атиллы. Ведь «поток событий обновляет этничность, которая не существует вне движения» [Головнёв 2009а: 53].

В целом загадка этногенеза неразрешима без комплексного подхода. При разборе точек зрения оставляю без внимания особенно те, которые имеют априорный и необоснованный характер. Нет доказательств — нет и науки. Даже самая солидная для своего времени книга «Происхождение чувашского народа: основные этапы этнической истории», изданная в 1965 г. В. Ф. Каховским, сегодня вызывает множество упреков. Так, в частности, еще в 1974 г. Р. Г. Кузеев справедливо писал: «Несколько неожиданным является его заключение о том, что „древние болгары и сувары вышли из древнетюркской этнической общности, сложившейся в Семиречье и Центральном Казахстане“» [Кузеев 2010: 391].

Речь идет об априорности основных положений в книге В. Ф. Каховского. Например: «Упоминаемый в письменных источниках этнос *чеши* он (В. Ф. Каховский. — *Прим. авт.*) ошибочно признавал за чувашей» [Димитриев 2014: 79]; но ведь «этноним *чйваш* никак нельзя связывать с названием *чеши/чеши*» [Филиппов 2008: 10]. Впрочем, аналогичных априорных заявлений в обсуждаемой теме предостаточно. Так, брошюра С. Р. Малютина со звучным названием «Этногенез чувашского народа» (Чебоксары, 2000) построена на бессвязных «рассуждениях» ни о чем. Не будем также всерьез разбирать книги любителей-краеведов, публикующиеся в наши дни десятками.

Возможно, достоверная и общепризнанная история предков чувашей начинается со II в. н. э. В середине II в. *Σάβαροι* зафиксированы Птолемеем на Кавказе южнее аорсов и пагиритов. С VI по IX в. на Северном Кавказе шло смешение и взаимовлияние трех основных культур: иранской, угорской и тюркской. Одно из заметных племен — савиры — оказалось в водовороте разноязычных племен. Оно взаимодействовало с соседними племенами, то входя в состав раннегосударственных объединений, то возглавляя конфедерации. Так, савиры оставили отпечаток в этногенезе хазар. Даже в первой половине IX в. тюрки именовали хазар савирами. Тем не менее исследователи продолжают называть савиров тюркокультурными племенами ранних булгар (Например, [Боталов 2007: 236]).

Х Х Х

В целом, из-за априорных констатаций и квазинаучных взглядов проблематика этногенеза чувашей загнана в тупик.

Остальные аспекты по методологии, теории и историографии темы можно найти в других публикациях автора этих строк. В этот раз проанализированы три главные (наиболее вероятные) версии, имеющие место в публикациях о происхождении чувашей, а также рассмотрены факторы влияния/невлияния соседей. А всего этих версий, по подсчетам автора этих строк, четырнадцать. Соответственно, в книгу не вошли еще одиннадцать версий (гуннская, персидская, угорская, восточнославянская, хазарская, восточнофинская, каварская, арабская, сяньбийская, суарская, ухуаньская).

О некоторых из этих менее приемлемых и неприемлемых версий автор имел возможность высказаться [Салмин 2013 (историография, суари); 2015 (восточные финны); 2016a (славяне); 2017 (гуннская, персидская, угорская); 2017a (хазары); Salmin 2015 (кавары)].

В предлагаемой книге уделяется особое внимание наиболее спорным (если не сказать — совершенно новым) эпизодам истории этногенеза чувашей. Ранее опубликованные автором тезисы в этот раз подвергались критическому анализу и уточнялись.

Автор считает делом чести гарантировать коллегам ряд важных условий: не выдумывать события и не выдавать их за исторические (как это часто бывает в самых серьезных монографиях), не фантазировать (хотя в научных реконструкциях фантазия вполне имеет место), оперировать только достоверными фактами (т. е. первоисточниками). Все реконструкции только в пределах реалий. И никаких субъективных выпадов в адрес оппонентов.

Глава 1. САВИРЫ

Согласно имеющимся публикациям, исторические предки чувашей известны как *савиры/сабиры/сувары*. Хотя тезис и остается открытым, он содержит достаточную почву для научных разысканий. Проблема в том, что активно бытуют две наиболее обсуждаемые версии происхождения чувашей: болгарская и суварская. До сих пор безапелляционно главенствовала первая теория, но в последнее время вторая приобретает более достоверные черты [Димитриев 1958: 50; Булатов, Димитриев 1962: 226–236; Каховский 1972: 200–217; Таймасов 2001: 7–33; 2011: 140–141; Мухамадиев 2011: 80, 86; Salmin 2013: 197–201]. Чтобы проверить истинность той или иной версии, нужны аргументы в виде системы фактов. Попытаемся их выявить и проанализировать.

Этнонимика

В 1925 г. Н. И. Ашмарин в письме к автору брошюры «О происхождении чуваш» М. П. Петрову писал, что «слово „чăваш“ до сих пор еще научно не было объяснено: все существующие объяснения были неудовлетворительны» [Петров 1925: Прил. 2]. Попробуем проанализировать не решенную и по сей день проблематику. Для этого обратимся к источникам и наиболее заметным толкованиям.

В первой половине II в. н. э. Клавдий Птолемей зафиксировал этноним *Σάβαροι* [Ptolemae 1843: 171; Птолемей 2009: 186].

У греческого грамматика Элия Геродиана (первая половина III в.) имеет место *σάπερ/σάπεю* [Guilielmi 1823: 51].

Сапиров в IV в. упоминает Псевдо-Орфей в своем произведении «Поход аргонавтов» [Псевдо-Орфей 1948: 268]. В «Римской истории» Аммиана Марцеллина этноним зафиксирован в форме *Sapires* [Ammianus 1970: 26; Аммиан 1996: 255], это 361–362 гг.

Стефан Византийский в V в. писал: «*Сатиры* (Σάπειροι), народ Понтийской области, ныне называемый через β — *сабирами* (Σάβειροι)» [Stephan 1849: 555]. В другом месте у него находим варианты Σάπειο и Σάσπειο [Stephan 1849: 166]. Несомненно, во всех перечисленных источниках речь идет об одном и том же племени: *сатирах/савирах/сабирах*. Просто византийцы произносили вместо звука *в* звук *б* (не *Византия*, а *Βυζάντιο*, не *варвар*, а *βαρβαρό*). В большинстве старых славянских заимствований из греческого языка эта буква передается звуком *в* (например, *Βασίλειος* — *Василий*). Обе формы отражены в византийских источниках. Кстати, звук *б* урартских клинописей в армянском языке аналогично передается звуком *в* [Тер-Саркисянц 2015: 42]. Лингвисты также указывают переход **w* → **b* в прасеверокавказских и праиндоевропейских языках [Старостин 2007: 358]. То, что *v* и *b* являются фонетическими вариантами, писали и другие исследователи [Németh 1929: 81–88; 1991: 150, 153, 265]. Например: **tävä* → **täbä* «верблюд»). У Ксенофонта (ок. 430–355 гг. до н. э.) встречаем армянский антропоним *Сабарис*. Так звали младшего сына армянского царя [Ксенофонт 1993: 58]. Тут надо учесть, что имеем факт персидского влияния + греческое окончание *-ис*.

В целом историки идентифицируют этнонимы Σάβιροι, *Sapires*, *Savares*, *Saviri* [Буданова 2000: 335, 342, 345].

Этимон слова *савар/сатир/савир/сабир/сувар* восходит к персидскому *sāvar* — «всадник», «наездник», «умелый» [Миллер 1953: 294], на кл. перс. *savār*. В османском диалекте слово приняло форму *сѳвар* [Радлов 1905: 851]. В сасанидском войске имелись привилегированные корпуса *асавира* (*asawîra*, в новоперсид. — *sawâr/suwâr*, *asâwîra*). Их набирали из аристократического сословия, и они составляли основную ударную силу. *Асвары* находились в боевой готовности. Так, в 32 г. х. (654 г.) эмир ал-Ахнав б. Кайса написал наместнику персидских шахов в Армении Базану, а также всадникам (*асавира*) и иранцам с предложением вместе с всадниками принять ислам [Ат-Табари 1987: 34]. Из письма ясно, что всадники-асавиры занимали в персидском обществе привилегированное положение и от их приверженности зависел успех государства. Из истории Персии также понятно, что *asawîra* и *asavar* — грамматические варианты одного и того же слова. Поэтому следует констатировать, что форма Σάβαροι (перс. *savār*) в птолемеевской фиксации является фонетическим вариантом слова *савиры*. Аналогичная точка зре-

ния была высказана еще в XIX в. [Забелин 1876: 371]. Об этнонимах *савар* и *сувар* как вариантах пишут многие исследователи. Например, [Гейбуллаев 1986: 18]. Кстати, Юлиус Немет писал о трех племенных подгруппах венгров, под которыми они были известны соседним племенам: *оногуры*, *тюрк* и *савар* [Немет 1963: 131].

Как известно, сванские имена существительные имеют несколько видов множественного числа. Наиболее часто используемыми аллоформами являются *-ær* и его варианты: *-æł*, *-æ:r*, *-æ:l*, *-i:r*, а также *-ar/-al/-a: r/-e: l* [Tuite. A short]. Например, этноним «сваны» в основном выступает лишь во множественном числе: *šwan-är*; форма единственного числа *-tə-šwan* [Климов 1964: 174]. Но суффикс *-är* как основная форма множественного числа обычен также в грузинском и мегрело-чанском языках [Дондуа 1975: 72]. О суффиксе множественного числа *-ar* в кавказских языках писали и другие исследователи [Дьяконов 1968: 193]. В основном фонде чувашского языка множество слов с окончаниями на *-ar*, *-ur*, *-ac*, *-aш*. Например: *кавар* — «уговор», «заговор» (чуваш. «восставший», «смешивать»); *янавар* — «животное», «несмышленный» (от перс. *джан-вār* — «имеющий душу»); *кāвар* — «жар», «горячий уголь» (от иран. *хвар* — «солнце», «огонь»); *чукмар* — «дубина» (от звукоподр. *чок*); *Пихампар* — название божества (от перс. *пэйамбар* — «пророк, посланник»); *хыпар* — «весть» (от араб. или перс. *хābār* — «весть»); *масар* — «кладбище» (от араб. или перс. *мāзар* — «могила», «место посещения»); *пасар* — «базар» (от перс. или араб. *базар*); *ка-вир* — «ковёр» (ср. название пустыни *Кавир* в Иране); *кёшемир* — «кашемировый», т. е. изготовленный из пуха горной козы (Индия, Иран, Афганистан); *пāхаттир* — «богатырь» (от др. — монг. *баһадур* и перс. *пāһлāван*); *кефир* — «кефир» (ср. мегрел. *kīpuri*, балкар. *гәрә*, осетин. *кæрукæри*); *палас* — «палас» (от перс. *пāлас* — «грубый шерстяной ковер без ворса»); *атлас* — «атласный» (от араб. *aṭlas* — «гладкий»); *йāваш* — «тихий, смирный» (от перс. *йāваш* — «тихий») [Егоров 1964; Скворцов 1985; Желтов и др. 2009]. В этом же ряду этнонимы *авары*, *кавары*, *сапирь*, *савары*, *савирь*, *сувары*, *булгары*, *хазары*, *балкары*, *мадьяры*. Все они являются обитателями Кавказа. Большинство слов из данного ряда восходит к персидскому языку. Также можно, исходя из вышеизложенных доводов, говорить об универсальности форм множественного числа у всех перечисленных племен. Упрощенно говоря, во всех случаях

к основе этнонима прибавляется один и тот же аффикс — *ar*, указывающий на множественность. Одновременно этот длинный ряд слов свидетельствует об историческом переходе звуков *p* → *c* → *ш* в этнонимике. Как видим, в нескольких кавказских языках (а также в табасаранском, агульском, рутульском, будухском, лезгинском, крызском) показатель множественного числа также имеет облик — *ar/-är*. А в хиналугском и удинском языках суффикс множественного числа представлен в варианте *-r*. Однако такая же картина встречается в чувашском языке: *эпĕ* «я» + *p* = *эпĕр* «мы». Эта форма в чувашском языке раньше могла встречаться чаще [Дерфер 1986: 111–112]. Также имеется мнение о переходе *-ar* в *-аш* (*сувар* → *суваш* → *чуваш*) [Мухамадиев 1980: 134].

В армянских источниках (Иоанн Католикос и др.) встречается форма *севордик*. Народная этимология гласит, что *севордик* значит «черные дети». По поводу такой этимологии крупный знаток армянской истории, этнографии и филологии Кероп Патканов (Патканян) недоумевал и признавал: «Не знаю, почему... Едва ли так» [Патканов 1877: 51]. Действительно, армянское слово *сий-ав* «черный» никак не связано с этнонимом *савир*. Прав и Йозеф Маркварт, считавший **Sev-ordik* «черные дети» армянской народной этимологией [Marquart 1903: 69].

Римские, греческие, иранские, армянские, сирийские и арабские авторы писали об этом народе, искажая этноним каждый на свой лад. В древних и средневековых рукописях он передавался через согласные *с. в. р.*, где гласные звуки восстанавливаются исходя из правил консонантизма. В сочинении Ибн-Хордадбе-ха, у Иосифа и в подлинном документе хазарских евреев Киева так и написано: «SWR» [Прицак 2003: 56]. В 658 г. на фоне распада Западно-тюркского каганата в северо-восточных предгорьях Дагестана на основе раннефеодальных отношений образуется государство Сувар со столицей Варачан. Эту дату следует считать переходной для этнонима *савир* в *сувар*. Должно быть, смещение произошло из-за арабско-исламской экспансии на Кавказ (ср. арабские антропонимы и топонимы *Сувар*). Именно с этого времени начинают появляться на Кавказе этнотопонимы с основой *Сувар*. Например, *Билясувар* на азербайджанско-иранской границе. Здесь таких объектов несколько: село, таможенная застава, урочище. Исследователи считают, что это следы обитавших в этих местах суваров.

На языке гебров рассматриваемый этноним имел форму *sâvîr*, а тюрки называли их *s^abîr* [al-Masûdî 1894: 83; Golden 2013: 52]. Вариант *s^abîr* означает «допустимые», «терпимые», «сносные», что, впрочем, вполне согласуется с поговоркой: *Чăваш — йăваш* «Чуваш — смиренный, кроткий». В поэме Юсуфа Баласагунского «*Qutadğu bilig*» (чуваш. *Хăтлă нĕлĕ* «Знание, приносящее счастье», XI в.) зафиксированы арабские термины *sabîr* и *sabur* в значениях «терпеть», «терпение». В чувашском языке арабское *sābr* и персидское *sabr* сохранились в виде *санăр* «тихий», «смиренный», «кроткий». В турецком — *sabir*, кабардино-балкарском и татарском — *сабыр*. Производные значения — «миролюбивый», «деликатный», «снисходительный». Однако еще раз заметим, что *сабыр* — это исламизированное название.

Это же племя в арабских источниках известно и как *савардиия*. Йозеф Маркварт писал о савирах и мадьярах как об одном народе *Sevordik' (Magyaren)* [Marquart 1903: 428]. Дюла Немет указывал, что венгры были известны под этнонимом *savardi*. Этноним *savardi* он отождествлял с этнонимом *savir* [Németh 1929: 81–86]. В. П. Шушарин полагал, что саварты — это мадьярские племена, оставшиеся на востоке, в так называемой Великой Венгрии [Шушарин 1997: 112, 157, 159]. Если в терминологии Константина Багрянородного *саварты-асфалы -т* примем за условно допустимый древнетюркский аффикс множественного числа [Мухамадиев 2011: 60], то слово *Σάβαρτοι* будет означать *савар* + тюркский аффикс множественности *-t* + еще аффикс множественного числа *-οι* из греческого языка.

Ибн Фадлан вполне отчетливо упоминает племя *сувар* в составе Волжской Булгарии. Отъехав с зимней стоянки, Алмуш «захотел, чтобы произошла перекочевка (племен), и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним» [Ибн-Фадлан 1956: 139]. Р. Г. Фахрутдинов верно полагал, что Ибн Фадлан писал о суварах, а не о сувазах [Фахрутдинов 1986: 97]. Естественной следует считать констатацию, что «волжские сувары являлись потомками кавказских сувар (савиров)» [Каховский 1972: 215]. И, по мнению Питера Голдена, сувары Поволжья имеют (родственные) связи «to be connected» с сабирами (савирами/саварами), которые ассоциируются с Северным Кавказом [Golden 1980: 87; 2008: 235]. А. П. Смирнов признавал, что упоминаемые

Птолемеем савары, откочевавшие из района р. Кубани савиры и основавшие г. Сувар на Средней Волге сувары есть одно и то же племя [Смирнов 1951: 11]. Предков чувашей в составе Волжской Булгарии в литературе идентифицируют как саваров и называют «савары-чувашаи». Например: «Савары-чувашаи, буртасы и финские насельники возделывали поля, сеяли пшеницу, ячмень, просо, а собственно болгары торговали хлебом с суздальскою землею по Волге и Оке» [Спасский 1912: 226]. Прямую историческую связь между этнонимами *savar*, *savir*, *saṽir*, *sabir*, *sabar*, *suvar̃in*, *suvar̃* и мадьярскими антропонимами *Szavárd*, *Szovárd*, *Zuard* видел Дюла Немет. Согласно его мнению, вариант мадьярского этнонима *szavardi* также является производным от этнонима *sabir* [Németh 1991: 17, 131, 150]. М.Р. Федотов на совокупности приводимых предпосылок утверждал об исторической преемственности марийского *сувас* (*suvas*) и чувашского *чăваш* (*tʃăvaš*) [Федотов 1996а: 399]. О преемственности этнонимов *савар* → *савир* → *сувар* → *сăвар* → *чуваши* (или: *сувары* ≈ *сабиры* ≈ *савиры*) писали и другие исследователи [Март 1935: 401; Мухаметшин, Хакимзянов 1987: 12]. Например: «Национальное название чувашей возникло от названия племени савиров-суваров-сувазов» [Димитриев 1962: 23].

Следует также иметь в виду, что г. Сувар в Волжской Булгарии имеет чувашское название *Сăвар*. Нынешние населенные пункты — с. Кузнечиха и д. Новая Кузнечиха на месте бывшего г. Суvara — чувашаи называют *Кивĕ Сăвар* «Старый Сувар» и *Сĕнĕ Сăвар* «Новый Сувар», а татары — соответственно *Иске-суар* и *Янгя-суар*. Их русские названия распространены только среди русских, писал Гайнутдин Ахмеров, первым обследовавший в XIX в. это городище.

Махмуд Кашгарский зафиксировал г. *ас-Сувār*, расположенный вблизи г. *Булгār* [Ал-Кашгарī 2005: 409]. По поводу названия г. Сувар В.В. Бартольд сделал существенную оговорку, приняв его за название племени [Бартольд 1968: 66]. Аналогичного мнения придерживаются многие исследователи. Например, [Смирнов 1951: 26]. В рукописи марокканского географа ал-Идриси (сочинение написано в 1154 г.) говорится: «Буртасы следуют за хазарами, и нет между ними и хазарами другого народа. Они имеют деревянные дома, а также войлочные палатки. У них [есть] два города — Буртас и Сувар» [Ковалевский 1954: 25]. Пока оставим выяснение историко-этнографических обстоятельств и уточнение местополо-

жения этих городов, а лишь заметим, что в 1154 г. зафиксировано название г. Суvara, передающее название одноименного племени. Естественно, слово *сувар*, как и *булгар*, было в одно и то же время и названием племени, и названием города.

Весьма примечателен и взгляд Йоханнеса Бенцинга, который считал, что этноним *savar* (чуваш. *săvar*, татар. *suar*) может представлять собой результат фонетического развития этнонима *sabir* [Бенцинг 1986: 26]. Он связывает в единую линию этноним *săvar* и имя *Savar*, зафиксированное в 1322 г. на могильном камне в Булгарии: *Savar ioli Ağnab* «Агнаб — сын Савара». Притом такие надписи типичны. Например: «Сувар, сын Мухмуда, внук Филадельфа, правнук Шагима Мелика»; «Сувар, сын Хасана Геира Бедука» [Эрдман 1832: 1221, 1227]. Несомненно, речь идет о потомках исламизированных суваров. Таким образом, мы имеем прямую перекличку поволжских эпитафий с зафиксированным во II в. Птолемеем этнонимом *савар*.

Чуваши-сувары как народность сформировались в Волжской Булгарии, точнее, в ее южной части, а завершился этот процесс на правобережье Волги в X–XV вв. С начала же X в. в Волжскую Булгарию входили местные племена: черемисы, вотяки, мордва и русы. Следы суварских субстратов сохранились до сих пор в Чувашии в виде топонимов. Например, в Красноармейском районе имеется д. *Супар* (в произношении *Субар*). Дорогу, идущую из д. Муньялы Вурнарского района через Большой овраг (*Майн сирма*) в волостной центр, местные жители называли *Саваш сүлэ* «дорога Саваш» [Терентьева 2013: 224], видимо, изначально *Сăваш*. Ручеек *Савартер* имеется в Красноармейском районе. В числе зарегистрированных чувашских антропонимов есть такие, которые прямо указывают на этнический состав Волжской Булгарии: *Булгар*, *Савир*, *Савирка*, *Саврик*, *Саврила*, *Чуваш*, *Аварин*, *Авер*, *Хосар*, *Касар* и др. [Магницкий 1905].

Из «Слова о погибели Русской земли» известно, что буртасы, черемисы, веда и мордва бортничали на великого князя Владимира (970–1015 гг.) [Слово 1969: 326]. Упоминаемый здесь народ *веда*, живший между черемисами и мордвой, несомненно, чуваше. Также присутствует этот термин в форме топонима *Веда-Суар* на карте Фра Мауро от 1459 г. на месте нынешнего г. Чебоксары. *Веда* — искаженное чувашское слово *вăта* «средний», *суар* — вариант

этнонима *сувар*. В Чувашии и ныне есть множество названий населенных пунктов, содержащих слово *в́а́та*: *В́а́та Пукаш*, *В́а́та Унакасси*, *В́а́та ел* и т. д. Основателями населенного пункта Веда-Суар были рыбаки — предки чувашей. По поводу нынешнего названия Чебоксар — *Шунашкар* — Н.Я. Марр писал: «Очевидно, этот „Шубаш-кар“, т. е. город шубашов или суваров, — тот город эпох болгарского владычества, который арабские географы называют *Suvār*’ом, т. е. чувашем» [Марр 1935: 369]. Заметим: признавая однозначность *шунаш* и *сувар*, Н.Я. Марр одновременно указывал на переход звука *p* в *ш* в конце этнонима. Он также справедливо идентифицировал этнонимы *сувар* и *чуваш*.

Как утверждал Карл Фукс, этноним *чуваши* впервые появляется в 1469 г. В этот год хан Ибрагим провел перепись земли Казанского ханства. Согласно ей, к жителям нагорной стороны, к горным людям, причислены чувашаи, черемисы, мордва, можары и тарханы. Карл Фукс при этом сослался на «Полное собрание русских летописей». Сама ссылка выглядит так: «Сузд. VI. 234. Царств. кн. 772» [Фукс 1914: 4]. Однако ни в указанных местах, ни по ПСРЛ в целом упоминание чувашей под 1469 г. не зафиксировано. Видимо, Карл Фукс располагал неопубликованным документом, пока нами не обнаруженным, например, оригиналом или копией ярлыка, принадлежавшего хану Казани Ибрагиму. Тем не менее есть основание считать, что первое письменное упоминание чувашей было сделано именно в 1469 г. Источниками являются летописи. В них имеется запись, сделанная в 1469 г., под названием «Послал князь велики судовую рать на Казань». Это повествование о походе российских войск на Казань по Волге. Накануне и после боя московские суда останавливались «на Ирыхове острове на Волзе» [ПСРЛ 8: 156; 12: 122; 18: 222]. К тому же по пути из Новгорода в Казань московские войска «начевали на Чебоксари, а от Чебоксары шли день весь да и ночь ту всю шли и приидоша под Казань» [ПСРЛ 12: 121; 18: 221; 22, 1: 472]. Согласно Софийской и Львовской летописям, в 1470 г. русские войска под предводительством Ивана Руно также встали «на Ирыхове острове на Волзе» [ПСРЛ 6, 2: 168; 20, 1: 281]. В Патриаршей летописи говорится о событиях 1552 г. «на Волге у Ирохова острова» [ПСРЛ 13: 175]. Исследователь истории чувашей В.Д. Дмитриев справедливо принимал слово

Ирых за название чувашского божества *Йёрёх*. Расположен *Йёрёх утравё* «остров *Йёрёх*» в 20 верстах выше Казани [Димитриев 2003: 44]. Действительно, слово чисто чувашское, будь оно татарское, мы бы имели *Ирык* вместо *Йёрёх*. Таким образом, следует утверждать, что в 1469 г. в 20 верстах выше Казани, по Волге, зафиксировано чувашское название острова. Видимо, на острове люди не жили, он служил чувашам святилищем для совершения молений. Несколько выше по Волге, напротив п. Шомиково, было еще одно аналогичное островное святилище под названием *Амаксар*. Оно затоплено после ввода в строй Чебоксарской ГЭС в 1980 г. Иначе говоря, иметь на волжских островах (т. е. в наиболее труднодоступных и укромных местах) святилище было характерно для верховых чувашей и горных марийцев.

Второе (непосредственно — первое) описание событий близ Казани, в которых зафиксирован этноним в форме *чуваши*, выглядит так: «Тогда же нечестивый царь, со всеми своими князи и мурзы, и со многим поганским народом, не токмо живущими во граде, но и из дальних мест пришедшими, изшед из града в поля, стояше в шатрах около града, во время праздника своего поганского, нанье приходяху народы татарские и черемиские и чувашские, и пребываху ту пиюще и веселящися многи дни, и куплю между собой деюще» [Лызлов 1787: 96].

В третий раз этноним *чуваши* в форме *чюваша* зафиксирован в 1510 г. в «Жалованной льготной и несудимой грамоте Василия III каринскому татарину Девлечьяру Магмет Казыеву сыну на деревни в Чепецком стане Хлыновского у.» (РГАДА. Ф. Уфимской приказной избы. Оп. 1. Д. 862: 9–10) [Гришкина 1988: 35–36]. В документе говорится, что в Чепецком стане «жили наши люди чюваша на Якимцове и на Иштинникове».

Затем следует назвать упоминание чувашей (*Schuwaji*, *Czubashi*, *Zuwaschi*) Сигизмундом Герберштейном в 1517 и 1527 г. [Герберштейн 1988: 129, 173].

Чюваши упоминаются также в царских грамотах и летописи под 1522, 1524 и 1548 г. [Грамота 1905: 81; ПСРЛ 31: 127; Акты 1836: 209]. В 1552 г. всплывает летописное упоминание об острове *Иерех* в связи с казанско-московскими противостояниями. Говорится о событиях «на Волге у Ирохова острова» [ПСРЛ 29: 71, 170]. В «Списке с писцовых книг по г. Казани с уездом» за 1567 г.

также упоминается Ирехова заводь у р. Волги, на месте впадения речки Сумка [Невоструев 1877: 73]. На современной карте это примерно в районе г. Зеленодольска.

Таким образом, пока выстраивается следующая сокращенная схема происхождения этнонима *чăваш* «чуваши»: *савар* → *савир* → *сабир* → *сувар* → *суvas* → *суваш* → *сăваш* → *чăваш*. Пример из словаря В. В. Радлова: *Кірăк суваш, кĕрăк чĕрмĕш, кĕрăк ар, кĕрăк нĕдĕ кишĕ булсын барысыда алланьч, мăндăлăрĕ ĩкăн!* «Будь это чуваш, черемисы, вотяки или другие какие-либо люди, все они рабы Божии» [Радлов 1899: 1354–1355]. Кстати, в Сабинском районе Республики Татарстан имеется село с названием *Субаш*, а в Арском районе — *Субаш-Аты*. Это еще одно подтверждение того, что этноним *суваш/субаш* в Средние века на Средней Волге имел распространение. В данной деревне к тому же проживают татары-кряшены, своими традиционными обрядами и верованиями предельно близкие чувашам [Исхаков, Николаев 2014: 32, 56, 64]. В. В. Радлов зафиксировал и форму *сăваш* [*сăваш, сьăваш*] [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 107: 2833]. По мнению Н. И. Ашмарина, слово *тăваш* [*тăваш*] последовательно прошло через стадии: *јуаś, сјуаś, цуаś, цуаш* (*чуаш*), *цываш* (*чываш*) [Ашмарин 1902: 132]. О. Г. Большаков также считает верной указанную схему. В частности, он уточняет, что арабское *с* часто заменяет отсутствующий в арабском языке звук *ч*, отсюда: *суvas* → *чуvas* → *чуваш* [Большаков 1971: 67]. Башкиры и татары до сих пор называют чувашей *сыуаш* или *чуаш*. Разбирая упоминание названия города *Сувар*, И. Г. Коновалова также замечает, что «начальное *сад* в слове *Сувар* у ал-Идриси можно рассматривать как передачу звука 'ч', отсутствующего в арабском языке» [Коновалова 2006: 244]. Дело в том, что мы, изучая арабские источники, фактически учитываем только письменное начертание, а не их произношение. Ссылаясь на надгробные памятники Волжской Булгарии, Азгар Мухамадиев отмечал, что буква *с* обычно пишется оригинальным образом: с тремя точками внизу. Это явный признак того, что данная буква имела своеобразное произношение, среднее между буквами *с* и *ч* [Мухамадиев 2011: 87]. Здесь уместно разъяснение Питера Голдена, изложенное в письме к автору этих строк от 2014 г.: «В арабском, древнееврейском и сирийском языках отсутствует фонема *ч*. *Ч* передается через букву *ц* (древнееврейская צ, или арабская ص *с* так

называемая эмфатическая *с*, похожа на русский *с* перед *ы*) из семитских языков, арабский сохраняет более древнее произношение *Ṣ*. В древнееврейском и сирийском, быть может, уже на рубеже нашей эры, *Ṣ* стали произносить как *ц*. В X в. арабский *гим* стали произносить как *джим* (ج). Раньше арабоязычные источники передавали тюркские имена и титулы вроде *külčur/külčor* как *لوصروك* (*kûrşûl*) — *ṣ* передает *ч*».

Сюда же относим фонетический пример чередования *с* → *ш*: *су-ваз/сувас* → *чуваш*. Ср. также: *сенкер* → *шенкер* «голубой цвет», *салам* → *шелом*, название хеттской столицы *Хаттусас/Хаттушаш*, историческая область в Закавказье *Сакасен/Шакашен*, *сумеры* → *шумеры*, *сахар* → *шекер*, а также название армянской провинции *Чуаш* и марийское произношение этнонима чувашей в форме *суас*. Об этом же свидетельствуют китайские и монгольские источники начала XIII в.: *Сибир* → *Шибир*. В. Г. Егоров, сопоставляя *сувас*, *шупаш* и *чуваш*, определил особенности языка предков чувашей. По всей вероятности, писал он, само название племени — *сувас*, *суас* — приняло форму *чуваш* (*сувас*, *суас* → *шувас*, *шпас* → *шуваш* → *чуваш*) [Егоров 1971: 10]. Как видим, происходил исторический процесс перехода звука *с* в *ш* и *ч*: *сувас/суваз* → *суваш* → *чуваш*.

В длинном ряду языковых различий *з* — *р* и сам этноним *су-ваз/сувар*. А. П. Ковалевский верно назвал их диалектными различиями [Ковалевский 1956: 21, 35]. Вместо *з* и *р* в арабской графике мог быть и звук *н*, *суван* — это еще один вариант этнонима. Впрочем, именно этот вариант чтения в рукописи Ибн Фадлана считают правильным некоторые казанские исследователи и называют его реально бытовавшим этнонимом [Юсупов 1971: 221; Фахрутдинов 1986: 97]. Действительно, аналогичные варианты в истории встречались, например: *tatar* ~ кит. *датань* или *тань-тань*; *taḫwâr* ~ кит. *давань* или *даюань* «тохары». Среднекитайский *-нь* часто передается как *-р*. Форма *суан* встречается у Приска Панийского. Характеризуя события 468 г., он, в частности, писал: «Римляне и лазы были в сильном раздоре с суанами (*Σοῦαννων*). Этот народ (суаны?) готовился к бою. Когда персы хотели воевать с ним (Лазским владетелем?) за замки, отнятые у них суанами, то он отправил посольство к царю (Византийскому), и просил, чтоб выслано было к нему войско, охранявшее пределы Римской Армении» [Prisc 1829: 164–165; Приск 1860: 97]. У Менандра суаны (*Σοῦανδν*,

Suani) также имеют место. Комментаторы Менандра называют суанов близкими по происхождению к лазам племенем (Suani, gens Lazis finitima) [Menandr 1829: 225, 407; Дестунис 1860: 339–365]. Интересно отметить, что форма *суаны* является также вариантом грузинского рода *сваны*. Сюда же отнесем *Суанию* (*Сванетию*). По-моему, Г. Ф. Миллер необоснованно считал ошибкой написанную Ф. И. Страленбергом фразу *rudera urbis Bulgan* «остатки города Булган». Он полагал, что у Страленберга погрешность, а надо было, как и восточные авторы, писать *Булгар* [Миллер 1791: 4–5]. Однако, скорее всего, Ф. И. Страленберг в начале XVIII в. зафиксировал редкий (но верный) факт написания названия столицы Волжской Булагрии в форме *Булган*, т. е. мы имеем пример фонетических вариаций консонантных звуков *p* — *z* — *n*. К тому же в арабской графике все эти буквы имеют сходные начертания.

Булгары называли своих соседей экзоэтнонимом *сувазы*, вариантом которого является слово *сувары*. Зигизмунд Герберштейн в первой половине XVI в. использовал две формы: *Zuwaschi* и *Czubashi* (*w* = *b*) [Герберштейн 1988: 170].

Старой чувашской формой этнонима был **šăvaś/čăvaś* «жертвоприноситель», пишет Н. И. Егоров. Он полагает, что старочувашская форма **šăvaś* в конечном итоге восходит к древнетатарскому апеллятиву **jajučï* — «жертвоприношение» (< *jaju* — «жертвоприношение»; < *jay* — «приносить жертву») [Егоров 2012: 38–39]. Против такого видения выступал В. Д. Димитриев: «Даже остепененные чувашские филологи стали утверждать, что этноним *чăваш* произошел от созвучного ему слова *čăva* „могила“, означающего якобы язычника» [Димитриев. Фальсификация]. Тем не менее, с фонетической точки зрения (*ç* → *ч*), взгляд Н. И. Егорова (*čăvaś* → *чăваш*) вполне допустим. Выступление фонемы *ç* вместо тюркских фонем *й* ~ *ж* ~ *жç* ~ *дь* ~ *ч* — особая, характерная черта чувашского языка [Баскаков 2008: 106]. Должно быть, это явление более древнее. Аналогичный факт имеет место в случае с марийцами: *čarmās* → *черемис* (*ç* → *ч*). По мнению Р. Г. Ахметьянова, *šūāš* → *чюваш* → *чуваш* могло означать «крестьянина, земледельца». С таким видением соглашается Д. М. Исхаков. Он считает, что *šūāš* в Казанском крае функционировало как обозначение оседло-земледельческого тяглого населения «черные люди») и вполне могло быть использовано как этническое определение [Исхаков 1998: 94, 95].

Чувашей, проживавших в северных районах современной Чувашской Республики, в официальных документах часто называли черемисами. Или же в одной и той же грамоте писали в одном месте *чуваши*, а в другом — *черемисы*, особенно в XVI–XVIII вв. Исследователи на такой факт обращали внимание не раз. Например, в письме одного иезуита от 1712 г. находим слова: «Я проехал через землю нагорных черемис, обыкновенно называемых чувашами» [Милан 1904: 206]. Анализ путаницы этнонимов «черемисы» и «чувашы» см.: [Димитриев 1964: 118–132]. На этот раз укажу еще на две редко цитируемые публикации: [Магницкий 1900: 20–24; 1903: 24–43]. Здесь приведены материалы 1524–1877 гг., относящиеся к присурским чувашам. В грамотах и любовных записях о тяжбах на землю и оброчных деньгах чувашей Ядринского и Курмышского уездов, как правило, назывались черемисами, хотя речь идет явно о чувашских деревнях (Сорма, Хочашево, Тораево, Абашева, Токшихова, Чурашево, Яушево, Лебедкино, Аккозиной, Новые Атаи, Кумашка и т. д.). По этому поводу В. К. Магницкий в своих публикациях документов справедливо делал пометки типа: «Селения, помеченные нами цифрами 2, 3... 9, все издревле чувашские»; «Приводимая ниже грамота может служить указателем того, до какой степени произвольно в старые годы приводились в грамотах названия инородческих племен».

Соседние мордва предков чувашей звали *ветке*. Так, И. Г. Георги по этому поводу писал: «Чуваши, которые так называются ими самими и русскими, мордвинами называются *Wiedke*, а черемисами — *Kurk Mari* (горными людьми)» [Georgi 1776: 38]. Согласно Г. Ф. Миллеру, «и сейчас можно услышать, что мордва называет их *Wiedke*, каковое название, однако, впоследствии было перенесено на вотяков и на заселенную ими реку Вятку» [Миллер 2009: 39]. Аналогичное видение зафиксировано в «Истории» В. Н. Татищева и в «Географическом лексиконе Российского государства» [Татищев 1963: 207; Полунин, Миллер 2012: 463]. В мордовских народных песнях чувашская земля называется *Веткень мастор*. Мордва, проживающая в Чувашской Республике (с. Малые Кармалы и Атрать), также называет чувашей *ветке* [Мокшин 1978: 282]. Г. Ф. Миллер привел еще один вариант, согласно которому мордва называла чувашей *вьедене* [Миллер 1791: 33].

В русских летописях XVI в. под термином *чюваш* однозначно имеется виду этноним, а не социальный слой без этнической определенности, как это хотят преподнести некоторые казанские историки и этнографы. Например: «Казанских людей побили многих и языков, татар, и черемисы, и чюваши» [ПСРЛ 6: 37]; «И на том бою многих князей и мурз и татар и черемису и чювашу избиша»; «И Магметь с товарищи государю били челом ото всея Горние стороны, от князей и мурз и сотных князей и десятных и чювашей и черемисы и казаков» [ПСРЛ 13: 164]. Кстати, в документах XVII в. по Казанскому уезду (Зюрейская, Арская и Алатская дороги) присутствует не только форма *чюваш*, но в одних и тех же рукописных книгах и спорных земельных делах писали *чуваши*, *чювас*, *чюваш*, *чювашенин*, например: «чуваши Янус Ишеев», «чюваша дер. Ашермы», «чювасская земля», «чювашенин Чемейка Чепает», «чуваши д. Мереть», а также «дер. Чюваши» [Яковлев 1950: 11–25, 67]. В отписях, наказных памятях, грамотах, челобитных и в других исторических записях 1656–1673 гг. также часты варианты этнонима *чуваши* в виде *чювас*, *чювашенин*, *чюваш*, *чювас* [Мустафина, Амерханова 2008: 16–56]. Например: «Чюваша турмышевские всею деревнею». В 1658 г. Онофрейко с товарищами совершили разбой в д. Норваш (в нынешнем Батыревском районе) и забрали у чювашенинов много добра, в том числе дорогие женские украшения: *сарбаны* (*сурпаны*), *кашпов* (*хушту*) и *тафьи* (*тукъя*). Следуя «логике» некоторых казанских историков и этнографов, в данном случае можно сделать абсурдное утверждение: оказывается, «чюваши-татарки» массово жили в глубинной, чисто чувашской деревне. Тогда получается, что в это время в Казанской и Симбирской губерниях вообще не было чувашей, только татары. Вот такой абсурд.

То, что *чюваш/чюваш* — это этноним для этнических чувашей, признает и казанский этнограф [Исхаков 1998: 93]. Однако этот же автор в другой работе пишет, что в Казанском ханстве государствообразующий этнос состоял из двух сословий: феодалов разного ранга из «татар» и «черной» части — ясачных чувашей (или бесермен). Оказывается, эти ясачные чуваша значительно превосходили собственно татарскую часть в Казанском ханстве [Исхаков 2001: 103–105].

Кстати, документы свидетельствуют о фонетических преобразованиях *с* → *ш* (*чувас* → *чуваши*). Говорить, что *чуваши*, *чюваши* и *чювашенин* — социальные термины или политонимы, просто нелогично, ибо они перечисляются наряду с другими этнонимами (*черемис*, *татар*, *татарин*, *татаровя*, *вотьяк*, *мещеряк*) в одних и тех же текстах. Например: «...и чювашу, и черемису, и вотьяков» [Яковлев 1950: 163]. А также в документах уточняется религиозная принадлежность: «А велено сыскать всякими многими людьми всякими сыски накрепко, рускими людьми по святей непорочной евангильской заповеди, а чувашею и черемисою по их вере по шерти» [Яковлев 1950: 151].

Согласно писцовой книге Казанского уезда 1602–1603 гг. (т. е. в непосредственной близости к Казани), среди чувашей были люди, обслуживавшие господское хозяйство «люцкие чувашские дворы»), одинокие крестьяне без земельного надела (бобыли), зависимые от помещиков крестьяне, платившие дань продуктами или деньгами, а также платившие исключительно натуральный налог (ясачные). Притом в этом уезде преобладали служилые татары и ясачные чуваша. Их земли были размечены и четко разделены: «Направе земля и луги служилых татар, а налеве земля и луги ясачные чуваша» [Степанов 1978: 104].

Служилых чувашей в Казанском, Свияжском и Чебоксарском уездах почти не было, ибо чуваша, перешедшие из ясачных в служилые, тут же стали именоваться татарами. В купчих грамотах они также указаны как «новокрещены из служилых татар» [Насыров 2016: 182], что для последней трети XVIII в. выглядит явным анахронизмом. Так как служилых чувашей в документах записывали как «служилых татар», то им ничего не оставалось, как назваться именно так. В противном случае они не могли претендовать даже на наследство своих предков. Не вызывает сомнений, пишет А. С. Смирнов, ссылаясь на писцовую книгу 1602–1603 гг., что ясачными людьми в Казанском уезде на начало XVII в. были преимущественно представители чувашской народности. Имеются данные, что поместье служилого татарина Сабакая Еникеева, жившего с братом Чувашаем Еникеевым, ранее принадлежало ясачному чувашу Ондрюшке Мордвину. Выясняется, что имя брата служилого татарина — Чувашай, а фамильное прозвище — Мордвин [Смирнов 2014: 189]. Также выясняется, что служилый татарин на самом деле природный чуваш.

Служилые чувашаи в количественном отношении составляли незначительную часть. Из их числа назначали князей *нӱ*, сотных *сёрнӱ*, десятных *вуннӱ*, а также тарханов и казаков. В основном это были новокрещенные чувашаи Свияжского и Чебоксарского уездов (территориально наиболее близкие к Казани земли). Некоторые из них имели поместья в чувашских деревнях [Димитриев 2005: 53]. Как правило, служилые чувашаи тут же стали называть себя или татарами (до середины XVI в.) или русскими (после взятия Казани).

Служилые татары владели землями чувашей не только в Казанском уезде, но и на западе Чебоксарского уезда. Например, земли д. Чандырево в конце XVI в. принадлежали служилому татарину Ишею Наурсову и башкирскому князю Темигеневу Муралееву. Естественно, в такой ситуации шел интенсивный процесс ассимиляции чувашей с более крепким в экономическом плане этносом — в данном случае с татарами: резко увеличивается тенденция называться татаринном, носить татарские имена, принять их религию — ислам. А желание современных казанских исследователей определить «чуваша» как татар — это уже лишь стремление закрепить достижения вынужденной ассимиляции. Ведь в тех же писцовых книгах татары, чуваша, черемисы, вотяки, латыши и немцы — понятия одного этнонимического уровня. «Чуваша» — это всего лишь фонетический вариант этнонима «чувашаи» в произношении русских. Именно этот вариант в основном фигурирует в русской канцелярской стилистике XV–XVIII вв. «Чуваша» — продукт казанских походов Московии, когда русскоязычные летописцы впервые вплотную сталкиваются с неизвестным этносом. Термин «чуваша» массово не употреблялся как до, так и после XV–XVIII вв.

Имеется грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей и царевны Софии Алексеевны от 1869 г. на владение чувашами д. Отучевой Киняевской волости угодьем, называвшимся Масловым островом. Здесь чувашей называли татарами: «Деревни Отучевы чуваша Яшкубарка Яштеев с товарищи... Да они ж, чуваша... горные служилые татаровя Чебоксарского уезду Киняевской волости...» [Михайлов 2004: 307–310]. Однако известно, что Киняевская волость в Козьмодемьянском уезде существовала до 1840 г., но татар там не было. Во многих документах здешних чувашей называли горными татарами (по аналогии — горными черемисами). Татары к тому

времени на территории современной Чувашской Республики проживали ближе к Свияжскому уезду, т. е. в приграничных к Татарстану землях. Из документов также известно, что упоминаемый чувашский сотник Отучка, ходатайствовавший в 1594 г. об острове Маслове, являлся родоначальником чувашей с. Оточева Ядринского уезда. А его брат Бахтышка Пигилдеев (также фигурирующий в грамоте) — родоначальник чувашей деревни Бахтыгильдиной Козьмедемьянского уезда. Назвав чувашей татарами, писари, видимо, имели в виду, что чувашаи — племя тюркского (т. е. татарского) происхождения.

Еще один документ касается известного архитектора XVIII в. из чувашей — П. Е. Егорова, автора многих шедевров в Санкт-Петербурге и не только. В сохранившихся архивных источниках имеется переписка, связанная с его службой. Так, одно из дел называется «Гоф-интендатская контора: Дело № 3 по предложению Его Превосходительства генерала-лейтенанта и кавалера господина Фермора об определении в службу в Ее Величества канцелярию из чюваш новокрещеного Петра Егорова в архитектурную науку». Это 1755 г. Здесь имеются такие строчки: «Новокрещеной из чюваш Петр Егоров поданною наивысочайшее Ея Императорского Величества имя челобитною, объявляя, что он желает быть в службе Ея Императорского Величества архитектуры учеником, просит об определении в ведомство канцелярии от строениеи, а по-неже о нем отставной артиллерии господин генерал-майор, князь Дадиан пишет ко мне с рекомендацією, что упомянутой Петр Егоров из чюваш и в малолетстве окрещен, и выучен при доме его грамоте читать, писать, арифметике, геометрии и отчасти малевать и прилежен к учению, и никаких пороков за ним не присмотрено» [РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 111: 1]. И далее: «Бьет челом из чюваш новокрещенон Петр Егоров, а в чем мое прошение, тому следуют пункты; 1 Родом я прежде был чювашенин» [РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 111: 2]. Разумеется, во всех этих примерах речь идет о природном чуваше Петре Егоровиче Егорове, поистине исторической личности, который собственноручно писал, что он чуваш. В те годы в прописях и скорописях буква «ю» передавалась знаком ѳ (не путать со знаком ѓ, означавшим строчную букву «е»). Например, *чѳваш* — «чюваш», *чѳвашенин* — «чювашенин» или *чѳвашѳ* — «чюваш». В последнем случае использовано уже современное начертание

буквы «ю». Напомню: все эти примеры взяты из собственноручного обращения П. Е. Егорова к императрице Елизавете Петровне в 1755 г.

Епископ Нижегородский и Алатырский Дамаскин составленный им словарь назвал «Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих; имянно Россиян, Татар, Чювашей и Черемис» [РНБ. Ф. 885. Д. 223]. И в этом случае прозрачно значение слова *Чюваш* как передающее этноним *чуваши*. При всем старании утверждать обратное невозможно. Вскоре, уже со второй половины XVIII в., букву «ю» в слове *чуваши* начинают писать с «у», т. е. так, как она произносится.

Исследователи готовы спорить о равнозначных фонетических вариантах, в то же время забывая, что в историческом процессе этнонимы пережили трудно узнаваемые трансформации, (например: *да-да* → *татар*). Во всяком случае, между этнонимами *савир* и *чуваши* имеется прямая связь — и в историческом, и в этимологическом планах. Не следует видеть между летописным *чуваши* и этнонимом *чуваши* смысловых различий — они являются лишь фонетическими нюансами, передаваемыми графически в XVI–XVII вв. На самом деле *чуваши* — графическая передача звука *y* в этнониме *чуваши*. Поэтому из-за графических особенностей XV–XVIII вв. историкам и этнографам выдумывать новые социальные слои и этнонимы, а также напрасно ломать копыя не стоит. Говоря словами одного из известных этнографов, тут важно учесть, что самосознание и неразрывно связанное с ним самоназвание являются решающими демаркаторами этноса [Арутюнов 1989: 9]. Коль такое название (*чйваш/чуваши*) существует и оно признается как самим народом, так и всеми соседями, значит, существует такая этническая общность.

Таким образом, этноним *чуваши* прошел длинный исторический путь трансформации в виде *савир* (*сапир, савар, сабир*) → *сувар* (*сувас, суван*) → *суваш* (*сйваш*) → *чйваш* (*tšāvas*). Такова судьба этнонима *чуваши* в лабиринтах времени. Как видим, вопреки расхожему мнению, что этнонимы не могут быть надежным источником в исследованиях по этногенезу, они отражают подлинную историю народа и даже указывают на хронологическую последовательность судьбоносных событий.

История

Клавдий Птолемей зафиксировал савиров в форме Σαύαροι на Кавказе, ниже аорсов и пагиритов, в первой половине II в. [Ptolemae 1843: 171; Птолемей 2009: 186]. Поэтому исследователи справедливо говорят о появлении савиров, как и барсиллов, на Северном Кавказе «еще в догуннское время» [Фёдоров, Фёдоров 1978: 83]. Историк В.Д. Дмитриев принимал мнение Клавдия Птолемея о наличии во II в. на Северном Кавказе групп савиров и полагал, что предки чувашей оказались там «во II и III веках» [Дмитриев 1958: 50; 1993: 20–21; 2014: 89]. В целом на сегодня идентификация птолемеевских саваров с поволжскими суваром не подлежит сомнению [Смирнов 1951: 11].

В начале III в. военно-политическое объединение кочевников Северо-Западного Прикаспия, пройдя в ворота Чора (т. е. Дербендские ворота), переправилось через р. Кура и вторглось в Армению. Исследователи опираются на труды Хоренаци и Бардесана (154–222 гг.) и верно полагают, что среди этих кочевников, несомненно, были хазары (хазары) и басылы (барсиллы) [Гаджиев 2010: 69]. Учет всей исторической и географической ситуации позволяет говорить, что среди кочевников, напавших на земли Армении, были и гунны, и савиры. В первой половине III в. греческий грамматик Элий Геродиан писал о племенах σάπειρ/σάπειρ [Guilielmi 1823: 51].

Под 361–362 гг. сапиров (*Sapires*) фиксирует Аммиан Марцелин [Ammianus 1970: 26; Аммиан 1996: 255].

Поэтому исследователи истории Кавказа придерживаются мнения, что в степную и предгорно-плоскостную зоны Северного Кавказа савиры/сабиры стали проникать не позднее первых веков нашей эры. Например: [Чеченов 2014: 288].

Ясность увеличивается с V в., когда сабиры/савиры (Σάβειροι) как активные участники персидско-византийских войн вовлекаются во взаимодействие с персами, восточными римлянами, уграми, аварами, армянами, аланами и лазами [Prisc 1829: 158; Приск 1948: 264; 1860: 87; Проскори 1905: 74, 292, 294; Прокопий 1998: 40]. Стефан Византийский, описывая события V в., упоминает отряды *сапиров/савиров/сабилов* (Σάπειρες/Σάβειρες), обитавших на реке Акампис (Чорох) между Колхидой и Персией [Stephan 1849: 166, 555; Стефан 1948: 325].

Аттила становится единоличным лидером гуннского союза после насильственного устранения им родного брата Влиды/Бледы (*Βλήδα/Bleda*) в 445 г. Затем он объединил многие племена и вовсе узурпировал власть. До кончины Аттилы фиксируются только отдельные боевые эпизоды, в которых проявляли особую храбрость савиры/сабиры. В остальных случаях они действовали как составная часть войск Аттилы и были известны как гунны или в лучшем случае как «гунно-савиры» и «гунны, называемые савирами».

После смерти Аттилы в 453 г. и разделения гуннского союза на автономные племена на Кавказе начинается господство савирской конфедерации. Государство оногуров распалось, а на смену ему пришло новое военно-политическое объединение во главе с савирами. Сюда же входила оставшаяся часть гуннов, а также вошли булгары: «Распад на Северном Кавказе первого гунно-булгарского объединения во главе с оногурами обусловил начало параллельного процесса объединения кочевников Восточного Предкавказья и становления нового военно-политического союза во главе с сабирами» [Джафаров 1985: 69].

Примерно в 463 г. савиры, кочевавшие в северокавказских степях, напали на сарагуров, урогов и оногуров. Сарагуры в свою очередь вторглись в земли акациров. Такое действие сабиоров/савиров (*Σαβίρων*) было продиктовано тем, что к ним вторглись якобы авары, а самих аваров изгнали племена, жившие на побережье [Prisc 1829: 158; Приск 1860: 87]. Однако, как показывают археологические исследования на Паласа-сырте, движение савиров было продиктовано давлением персидских войск. Говоря о первом упоминании савиров, большинство исследователей берет эту присковскую дату. Однако этноним «савиры» и его варианты были известны за несколько веков до Приска. Еще в птолемеевской фиксации они были соседями северокавказских аорсов и пагиритов. Если быть корректнее, у Приска в оригинале речь идет не точно о 463 г., а о 461–465 гг. По Приску невозможно упомянутое событие привязать именно к определенной дате, она начала фигурировать в исследованиях с чьей-то легкой руки.

Во второй половине V в. савиры обосновались в районе р. Кумы, вдоль Каспийского моря. Как видим, этноним *Σάβειροι* в византийских источниках вновь активно всплывает после кончины Аттилы. В начале 60-х гг. V в. савиры/сабиры вынуждают оногуров (т. е.

булгар) покинуть занятые ими земли и передвинуться на запад Предкавказья. Таким образом, юго-восточные кочевья становятся полностью подконтрольными савирам [Гадло 1986: 14].

Опираясь на имеющиеся данные, можно сделать предположения о вооружении савиров. Так, погребения IV–V вв. на Паласа-Сыртской возвышенности (в 30 км к югу от Дербента) содержат оружие ближнего (длинные и короткие мечи-кинжалы) и дистанционного боя (луки со стрелами). По своей конструкции они относятся к числу «гуннских» типов. Взрослое мужское население, так или иначе принимавшее участие в ратном труде, обладало высоким уровнем военной подготовки для того времени [Саидов 2014: 24–25]. Независимо от того, какую этническую принадлежность имело население Паласа-сыртской возвышенности, все эти характеристики полностью относятся и к савирам, ибо они также в те времена обитали в районе Дербента. Более того, они составляли основную силу, удерживающую Дербентскую крепость.

В литературе существует расхожая характеристика савиров как жадных до войн. Особенно перестарался в этом плане Агафий. Можно встретить и крайности в оценке действий савирских войск, к примеру: «...не брезгуя при этом в течение одной кампании переходить из одного военного лагеря в другой» [Семёнов 2015а: 234]. Однако такая оценка однобокая. Как известно, савирские правители постоянно учитывали внутреннюю обстановку и международное положение двух главных соперников на Кавказе — Ирана и Византии. Тем не менее из-за постоянных войн между Ираном и Византией, а больше всего — из-за выступления савиров то на одной, то на другой стороне, в савирском объединении образовались две группы: иранской и византийской ориентации. Савиры в эти годы представляли собой ряд самостоятельных «колен». «Но уже в начале VI в. положение в савирском обществе изменилось. Из среды племенной знати выделилась династия, претендующая на управление всеми савирами. Представители этой династии вступили в открытую борьбу с сепаратизмом племенных вождей» [Фёдоров 1972: 21].

Дербентское и Дарьяльское ущелья служили главными военными и торговыми проходами. Учитывая это обстоятельство, савиры в начале VI в. стали контролировать восточные и центральные районы Северного Кавказа. Они заняли районы тех и других

стратегических ворот. Поэтому исследователи самое начало VI в. называют началом савирской гегемонии. При этом некоторые даже называют точную дату — 506 г. [Róna-Tas 1999: 212; Рона-Таш 2011: 133]. В «Летописи» Феофана Византийца под 516–517 гг. записано: «Гунны, именуемые савир (Οὔννοι οἱ λεγόμενοι Σαβήρ), переправившись через Каспийские ворота (т. е. Дербентский проход. — *Прим. авт.*), совершили набег на Армению, разграбив Каппадокию, Галатию и Понт, чуть было не подступили к Евхаиту» [Феофан 1980: 26, 49]. Поэтому обоснованно следует считать, что именно вторжение кочевников, прежде всего, савиров, через кавказские перевалы на иранскую территорию заставило Кавада заключить мир с Византией.

Савиры представляли собой одно из сильнейших племен в регионе [Malalas 1831: 430–431; Феофан 1980: 26, 50]. Боарикс, «женщина из гуннов, именуемых савир» (Οὔννων τῶν λεγομένων Σαβήρ), стала править в гуннских землях после смерти своего мужа Валаха (Βαλαχ). Под ее властью находилось 100 000 воинов. В 527–528 гг. она пришла к ромеям. А персидский царь Кавад склонил двух племенных царей, родственников Боарикс, помогать ему в войне против римлян. Когда они проходили через владения царицы Боарикс, она напала на них. Одного, Стиракса, взяла в плен и в оковах отправила в Константинополь, другого, Глониса, убила в бою. Так она сделалась союзницей Юстиниана. Относительно этого эпизода Питер Голден пишет, что сабирская княгиня Боа управляла 100 000 людьми и могла иметь в поле сражения 20-тысячную армию [Golden 2011: 91]. На самом деле, у Малалы сказано, что Боа имела «под своим началом сто тысяч». А в переводе этого фрагмента на латинский язык отчетливо говорится о 100 000 воинах: «Mater erat haec filiorum parvulorum; quae exercitum 100 000 *militum* (т. е. воинов, выделено мной. — *Прим. авт.*) sub se habens, regionibus, Hunnicis, post Blach conjugis sui obitum imperabat» [Malalas 1831: 431]. Дюла Немет склонен был читать «100 000 солдат», но противоречил сам себе и полагал, что это число означает людей всего племени [Németh 1991: 151]. Видимо, он исходил из постулата, что каждый взрослый мужчина у савиров одновременно был воином. Однако в таком случае жены, родители и дети (т. е. те, кто не воины) остаются вне подсчета. Феофан утверждал, что Боарикс имела «при себе сто тысяч гуннов», т. е. гуннов, именуемых савир. На самом деле, ни в одном

первоисточнике нет ясности, что означает 100 000: это воины или вообще численность савирского населения? Однако известно, что два полководца из числа внутренних гуннов (по контексту надо полагать, что они тоже были «савирами, называемыми гуннами», но союзниками персов) шли в поход на выручку персам с 20 000. Естественно, в этом случае речь идет только о воинах, а не о простом населении. Иначе говоря, Малала, несомненно, оперировал понятием «воины», а не «население». Кстати, автор анонимного персидского сочинения конца X в. (речь идет фактически о начале X в.) «Худūd ал-‘āлем» относительно г. Булгара оставил запись: «...из него выходит до 20 000 всадников» [Бартольд 1930: 32]. Иначе говоря, понятия «воины», «всадники» и «иметь царице при себе столько-то гуннов» выступали синонимами. О наличии у Боарикс войска из 100 000 человек однозначно писал Иван Стриттер [Стриттер 1771: 82]. Наличие у правительницы Боарикс 100-тысячной армии признавал чувашский историк В. Д. Дмитриев [Дмитриев 2014: 92]. Она наголову разбила оба отряда, у нее численность войск в пять раз превосходила численность двух других савирских отрядов под предводительством Стиракса и Глониса. А это дополнительный аргумент в пользу многочисленности воинов под руководством Боарикс. Ссылаясь на Малалу, Хюн Ким пишет, что сабыры были мощной конфедерацией, которая могла выставить на поле битвы 100 000 всадников. Он полагает, что в преувеличении нет сомнений, но факт свидетельствует о силе сабирских войск в глазах византийцев [Kim 2013: 253]. Мысль о желании враждующих между собой персов и византийцев заполучить савиров как союзников высказывает Питер Голден. Он также считает, что цифра преувеличена, но тем не менее указывает на значительную военную мощь [Golden 1992: 105]. Поэтому Питер Голден не видит ничего удивительного в том, что Византия изыскивала пути вовлечения савиров в союзники в их постоянных схватках с сасанидским Ираном с целью доминирования на Кавказе [Golden 2008a: 259]. Таким образом, согласно Феофану и Малале, в 528 г. савирские вожди могли одновременно выступить с 120-тысячным войском.

Отсюда можно предположить и общую численность савирского населения, добавляя к числу воинов их жен, минимум от трех до шести детей, а также родителей. Получается один миллион душ. Другой такой мощной силы в то время на Кавказе практически

не было. Учитывая, что численность семьи кочевника составляла от двух до одиннадцати человек (в среднем шесть человек), можно подсчитать и количество семей под властью Боарикс: будет 167 000 семей (подсчеты А. М. Хазанова и Л. Б. Гмыри). Естественно, использовать такую военную мощь савилов старались как персы, так и византийцы. Получается, вперед выходят не «жадные до войн» савиры, а их многочисленность и военная мощь.

Несомненно, Боарикс ставила задачи ликвидации сепаратизма племенной аристократии, объединения вокруг Варачана всех савилов и укрепления своего государства [Фёдоров, Фёдоров 1978: 185]. Начальный этап формирования древних городов Дагестана охватывает III в. до н. э. — V в. н. э. В число таких городов наряду с Дербентом, Семендером, Таргу, Беленджером входит и Варачан.

В связи с описанием персо-византийских войн Прокопий, в частности, заметил: «Между тем Кавад отправил другое войско в подвластную римлянам Армению. Оно состояло из персоармян и суннитов, соседей аланов. С ними было три тысячи гуннов, так называемых сабилов/савилов (Σάβιροι), воинственнейшего племени» [Просорі 1905: 74; Прокопий 1998: 40]. Вычислить год, в который происходило это событие, можно на основе упоминаемых имен. Известно, что царь государства Сасанидов Кавад умер в 531 г., значит, событие происходило до 531 г. Упоминаемый Прокопием в этом же абзаце Сита имел должность стратига в Византии и был поставлен во главе всего войска Армении. Это 528–531 гг. А стратигом Армении был Дорофей. Он командовал битвой под Саталой в лето 530 г. [Адонц 1971: 135]. Таким образом, в 530 г. 3000 савилов в Армении воевали в составе персидских войск против византийской армии.

Вместе с хазарами савиры «составляли одно и то же военно-политическое объединение, во главе которого, однако, стояли савиры, так как в первой половине VI в. в большинстве исторических известий именно их наименование служит для обозначения варваров, обитавших севернее Дербента» [Артамонов 1962: 127].

В 541 г. развернулись военные действия между Ираном и Византией в Лазике. Это был стратегический район для обеих сторон. Важным пунктом стала мощная морская цитадель Петра, построенная по приказу Юстиниана к югу от реки Фасис. Однако местное население было недовольно византийской оккупацией. Лазы обра-

тились за помощью к персидскому шаху. Тот хорошо подготовился и взял крепость. В итоге в 545 г. было заключено перемирие между Персией и Византией. Однако лазы на этот раз обратились за помощью к византийцам. Юстиниан в 549 г. прислал сюда 7-тысячную армию. Царь лазов Гуваз наказал милитуму Армении Дагисфею послать кого-нибудь охранять ущелье, ведущее в Петру. Сам он двинулся к границам Лазики, чтобы охранять имеющиеся теснины. А до этого он заключил союз с аланами и савирами: «Между тем василевс Юстиниан послал племени савиров (*Σαβείρων*) условленную сумму денег» [Procori 1905: 300; Прокопий 1998: 143]. Как верно заметила комментатор Прокопия А. А. Чекалова, «союз с гуннами-сабирами был действительно важен, поскольку это был народ воинственный и хорошо знавший осадное дело» [Чекалова 1998: 422]. Прокопий не раз отмечал эти качества у савиров в книге «Война с готами».

В начале 551 г., используя помощь гунно-савиров, византийский военачальник Бесса овладел наконец Петрой. При этом савиры применили тараны (*κρίός*) особой конструкции, что сыграло решающую роль в разрушении стен крепости. Эти тараны существенно отличались от тяжелых и неуклюжих типов сооружений, передвигаемых запряженными быками. Как писал Прокопий, случайно в этом войске римлян было несколько варваров из племени савиров. Прибыв к осаждавшим стены Петры, савиры увидели, что римляне при сложившихся обстоятельствах не знают, что делать, и попали в безвыходное положение. Тогда сабиры/савиры (*Σαβείροι*) «придумали такое приспособление (машину), какое ни римлянам, ни персам, никому от сотворения мира не приходило в голову, хотя и в том, и в другом государстве было всегда, да и теперь есть, большое количество инженеров» [Procori 1905a: 538–540; Прокопий 1996: 47]. Прокопий дает подробное описание савирского изобретения. На этой машине не было бревен, их заменили толстыми веревками. Только в середине разместили свободно передвигающееся бревно с заостренным концом. Савиры приготовили три такие машины. Человек сорок из римлян, одетых в панцири, легко разместили тараны у стен Петры. По сторонам машины встали воины, снабженные шестами с железными крючками на концах. Когда удары бревна расшатывали ряды камней, они вытаскивали этими крючками рассыпающиеся камни и откидывали

их. Так были разрушены стены Петры. Вскоре при осаде Археополя уже персы воспользовались савирскими легкими таранами. Персидский военачальник Мермероес, прежде всего, «велел сабирам (Σαβείροις) делать много стенобитных машин, которые можно было бы людям носить на плечах; обычные машины он никоим образом не мог пододвинуть к укреплениям Археополя, так как они были расположены на подъеме горы. Он слышал, какие машины были сделаны союзными с римлянами савирами (Σαβείροις) около стены Петры немного раньше, и, подражая тому, что ими было там изобретено, он из этого опыта хотел извлечь для себя пользу. Они стали делать то, что он им приказал, и скоро сделали много стенобитных орудий, таких же, какие сделали для римлян недавно, как я рассказывал, союзные с ними савиры (Σαβείροις)... И вот персы и савиры (Σαβείροις), пуская в стоящих на стенах тучу стрел и копий, которыми они, можно сказать, закрыли здесь небо, почти добились того, что под их напором римляне готовы были оставить верх укреплений» [Procori 1905a: 538–540; Прокопий 1996: 59–60].

Конечно, Прокопий несколько преувеличивает и отдает пальму первенства савирам в изобретении таранов при взятии и разрушении фортификаций. О таранах и «черепках» и их применении в военном деле подробно писали древнегреческий инженер Афиней Механик (умер ок. 21 г. до н. э., сочинение «О машинах»), Аполлодор Дамасский (начало II в., сочинение «Полиоркетика»), Флавий Вегетий Ренат (писал как очевидец о событиях 390–410 гг., сочинение «Краткое изложение военного дела»), Аноним Византийский (VI в., сочинение «Инструкции по полиоркетике»). Однако все это несколько не умаляет заслуги савиров в военном искусстве, в изготовлении и практическом применении облегченных вариантов переносных таранов и «черепок» при разрушении крепостей противников.

Анализ действий отдельных отрядов на стороне византийской армии с 543 по 556 г. позволяет выявить реальное положение савиров в качестве «наемников». Это время правления Юстиниана Великого. Исследователи в таких ситуациях применяют термины *симмахи* и *энспонды*. Симмахи (от *syn* — «вместе» и *tachomai* — «сражаюсь») — это военный союз древнегреческой армии с отдельными племенами. *Энспонды* — независимые отряды в составе армии — состояли из моноплемен и возглавлялись командирами

из их же племен. Как видим, речь идет о вполне самостоятельных отрядах без кабальных условий. Естественно, такие взаимоотношения строились на определенных условиях и носили временный характер. Вспомним царицу Воа, которая исчезла как из источников, так и из поля зрения византийских военачальников. Видимо, никакого долгосрочного договора не получилось. Воа решила свои краткосрочные общеплеменные задачи при поддержке Юстиниана и навсегда прервала с ним отношения. А это уже говорит о несомненной самостоятельности, понимании своей силы и чувстве собственного достоинства.

Также следует подчеркнуть, что кратковременное привлечение савиров в войнах на своей стороне не требовало от Юстиниана больших расходов. Видимо, существовала какая-то такса найма. Ее размеры зависели от удаленности от эпицентра военных действий. Со слов Прокопия известно, что Хосров I, получивший в 545 г. от Византии за перемирие в войне 2600 фунтов золота, полностью истратил их на наем сабиров. А царю лазов Губазу было достаточно 300 фунтов золота, чтобы нанять сабиров и аланов охранять горные проходы из Иверии в Лазику. Эти суммы исследователи и считают крайними в ценовом спектре изучаемого феномена: «Объединив все известные случаи использования отрядов сабиров на службе Византии (в последний раз сабиры становились симмахами в 555–556 гг.) и умножив полученное число на 300 ф. з., получим в итоге 30 кентариев (или несколько больше) за весь период правления Юстиниана; таков дополнительный расход казны на симмахию с сабирами» [Серов 2011: 170].

В 552 г. персидские войска под командованием военачальника Мермероеса хитростью взяли лазское укрепление Уфимерей. У персов было 70 000 отборных воинов и большое количество сабиров/савиров (Σαβείρων). Таким образом, для римлян и лазов все эти плодородные земли от Мохерезиса до Иберии стали недоступными [Просорі 1905а: 570–572; Прокопій 1996: 68–69].

По истечении зимы 552–553 гг. между персами и римлянами утвердилось перемирие. Но Хосров I не пожелал отказаться от Лазики. Деньги, вырученные от продажи римлянам яичек шелковичных червей, он раздал в качестве подарка гунно-савирам (Οὐννων των Σαβείρων, буквально: «гуннам, состоящим из савиров») и набрал в свои войска большое их число. Всех их он отправил к Мермероесу.

Хосров приказал вести в Лазике дела со всей энергией и послал ему еще много боевых слонов. Вместе со всем персидским и гунно-савирским войском Мермероес двинулся к крепости лазов. Римляне, будучи в крепости, в открытый бой не вступали. К ним присоединился и царь лазов Губаз. Узнав, что в одной из крепостей находится сестра Губаза, персы решили взять ее. Однако римляне защищались решительно. Этому способствовал узкий горный проход к крепости. Персы повернули обратно. Римляне преследовали отступающих и в неудобном для персов месте убили многих, среди них был и начальник сабиров (Σαβείρων). Около его тела закипел сильный бой, в результате чего персы одолели противника и обратили в бегство [Procori 1905a: 578–579; Прокопий 1996: 72–73].

В 552–558 гг. отряды савиров упоминаются на р. Техури в Западной Грузии. Агафий, в частности, писал: «Наемники же из гуннов, которых называют савирами (Σαβείρων)... расположились лагерем у Археополя и прилегающих местностей» [Agathi 1828: 177; Агафий 1996: 108], т. е. в княжестве лазов. «К середине VI в. савиры, являвшиеся наиболее сильным и многочисленным народом на Кавказе, захватили всю Северную Албанию (Ширан и Аран) в зоне Дербенд-Кабала, бывшую центром савирских поселений, и пробыли там более 100 лет» [Ашурбейли 1983: 62].

В кампании 554–555 гг. тяжеловооруженные савиры (Σάβειροι) под предводительством «знаменитнейших у них людей» — Балмаха (Βαλμάχ), Кутилзиса (Κούτυλζις) и Илигера (Ίλιγερ) — приняли активное участие в войне на стороне Византии и разгромили сильный отряд воинственных дилимнитов — союзников персов. Однако в следующем бою в Иверии войска из гунно-савиров (Ούννοι Σάβειροι) в количестве 500 человек выступали уже на стороне персов [Agathi 1828: 177; Агафий 1996: 108–110, 143–144].

В середине VI в. савиры владели Прикаспийским проходом, который армянские историки называют Чора и где в 568–569 гг. возник Дербент [Мерперт 1958: 565–566]. Как писал Менандр в 558 г., «авары вскоре завели войну с утигурами, потом с залами, которые унского племени, и сокрушили силы савиров (Σαβείρους)» [Menandr 1829: 284; Менандр 2003: 236], т. е. нанесли тяжелый урон их воинским подразделениям.

В 559 г. во время осады Херсонеса савиры изготовили небольшие шлюпки из длинного и крепкого тростника, а также изобрели

устройство для укрепления весел на бортах лодки и шлюпки с выносными уключинами в обе стороны [Golden 2011: 113].

572 г. был ознаменован началом глубоких разногласий между Персией и Византией по кавказскому вопросу. Узнав, что гунны направили посольство к Юстину II, Хосров I забеспокоился. Дело в том, что василевс выплачивал персам ежегодно золото, чтобы вторгающиеся племена не беспокоили оба государства. Теперь Юстин расторг мир, сказав, что ему позорно платить дань персам: «Из-за этого имела место та самая великая война персов и ромеев» [Феофан 1980: 30, 54]. Как полагал И. С. Чичуров, под «вторгающимися племенами», о которых конкретно не говорил Феофан, следует иметь в виду, прежде всего, кавказских гуннов, в основном гунно-савилов [Чичуров 1980: 89]. Действительно, в это время гунны, под которыми имелись в виду савиры, владели Дербентом и были восточными соседями аланов. Савиры беспокоили византийцев и тем, что совершали дерзкие походы на их малоазиатские провинции.

В 576 г. шли военно-тактические передвижения персидских и римских войск в борьбе за превосходство в Алвании. Кесарь гневался на своих полководцев Курса и Феодора, упрекал их за то, что по вступлении в Алванию они не перевели на другое место сабилов/савилов (*Σαβείρων*) и алванов. Военачальники же ограничились взятием у этих племен заложников. Действительно, савиры немедленно свергли с себя господство римлян. Тогда римские военачальники опять вступили в Алванию и заставили сабилов/савилов (*Σαβείρους*) и алванов переселиться на западную сторону р. Кир (Кура) [Menandr 1829: 394; Менандр 2003: 294–295]. Таким образом византийцы хотели удержать эти племена на своей стороне. В 578 г. Хосров отправил из Кавказа в Месопотамию конницу, щитоносцев и стрельцов общим количеством около 20 000 воинов. Из этого числа 12 000 были персами, остальные — саракинами и савирами/сабирами (*Σαβείοι/Sabiri*).

В армянском источнике, описывающем события 579–590 гг., повествуется о вступлении многочисленных персидских войск на васпураканские земли. Были захвачены и преданы огню многие крепости, уведены в плен жители. Пострадали тогда многие области, в том числе и область Чуаш, и захваченные земли были отданы ишханам [Багратуни 1971: 94].

В 657–659 гг. распался Западно-тюркский каганат. Одновременно в северо-восточных предгорьях Дагестана на основе раннефеодальных отношений образуется государство Сувар со столицей Варачан. По инерции армянские источники продолжают называть его Царством гуннов, а арабские хронисты — Джиданом.

К концу VII в. Царство гуннов представляло собой вполне самостоятельное государство со своим политическим центром. У него были свои органы управления, духовная и светская аристократия, многотысячная армия. Если в эти годы на Кавказе из-за вторжения кочевых тюркутов и византийско-иранских войн исчезали народы, то Царство гуннов сумело сохранить свою целостность [Магомедов 1994: 47].

Сразу же после вступления Вараз-Трдата на княжеский престол Кавказской Албании (первенствующий князь в 681–699 гг. [Шагинян 2014: 423]) многочисленные войска гунно-савиров во главе с князем Алп-Илитуером (правильная форма — *Алп-Илутуэр*) вторглись в страну Алуанк и стали опустошать области у подножия Кавказских гор и поселения гавара Капалак. Сам Алп-Илитуер переправился через р. Куру и перешел в гавар Ути, стал угонять скот, грабить и уводить всех в плен. Затем гунно-савиры расположились лагерем в долине у пределов Лпинка. Узнав об этом, Вараз-Трдат отправил своего доверенного к Алп-Илитуеру с предложением мира. Послу удалось склонить Алп-Илитуера к миру и дружбе. Тогда гунно-савиры вернулись в свою страну [Каланкатуаци 1984: 102–103].

В 723 г. арабский полководец ал-Джаррах вторгается на территорию Вабандара, т. е. Варачана. В городе в то время было 40 000 домов [Ал-Куфи 1981: 20].

Согласно Баладзори, арабский полководец Мерван в 737 г. вступил в савирские владения Хамзина. Однако жители отказались заключить с Мерваном мирное соглашение. Замок был взят силой после месячной осады. Крепость была сожжена и разрушена. Принудительный договор предполагал доставку в Баб одновременно 500 юношей и девиц, а также 30 000 мер зерна ежегодно [Баладзори 1927: 18]. О взятии арабами Хамзина писали и другие источники. Ал-Куфи, например, говорил, что защитники крепости вступили с арабской армией в сражение: «Марван и владетель крепости сразились в жарком бою, и муслимы потеряли много убитых».

ми» [Ал-Куфи 1981: 55]. Армянские источники писали, что Мерван при поддержке армянского князя Ашота предпринял поход на землю гуннов. Он овладел городом Варачан и вернулся оттуда победителем, захватив огромную добычу [Вардан 1861: 96; Гевонд 1862: 81–82]. Конечно, под «дагестанскими гуннами» в данном случае имеются в виду савиры, ибо к этому времени гунны не представляли собой ни единый этнос, ни военно-политический союз. Гуннами по инерции называли савиров, до смерти Аттилы состоявших в их конфедерации. Полагают, что столица «гунно-савиров» прекратила свое существование после 737 г. [Комар 2010: 192; Гмыря 2012: 4]. Действительно, савиры покинули эти места, но ушли не на Среднее Поволжье, как преподносят некоторые историки [Каховский 1972: 215], а в междуречье низовий Волги и Дона, где вместе с аланами, хазарами и мадьярами образовали салтово-маяцкую археологическую культуру, существовавшую в VIII–IX вв.

Как видим, Царство гуннов первым приняло на себя удар арабских войск. Конечно, это значительно ослабило арабов, чем и воспользовались хазары. Тогда же, после событий 737 г., в дельте Волги возникает хазарская столица — г. Итиль. Поэтому исследователи верно считают, что включение территории страны гуннов (т. е. савиров) в сферу влияния Хазарского государства происходило на фоне арабо-хазарской войны за Кавказ [Гадло 1979: 126, 153; Гмыря 1995: 75].

Во второй половине VIII в. военно-политическая ситуация меняется еще больше в пользу Хазарии. Хазары возлагают дань и на суваров, и на болгар. Страна Сувар становится хазарским федератом. Однако по состоянию на середину VIII в. Дербент был в руках арабов. Хазары не могли с этим мириться, они делали в это время несколько попыток одолеть крепостные стены, однако безуспешно. Халиф дал приказ правителю Дербента Езиду восстановить старые укрепления. Были восстановлены и заселены несколько разрушенных ранее крепостей, в том числе и Сувари. Кроме того, Езид поставил на границах, особенно в крепости Сувари, по тысяче караульных. Таким образом, все укрепления вокруг Дербента были переполнены войсками, а город огражден от хазар [Мухаммед-Аваби 1898: 83–84]. Как видим, задолго до VIII в. рядом с городом Дербент была крепость Сувари, первоначально построенная, несомненно, суварами.

Во второй половине IX в. Ибн Хордадбех фиксирует царство Сувар на северной стороне от Баба [Ибн Хордадбех 1986: 110]. Таким образом, савары/савиры/сувары обитали на Северном Кавказе и побережьях Каспийского моря по меньшей мере более семи веков (II–IX вв.). Из них два с лишним века (от смерти Аттилы до вхождения в Хазарское царство, 453–650 гг.) они занимали в Восточном Предкавказье главенствующее положение. При этом выступали то на стороне Персии, то — Византии (впрочем, совершенно так же поступали аланы). Вели то кочевническую, то оседлую жизнь. У них на Кавказе была и своя государственность со столицей Варачан. Во всех случаях они сохраняли целостность, укрепляли свой племенной союз, зарабатывали в ратных делах, выторговывали богатство у своих временных союзников. Источники по инерции продолжают называть страну савиров со столицей Варачан «страной гуннов». Как правильно отмечается, по уровню социально-экономического развития «страна гуннов» (т. е. савиров) была «на пути формирования государственности раннефеодального типа» [Гмыря 2007: 111].

895 г. в южнорусских степях становится поворотным пунктом из-за агрессивной активизации печенегов. Разорение поселений заставило искать подходящие по природным условиям места обитания. Происходит сдвиг населения салтово-маяцкой культуры [Хлебникова 1984: 131]. Печенеги двигаются дальше на запад и вытесняют венгров с насиженных мест на северном побережье Черного моря. В 896 г. атака печенегов вынуждает венгров уйти в Карпаты [Moravcsik 1983: 87; Zimonyi 2014: 157–159]. Беспокойство населения Северного Кавказа было выгодно Византии. Письма византийского императора, адресованные печенегам, свидетельствуют о том, что византийское правительство поддерживало постоянную дипломатическую связь с печенегами через апостолов и регулярно посылало им императорские подарки. Именно тогда (почти одновременно с мадьярами) сувары берут курс на север и, поднимаясь вверх, в самом конце IX в. достигают южных рубежей Волжской Булгарии. С этого времени эльтебер волжских болгар начинает контролировать также барсиллов и савиров [Кочмар 2010: 193].

Г. Сувар на Волге изначально был столицей суварского племени. Нумизматический материал и письменные документы позволя-

ют утверждать, что в начале X в. он был независим от г. Булгара и подчинялся хазарскому царю. Но затем, в эпоху между Насром и Талибом, произошло объединение этих двух городов под началом сыновей Ахмеда, которые в 941–992 гг. чеканили монеты как в Суваре, так и в Булгаре (монеты Наср бен-Ахмед-Суvara, Талиба бен-Ахмеда, Мумина бен-Ахмеда). Окончательная потеря самостоятельности г. Суvara произошла в 976 г. В этот год Мумин чеканил монеты в обоих городах [Смирнов 1951: 38; Мухаметшин, Хакимзянов 1987: 88].

Разумеется, каменный г. Сувар на Волге возник реально не ранее середины XIII в. Поэтому ал-Гарнати (Ибн Саид) в 1135–1136 гг. писал просто «жители Суvara» [Ал-Гарнати 1971: 27], т. е. жители страны Сувар. Во всяком случае, г. Сувар, возникший на левобережье, «в золотоордынскую эпоху... экономической и политической роли уже не играл» [Егоров 1985: 96].

Вследствие монголо-татарского нашествия происходит переселение части населения Булгарии на северные земли: «В восточной части Закамья, в бассейне р. Омарки, возникает целая группа новых городов во главе с Керменчуком, известным летописным городом» [Фахрутдинов 1984: 117].

Любопытно отметить, что савиры/сувары в своей длинной истории не терпели судьбоносных поражений в боевых действиях. В экстремальных обстоятельствах они не вступали в конфликты или меняли место дислокации.

Известно, что суваров от Алмуша увел их князь *Вырăх*. Этимология этого слова, возможно, восходит к араб. *وَيْدَغ* *wuyrgh* и к суварской форме древнетюркско-общетюркского *bujruq* (титул и должность) [Наделяев и др. 1969: 121]. Выходит, Ибн Фадлан имел в виду не антропоним *Вырыг*, а титул *вырыг*, т. е. «князь». В примечании 604 А. П. Ковалевский замечает: «Само слово... у Ибн Фадлана означает не только царя булгар (ибо царь тоже князь, только главный. — *Прим. авт.*), но и племенных князей его царства». Эти четыре князя представляли четыре основных племена — булгар, суваров, эскэлов и барсула. Они присутствовали на всех официальных церемониях. Все четверо встречали посольство на расстоянии дня и ночи пути от ставки царя; в другом случае (т. к. племена располагались на достаточном расстоянии друг от друга) ожидали их прибытия целых четыре дня (с воскресенья

до четверга). На приеме у Алмуша они опять упоминаются на церемонии застолья и, заметим, именуются царями. Суварский царь и этнарх Вырѣх принимал участие на этих церемониях. Тем более А. П. Ковалевский считал, что встреча посольства с местными князьями произошла на территории этого народа [Ковалевский 1956: 37]. В целом из контекста рукописи Ибн Фадлана ясно, что сувары находились на юге Булгарии. Вскоре вследствие разногласия с Алмушем сувары уходят на правобережье. Стратиграфические данные с Тигашевского городища позволяют констатировать, что к первой половине X в. здесь появляется новое святилище на месте старого городища.

Конец XIV — первая треть XV в. оказались для суваров и булгар наиболее трагичными. Едигей и его преемники во время своих кочевий приближались к землям суваров и булгар с весны до осени и систематически уничтожали города и села, истребляли население. Постепенно территория, расположенная южнее нижней Камы в левобережье, а в правобережье — южнее современных населенных пунктов (Красновидово на Волге, Средний Биябаш, Чутеево, Кошелеи), южнее Барышской слободы на Суре, превратилась в Дикое поле — кочевья мангытов (с середины XV в. они известны как ногайцы). В результате было уничтожено 32 города и около 2000 селений. Оставшиеся булгары и сувары перебрались в Нижнее Предкамье, в Ногайскую даругу, Приказанье и Заказанье, где образовалась Чувашская даруга. Некоторые беженцы поселились на р. Чепце в Северной Удмуртии. Население современных территорий Пензенской и Ульяновской областей, юга Татарстана и Чувашии оказалось в Центральной и Северной Чувашии. К тому же в 1366 г. в Булгарском улусе, как и во всей Орде, разразился голод из-за бесснежных морозных зим и летних засух. Затем случился мор. Умерших хоронили по 5–20 человек в одной могиле. Таким образом, в XIII–XV вв. численность населения булгарской земли сократилась на 75%. В том числе не стало светской и духовной элиты. Состоялся невиданный геноцид. Историки полагают: не будь этого геноцида, численность чувашей приблизилась бы ныне к 10 миллионам человек. Для сравнения: на территории бывшей Волжской Булгарии ныне проживает именно такое количество населения [Димитриев 2001: 22, 24–25; 2014: 124, 142].

География

Как известно, в первой половине II в. Птолемей на Кавказе, ниже аорсов и пагиритов, зафиксировал племя *Σαύραοι* [Ptolemae 1843: 171; Птолемей 2009: 186]. Есть мнение, что речь идет о Северо-Западном Прикаспии [Фёдоров, Фёдоров 1978: 57]. Скорректировать пространство поможет «География» Страбона (64/63 до н. э. — 23/24 н. э.). Если начинать с северных народов, то получается такая картина: сарматы, затем скифы-кочевники, живущие в кибитках, потом аорсы и сираки, обитающие на юге до Кавказских гор. «Аорсы, впрочем, живут по течению Танаиса» [Страбон 1994: 480]. Хотя между Страбоном и Птолемеем более века, картина передвижения народов со второй половины I в. до н. э. до второй половины II в. н. э. кардинально не изменилась. Притом не трудно вычислить и пространство, занимаемое этими племенами: от р. Танаис до Рипейских гор (*τὰ Ῥιπαῖα*) по параллели и от низовий Итиля до Кавказских гор включительно по меридиану. Таким образом, опубликованные источники однозначно утверждают, что в первой половине II в. аорсы занимали «степи по Каспийскому побережью как к востоку, так и к западу от Волги» [Артамонов 1962: 65]. Тогда, по Птолемию, выходит, что савары в первой половине II в. обитали на Каспийском побережье Дагестана.

Согласно Элию Геродиану (ок. 180 — ок. 250 гг.), сапиры были соседями бехиров и бизеров [Геродиан 1948: 258]. Согласно Аммиану (ок. 330 — после 395 гг.), сапиры жили между бизарами и тибаренами на юго-восточном побережье Понтийского моря [Ammianus 1970: 26; Аммиан 1996: 255]. Названные авторы имели в виду события, происходившие до них и ставшие историей.

Византийский дипломат Приск Панийский не позднее 463 г. упоминает савиров/сабилов (*Σαβίρων*) во взаимодействии с соседними племенами — сарагурами, урогами, оногурами и аварами, «жившими на побережье океана» [Prisc 1829: 158; Приск 1948: 264]. Аналогично изложены эти события, зафиксированные Приском, и в издании Г.С. Дестуниса. Здесь также повествуется о племенах, живших «на берегах океана» [Приск 1860: 87]. В комментарии В.В. Латышева сказано, что эти «племена должны быть локализованы где-либо в районе Кавказа, ибо именно там свидетельства греческих и латинских авторов помещают изгнанных аварами из их

родины сабиров» [Латышев 1948: примеч. 97]. Практически так же понимал ситуацию и И. Е. Забелин. Он утверждал, что действия происходили на берегах океана, а точнее — в районе устьев Дона и Днепра. После этого потесненные аварами савиры ушли с донских земель к Тереку. Их владычество простиралось тогда от Дона до Боспора [Забелин 1876: 370–371]. При этом следует обратить внимание на сам источник — фрагмент из Приска. Из контекста выясняется, что изгнанные савирами племена (сарагуры, уроги и оногуры) к этому времени уже обитали на Северном Кавказе, это во-первых. Во-вторых, жаловаться на обидчика они пошли к ромеям, т. е. к византийцам. Если бы действие происходило в Сибири, как это подается в литературе в большинстве случаев, то говорить о покровителях-византийцах не приходилось бы: слишком большое расстояние, и ромеям нет дела до племен, обитающих в Сибири. В-третьих, в тексте предельно ясно говорится о действиях и племенах у океана (т. е. моря), что никак не относится к сибирским лесостепям. Судя по источникам и исторической литературе, речь идет о Северном Кавказе. Заодно следует согласиться с утверждением, что савиры/сабиры (чей этноним часто скрывается под названием «гунны») являлись предшественниками аварцев на Северном Кавказе [Цароева 2016: 30], т. е. были на Кавказе до аваров (до 463 г.). Поэтому предположения некоторых авторов о том, что описываемые события происходили в Сибири, а заодно и миф о первом появлении саваров/савиров в Европе лишь в 463 г. не имеют под собой никаких оснований. Заодно ошибался и комментатор Н. М. Карамзина А. М. Кузнецов, писавший, что угры и болгары были вытеснены из Азиатской России савирами, которые скоро перешли к Кавказским горам и воевали там с римлянами и персами до 578 г. [Карамзин 1998: 298]. Неуверенность в этом факте просматривается в литературе. Например, пишут: «Савиры (сабиры) — кочевой народ, первоначально обитавший, *вероятно* (выделено мной. — *Прим. авт*), в Западной Сибири, между Алтаем и Уралом, вытесненный оттуда аварами и переселившимися в области к северу от Кавказа» [Филатов 2011: 267]. Путаница с географией тем не менее в литературе продолжает сохраняться. Порой один и тот же автор излагает противоположные суждения. Так, пишут: «Сувары — это объединение прикаспийских племен, обитавших на Северном Кавказе со II века нашей эры». Но этот же автор

через строку утверждает, что теснимые аварами из Западной Сибири сувары (савиры, сабиры) во второй половине V в. обосновались в юго-восточной, прикаспийской части европейских степей и владели долиной вдоль Каспийского моря и Кавказских гор до Дербента [Гусейнзаде 1979: 33]. Если согласиться с такой констатацией, то выходит, что во II в. савиры обитали на Кавказе, а в V в. авары их погнали из Сибири на Кавказ. Вот такой абсурд. В силу названного историко-географического контекста невозможно согласиться и с мнениями типа: «В начале VI в. в составе других кочевых племен сабиры прибыли в кавказские степи» [Zimony 2014: 258].

В самом начале V в. союз племен, возглавляемый гуннами, кочевал на Дунае. К примеру, предводитель гуннов Ульдин в конце 400 г. находился на северном берегу Дуная. Однако говорить, что все входившие в гуннский союз племена компактно обитали на Дунае, не приходится. В частности, савиры в это время продолжали находиться на Северном Кавказе.

В VI в. савиры локализовались по Черноморскому побережью Кавказа: к северу от лазов, вдоль Черного моря, где обитали абазги (абхазы), зихи (адыги), сагины. В Приазовье находились гунны-утригуры, по другую сторону (к северу) от Кавказского хребта кочевали аланы. Стефан Византийский в VI в. писал о группе *сапиров/сабиоров* (*Σάπειροι/Σάβειροι*), кочевавших на р. Акампис (Чорох) между Колхидой и Персией [Stephan 1849: 166, 555]. Имеющиеся на первый взгляд нестыковки пространственно-временного плана следует объяснять тем, что часть сапиров/саваров во II в. оказалась в Северо-Западном Прикаспии, а часть находилась (скорее, в военных походах) на Южном Кавказе. Допустимо и то, что византийский историк писал о событиях, произошедших задолго до него.

В описаниях племен, в 550–552 гг. населявших районы Кавказского хребта и Кавказских гор в целом, Прокопий говорил о гуннах, так называемых сабирах (*Σάβιροι*), и некоторых других гуннских племенах. Обитали они восточнее зихов, которые располагались в северной части побережья Понта [Procopius 1905: 291–292; 1905a: 497, 538; Чекалова 1998: 422]. Во второй половине VI в. они обосновались в районе р. Кумы, вдоль Каспийского моря. Против них Византийская империя в основном использовала аварские племена, к этому времени ворвавшиеся в степи Западного Прикаспия

и далее в Северное Причерноморье [Акимова 1991]. Агафий описывал события 552–558 гг., в которых принимали участие отдельные войска савиров. Действия разворачивались у Археополя (столичный город колхов Цихе-Годжи), на плодородной Рионской низменности и в Иверии [Agathi 1828: 177–180; Агафий 1996: 108–110, 143–144].

Расположение племен по состоянию на 555 г. указал Захария Ритор. Он перечислил их с юга на север: Армения с Араном, Сисган, затем базгуны, чья земля простирается до Каспийских ворот и моря. Тут жили гунны. Потом авнагуры, затем следуют агары и сабиры. Все они в пределах Даду [Захария 2011: 595]. Далее на север размещены бургары, аланы, куртаргары, авары, хасары и т. д. Иначе говоря, булгары размещались к северо-западу от савиров. В этот период савиры владели Кавказским проходом, т. е. Дербентом. По состоянию на 576 г. савирские племена фиксируются в Алвании. Однако вскоре римлянам удалось оттеснить савиров на западную сторону р. Кир (Кура). В 578 г. несколько тысяч савиров в составе персидских войск были отправлены в Месопотамию [Менандр 2003: 294–295, 311]. Фиксация савиров во II–VI вв. на большом пространстве Кавказа (северо-восток, юг) говорит об их многочисленности и высокой мобильности.

Характеризуя времена правления князя Алуанка Вараз-Трдата, Мовсес Каланкатуаци упоминал и прекрасный город Варачан — тогдашнюю столицу савиров. Сюда было перевезено бревно от срубленного священного дуба гунно-савиров, поклонников божества *Куара*. Посланники великого князя гунно-савиров Алп-Илитуера просили епископа Исфаэля согласиться быть учителем и утвердить престол в их г. Варачане [Каланкатуаци 1984: 124–128]. В 684 г. просьба гунно-савиров была удовлетворена. Дуглас Данлоп и А. В. Тоган считали, что Варачан располагался между Баку и Дарбандом. А. В. Тоган полагал, что слово *Варачан* содержит элемент *var*. С таким видением соглашается Питер Голден [Golden 1980: 244]. Естественно, *var* в слове *Варачан* совпадает с чувашским словом *вар* в значении «овраг». С. Т. Еремян и М. И. Артамонов локализовали г. Варачан на месте современного г. Буйнакска. В. Г. Котович указал на место городища Урцеки близ с. Уллу-Бойнак [Котович 1974: 182–196]. Археологические источники и соотношение их с ойконимией позволили идентифицировать г. Варачан с го-

родищем Шах-Сенкер (чуваш. *Сенкер* — «голубой»), расположенным в 36 км к северу от Дербента [Гаджиев 2002: 5, 11, 79; 2001: 168]. Просуществовал г. Варачан до 737 г. После разгрома его арабами столичным городом «страны гуннов» становится Семендер [Гмыря 1995: 138].

Опираясь на «Армянскую географию» VII в., И. Г. Семёнов значительно расширяет устоявшиеся представления о расположении савиров. На современной карте Северо-Западного Прикаспия область обитания савиров должна локализоваться на территории от нижнего течения Терека до низовий Волги. При этом он учитывает уровень стояния Каспийского моря и иную гидрографическую картину этой зоны Прикаспия в VI–VII вв. [Семёнов 2012: 36].

Л. Б. Гмыря дает географические ориентиры мест обитания прикаспийских гуннов, что также помогает уточнить районы обитания гунно-савиров. Это «равнинный регион протяженностью в 300 км, ограниченный руслами рек Аксай и Самур, имеющий в основном узко вытянутую конфигурацию шириной 10–30 км, обусловленную расположением его южной части между береговым урезом Каспийского моря и передовой линией горных хребтов Кавказа... Южная часть Прикаспийского Дагестана (от г. Махачкалы до дельты р. Самур) включает Приморскую низменность протяженностью 160 км, имеющую на трех участках сужения, образованные близким подходом к берегу моря горных хребтов, у гг. Махачкалы (ширина 3,5–4 км), Избербаша (4–5 км) и Дербента (3,5 км)» [Гмыря 2007: 112]. О многочисленности и мобильности савиров на Кавказе свидетельствует сохранившаяся топонимия, например, в Северной Осетии и Дигории: *Савир-ком* «Савирское ущелье», р. *Савир-дон* «Савирская река», гора *Савартизон-хох* «Савирская гора».

В годы хазаро-арабских войн ставка каганата находилась в междуречье Терека и Сулака. А на территории Суvara-Жидана располагалась позиция войск Хазарского каганата против арабов. Дружина правителя Жидана (зятя кагана, т. е. дочь хазарского кагана была замужем за князем г. Суvara-Жидана) составляла передовой отряд хазарского войска. К тому же территория Суvara-Жидана была удобной для маневров, а земледельческое население предгорий Северо-Восточного Дагестана предоставляло необходимый провиант. После разгрома Мерваном хазар в состав Сувар-Джидана

вошли территории междуречья Терека и Сулака с г. Семендер [Фёдоров-Гусейнов 2000: 159, 160].

В конце IX — начале X в. Иованнес Драсханакертци зафиксировал часть савиров в армянских провинциях Ути и Чуаш. Местное население называло их *севордик* [Иованнес 1986: 162–163, 309]. Все это несомненные факты, указывающие на обитание предков чувашей на армянских землях.

По пути с юга на Волгу предки чувашей оставили ряд топонимических следов. Так, в Пензенском крае имеются такие метки: ручей *Тугай* — от чувашского мужского имени *Тукай*, курган *Укся-Тем*, по-чувашски *Укşa тём* «денежный холм», т. е. клад, гора *Хулату* «Город-гора», овраг *Хурамал* — от *хурама* «вяз» [Полубояров 2010: 185, 189, 194]. В Чувашской Республике есть несколько населенных пунктов с названием *Хурамал*. Однако с таким же успехом можно утверждать, что названные пензенские топонимы — результат поздних переселений.

Можно признать верным утверждение, согласно которому Волжская Болгария складывалась в результате объединения под одной властью самостоятельных этнополитических территорий [Мухамадеев 2014: 3–4]. Поэтому важно определить и уточнить местоположение суварских племен в составе Волжской Булгарии. Надежным источником в этом плане является дневник Ахмеда Ибн Фадлана. На юге Волжской Булгарии Ибн Фадлан последовательно перечислил встреченные их караваном реки: Ирхиз (Иргиз), Бачаг (Моча), Самур (Самара), Кинал (Кинель), Сух (Сок), Кюнджюлю (Кундурча). На последней реке арабская миссия встретила башкир. После Кондурчи была р. Джарамсан (Большой Черемшан), где и обитали сувары. Встреча арабского посольства произошла на расстоянии дня и ночи пути от ставки царя. Здесь представители Алмуша стояли четыре дня, ожидая прибытия всех князей Волжской Булгарии для встречи гостей [Ковалевский 1956: 131]. Князья представляли четыре основных племени страны — болгар, суваров, эскэл и барсула.

По определению неизвестного персоязычного автора конца X в., *Sūvar* — город, расположенный недалеко от г. *Bulghār* [Minorsky 1970: 163]. Ибн Са'ид ал-Магриби (= ал-Гарнати, XIII в.) отметил, что г. Савдā (Сувар) лежит на такой же широте, что и Булгār [Ибн Са'ид 2009: 31–32]. Стараниями Шигабуди-

на Марджани и Г. Н. Ахмарова было определено точное местоположение г. Суvara. Это местность в 4-х км от с. Кузнечихи, на запад по р. Утка. Затем были планомерные раскопки А. П. Смирнова. «Городище четырехугольной формы расположено в 4 км к западу от Кузнечихи и в 0,5 км к юго-востоку от Даниловки, на равнине, по левому берегу реки Утки» [Смирнов 1941: 137–138]. Более точно — Суварское городище расположено на месте деревни Татарский Городок Спасского района. К городищу также примыкали посады (Татгородские, Покровские и Кузнечихинские) [Руденко 2015а: 284–287]. По современным ориентирам земли суваров определяются в основном небольшой юго-западной частью Спасского района Республики Татарстан и всем Старомайнским районом Ульяновской области. Выходит, встреча арабской миссии произошла на земле суваров. А это говорит о том, что ко времени прибытия Ахмеда Ибн Фадлана сувары жили компактно в южной части Волжской Булгарии и не смешивались с булгарскими и другими племенами.

«Кроме того, он [Алмуш] захотел, чтобы произошла перекочевка [племен], и послал за народом, называемым суваз, приказывая им перекочевать вместе с ним. [Они] же отказали ему» [Ибн-Фадлан 1956: 139]. Иначе говоря, царь Волжской Булгарии общался с суvarами через посланника. А это означает и политическую, и территориальную независимость суваров от булгар. Вскоре, в том же 922 г., основная часть суваров, не согласных с политикой (в основном с религиозной переориентацией) Алмуша во главе с предводителем *Вырӑх* переправляется на правобережье Волги, на земли нынешних чувашей, юг Чувашской Республики и север Ульяновской области. Фактически происходит окончательное территориальное отделение суваров от государства Волжская Булгария.

По состоянию на XI в. на карте Махмуда Кашгарского Сувар помещен на правом берегу Итиля [Умняков 1940: 103–131], при этом не уточняется, что это: город или народ. Исследователи строят догадки, но всем известно, что г. Сувар размещен на левобережье. Конечно, у Махмуда Кашгарского речь идет об этносе, а не о городе.

Расшифровка эпитафии, найденной на архиерейской даче в Казани, позволила Н. И. Ашмарину прийти к выводу, что в конце XIII в. в окрестностях Казани существовало культурное наследие на языке, близком к языку нынешних чувашей [Ашмарин 1905: 23].

Из-за раздоров среди эмиров Золотой Орды, из-за разорительных походов Тамерлана в Булгарский улус в 1391 и 1395 гг., а также походов русских князей в 1376–1431 гг. территории ниже устья Камы (нынешние Самарская и Ульяновская области, юго-западные части Татарстана, южные районы Чувашской Республики) пришли в запустение и превратились в Дикое поле. Основная часть оставшегося населения ушла в северные земли. На пустырных землях нашли место для кочевий ногайские орды [Димитриев 1993: 48].

На карте, составленной венецианцем Фра-Мауро, на месте современного г. Чебоксары зафиксировано название средневекового города *Veda Suar* [Чекалин 1890: карта]. Автор карты умер в 1459 г. Выходит, составление карты было закончено не позднее этого года. Но на ней запечатлены факты более раннего времени. А это позволяет говорить о существовании не позднее первой половины XV в. на месте современных Чебоксар столицы средневековых суваров.

Согласно Царской жалованной грамоте от 1548 г., на Чепце совместно с вотяками жили чуваша [Акты 1836: 209]. В описаниях событий 1551 г. под Казанью летописи называют арских чувашей «Чаваша Арьскаа», «Чюваша Арьская», «Чюваша Арская») [ПСРЛ 13: 166, 467; 29: 63, 163]. Летописцы в 1552 г. зафиксировали также Чувашскую дорогу [ПСРЛ 13: 214; 29: 200, 227], ведущую из Казани в Сибирь. Она проходила через чувашские деревни. Позже дорога была переименована в Зюрейскую по названию чувашской деревни Зюри. Из писцовой книги Ивана Болтина (1602–1603 гг.) видно, что на территории Зюрейской дороги чувашских и чувашско-татарских поселений насчитывалось 64, на Арской — 54, Ногайской — 41, Алатской — 33, Галицкой — 17. Конфигурация их напоминала, скорее, треугольник, острый конец которого выходил на г. Казань, а основание уходило в районы расселения местных нетатарских народов. По писцовой книге Свияжского уезда 1565–1567 гг., имеем 24 чувашские деревни и 11 татарско-чувашских. В начале XVII в. чуваша фиксируются фактически на всей территории Казанского уезда [Исхаков 1998: 14, 89, 90]. О чувашских деревнях по Зюрейской и Галицкой дорогам имеются сведения и в других источниках второй половины XVII в. [Мустафина, Амерханова 2008: 16–56]. В середине XVI в. начинается заселение приказанских земель русскими людьми. Например, в писцовой

и межевой книге г. Свияжска и уезда за 1565–1567 гг. чувашское село Бежбатман уже числится исключительно как русское [Список 1909: XI]. Ныне это обрусевшее село Бишбатман входит в Зеленодольский район Татарстана. Согласно писцовым книгам г. Казани с уездом, на 1566–1568 гг. за р. Булак, у озера Кабан, было 150 татарских и чувашских дворов. Летом многие дворы стояли порожними, а зимой приезжали жить хозяева. А у р. Казань насчитывалось 33 чувашских двора. Кроме того, архиепископ Казанский и Свияжский Герман в Казанском уезде имел 106 дворов татарских и чувашских крестьян [Невоструев 1877: 53, 69, 74]. Имеется солидный сводный список чувашских деревень, расположенных во второй половине XVI–XVII вв. в Казанском уезде. Составлен он по писцовым описаниям, межевым книгам и другим грамотам [Димитриев 2014: 168–181]. Выходит, по состоянию на XVI–XVII вв. Казань и Приказанье были заселены не только татарами, но и чувашами. Притом до XVI в. такое явление следует считать более характерным, а после XVII в. — менее типичным.

Согласно писцовым и переписным книгам, а также актовым материалам XVI — первой половины XVII вв., в Казанском и Свияжском уездах (в сердце формирования казанских татар) проживали «ясачные чуваш» (чюваша). Во второй половине XVII в. их уже начинают называть татарами [Исхаков 1998: 80]. Конечно, этот процесс не что иное, как уход чувашей в татары. Причина сугубо административная и экономическая: у записанных в татары чувашей появляются возможности поменять юридический статус из тягловых на служилых крестьян.

С начала XVII в. идет процесс возвращения чувашей на покинутые южные земли, известные в истории как Дикое поле. Все это получило отражение и в ойконимах. Например, названия населенных пунктов Батыревского района имеются в верховых (Цивильском, Ядринском и Козловском) районах. Так, Старое и Новое Ахпердино, а также Бахтиярово вернулись на свои места из Цивильского уезда. В с. Батыреве имеются носители фамилии Вирьяловы (букв. «верховые»), являющиеся переселенцами из с. Ибresi, а ибресинцы, в свою очередь, переселенцы из Ядринского уезда: «Таким образом, намечается, вероятно, вторичное и сравнительно недавнее передвижение чуваш на юг с севера и северо-запада обитаемой ими территории» [Вишневский 1929: 234].

В XVIII в. происходит переселение части чувашей с правобережья Волги на плодородные луга Причеремшанья, практически на земли, которые занимали сувары по состоянию на 922 г. По характеристике Ивана Лепёхина, здесь простирались обширные и тучные поля по луговой стороне, а по правую сторону — перелески, покрытые дикими розами. Экспедиция Ивана Лепёхина остановилась в чувашской деревне Якушкино. Около этой деревни целые поля были покрыты арбузами и дынями, которые, по рассказам жителей, давали неплохой урожай. Как следует из отчета экспедиции, пашней занимались чуваша, а бахчевыми и табаком — кызылбаши (видимо, имеются в виду предки современных мишарей). Чувашское село Биляр следовало за Новой Максимкиной в 11 верстах, рядом находилась д. Биляр, оба селения были расположены при озере с тем же названием [Лепёхин 1771: 121, 131].

Геногеография

Генетики пишут о близости популяций Кавказа к популяциям Передней Азии. Такая картина свидетельствует об общей истории данных популяций. Из нее выпадают только кубанские ногайцы и караногайцы, которые тяготеют к популяциям Европы и Центральной Азии. Временем образования автохтонного населения Передней Азии называют период, следовавший за окончанием последнего ледникового максимума (ПЛМ, примерно XXIV в. до н. э.), а регионом — Юго-Восточное Причерноморье. Впоследствии оттуда племена мигрировали на территории Кавказа. Самые древние линии гаплогруппы Н (человеческая митохондриальная эталонная последовательность, с которой сравниваются все другие) встречаются с максимальной частотой на территории Южного Кавказа и в северной части Передней Азии. А это позволяет предположить, что возникновение и начальная эволюция гаплогруппы Н имела место именно в данном регионе. Генетики считают очевидным взаимное влияние популяций Кавказа и Передней Азии. Это генетическое единство имеет глубокие исторические корни, а происхождение кавказских популяций связано с территорией этого региона. Средняя частота западно-евразийских гаплогрупп

мтДНК в популяциях Кавказа составляет 88,58% (HV, H, V, J, T, U, N1, I, W, X), однако если рассматривать популяции Кавказа без ногайцев, то частота западно-евразийских линий составляет 92,78%. Выводы генетиков однозначно свидетельствуют об автохтонности народов Кавказа и указывают на переднеазиатское происхождение их генетического субстрата. Наиболее высокие частоты гаплогруппы H в популяциях Кавказа и Передней Азии составляют армяне, затем — карачаевцы, балкарцы и народы Дагестана [Кутуев 2010: 6–14; Кутуев, Хуснутдинова 2011: 170–195; Хуснутдинова и др. 2012: 752].

Существенную долю генетического пула кавказских популяций составляет гаплогруппа U. Бóльшая часть данных субклейдов первоначально возникла и эволюционировала на территории Передней Азии. А это позволяет предположить, что субгруппы U, распространенные на территории Кавказа, пришли именно из Передней Азии. Например, U1 практически не встречается в Европе и Центральной Азии, но широко распространена в популяциях Передней Азии, что вкупе с ее сравнительно невысокой частотой на Кавказе может свидетельствовать о проникновении U1 в данный регион именно из Передней Азии. Изучение главных компонентов популяций Кавказа свидетельствует, что этот регион разделяется на два отдельных кластера: один представляет Северо-Западный и Южный Кавказ, а другой — Северо-Восточный [Кутуев 2010: 15, 33, 36].

Что касается Y-хромосомы, то тут выделяется специфический для автохтонных популяций Кавказа профиль распределения частот гаплогруппы: высокая частота G-M201, J-12f2 (J1-M267 и J2-M172) и R1-M173 (преимущественно R1a1a-M198 и R1b1b269). Подобный профиль распределения частот гаплогрупп характерен только для автохтонных популяций Кавказа и не встречается больше нигде в мире. Гаплогруппа G-M201 встречается преимущественно на Кавказе, в Передней Азии и Средиземноморье. Для этнических групп Северо-Западного и Южного Кавказа характерно повышенное содержание гаплогрупп J2-M172 и G-M201, в то время как на Северо-Восточном Кавказе они встречаются гораздо реже, основная доля приходится на гаплогруппу J1-M267. Например, генетики указывают на связь субварианта гаплогруппы J2-M172 абхазов с народами Закавказья [Теучеж 2013: 22]. Кроме

того, по частоте перечисленных мажорных гаплогрупп следует отметить два отдельных региона внутри Кавказа. Так, для популяций северо-западной и южной частей региона характерна высокая частота гаплогрупп G2-P15, J2-M267 и R1a1a-M198. Этот регион включает в себя популяции абазин, адыгов, балкарцев, черкесов, кабардинцев, карачаевцев, осетин, мегрелов, армян и абхазов. Для Северо-Восточного Кавказа, представленного популяциями андийцев, аварцев, багуалинцев, чамалинцев, чеченцев, даргинцев, ингушей, кумыков, лезгин и табасаранов, характерны высокие частоты гаплогрупп J1-M267 и R1b1b2-M269 [Кутуев 2010: 37; Кутуев и др. 2010: 18–23; Хуснутдинова и др. 2012: 754–755]. Особенно высока частота гаплогруппы J1 у коренных малочисленных народов Дагестана. Например, у гунзибцев она составляет 100%, у цезов — более 99%, у бежтинцев — около 98% [Раджабов и др. 2014: 219]. Таким образом, популяции Северо-Восточного Кавказа, с одной стороны, и Северо-Западного и Южного Кавказа — с другой, являются в значительной степени разделенными по генетическому признаку. В то же время у них выражено общее переднеазиатское происхождение генетического субстрата. Подобная картина в значительной степени соотносится с представлением о двух путях заселения Кавказа, связанных с Западным Прикаспием и Восточным Причерноморьем, известных еще с глубокой древности.

Изучение этнических групп Кавказа с использованием маркеров Y-хромосомы, митохондриальной ДНК, а также полногеномного анализа показало наличие преимущественно (за исключением ногайцев) переднеазиатского компонента. Характерный для народов Кавказа переднеазиатский предковый компонент практически отсутствует у непосредственных северных соседей — народов Восточно-Европейской равнины [Хуснутдинова и др. 2012: 750].

Вариации ауtosомных (неполовых) генов на Кавказе показывают значительное единообразие среди этнически и лингвистически разнообразного населения и согласуются преимущественно с версией ближневосточного происхождения кавказцев с незначительными внешними воздействиями. В отличие от ауtosомных и мтДНК вариаций показатели региональных Y-хромосом дают основание различать восточных и западных северокавказцев. Кроме того, племена Кавказа и Восточной Европы в период после последнего ледникового максимума, возможно, послужили рефугиумом

для заселения Восточной Европы. Произошло это 26 000 лет назад. В это время первые переселенцы через Кавказ достигали северных районов [Yunusbayev et al. 2012].

В целом распределение гаплогрупп мтДНК, как и Y-хромосомы, а также анализ линий в популяциях Кавказа свидетельствуют о том, что генетическую популяцию Кавказа составляет автохтонный субстрат.

Анализ аутосомных данных показывает, что кластер (объединение нескольких однородных элементов) K = 7 является основным родословным компонентом кавказских народов. Данный кластер присутствует на Ближнем Востоке, но практически отсутствует среди непосредственных северных соседей — населения Восточно-Европейской равнины. Однако по аутосомным данным есть некоторые доказательства противоположного потока генов из Восточной Европы на Северный Кавказ, что подтверждается наличием Y-хромосомных гаплогрупп R1a1. Таким образом, налицо генетические разрывы между Кавказом и Восточно-Европейской равниной. Это свидетельствует о том, что ядро аутосомно-генетической структуры популяций Кавказа сформировано до его современного языкового разнообразия.

Карта генофонда народов Кавказа показывает регион как арену проникновения северных степных и малоазийско-ближневосточных импульсов. При этом важную роль играли такие пути проникновения, как дарьяльский и приморский каспийский. В целом карта показывает ближневосточный путь заселения Кавказа [Ковалевская 2016: 49–50].

В то же время гаплогруппа H занимает одно из первых мест по частоте распространения у большинства народов Волго-Уральского региона (у башкир, татар, чувашей, мордвы и марийцев). По частоте распространения в популяциях Волго-Уральского региона важное место занимает кластер U, считающийся одним из самых древних, его эволюционный возраст составляет 50 000 лет. Данный кластер в регионе имеет наибольшее значение у чувашей (43,6%), коми-зырян (37,1%), татар (29,4%) и башкир (28,5%). В Волго-Уральском регионе наибольшее распространение получили гаплогруппы U5 и U4. Наряду с финно-угорскими популяциями гаплогруппа U5 с высокой частотой выявлена у башкир, татар и чувашей. Подкластер U3 в Европе встречается

редко и не обнаружен в Центральной Азии. Высокий уровень генетического разнообразия гаплогруппы U3 выявлен в популяциях Кавказа (Осетия, Грузия, Армения) и Турции. В популяциях татар и чувашей данный подкластер представлен двумя линиями, найденными ранее у турков, армян и ногайцев [Бермишева и др. 2002: 992–994, 996].

Своеобразие генофонда чувашей в сравнении со всеми соседями генетики видят в первую очередь в резко повышенных частотах гаплогрупп E и J. А эти гаплогруппы типичны для Передней Азии. Частота гаплогруппы J очень характерна и для народов Кавказа. Например, у кубачинцев J1* составляет 99%, кайтагцев — 85%, J2a4b* у ингушей — 87% [Балановский 2015: 79, 181]. Имеется исследование структуры генофонда коренного населения Дагестана, принадлежащего к цезской группе народов, по маркерам Y-хромосомы. Изучены популяции, представляющие цезов, гунзибцев, бежтинцев и гинухцев. Основной чертой их генофонда является очень низкое генетическое разнообразие за счет преобладания гаплогруппы J1. Наблюдаются сильные эффекты основателя. Как известно, цезские группы живут в пограничных с Грузией районах. Здесь частота гаплогруппы J1 достигает практически 100%. «Выявленная структура генофонда свидетельствует о сильной и длительной генетической изоляции этносов цезской группы от остальных народов Кавказа и сохранении у них исходного гаплогруппного состава, характерного для первых коренных жителей западного Дагестана» [Глазунова и др. 2016: 30]. Как видим, современные чуваша по показателям E и J сильно тяготеют к народам Кавказа и Передней Азии.

Среди урало-поволжских тюркских народов чуваша обладают наибольшими частотами гаплогрупп H, K, U2 и V, что, несомненно, свидетельствует о высоком проценте линий мтДНК в их генофонде [Булыгина, Соловьев 2013: 73–74]. Если сказать более определенно, то следует признать западно-евразийское происхождение исторических предков чувашей. Точнее, они имеют историческую и генетическую связь с автохтонным населением Кавказа, в том числе Закавказья.

Распределение частот гаплогрупп Y-хромосомы среди народов Волго-Уральского региона свидетельствует о преобладании здесь гаплогруппы R1a1a-M198 [Трофимова и др. 2015: табл. 1]. Самая

высокая частота у мордвы — 42,4%. У чувашей эта частота составляет 29,5%. Близкими к чувашам по частоте являются бесермяне (32,1%). В этом отношении народы Волго-Уральского региона близки к автохтонам Кавказа: у них R1a1a-M198 также входит в число преимущественных мажорных гаплогрупп. Притом у чувашей имеется большое сходство с народами северо-западной и южной частей Кавказа. При этом следует учесть, что рассматриваемая гаплогруппа R1a1a-M198 на территории современного Дагестана изначально отсутствовала [Хуснутдинова и др. 2012: 755]. Изучение популяций в генетическом пространстве евразийской степи и смежных регионов по набору 24 гаплогрупп Y-хромосомы показывает близость чувашей, прежде всего, к карачаевцам и балкарцам [Схалыхо и др. 2013: Рис. 3].

Однако у народов Волго-Уральского региона достаточно высокие показатели и гаплогруппы N-M231, имеющие параллели с Южной и Западной Азией, а также с Внутренней Азией и Южной Сибирью [Трофимова и др. 2015: 123]. У чувашей N-M231 имеет 27,3%, близкие показатели у казанских татар — 28,3%, самые высокие показатели N-M231 у марийцев — 79,5%. По частоте гаплогруппы N в мтДНК среди популяций Волго-Уральского региона чувашаи занимают первое место. Этот показатель составляет у них 69%, у бурзянских башкир и казанских татар — соответственно 57 и 56%. Почти аналогичная картина по частоте гаплогрупп Y-хромосомы среди популяций Волго-Уральского региона. Чувашаи по этим показателям близки к марийцам, коми и туймазинским татарам. По данным мтДНК, в целом чувашаи в Волго-Уральском регионе ближе всего к казанским татарам и дальше всего от пермских башкир [Трофимова 2015: 8, 16, 17]. В разрезе гаплогруппы N приходится признать значительное влияние на чувашей племен Внутренней Азии и Южной Сибири, даже больше, чем на урало-поволжских башкир и татар. Притом по ДНК-локусам ядерного генома чувашаи ближе к марийцам и удмуртам, чем к татарам и башкирам. Генетическую близость популяции чувашей к удмуртам и марийцам можно объяснить их территориальной близостью, а также историческим смешением чувашей с марийцами [Васильева и др. 2013: 3, 18].

Современные исследования европеоидных компонентов в митохондриальном (внеядерном) генофонде народов Волго-Уральского

региона позволило обнаружить большую пропорцию европеоидности в популяциях коми (83%) и мордвы (76%), меньшую — в популяциях марийцев (53%) и чувашей (63%). В то же время по данным ДНК-локусов чуваша в регионе показывают наибольшую долю европеоидности (98,3%, наименьшая у башкир — 66,3%).

Вся эта генетическая картина свидетельствует, по крайней мере, о соединении в популяции чувашей трех основных геномов, имеющих кавказское, европейское и южно-сибирское сближение.

Образцы 96 неродственных лиц из Чувашии были секвенированы по показателям молекул митохондриальной ДНК. Большинство обследованных людей, как и все представители западных и северных европейцев, обнаруживает гаплогруппы H (31%), U (22%) и K (11%), но названные показатели отсутствуют в алтайских или монгольских популяциях. Таким образом, исследования мтДНК-маркеров показывают, что исходно чуваша не связаны с алтайским и монгольским населением по материнской линии [Graf et al. 2010; 2012: 17–67]. В то же время анализы отдельных генов в популяции чувашей свидетельствуют в пользу их монголоидности (например, аллели 240), а некоторые (например, аллели 244) — в пользу европеоидности [Хуснутдинова и др. 2003: 1557]. Притом чуваша сменили автохтонный язык на тюркский, а генофонд их остался без значительных изменений [Балановский 2012: 20].

Чрезвычайное значение имеет изучение аллелей лейкоцитарных антигенов (Human Leukocyte Antigens, HLA) путем анализа ДНК. Анализ HLA аллелизма вместе с другими генетическими маркерами представляет собой ценный инструмент для трассировки миграции древних людей, а также для определения этнического состава современного населения. Эта система является полезным инструментом для изучения происхождения определенных групп, в том числе и чувашей. Частота гаплотипов чувашей подтверждает различный вклад центральных европейцев и кавказцев, евроазиатов и средиземноморцев. С другой стороны, конкретные тюркские аллели или гаплотипы (при сравнении чувашей с современным тюркским населением) не были найдены у тюркоговорящего чувашского населения. Некоторые гаплотипы уральских народов, найденные у чувашского населения, отражают определенное влияние населения, проживающего в соседних с чувашами райо-

нах. Родство чувашей с кавказцами и народами Ближнего Востока показывает, что генофонд чувашей характерен для популяций древнего Ближнего Востока, Кавказа и Северной Месопотамии [Arnaiz-Villena et al. 2003: 375–392].

Антропология

В составе Центрального Кавказа выделяют кавкасионский тип. Сюда отнесены осетины и картвельская группа (сваны, пшавы, рачинцы и др.). Кавкасионский тип представлен и в Западном Дагестане (аварцы и андийская группа). В целом все население Кавказа, проживающее по отрогам центральной части Кавказского хребта, объединяет морфологическое сходство. Антропологи пишут о формировании кавкасионского типа на той же территории, какую он занимает в настоящее время. Это результат консервации особенностей древнейшего населения, восходящего к эпохе неолита или верхнего палеолита и относившегося к палеоевропейскому типу европеоидной расы. Изоляция в труднодоступных районах высокогорья способствовала сохранению этих особенностей, поэтому есть основание говорить не только об антропологических, но и культурно-исторических особенностях [Алексеев 1963: 28–64]. Сходство популяционных характеристик Северного Кавказа и Западного Закавказья показывает, что основу онтологического статуса северокавказских популяций составляет морфологический комплекс западного подтипа южного грациального типа [Кашибадзе 2007: 30–31].

Анализ краниологического материала с территории Северного Кавказа от эпохи бронзы до Средневековья, связанного с предками балкарцев, приводит к выводу о том, что не выявляются ни аланский, ни тюркский компоненты. Современные балкарцы, как и карачаевцы, чеченцы, ингуши, осетины и представители горно-грузинских групп, входят в круг популяций понтийского антропологического типа, хотя всеми признается существенное влияние огузских племен на карачаевский язык и доминирование в балкарском языке кыпчакского слоя. Таким образом, тюркизация на Кавказе не сопровождалась сменой населения. Если допустить биологическое смешение, то оно имело спорадический характер, хотя

связи с кочевниками южнорусских степей на этнографическом уровне очевидны [Герасимова 2013: 52–53, 68–69]. Савиры, обитавшие на Кавказе с древнейших времен до конца IX в., фактически должны характеризоваться теми же кавказскими антропологическими показателями.

Антропологические исследования салтово-маяцких могильников показали, что все похороненные относятся к брахикранам-европеоидам. Такие же показатели обнаружены в образцах из Волжской Булгарии и Дунайской Болгарии [Плетнева 1981: 70].

Судить об антропологическом типе жителей города и страны Сувар (VI–VIII вв., северо-западное Прикаспийское побережье) можно по краниометрическим данным серий из могильников Урцеки, Дегва, Агач-кала, Узун-тала: «Тип, представленный в этих могильниках, коренной дагестанский, связанный с древним пластом автохтонного населения обширного этнокультурного региона, в границы которого входят как предгорья, так и некоторые горные районы Дагестана» [Фёдоров, Фёдоров 1978: 186–187]. Прослеживаются также связи этого региона с Закавказьем и Передней Азией.

Как считала Т.А. Трофимова, в состав формировавшейся чувашской народности вошли несколько основных антропологических типов: лапоноидный тип, европеоидный восточно-средиземноморский тип, европеоидный относительно широколицый тип, широконосый и прогнатный тип с «негроидными» особенностями, монголоидный длинноголовый тип с относительно узким лицом [Трофимова 1950: 64].

В могильнике Донауровского некрополя г. Джукетау (на западной окраине современного г. Чистополя Республики Татарстан), датированного XI–XII вв., выявлено около 30 захоронений. Антропологический материал свидетельствует о начальном этапе этнокультурного и этногенетического взаимодействия местного населения, имеющего поволжско-приуральские истоки, с группами населения, переселявшегося на Среднюю Волгу с территории распространения салтово-маяцкой культуры. Для первых характерен брахикранный мезоморфный тип с небольшой монголоидной примесью, для вторых — резко европеоидный долихокраний комплекс [Газимзянов, Набиуллин 2011: 22].

Остеологические данные средневекового населения Поволжья позволяют реконструировать физический тип. Тогда люди были

брахиморфны, с укороченными нижними конечностями. Чуваша наряду с марийцами и удмуртами имеют наибольшее сходство со средневековым населением Поволжья [Тихонов 2003: 222].

Согласно М. С. Акимовой и Т. И. Алексеевой, мужские черепа северных и южных чувашей очень сходны между собой. Различия очень незначительны и позволяют отнести мужские черепа южных и северных чувашей к одному антропологическому типу. Т. А. Трофимова допускала также включение и другого монголоидного компонента, который, видимо, был принесен гунно-булгарскими племенами. Уральский тип в смягченном варианте — субуральском — наиболее ясно выявляется в женской серии с территории южной Чувашии [Акимова 1955: 82, 84, 86]. Конечно, под гунно-булгарскими племенами в южной части Чувашии следует иметь в виду, прежде всего, суваров.

По визуальным наблюдениям, у верховых чувашей во второй половине XVIII в. волосы на голове и бороды были желтыми или рыжими, рост средний [Миллер 1791: 11]. Исследователи отмечают чрезвычайную пестроту антропологических типов среди чувашей. Например, в первой половине XIX в. А. А. Фукс заметила, что среди чувашей из 20 человек невозможно найти два лица, одинаковых между собой [Фукс 1840: 95]. Данные по чувашам на конец XIX в. по Уфимской епархии обнаружили следующие отличительные показатели: цвет кожи желтоватый, волосы преимущественно русые, скулы выдающиеся, лоб низкий, глаза узкие, борода редкая, рост средний, телосложение слабое [Златоверховников 1899: 34]. По данным на 1911 г., чуваша характеризуются смешанным типом по цвету волос и глаз, но с резким преобладанием темного типа над светлым. По головному указателю больше брахицефалов (42%), но значителен и процент долихоцефалов (32%) и мезоцефалов (26%) [Ивановский 1911: 387].

В 1936 г. в Чувашской Республике работала экспедиция НИИ и Музея антропологии МГУ. Результаты свидетельствуют, что чуваша в целом характеризуются низким ростом, длинной и средней ширины головой, средневысоким переносьем, пониженным ростом бороды. По одним признакам они сходны с левобережными мари, ижевскими удмуртами и коми-пермяками, по другим — с татарами [Алексеева 2004: 50–51]. Исследования низовых и верховых чувашей в середине XX в. свидетельствуют, что суммарно

население характеризуется средними показателями по многим параметрам. У них средний рост, в основном темные волосы, слабый рост бороды и очень слабый волосяной покров на теле, средневысокое и среднеширокое лицо со средней профилировкой. Нос также средней высоты и ширины, высота переносья чуть ниже средней, профиль носа и профиль костной части носа прямой. Однако голова брахицефальная, лоб средненаклонный, надбровье среднее [Алексеева 1955: 94].

По данному вопросу, как наиболее точное, можно принять утверждение В. П. Алексеева: «Даже при поверхностном морфологическом описании видно, что краниологически чуваша похожи на своих финноязычных соседей» [Алексеев 1971: 248]. Краниоскопические и краниометрические показатели свидетельствуют о близости чувашей к мордве, луговым марийцам, а также о наличии у них значительного финского субстрата [Козинцев, Моисеев 1995: 85, 86]. Замеры Т. И. Алексеевой говорят о близости чувашей к горным марийцам [Алексеева 1955: 94]. С. Г. Ефимова пишет о сходстве морфологических особенностей чувашских черепов с таковыми у финно-угорских групп Поволжско-Приуральского региона [Ефимова 2004: 60]. Исследования современного населения северных районов Чувашской Республики позволяют говорить о том, что наибольшую и практически одинаковую генетическую близость чуваша обнаруживают с марийцами, двумя субэтническими группами коми и татарской популяцией [Спицын и др. 2009: 1274]. Такой вывод фактически, с исторической точки зрения, ожидаемый. Расширение района исследования включило бы и некоторые другие народы региона, имеющие антропологическое сходство. Например, особенности изменчивости пальцевых узоров народов Волго-Камского региона демонстрируют сходные тенденции во всех изученных группах. Особенности распределения признаков на пальцевых подушечках указывают в целом на преобладание европеоидного компонента в дерматоглифике башкир, марийцев, татар и удмуртов Башкирии, чувашей Чувашской Республики, а также мордовских и русских мужчин юго-восточной Мордовии [Шпак и др. 2015: 162]. Данные антропологические сходства разноразличных народов Волго-Камья объяснимы не столько их генетическим родством, а, прежде всего, их географической близостью и многовековым соседством.

Население Чкаловского района (ныне входит в Батыревский район) является наиболее европеоидным. В целом оно приближается к валдайскому или балтийскому типу. К чкаловцам больше всего близки яльчикцы. Здесь люди имеют свой набор признаков: у них более темная пигментация, рост выше среднего, большой процент высоких переносий и сильной профилировки лица. Все это обнаруживает в них черты понтийского типа. Население Первомайского района, хотя и южное, характеризуется теми же признаками, что и население северных районов. От батыревцев и яльчикцев они отличаются более низким ростом, но, как и они, имеют несколько бóльшую европеоидность по сравнению с верховыми чувашами [Алексеева 1955: 94]. Как подтверждают краниологические исследования, чувашаи (особенно южные) относятся к ряду наиболее европеоидных народов [Моисеев 1999: 47, 50, 62]. Современные исследования европеоидных компонентов в митохондриальном (внеядерном) генофонде народов Волго-Уральского региона позволили обнаружить бóльшую пропорцию европеоидности в популяциях коми (83%) и мордвы (76%), меньшую — в популяциях марийцев (53%) и чувашей (63%) [Хуснутдинова и др. 2006: 142, 146].

Монголоидный признак по всей Чувашской Республике выражен неравномерно. Проявляется он резче всего в горизонтальной профилировке лица и наличии эпикантуса. В степных районах этот признак выражен совсем слабо, население этих районов тяготеет к европеоидам Среднего Поволжья, в частности, к мордве. Монгольские признаки чувашей не являются следствием физического воздействия Золотой Орды. Антропологи считают, что смешение европеоидных и монголоидных типов произошло в Среднем Поволжье на более раннем историческом этапе. Появление монголоидности на территории Среднего Поволжья, возможно, имело место на рубеже эр [Алексеева 1955: 94, 96, 97].

Как верно отмечают антропологи, сходство между общностями по культурным характеристикам не всегда может считаться свидетельством общности происхождения. Также сходство физических характеристик представителей отдельных общностей не всегда говорит об их культурном единстве. Как биологические, так и этнические общности в своей истории проходят «переплавку» в новой социально-экологической обстановке. Формы, темпы и конкретика

такой «переплавки» и должны быть темой тщательного исследования. Иначе говоря, социально-исторические и биологические факторы племен и народов «являются сторонами единого процесса — освоения человеком земного пространства, приспособления к нему» [Дубова 2002: 72–73].

Археология

В 2014 г. в низовьях р. Рубас (Дербентский район Дагестана) были проведены раскопки. Совпадение хронологии архитектурного объекта (середина V в.) с заключительным этапом бытования Паласа-сыртского поселения (VI в.), резкая смена облика, датируемая серединой V в., а также верхняя дата могильника (середина V в.) указывают на то, что внедрение в регион и закрепление в его пределах Сасанидского Ирана вытеснило обитавшие здесь племена за пределы своего влияния к северу от Дербентского прохода [Гмыря и др. 2015: 166]. Данное открытие дагестанских археологов трудно переоценить, и вот почему. История показывает, что в V в. в регионе происходили значительные события. В 445 г. Атила насильственно устраняет родного брата Бледу, командовавшего восточными гунно-савирами, и захватывает власть в свои руки. В 453 г. умирает сам Атила, и таким образом для савиров открывается перспектива. Примерно в 463 г. савиры, обитавшие на западном побережье Каспийского моря, якобы из-за вторжения аваров нападают на земли соседних племен (сарагуров, урогов и оногуров). Сарагуры, как утверждается в литературе, в свою очередь, нападают на акациров. Вскоре савиры и вовсе вынуждают оногуров (булгаров) покинуть их земли и передвинуться на запад Предкавказья. Однако в середине V в. савиры покидают Дербентский регион не из-за аваров, а в первую очередь из-за наступления Сасанидского Ирана и полностью овладевают Юго-Восточным Предкавказьем. Археологическое открытие 2014 г. окончательно объясняет глобальные передвижения племен в середине V в. на Северном Кавказе.

На Кавказе нас больше всего интересуют могильники, например, в Верхнем Чирюрте (Кизилюртовский район Республики Дагестан). Неустойчивая ориентировка здешних погребений свидетельствует об этнической неоднородности населения При-

сулакской низменности эпохи раннего Средневековья. Это отражается и в краниологическом материале. Принимая во внимание свидетельства источников, можно допустить, что в составе населения, оставившего этот могильник, определенное место занимали пришлые элементы, связанные с савирами и булгарами. К тому же грунтовые могилы занимают здесь особый участок.

Впускное погребение на кургане Уч-тепе (Азербайджан) связано с походами северных племен в Закавказье. Здесь найдена золотая византийская монета Юстина I (518–527 гг.). Инвентарь из погребения (меч с односторонним лезвием, золотой поясной набор, золотой перстень с пехлевийской надписью) позволяет датировать погребение концом VI — началом VII в. [Фёдоров, Фёдоров 1978: 61, 64]. Это время расцвета великолепного Варахана и «Царства гуннов» (т. е. савиров) в целом.

Археологический материал позволяет судить об ассимиляции савиров с аборигенами Кавказа: «Интересен факт наличия на поселениях Северного Дагестана серой и черной глиняной посуды, аналогичной той, которая в значительном числе известна в болгарских городах Среднего Поволжья как по левобережью Волги, так и правому берегу, включая территорию Чувашии» [Смирнов 1973: 133]. Такая посуда встречается на Средней Волге только с X в.

Значительный интерес представляют находки с земель салтово-маяцкой археологической культуры (VIII–IX вв.). Среди них орудия земледелия: тяжелые наральники, серпы, косы-горбуши, виноградные ножи и жернова. В число орудий труда, которыми работали ремесленники, входят щипцы, долота, напильники, сверла, молоты, ножницы, пряслица, шила, кочедыки. Обнаружены предметы повседневного быта: ножи, рыболовные крючки, точила, путы для лошадей, крючки и цепи для подвешивания котлов, кресала, шампуры и вилки для мяса. Деревянную посуду салтовцы изготавливали на токарном станке. Края сосудов для прочности оковывали бронзовыми пластинками [Плетнева 1981: 72].

Несомненный интерес представляет вопрос о ситуации на Среднем Поволжье к приходу сюда племен из южных регионов в VIII–IX вв. В их числе население городища и селища Новая Беденьга в Ульяновском Предволжье в эпоху Великого переселения [Вязов, Семькин 2016]. Как отмечают археологи, основной деятельностью населения изучаемых памятников была черная металлургия.

Об этом свидетельствуют заготовки руды, скопления железного шлака и следы производственных сооружений. В слоях середины VIII–IX вв. обнаружено сочетание древностей салтово-маяцкого круга с вещами и керамикой прикамского облика.

Археологами подтверждается заселение суvarами правобережья Волги в начале X в. На территории Чувашской Республики болгарские и суварские поселения появились на черноземных полях вдоль р. Булы, Улемы и Кубни. Здесь, близ селений Большие Яльчики, Байдеряково, Арабузи, Новое Ахпердино, Старые Тойси, Русские Норваши, Янашево и др., открыты селища. Найдены обломки гончарной посуды, пряслица, кости домашних животных и другие культурные остатки [Каховский, Смирнов 1972а: 116].

На основе синтеза аборигенных культур и принесенных сюда из южнорусских степей болгарских и суварских культур в X–XIII вв. на Средней Волге складывается болгарская археологическая культура. В ней большую долю занимает и суварское наследие. Наиболее типичным материалом среди археологических находок является керамика (кувшины, горшки, миски). Значительную долю составляют изделия кузнецов и ювелиров (замки, сельскохозяйственные орудия, оружие, украшения). Грунтовые могильники незначительной глубины ориентированы по линии запад — восток. Преимущественно содержится большое количество вещей: украшения, оружие, конская упряжь, сосуды. На могильниках в изголовьях погребений зафиксированы деревянные столбы *юна*, известные на чувашских кладбищах и в наши дни. С начала X в. появляются черты мусульманской культуры: отсутствие или минимальное количество инвентаря, некоторые погребенные повернуты лицом к югу, т. е. к Мекке, иногда они лежат на боку. В XIII в. появляются каменные надгробия с арабографичными эпитафиями. На общем фоне Волжской Булгарии также выделяются могильники в бассейне р. Черемшан. Если могильники на других территориях характеризуются однообразием погребального обряда, то черемшанские выпадают из этой серии. Должно быть, это рудименты домусульманских суварских традиций.

Раскопки показали, что г. Сувар с трех сторон (СВ, ЮЗ и Ю) было окружено валами и рвами, имеющими по состоянию на 30-е гг. XX в. до 10 м глубины. С северной стороны, на берегу р. Утки, уцелели следы основания башни четырехугольной фор-

мы (12 × 12 м). Облик города, его размеры, пригород, занимающий площадь около 10 кв. км, дают основание видеть в этом памятнике один из крупных центров. Об этом же свидетельствует большое количество находок, собранных на городище. Высота вала на месте раскопа в 30-х гг. XX в. составляла 2 м над слоем погребенного чернозема. Насыпь состоит из глины, смешанной с черноземом и кусками глиняной обмазки. Вся эта масса плотно утрамбована и трудно поддается кирке и лому. Раскопки показали, что вал сохранил в себе остатки деревянной стены из ряда срубов, поставленных впритык один к другому по окружности города. Срубы были засыпаны глиной и черноземом, смешанным с кусками глиняной обмазки, обломками кирпичей и шлаков. Вскрытая площадь дала границу двух срубов, из которых один является крайним, так как бревна следующего сруба рядом не прослежены. Ширина сруба составляет от 3,5 до 4 м при длине около 5 м. Обнаружены сваи моста через ров. Обилие дерева в верхних слоях раскопа заставляет считать, что со стороны р. Утки город был окружен также деревянной стеной из ряда срубов. В нижней части стены обнаружены остатки сгоревшего многоугольного сооружения из трех венцов дубовых бревен 0,20–0,22 м в поперечнике, соединенных между собой «в обло». Судя по расположению бревен, они представляют собой остатки крепостной стены (ширина около 3 м). Перед стеной выступала башня. С внешней стороны вал огражден рвом, следы которого заметны в виде впадины до 1 м глубины и 10 м ширины. Второй вал, судя по размерам, мог быть укреплен тыном [Смирнов 1941: 138–140]. Аналогичные конструкции имели городища в Билляре, Булгаре и Ошеле.

Особый интерес представляет Тигашевское городище, расположенное на правом берегу Булы. Всего за три года на городище было вскрыто почти 6000 кв. м площади. Установлено, что история памятника расчленяется на четыре периода.

1. Срубная стоянка.
2. Сооружение первого святилища (Г. А. Фёдоров-Давыдов обобщенно назвал его болгарским, но оно явно суварское), окруженного рвом (без валов).
3. Сооружение городища с мощной системой укреплений; внутри строится второе святилище с деревянной фигурой божества.

4. Внутренняя площадка городища застраивается жилыми и ремесленными сооружениями; второе святилище разрушено: жилая территория городища расширена за счет уничтожения внутреннего кольца обороны [Фёдоров-Давыдов 1962: 49–89].

Мощность стоянки эпохи бронзы в среднем составляет 0,6–0,7 м (3 пласта по 20 см). Г. А. Фёдоров-Давыдов относил ее к первой половине II тысячелетия до н. э. Первое святилище представляло собой прямоугольную площадь, обнесенную деревянным забором. Сохранились лишь канавки, куда были вставлены деревянные доски. В середине юго-восточной стены святилища находился вход шириной 2,4 м, по бокам которого стояли деревянные столбы. Пройдя этот вход, посетитель оказывался в прямоугольном пространстве. Напротив первого входа имелся второй. Он не был оформлен столбами, как первый. В центре святилища на глиняной забутовке находилось большое пятно очень сильно прокаленной земли, на которой лежал слой белой золы. Такие следы говорят о кострище, огонь которого горел здесь очень долго. Площадь прокаленной земли составляет 0,5 м в овале. Период существования святилища был достаточно продолжителен. Это святилище явно служило местом для культовых действий, а не жильем. Г. А. Фёдоров-Давыдов допускает, что именно перед святилищем было главное скопление народа, а не внутри него, куда допускались не все. В сравнение он приводит славянские источники.

Затем на месте разрушенного святилища было построено мощное укрепление. Оборонительная система Тигашевского городища представляет собой сложное фортификационное устройство из трех валов и рвов. Три линии вала и рвов прикрывают городище с востока, юга и юго-запада. С севера и северо-запада городище защищено рекой и непроходимым болотом. Городище соединял с материком перекидной мост. Осаждающие войска, прорвав первые ворота внешнего оборонительного кольца, попадали в пространство между первым и вторым валами. Это заставляло противника развернуть свои силы. Таким образом, они подставляли свои бока защитникам крепости. Если нападающие прорывали вторую линию, то они попадали в закрытое пространство между вторым и третьим валами. Силы противника шаг за шагом значительно таяли. Автор раскопок считал, что крепость представляла собой в это

время феодальный замок. Он был построен на месте старого святилища. Рядом со старым *Киреметем* внутри было построено новое святилище. Внутри прямоугольной ограды, в средней части, напротив входа, стояла фигурка божества в виде столба. От столба сохранилась лишь нижняя часть, врытая глубоко в материк. В сырой глине дерево сохранилось хорошо. Его нижняя часть обработана топором, диаметр столба в нижней части 65 см, в верхней — 50 см. Сохранившаяся часть имеет высоту 1,26 см. С внешней стороны забора, около восточного угла, в яме найдены кости лошади. У восточного угла ограды обнаружен расчлененный скелет собаки. Еще два костяка собаки найдены на северном валу городища. Со временем второе святилище было расширено и застроена его внутренняя территория. Здесь имелась печь. Положение печи в углу дома и наличие деревянных брусьев под печью свидетельствуют о параллелях с устройством чувашского крестьянского дома. Площадь самого жилища с печью составляет 45 кв. м. Рядом был обнаружен подпол другого дома. Найденные здесь обломки бронзовых и медных шлаков, а также бронзовых гвоздей говорят о том, что здесь жил и работал кузнец и бронзолитейщик.

Керамика Тигашевского городища представлена большим количеством обломков посуды. Всего поднято более 19000 фрагментов. Процент лепной керамики соответствует обычной для X–XI вв. доле лепной посуды в общем количестве черепков. Типичен для X–XI вв. высокий процент коричневой керамики. Найденная ручка кувшина из трех витых стволов имеет очень близкие аналоги в памятниках первой половины I тысячелетия из Нижнего Подонья, в том числе из поздних слоев Танаиса. На городище найдены также стрелы, пряжки, топор, бусы, плинфа и шиферные пряслица. Весь памятник в целом датируется X–XI вв.

Тигашевское городище богато остатками ремесленной и сельскохозяйственной деятельности, оружием, бытовыми и культовыми предметами. Ремесленник покупал металл в слитках. Такие обрубленные слитки найдены при раскопке мастерской. В переплавку шел бронзовый и медный лом. Сохранилась бронзовая ложка, которой лили расплавленный металл. В мастерской найдена стрелка от весов, что свидетельствует о связи мастера с рынком. Имеются предметы (обрезки костей, костяные пластины с витым узором), говорящие о косторезном ремесле. О ткацком

производстве свидетельствуют шиферные пряслица. О сельском хозяйстве дает представление плужный нож. Найдены также обломки косы, жернова с плоской рабочей поверхностью, рыболовный крючок и грузила. Большая редкость среди археологического материала — пила XI в. — свидетельствует о высоком уровне обработки дерева. Из оружия представлены железные стрелы, обломки боевого топора.

В целом Тигашевское городище представляет собой памятник доисламской религии и зарождающегося феодализма в Волжской Булгарии. Г. А. Фёдоров-Давыдов пришел к выводу о том, что «Тигашевское святилище было религиозным центром племени или группы племен, переселившихся на территорию юга современной Чувашской АССР в X в.» [Фёдоров-Давыдов 1962: 85]. Переселение на р. Булу не было, видимо, медленным и постепенным. Можно предположить, что произошло переселение больших масс в короткий срок. И связано это было с перенесением племенного святилища. Полное отсутствие костей свиньи на городище свидетельствует о том, что здесь вскоре восторжествовало мусульманство.

В XVIII–XIX вв. городище близ д. Тигашево почиталось как *киреметийце*. При раскопках было найдено свыше десятка монет этого времени — приношения божеству местности. Земля, занятая святилищем, не вспахивалась. «В южной части внешнего вала виден проем, сделанный, как сообщили жители дер. Тигашево, сравнительно недавно; через этот проем прогоняли скот... После этой церемонии считалось, что скот защищен от болезней и падежа» [Фёдоров-Давыдов 1962: 89]. В 1995 г. городище включено в федеральный список охраняемых государством памятников. Однако следует отметить, что археологические раскопки на юге Чувашской Республики не ведутся. Здесь ждут своего часа памятники начала X в. В том числе есть настоятельная необходимость дальнейших работ на Тигашевском городище.

В 2010 г. у с. Большие Ключищи Ульяновской области обследовано два поселения. Анализ керамического материала позволил отнести его к срубной культуре и датировать XVI–XIII вв. до н. э. А во второй половине XIII–XIV вв. н. э. на этом месте существовала уже другая археологическая культура, о чем свидетельствуют два фрагмента гончарной керамики. Участники раскопок относят их к группе болгарской керамики [Воробьева, Федулов 2016: 235,

238, 245]. Из истории известно, что южные районы современной Чувашии и северные районы Ульяновской области занимали сувары. Данную керамику характеризуют такие признаки, как запесоченность, шершавость, звонкий черепок.

Городище Хулаш, датируемое X–XII вв., расположено в 3 км от с. Кошки-Новотимбаево Тетюшского района Республики Татарстан. Его общая площадь составляет 40 га вместе с пригородом. Оно возникло в 922 г. одновременно с Тигашевским городищем как суварская крепость. Это была резиденция князей с укрепленной цитаделью и посадом. Сама крепость имела вид неправильно-четырехугольника, северная сторона которого составляла 230 м, восточная — 150 м, южная — около 300 м и западная — 100 м. Ландшафт благоприятствовал хозяйственным занятиям населения [Кажовский, Смирнов 1972].

Раскопки городища и могильника у с. Большая Таяба позволили датировать слой концом XII — началом XIII в. Керамика (за исключением красной) и шиферные прясла, найденные здесь, обычно встречаются в домонгольских культурных слоях. А в золотоордынский период выделка пряслиц из розового шифера прекратилась [Смирнов 1950: 134–135].

На территории нынешнего Батыревского района в X–XIII вв. также функционировало Новоахпердинское селище.

Естественно, со временем материальных свидетельств остается все меньше и меньше. Однако археологические находки позволяют восстановить их. Так, старые кладбища Свияжского округа местные татары относят к чувашам. Например, близ д. Татарские Нартли в конце XIX в. почву начало отмывать водой. На месте было найдено много железных предметов (кочедык, ножик и т. д.) [Ахмеров 1998: 216]. Однако известно, что татары не кладут в гроб вещи. Поэтому следует признать, что аналогичные кладбища принадлежат чувашам.

Религия

Очевидно сходство названий главных божеств у чувашей и армян — *Тур/Тор* и *Тарк/Торк*. Как верно замечают исследователи, армяне заимствовали это название у хетто-хурритского

божества плодородия и растительности *Тарху* [Тер-Саркисянц 2008: 100]. Именно эти функции исконно были присущи и чувашскому божеству *Тур/Тор*. Добавим сюда абхазское божество *Ай-Тар*. Главное божество ингушей носит имя *Ерд*. В то же время второй составной частью имен большинства божеств также является *ерд*, например, *Тхоба-Ерды*, *Геаль-Ерды* [Акиева 2016: 171]. Аналогично у чувашей: почти к каждому имени божества прибавляется нарицательный термин *турă*. Например, *Уйăх турă* — «божество Луна», *Карта турри* — «божество Прясла», *Ўёр турри* — «божество Земли».

Прототипом известного злого духа *Алмасты/Албасты*, насылающего болезни роженице и новорожденному, называют эламско-ассирийского духа *Ламассу/Ламасту*. Этот образ в женском обличье распространился на весь Древний Восток и за его пределы. Полагают, что первоначальное значение восходит к семитоязычному ареалу с основой *āl* — «мираж». Затем произошла контаминация с той же основой в иранском ареале: перс. *āl* — «ведьма». Поздние контаминации имеют место в тюркских языках [Климов, Эдельман 1979: 62]. В верованиях большинства дагестанских народов *Албасты* выступает как богиня-мать и богиня плодородия. Вариантами его имени являются *Алтаб*, *Албаслы*, *Албасты*. Первая часть имени восходит к слову *ал* (*дал*), передающему у многих кавказских народов понятия «божество», «всемогущий», «всевышний». В шумерской и хеттской мифологии было божество *Алалу*, принадлежащее к старшему поколению. Имя *Алале* встречается в старинных грузинских песнях. Вторая часть слова *Албасди* отражает понятия «мать», «женщина». Согласно фольклорной традиции, данное божество представляет собой безобразную волосатую женщину с громадными грудями и вывернутыми пятками. Она убивает рожениц. Исследователи считают, что в этом образе выражена идея единства жизни и смерти [Котович 1983: 9]. Согласно мировоззрению карачаевцев и балкарцев, данные духи делятся на водных (*Суу-алмасты*), лесных (*Чегет-алмасты*) и живущих среди людей (*Юй-алмасты*). Облик духа антропоморфный: узкое, удлиненное лицо с узкой переносицей, нос горбинкой, сросшиеся пальцы (кроме большого), большие глаза, седые волосы до пят. Если его прогневать, то у человека могут отняться язык, руки, а изо рта пойдет пена. *Алмасты* мужского облика сожительствует с женщина-

ми, а те, кто имеет женский облик, сожительствуют с мужчинами. Но детей от такого общения не бывает [Каракетов 2014: 396]. Аналогичный персонаж есть в верованиях чувашей, это божество *Ал-настӑ* (*Алмас*), относится к злым духам из класса *усалов*. Обычно предстает в облике женщины с распущенными волосами. К девушкам приходит в облике парня, к парням — в виде девушки. Когда уходит, наказывает, чтобы ему в спину не смотрели, так как со спины он отвратительный. При непослушании сильно избивает [Салмин 2016: 325]. От контакта с *Алмас* возникают разные болезни: сглаз, лихорадка, горячка. Человек не может двигаться, говорить, мучается кошмарами.

Из свидетельств начала VI в. видно, что гунно-савиры почитали фигурки божеств, изготовленные из серебра и сплава золота и серебра [Феофан 1980: 27, 51]. В 90-х годах VI в. в конфедерацию тюркских племен входили уары (авары), хунни, барселты (барсилы), уннугуры, савиры (*Σαβίροι*) и многие другие племена. Все они, писал Феофилакт Симокатта, «чтут огонь, почитают воздух и воду, поют гимны земле, поклоняются же единственно тому, кто создал небо и землю» [Theophylact 1887: 258; Феофилакт 1996: 190]. Своему верховному божеству они приносили в жертву лошадей, быков и мелкий скот. Тех людей из своей среды, которые могли предсказать будущее, выбирали жрецами.

В VII–VIII вв. царство, расположенное в прикаспийской долине, Гардизи называет Царством гуннов, Ибн Хордадбех и Ибн ал-Факих — Царством сувар, по названию гунно-савилов. После арабского нашествия страна разделилась на две части. Сувары заняли ее южную часть. Их главным городом стал Хамзин (так у Ибн-Русте, а у Гардизи — Джедан). Царь и жители Хамзина исповедовали три религии одновременно: в пятницу они молились с мусульманами, в субботу — с евреями, а в воскресенье — с христианами [Бартольд 1897: 124; Артамонов 1962: 228]. И это были не капризы царя страны. Его поведение было продиктовано наличием приверженцев всех этих религий. Ведь каждая группа думала, что именно ее вера истинная. В стране сохранялись и древние формы религии. Например, жители городов Ранхаз и Хамзин каждую среду собирались у громадного дерева, вешали на дерево свои приношения и поклонялись ему. Как известно, культ дерева для народов Кавказа является исконным, особенно для народов

адыгской группы и абхазов. От них этот культ распространился на соседних аланов и гуннов Кавказа [Marquart 1903: 15], а также на савилов.

Небесные светила представлялись живыми существами. Грузины, болгары и гагаузы во время затмения поднимали шум, били в печные заслонки, бросали вверх горящие головешки, желая таким образом отпугнуть злого духа, стремящегося проглотить луну. Дагестанцы большие надежды на исполнение желаний возлагали на новолуние и полнолуние. Например, лезгины солнце и луну считали священными: «Любой лезгин, увидев новую луну, останавливался и обращался к ней с какой-либо просьбой» [Сефербеков 2009: 88]. Автор этих строк в детстве, по подсказке мамы, всегда старался увидеть «серп» (т. е. молодую луну) через правое плечо: согласно верованию чувашей, именно такое видение приносит добрые поступки в будущем. На сходные черты в народных верованиях чувашей и ряда народов Кавказа на примерах культа радуги, звезд, солнца, луны и железа указал и В. Ф. Каховский. Он отмечал ряд сходств у чувашей и народов Кавказа в области космологии и мифологии [Каховский 1965: 260–262].

Определенное место в мифологических представлениях народов горного Дагестана (аварцев, даргинцев и лакцев) занимал образ персонифицированного ветра. Данная стихия природы в их представлении представлялась то Матерью ветров, то Дочерьми ветра в виде прелестных девушек с длинными распущенными волосами, охотящихся за красивыми мальчиками [Сефербеков 2009: 117–118]. В верованиях чувашей им соответствует божество *Џил амйшĕ* «Мать божества Џил». Ее характер иногда определяется словом *усал*, т. е. «вредная», «злая», ибо, как и у дагестанцев, время от времени уносит вещи, срывает крыши. В списках стоит в ряду таких персонажей высокого класса, как *Турă*, *Пӳлӗх*, *Тур амйшĕ*. Она слепая. Согласно легендам, держит ветер в закрытой бочке. Когда вытаскивает пробку бочки, начинается ветер. Затем, слепая, долго не может заткнуть дыру в бочке. В этом случае ветер начинает шалить. Как видим, ветрами правит не божество *Џил*, а его мать. Поэтому, советуют мельники, чтобы остановить разгулявшийся ветер, надо обращаться к Матери божества *Џил* [Салмин 2016: 315].

В религиозных представлениях народов Дагестана довольно хорошо и полно сохранился архаический образ божества *Сув ана-*

сы — «Матери воды». В представлении кумыков она была женщиной огромного роста, полуголая и большой физической силы. Обитала в реках, ибо охраняла воду. Люди могли столкнуться с ней вечером или ночью. В темноте она могла ударить или утащить в воду. Чтобы набрать воды из реки, надо было обратиться к ней со словами: «Мать воды, Мать воды, ты — золотой столб Вселенной, разреши нам набрать воды» [Сефербеков 2009: 131–132]. Такие же моления произносили чуваша в адрес своего божества *Шыв* — «Вода». Из молений видно, что у этого божества есть свое семейство. Во-первых, оно наделено сорока одной ипостасью, т. е. этих божеств много. Во-вторых, у него есть дед, бабушка, отец, мать и т. д. [Салмин 2016: 315–316].

Демон *Елмауз* у кавказцев бывает мужского и женского рода. Имеет огромный нос и рот. Прожорлив, ест людей [Сефербеков 2009: 124]. У чувашей ему соответствует дух *Йёлмевёс*.

Верховное божество у некоторых народов Дагестана является одновременно и громовержцем, у иных народов функции верховного божества и громовержца разделены. Так, божеством грома и молнии у лакцев был *Асс*. Живет на небесах и ездит на колеснице. Подковы коней при езде по ухабам грохочут, отсюда гром, а искры из-под колес — это молнии. «Гром Асс говорит», — объясняли лакцы [Сефербеков 2009: 167]. Чуваша в таких случаях полагали, что божество *Турй* шумно ездит по ухабистым облакам, оттого раздается грохот. В народе его чаще называют *Аслати* (от *аслă* — «старший» и *ати* — «отец», т. е. дедушка) [Салмин 2016: 259].

Очаг как центр жилища и все входящие в его пространство вещи пользовались исключительным почитанием. Особенно это относится к надочажной цепи (крючку), предназначенной для подвешивания котла. Такие котлы могли быть в доме, на летней кухне или во дворе. Например, у осетин очаг располагался посреди комнаты, а в крыше имелось четырехугольное отверстие. К очагу от этого отверстия с деревянной перекладины спускалась железная цепь, к которой подвешивали медный котел для варки пищи. Невеста, посетив впервые дом мужа, прикасается рукой этой цепи. Через три дня после родов к ней подносят ребенка и проводят моление охранителю цепи — божеству Сафе — с просьбой стать патроном новой душе дома. Хозяин дома в трудной ситуации может продать все

(корову, быка, лошадь, движимое имущество), но не может продать котел и надочажную цепь [Ковалевский 1886: 78, 88, 146]. У ингушей убийца, которому удавалось дойти до очага убитого, схватить надочажную цепь и попросить прощения, оказывался под защитой и покровительством хозяина дома. С этого момента преступник становился родственником дома: «Отказать какой бы то ни было просьбе человека, державшегося за цепь, у ингушей считалось равносильным святотатству, преступлением перед предками, а потому между этими враждующими фамилиями состоялся мир и установилось родство» [Далгат 2004: 104]. Аналогично у осетин, чеченцев, абхазов, балкарцев и карачаевцев надочажная цепь играла важную роль. Например, перед ней давали клятву, невесту обводили вокруг цепи в знак прощания с родительским домом. У шапсугов никто, кроме хозяйки дома, не имел права вешать котел на очажную цепь и варить пищу. Когда старуха-хозяйка не в состоянии была больше справляться с домашней работой, она передавала очаговую цепь жене старшего сына [Кунина 1940: 19].

Особым почитанием пользовалась надочажная цепь (крючок) для подвешивания котла и у чувашей. Например, согласно верованию, во время окончательных проводов души умершего (*юна*) можно заметить, как слегка качнется крючок для подвешивания котла: это душа умершего родственника хватается за него, не желая покинуть свой дом навсегда. Особенно это свойственно душам умерших женщин. Следят за «поведением» крючка и во время проводов в солдаты: если при выходе рекрута из дома крючок качнется, то сын не вернется или вернется раненым [Поле 90; Дерюжев 1874: 188]. О наличии в лачуге у чувашей железного крючка над очагом писал автор середины XIX в. [Михайлов 2004: 92]. Для удобства висевший на крюке котел регулировали, поднимая или опуская его над огнем [ЧГИ 209: 444]. Конечно, у чувашей могли быть и другие верования, связанные с надочажным крючком, но они своевременно не зафиксированы. Поэтому исследователи в целях реконструкции обращаются к сравнительным материалам.

С 922 г. в жизни суваров правобережья Волги важное место занимало Тигашевское культовое место. Фактически мы имеем общеизвестное *киреметище*, в доисламское время носившее другое название (должно быть, *Учук*). Исследователи сопоставляют его с болгарским капищем в Плиске. Тигашевское святилище пред-

ставляло собой два прямоугольника, вписанные один в другой. Пришельцы, освоив места по Буле, вытеснили отсюда коренное население, воздвигли родовое святилище [Смирнов 1964: 25]. Место для совершения общественных жертвоприношений и других религиозных обрядов имелось на городище Хулаш.

Религия — идеология всеохватывающая. Она имеет сильное влияние на хозяйственно-культурный тип. Средневековые болгары, все еще придерживавшиеся традиций кочевников, стояли у власти, и им нужна была религиозная монополярная идеология для большей власти. А исконные земледельцы — сувары — не захотели бросить свой уклад и следовать за болгарским князем Алмушем. Вспомним пассаж из книги Ибн Фадлана: «Потом он (Алмыш) [вновь] захотел переехать и послал [посланника] к народу, называемому сувар, приказав им выступить вместе с ним. Они отказались [подчиниться] и разделились на две группы. Одну из [этих групп] возглавил его зять, которого звали Вайрыг, он был их правителем» [Ибн Фадлан 2016: 4]. Как видим, разногласия были основательные: противоречие новых и старых верований в государстве, несоответствие хозяйственно-культурных типов, сохранение традиций одними и смена государственных интересов у других. Итак, с этого времени болгары официально стали исповедовать ислам, а сувары оставались при дедовских традициях. Этот тезис в литературе повторяется многократно, и он, в принципе, соответствует действительности.

Однако желание суваров остаться при своих древних верованиях, считают некоторые исследователи, есть пример неправильного поведения. Беренджеры и барсилы добровольно согласились на объединительный шаг Алмуша, а эсегелы, хотя и сомневались, в итоге все же не посмели ослушаться царя. А вот сувары почему-то посмели, и это якобы нехорошо. Но ведь «наказание столь категорического ослушника являлось острой необходимостью», замечает Алмаз Мухамедеев. «Фактически сувары посмели открыто противостоять всему болгарскому сообществу. На сувар не действовали ни уговоры, ни угрозы Алмыша, и, похоже, им все это сошло с рук. На что или на кого могли надеяться сувары в такой обстановке? — вопрошает тот же автор и сам же дает ответ: — На хазар». Далее он как бы раскрывает «суварскую карту» в руках хазар. Алмаз Мухамедеев пишет, что сувары переправились за Волгу и «формировали

предков чувашей» [Мухамадеев 2014: 4–10]. Аналогичный вопрос поднимает другой татарский исследователь и сам же дает ответ: «Почему же все-таки они выступали против царя Алмуша, принявшего ислам? Причина, по-видимому, кроется в том, что сувазами была принята уже другая „мировая“ религия — иудаизм» [Ахметьянов 1978: 148]. Он же напоминает, что в языках Северного Кавказа (особенно у народов Дагестана), а также у караимов отмечены следы иудаизма.

Естественно, савиры и хазары имели много общего в истории, религии и языке. Но едва ли этот фактор был решающим для суваров в 922 г. Основная масса по-прежнему придерживалась своих дедовских традиций. В принципе, все верно: и то, что суварам хазары были ближе, чем болгары, и то, что сувары — предки чувашей. Для того чтобы убедиться в этом, надо просто детально изучить историю чувашского народа. Тогда пройдет удивление, и все станет на свои места. А упрекать народ, что он не так поступил в угоду болгарам, не стоит. Болгары сами виноваты в том, что они развалили такое могущественное государство, как Волжская Булгария. Можно было жить в согласии со всеми племенами, мирно обитающими в одном регионе, укреплять экономику, а не брать курс на диктаторские замашки. Тем более для этого были все предпосылки: выгодное географическое расположение, плодородные земли с развитым зерноделием, отличное состояние ремесленничества, продвинутое военное дело, торговые связи. Все это было утеряно в одночасье. Как результат, в дальнейшем Волжская Булгария стала объектом нападков и, в конце концов, сошла с исторической арены. Причина — болгары потеряли надежного союзника. Более того, болгары сошли на нет как народ: они переняли чужие нравы и отказались от своего замечательного прошлого.

Эпитафии конца XIII — начала XIV в. сохранили образцы лексики и морфологии суваров, по сути, чувашей позднего Средневековья. В них мы встречаем такие словосочетания, как *Savar iŋli*, чуваш. *Сăвар ывăлĕ* «сын Сăвара»; *ġiäti ġür ġirimi ikinis ġal*, чуваш. *çич çĕр çирĕм иккĕмĕш çул* «722 год = 1332 г.»; *ayıġi van küän*, чуваш. *уй-ăх(ăн) вун(нăмĕш) кун(ĕ)* — «десятый день месяца» [Бенцинг 1986: 20]. Как видим, современные чуваша во многих случаях являются единственными живыми носителями языка эпитафий Волжской Булгарии. Поэтому при исследовании народных обрядов и верова-

ний следует учитывать, что верования и обряды суваров в основных чертах совпадают с чувашскими верованиями и обрядами, известными по описаниям XVII–XIX вв. [Димитриев 2014: 97, 107] и более ранних времен.

На месте Введенского кафедрального собора в Чебоксарах располагалось *киреметище*. Такие святилища, в принципе, являлись местом проведения всечувашских молений.

Язык

В древности все племена Предкавказья говорили на одном из широко распространенных языков. Но на каком? Ответа на этот вопрос пока нет. В то же время следует говорить об этнокультурной неоднородности и полиэтничности населения или наличии диалектов какого-то древнего одного или нескольких языков. Видимо, была велика роль языковой ассимиляции, а генофонд сохранялся прежний. На сегодня доказан факт общности происхождения древнекавказских языков и ныне мертвых языков Передней Азии. Имеется тесная связь корневых языков народов Западного и Восточного Кавказа с языками Малой Азии (абхазо-адыгских с хаттским, нахско-дагестанских с хурритско-урартским) [Старостин 1988: 112]. Такую гипотезу подтверждают и археологи [Кореневский 2004: 98]. Для примера возьмем слово явно кавказского происхождения — *кефир* (ср. мегр. *kipuri* — «простокваша, приготовляемая в мехе», балкар. *gəpə* — «кефир», осет. *kæpŭkæri* — «кефир», «грибки кефира»). Однако первоисточник для данного слова пока не установлен.

Весьма показательна история названия г. Дербента. На этом месте в стране *Чор* иранским шахом Йездигердом II (438–457 гг.) или еще его предшественником Варахраном (420–438 гг.) была сооружена крепость. Г.-Р. А.-К. Гусейнов полагает, что название страны *Чор*, прохода *Чора* (*Джора*, *Тџоѳр*), г. *Чора* (*Чола*, *Чога*, *Чол*), ворот *Чола* (*Чога*) пришло из болгарского языка и означает «яр», «откос», «берег», «обрыв» [Гусейнов 2014: 54–59]. Он же указывает на возможную этимологическую связь рассматриваемого топонима с чувашским *сыр* в том же значении. Такая этимология более чем оправданна. Сюда же следует отнести предположения о связи

названного топонима с армянским *дзор/цор* в значении «ущелье» [Артамонов 1962: 120–121; Тревер 1959: 276]. Так обнаруживают-ся древние армяно-грузино-савиро-дагестанские общие языковые субстраты и проникновения.

В пределах Даду (Дагестана) живет 13 племен, писал Захария Ритор, говоря о событиях V–VI вв. И он перечислил эти этнонимы. Переводчик и комментатор Захарии Н. В. Пигулевская заметила: «Девять имен из тринадцати имеют общий тип окончания на *ар, ур, ир* и представляют, несомненно, видоизменения одного общего корня с различными приставками. Имена эти: ауангур, аугар, сабир, бургар, кутаргар, авар, хазар, дирмар, сирургар» [Пигулевская 1939: 111]. Известно, что авары также являлись племенами разного происхождения. В 555 г. они прошли Северный Кавказ и в 568 г. оккупировали Карпатский регион. Их первого правителя звали Баян. Это имя огурское (ср. чуваш. *пуян*, во всех огурских языках *бай* «богатый»).

Палеографическая систематика делит степные рунические письмена на два самобытных класса, никак не связанные друг с другом корнями. Это евразийский и азиатский типы. А на территории Восточной Европы имели место два самостоятельных рунических алфавита: кубанский и донской [Кызласов 1994: 14–40; 2016: 253]. Поэтому вполне обоснованно следует говорить об использовании савирами/суварами рунической письменности. При этом образцы с Маяцкого городища и надписи из Мурфатлара (Румыния) имеют ряд совпадений и сходств с чувашскими тамгами.

Как отмечают исследователи, руническая письменность чувашей была достоянием широких народных масс. Рунические знаки наносились в виде вышивок на женские рубахи, платки, надгробные памятники, а также орудия труда. Как правило, их можно увидеть на так называемых пастушьих палках — *карт патакки*. Сам термин *карт* восходит к персидскому *Денкарт*, т. е. это письменность в виде зарубок. Искусствовед А. А. Трофимов считает, что поиски истоков чувашской рунической письменности приводят на Кавказ [Трофимов 1993: 12, 29–30].

В Венгрии в селении Надь-Сент-Миклош найден клад из золотых сосудов, изготовленных в промежутке между V и X вв. Для нас интерес представляет круглая чаша с надписями греческими буквами.

Текст читается практически современным чувашским языком:

**Pul'e eppin (~ šav ab̃n) teze *šijet-xa!*

**puta ṽl eppin (~ šav ab̃n) taṽr-ya, aš-xe teze.*

«Князь, следовательно, так сказать, ве́ди себя достойно! (~ прославься!) А вот — чаша, следовательно, опрокинь и выпей, так сказать» [Мудрак. Аварская].

О. А. Мудрак считает, что коллекция золотой утвари принадлежит аварам, прибывшим в Паннонию. Тем не менее большинство слов надписи на чаше чувашский (т. е. савирский): *šav* — *šav* «этот»; *apa-n* — *эппин* «итак», «следовательно»; *tesī* — *те́се* «говоря»; *ul* — *ул* (в̃л) «он» и т. д. Выходит, авары принесли в Западную Европу заимствованную у савиров лексику.

Кстати, соответствие чувашских *r* и *l* тюркским *z* и *š* свойственно и монголам, и тунгусам. И вообще, термины «ротацизм» и «ламбдаизм» выведены из греческих букв $\langle\rho\rangle$ *rho* и $\langle\lambda\rangle$ *lambda* и были использованы изначально в описании латинского языка. В языковом отношении чувашей считают единственными живыми потомками огуров, т. е. носителями *r*-языка [Golden 2013a: 49]. В то же время чувашский и якутский языки, как известно, отступают от общетюркской системы согласных. Эта черта была характерна для чувашского языка еще в древности, что доказывается некоторыми словами, дошедшими до нас в качестве заимствований в венгерском (мадьярском) языке, а также немногочисленными остатками из языков дунайских болгар и гуннов [Ашмарин 1928a: 60–61]. Чередование *r/l* имеет место и в закавказских языках. Например, хетт. *hawarkina/hawalkina* «железо» (ср. чуваш. *ка́вар* «горячий уголь»); хетт. *pur*, грузин. *pir*, сван. *ppil* «рот» [Иванов 1979: 112, 120].

Согласно «Сказанию» Приска Панийского, жену вождя гуннов звали *Крё́ка* [Prisc 1979: 52; Приск 1860: 59]. Многие исследователи идентифицируют это имя с чувашским дохристианским именем *Хёрккe*. Отсюда есть возможность указать на ее савирское происхождение. Атила имел от нее трех детей, старший из которых был владельцем акациров и других народов, занимающих припонтийскую Скифию. Прокопий, Приск и Феофан зафиксировали имена савирских царей-воевод: *Βαλαχ* (Волах, Валах, Болах), *Βαμάχ*/

Варμάχ, Ἰλιγερ, Κούτιλζις, Βοα. Прокопий считал, что имя *Βοα* (*Воа*, *Воа*, *Боа*) происходит от названия р. Боа (Воа), являющейся верхним течением р. Чорох и берущей начало в горах Тавра (Цанские горы) [Адонц 1971: 25, 61, 62, 65]. Притом Прокопий добавил, что по течению этой реки живут гунны, называемые сабирами/савирами (*Σάβειροι*) [Просорі 1905: 291–292; Прокопий 1998: 139]. Предложенная Денисом Синором этимология *ρηζ* в *Βοαρήζ* как германское *reiks* некоторыми исследователями отклоняется [Маенхен-Гельфен 2010: 485]. Агафий также писал о савирских предводителях Балмахе, Кутилзисе и Илигере, которые показали храбрость в войне 554–555 гг. [Agathi 1828: 177; Агафий 1996: 108].

Заметим также, что на территории Арана имелись топонимы Сабир, Сабироба-Хачмас, Гала Сувар. Топонимы с компонентом *сувар* в основном зафиксированы в Южном Азербайджане [Гейбуллаев 1986: 18].

Современные лексические и грамматические формы чувашско-го языка были активными и во второй половине VII в. Так, у Мовсеса Каланкатуаци имеет место предложение: «Все вместе одобрили этот совет, и он [князь гунно-савиров Алп-Илитуер] отправил к епископу Израэлю некоего знатного князя по имени Авчи, имевшего титул тархана, и постельника своего Чаткаса» [Каланкатуаци 1984: 132]. Во-первых, *Авчи* не что иное, как чувашское *евчĕ* — «сват», «посредник», «посланник», общетюркское *авчи* — «охотник». Оно уже успело принять тюркскую окраску: корень — *ев* + тюркизированный словообразовательный аффикс — *чĕ*. Здесь *авчи*, конечно, не антропоним, а «посол». Мовсес Каланкатуаци, писавший в X в. о событиях VII в., мог и не знать имя этого князя. Поэтому он использовал термин *авчи* как персонифицированное имя. Истинное савирское звучание (до VII в.) вполне могло быть *евсѣ* (позже произошел переход *с* → *ч*). Другим семантически равным словом является *ав* в значении «дом», т. е. «жениться», «займать дом» (осман. *evlen*, барабин. татар. *əv*). Во-вторых, в этом предложении имеется активное слово *тархан* (или *турхан*) — «знатное лицо у степняков-номадов». В-третьих, присутствует чувашский словообразовательный суффикс — *сар* в слове *Чаткасар* (ср. *юмансар* — «дубрава», «дубовая роща»; *юман* + *сар*).

Йозеф Маркварт писал о савирах и мадьярах как об одном народе *Sevordik' (Magyaren)* [Marquart 1903: 428]. Полагаю, что в дан-

ном варианте этнонима имеет место армянский (шире — индоевропейский) ласкательный (уменьшительный) аффикс — *ик*.

Исследователи правомерно обращают внимание на параллели диалектных особенностей в кавказских и чувашском языках. Например, в кумыкском языке имеет место чередование *y/o*: *чунур/чопор* (чуваш. *чӑпар*) — «рябой». Н. Я. Марр указывал на *y/o* диалекты в грузинском и армянском языках. А чувашский язык делится по этому же принципу на два основных диалекта. Впрочем, такая же картина в южнорусских говорах по принципу аканья и уканья. Можно назвать общие арабские заимствования в чувашском и кавказских языках. Например, встречаются арабизмы в адыгских языках и чувашском языке: *акъыл* — *ӓс-хакӓл* «разум»; *ахӓрӓт* — *ахрат* «загробный мир»; *ахмакӓ* — *ухмах* «глупец»; *зӓэ-заб* — *асап* «мучение»; *зэман* — *саман* «время»; *кӓӓӓмӓт* — *хӓйа-мат* «конец света» [Шагиров 1977].

Относительно истории Поволжья IX–XI вв. В. В. Бартольд заметил: «Среднее и нижнее течение Волги были заняты болгарами и хазарами, говорившими на одном и том же языке, непонятном ни для турок, ни для финнов; по всей вероятности, имеется в виду язык, сохранившийся теперь только у чувашей» [Бартольд 1928: 10]. В. Ф. Минорский полагал, что язык основной группы хазар представлен старобулгарскими надписями и современным чувашским языком [Минорский 1963: 142]. Другими словами, савирский, болгарский и хазарский языки имели одну и ту же основу. В то же время в IX–XI вв. по всей Средней и Нижней Волге можно было сносно объясняться на языке предков чувашей.

Многие исследователи XVIII в. включали чувашей в перечень финноязычных народов. Например, директор Петербургской академии наук С. Г. Домашнев финнами считал финнов современной Ленинградской области, коми, удмуртов, мари, чувашей, тептярей, мордву, хантов и манси. Ряд исследователей (например, Н. Н. Поппе) полагал, что чувашский язык не принадлежит ни к тюркской, ни финской группе языков, его следует отнести к третьему звену и признать дотюркским.

Совершенно неожиданным может показаться возможное объяснение истории еще одного слова. Речь идет о слове *ӓӓкав*, дважды встречающемся у Константина Багрянородного в связи с печенегами и обрядом возведения Арпада на престол. В обоих случаях

совершается обряд «согласно их законам» (*κατὰ τὰ ζάκανα αὐτῶν*) [Багрянородный 1991: 161, 290]. Следует особо заметить, что при избрании Арпада правителем его возвели на престол по обычаю (*ζάκανος*) хазар. В письме к автору этих строк от 2014 г. американский исследователь Питер Голден по поводу разбираемого слова особо отмечает, что для Константина Багрянородного иностранное слово, употребленное северными «варварами», означает «обычай». Многие считают *ζάκανος* заимствованным из славянского «закон». Питер Голден считает такое объяснение не вполне удовлетворительным: «Во всяком случае, греческая буква ζ у византийских историков передает з и иногда чуждые греческому звуки *ж*, *дж* и *ч*». Также следует напомнить, что названным звукам в савирском языке предшествовал звук *ç*, сохранившийся в современном чувашском языке. Тогда динамику слова *закан* можно предполагать в следующей схеме: **çăkân* → *çăkan* → *çakan* → *джакан* → *жакан* → *чакан* → *закан*. Н. И. Ашмарин в своем словаре дал его как восклицание неизвестного значения [Ашмарин 1937а: 10]. Слово *çăkân* у чувашей сохранилось в речи старшего дружки со значениями «опускаться», «падать на колени», «приседать», «делать реверанс», «преклонять колена». После произнесения такого восклицания старшего дружки участники свадьбы вместе совершают коленопреклонение [Салмин 2016: 149]. Выходит, слово *çăkân* означает не что иное, как позу клятвы, заверения, торжественное принятие присяги. Тем не менее данное объяснение не последнее предположение, это возможное видение, близкое к реалиям.

В то же время существует группа слов, которая присутствует в чувашском, марийском и в некоторых других поволжских языках, но не имеет этимологического объяснения ни через тюркские, ни через иранские, ни через финно-угорские языки. Так, чувашским названием жука является *нăрă*. Слово встречается также в марийском языке как *нор/нър* в том же значении, оно есть в башкирском языке в той же форме. Однако его невозможно присоединить ни к одной из известных групп языков [Róna-Tas 2007]. Совсем труднообъяснимы англ. *woud*, чуваш. *вут* «дрова», «огонь»; нем. *Eichel*, чуваш. *йёкел* «желудь», «яичко мужское». Изучение такого рода слов открыло бы новые стороны истории чувашей.

Пока следует констатировать, что все ссылки на язык чувашей даются на источники, зафиксированные не раньше X в., а чаще

всего — XVI в. Иначе говоря, исследователи изучают язык значительно ассимилированных (иранизированных, угризированных, туркизированных и т. д.) чувашей. Задача же — попытаться проникнуть в более древнее состояние языка, выявить его исконные слои. Многие исторические соседи, входившие в близкие языковые семьи, или перешли на другие языки (булгары), или влились в другие племена (хазары, эскелы). Пока мы все еще находимся на таком этапе познания, что наличие таких общих языковых совпадений «в современном чувашском языке представляет явление весьма странное и загадочное, вызывающее большое недоумение и затруднение у исследователей» [Егоров 1953: 81].

Этнография

Примерно в 613 г. в Верхней Месопотамии (современный юго-восток Турции) завязался бой за крепость Беиудаес между местными жителями, персами и римскими войсками. Ромеи с необыкновенной силой осаждали крепость. У них в отряде был воин по имени Сапеир/Сапир (*Σάπειρ*). Феофилакт Симокатта дает ему самую возвышенную характеристику: Сапир физической силой был похож на воспетого Гомером Тидея, разумом превосходил Тидея, духом он был Геракл, а по доблести даже выше Геракла. Этот Сапир захватил с собой заостренные колья и, вставляя их в стену, забрался на крепость. Однако на башне крепости появился некто из персидского войска и столкнул на Сапира большой камень. Сапир покатился вместе с этим камнем вниз. При этом он рухнул вниз головой. Но раненый Сапир с упорством опять быстро стал подниматься по стене. И вот он схватился за зубцы стены. Но противник столкнул его вместе с расшатавшимся зубцом стены. Смелчак скатился вниз, «держа в своих объятиях эту бойницу, как дорогую любовницу». Но Сапир в третий раз пошел на подвиг. На этот раз ему удалось забраться на стену и срубить персу голову. Один из братьев Сапира, став свидетелем доблести брата, повторил подвиг. За ним пошли и другие воины. Ворота были открыты, крепость взята [Theophylact 1887: 107–109; Феофилакт 1996: 69–70]. Комментатор Феофилакты Симокатты К. А. Осипова считала, что Сапир не собственное имя, в данном случае речь идет о человеке

из гуннского племени саби́ров (точнее, сапи́ров). Кроме того, из контекста узнаем, что у этого Сапи́ра в отряде было несколько братьев. Действительно, Феофилакт уточнял: «Один из братьев этого Сапи́ра (он был из них по возрасту старший)». Выходит, под именем в этом случае обозначены воины одного племени, а именно сапи́ры. Некоторые исследователи придерживаются аналогичного мнения [Goubert 1951: 101; Семёнов 2015: 283].

В VI–VII вв. савиров, пребывавших в Армении, местные жители называли севордик (севардийцы). Часть этих савиров была арменизирована [Новосельцев 1990: 83].

Как известно, к середине VI в. савиры стали наиболее сильным и многочисленным племенем на Кавказе. Они захватили всю Северную Албанию (Ширван и Аран), закрепились в зоне Дербенд-Кабала. Пробыли они в этих местах более 100 лет. По мнению Сары Ашурбейли, в это время савиры перешли к оседлой жизни, ассимилируясь с коренным населением страны [Ашурбейли 1983: 62]. Согласно Ибн Хордадбе́ху, за пределами ал-Баба идут земли владык суваров, лакзов, аланов, мускутов, сариров и г. Самандар [Ибн Хордадбех 1986: 110]. Персидский автор, должно быть, повествует в данном параграфе о ситуации в первой половине VIII в. Во всяком случае, речь идет о Северном Кавказе и ставропольско-астраханской степи, а не о Поволжье, как объясняла комментатор Ибн Хордадбе́ха Н. М. Велиханова (примеч. 133). К тому же в X в. Самандар уже носил название Джидан. Поэтому временной диапазон рассказа Ибн Хордадбе́ха о суvaraх следует отнести к VIII – первой половине IX вв. Фонетическая форма этнонима *сувары* явно говорит об арабском произношении названия племени. Контекст позволяет поместить их между городами Дербент и Итиль. Семендер — город, входивший в Хазарию, был населен савирами [Ал-Истахри 1901: 49].

Первоисточники смешивают савиров не только с гуннами, но и с хазарами. Так, у Мовсеса Каланкатуаци в 43-й главе II книги «История страны Алуанк» говорится, что великий и благочестивый князь гуннов Илитуер снарядил двоих вельмож своей страны Итгина и Чата-хазра вслед за святым Израэлем с просьбой назначить его духовным предводителем страны гуннов. Из 45-й главы под названием «Ответ на письмо гуннов» узнаем, что католикос страны Алуанк Елиазр и князь Вараз-Трдат отказали послам

и не захотели дать Израиля в духовные предводители хазарам. На-лицо явная подмена понятий «гунны» и «хазары». А на самом деле в тексте речь идет о савирах, князем у которых в это время (684 г.) был Алп-Илитуер, а веровали они в могущество своего божества молнии *Куар*. Савиров гуннами называли потому, что в это время этноним *гунны* в основном относился к савирам. А перепутали гуннов и савиров с хазарами, потому что в это время савиры уже были в составе Хазарского каганата. В 724 г. арабский источник заметил, что 300-тысячное войско хакана состояло «из хазар и других племен безбожников» [Ал-Куфи 1981: 22]. Конечно, под «другими племенами безбожников» в основном имелись в виду савиры. Тюрки не зря называли хазаров *сабирами*. Сегодня исследователи согласны с мнением о том, что встречающиеся в источниках рядом этнонимы *савиры/сабиры* и *хазары/хазаран* служат «весомым аргументом в пользу близости этих народов» [Калинина 2015: 40].

Этноним *сабартой аспалой*, встречающийся у Константина Багрянородного, обычно переводят как *непобедимые сабарты*. А. П. Новосельцев же увидел в слове *аспалой* иранское слово «белый» и предложил перевести обсуждаемый этноним как *белые сабиры*. Такой подход, несомненно, указывает на связь венгерских племен с савирами. Высказывается еще мнение, что вскоре после гибели Атиллы и поражения при Недао гуннское племя акациров отступило в Поволжье, где оно слилось с булгарами. Примерно в это время, полагают казанские этнографы, одно из огурских племен отступило в леса Окско-Свияжского междуречья, дав начало формированию современных чувашей [Исхаков, Измайлов 2001: 45]. Едва ли это так. Скорее правы те, кто считает, что акациры после смерти Атиллы обитали на юге Восточной Европы [Иордан 2013: 67] или перекочевали за Дон [Тортика 2015: 374].

Конечно, савиры и не гунны, и не авары, и не тюрки, и не акациры, и не хазары. Конечно, они и не булгары. В том числе невозможно согласиться с утверждением, что савиры наряду с утригурами и кутригурами составляли протобулгарское население [Боталов 2007: 268]. В частности, Алексей Комар, говоря о Боарикс, сделал весьма любопытное замечание: «Ни у гуннов, ни у авар, ни у тюрков не было традиции управления племен женщинами. Вместе с тем из источников известно о правительнице савиров — Боарикс, — получившей власть после смерти мужа» [Комар 2008: 196].

Женщины-предводители были, конечно, и у сарматов. Однако его замечание о том, что савиры представляли собой вполне самостоятельное племя, — правда.

Было высказано замечание о том, что под названием «гунно-савиров» скрывается местное (автохтонное) население Северо-Восточного Дагестана — предки современных жителей Каякентского, Карабудахкентского, Кумторкалинского, Буйнакского и частично Кайтакского районов. А после изгнания арабами хазар с территории Дагестана в составе государственного образования Сувар-Жидан оказалась также территория Терско-Сулакского междуречья с городом Семендером. Заодно следует согласиться с мнением о гунно-савирах как о собирательном этнониме [Фёдоров-Гусейнов 2000: 155–156]. Такое видение весьма важно и верно. Поэтому этническими наследниками савиров следует считать не только суваро-чувашей, но и жителей названных районов Дагестана, включая район Шах-Сенкерского городища. Ныне в этих районах проживают в основном кумыки, а также авары и даргинцы.

Взаимоотношения гунно-савиров и тюркютов на Кавказе не были простыми. Исследователи считают, что с приходом тюркских племен часть гунно-савиров вынуждена была уйти в горы, где совместно с местным горским населением образовала конгломерат (например, Сарир). Сами гунно-савиры называли эту горную страну *Тавйак* «Горная сторона». Название *Даг-и стан* — это полная калька топонима *Тавйак* [Аликберов 2010: 45, 61]. Название *Тавйак* является калькой чувашского *тăв айк(ки)* «склон», «подножие горы» (букв. «гора» + «склон»). Массовую миграцию части гуннов (т. е. «гуннов, называемых савирами») в горы подтверждает и археологический материал. Раскопки на территории нагорной Балкарии выявили множество погребений с материальными следами гуннского типа.

События 922 г. подтолкнули к подъему самосознания единого племени, хотя и позже стали сильны различия между северными и южными группами. Эти особенности в виде двух основных культурных диалектов лесных и степных чувашей в рудиментарной форме сохранились до сегодняшнего времени. Однако они несколько не помешали образованию единого этноса. В. В. Бартольд утверждал, что современные чуваша, очевидно, могли происходить не от жителей городов на Волге, а только от таких частей населения Булгарии, которые всегда обитали в лесах и были мало затронуты

мусульманской городской культурой [Бартольд 1968: 520]. Но следует уточнить, что сувары занимались хлебопашеством, разводили скот. Они продолжали придерживаться традиционных обрядов и верований своих предков: некоторые вплоть до нашествия Золотой Орды, некоторые до принятия православия, некоторые и поныне. 922 г. следует считать началом формирования предков чувашей как народа и третьим обретением родины. Первая родина располагалась в составе Хазарского каганата с центром — г. Варачаном. Вторая родина — Причеремшанье и северные территории Ульяновской области, центрами следует считать г. Сувар и крепость Биляр (895–922 гг.). Третья — городище Тигаши на правом берегу Волги, на р. Буле (после 922 г.). Четвертая столица (с 1236 г.) — Веда Суар (Шупашкар, Чебоксары). Время с 922 по 1469 г. является периодом формирования чувашского народа и утверждения его самосознания. При этом еще раз следует согласиться с мнением, что савары/савиры/сувары составили субстратную базу для образования современных чувашей [Димитриев 1958: 50; Баскаков 2008: 107]. В. Д. Димитриев справедливо полагал, что до X в. сувары были племенами, а в XII в. сформировалась древнечувашская народность [Димитриев 2014: 107]. Говоря о событиях лесостепного Поволжья XIII–XV вв., археолог Ю. А. Зеленева считает, что именно в эти века произошло формирование чувашского этноса [Зеленева 2013: 42]. Согласно Н. И. Егорову, современная этническая идентичность чувашей на базе этнонима *чăваш* окончательно сложилась в период Казанского ханства (1438–1552 гг.) [Егоров 2012: 39]. Какие мотивы двигали народом в его многовековой и непростой истории — вопрос также непростой. Ведь «дрейф этничности напоминает скорее цепь ситуативных реакций, чем линейную эволюцию, и его направление не копирует зигзаги политической истории: взлет этничности часто зарождается в политической смуте, а спад приходится на фазу социального благоденствия» [Головин 2009: 120]. Парадоксально, но это так. Ясно одно: люди, племена и народы живы до тех пор, пока не теряют свое этническое лицо.

В Поволжье чуваш и черемисы жили «без разбору, так, что их по всем обстоятельствам почти за один народ почесть можно» [Миллер 1791: 6]. Конечно, речь идет только о чувашах верховых (северных районов), с которыми Г. Ф. Миллеру через переводчика удалось пообщаться в течение короткого времени (октябрь 1733 г.).

В сравнительном плане интересны представления ингушей о времени, в частности, о неделе и о днях недели. Как утверждают исследователи, у ингушей исконно отсчет дней недели велся по пятидневкам соответственно числу пальцев на руке. Названия большинства дней недели соответствовали ингушскому счету с добавлением аффикса родительного падежа *-ра*: *иш* → *ишинара* «второй»; *кхоъ* → *кхаъра* «третий». В числе наиболее древних дней недели называют вторник, среду и четверг, а также пятницу и понедельник. С каждым днем были связаны определенные верования. Например, среда (*кер-сели*) — это третий день, названный в честь божества *Сели*. В этот день, т. е. в день божества грома и молнии *Сели*, не давали огня [Акиева 2016: 36, 40–41].

Действительно, неделя протяженностью в семь дней была характерна не для всех народов. Так, пять дней в неделю у африканских йоруба, а у народа дед калабар — восемь. У татар в древности неделя состояла из пяти дней, а среда считалась серединой недели. Аналогично у русских (среда < *середина*) и немцев (*Mittwoch*). Та же картина у чувашей. Так, известно, что пасхальный праздник *мункун* длится пять дней, а по другому источнику — неделю. В пятый — заключительный — день проводят *сёрен* с целью очищения. *Юн кун* (среда) — букв. «день крови», т. е. жертвоприношений и отдыха. Такое название сохранилось у татар-кряшен, башкир, караймов, крымских татар (*кан кўн*), а также марийцев, мордвы, удмуртов (*вўр, вяр, вир*). Естественно, речь идет о жертвоприношениях в среду у данных народов. Здесь у этнографов разногласий нет [Салмин 2016: 414–419].

По состоянию на 555 г. непосредственными соседями савиров были племена аугар, бургар, куртаргар, авар, хазар, дирмар и др. Живут они все «в палатках, существуют мясом скота и рыб, дикими зверями и оружием», сообщал о них современник [Захария 2011: 595]. Охота и рыбалка с целью добывания пищи, война с целью защиты и завладения новыми угодьями были повседневными занятиями всех кочевников. Савиры и их предки не составляли исключения в этом плане. Согласно Захарии, в 555 г. сабиры имели при себе оружие, промышляли на диких зверей и питались мясом скота и рыб, впрочем, как и их соседи (бургары, аланы, куртаргары, авары, хасары и т. д.). В Волжской Булгарии водились белки и бобры. Жители торговали шкурами животных [Ибн Са'ид 2009: 32].

В начале XVI в. Московия лисьи меха и беличьи шкуры получала из Сибири: «А те, что благороднее всех прочих, — из Чувашии (Schuwaji), недалеко от Казани» [Герберштейн 1988: 129].

Стабильные оседлые традиции коренного населения Дагестана также не подлежат спору. В укрепленных и неукрепленных поселениях люди занимались земледелием, скотоводством и различными видами ремесла [Гмыря 1980а: 165]. На месте Урцекского феодального замка прослеживаются остатки террасовых полей: «Вероятно, это были земледельческие угодья жителей посада» [Фёдоров, Фёдоров 1978: 191]. Целые амфитеатры террас, спускающиеся гигантскими ступенями по склонам гор, можно увидеть в горном Дагестане и сегодня. «Это — следы террасного земледелия, возникшего в эпоху ранней бронзы. Сооружение террас происходило путем длительного распахивания горного склона, причем пахотное орудие направлялось поперек покатости, сдвигая культурный слой сверху вниз. При этом терраса расширялась, и поверхность ее становилась все более горизонтальной» [Фёдоров 1983: 88–89]. Земли между Баб-ул-Аббасом и Семендером занимали многочисленные виноградные сады, принадлежащие Семендеру [Ал-Истахри 1901: 49]. Значит, савиры возделывали виноград. Несомненно, слово *исѣм* «виноград», «изюм» у предков чувашей исконное, оно бытовало еще на Кавказе. Затем слово распространилось и среди тюрков-колонистов.

Как показывают исследования (прежде всего, археологические), в салтово-маяцкое время сувары непосредственно земледелием, видимо, не занимались. Скорее всего, они пользовались готовым урожаем (например, мололи зерно дома). На примере Чугуевского городища показано, что здесь не найдены орудия труда, связанные с производственными земледельческими процессами (пахотные средства, мотыги, серпы, косы). Это распространяется и на другие памятники Северско-Донецкого региона. Должно быть, плодородная почва региона позволяла использовать разделение труда. А это способствовало развитию ремесленничества и обмена товарами. Так образовывались «гнезда» поселений. Иначе говоря, так называемые города сливались с сельскими поселениями так, что найти границы между ними было невозможно. Поэтому городища типа Чугуевского в литературе называют или «гнездами», или протогородами [Свистун, Горбаненко 2011: 39–40].

У жителей г. Сувар в Волжской Булгарии было много посевной площади, а хлеба — в изобилии [Ал-Мукаддаси 1994: 289]. В X в. население пользовалось развитыми земледельческими орудиями. Переход к плужной обработке земли потребовал большого количества железных изделий (сошников, плужных ножей, топоров), а это содействовало еще большему развитию металлургии. Деревянный плуг примитивной конструкции с металлическими режущими частями *сабан*, использовавшийся чувашами до середины XX в., восходит к культуре обработки земли X в. Его металлические части (лемех — *тёрен*, резец — *шёрт*) нынче можно увидеть в музеях. Должно быть, такой тип орудия сложился на Средней Волге, т. к. он приспособлен для тяжелых почв. Скорее всего, сабан бытовал в регионе еще до прихода болгар и суваров [Смирнов 1951: 17, 84–85]. Хлеб, мясо и просо были основными продуктами для повседневного употребления у населения Волжской Булгарии. Именно ими встречали четыре царя посольство, прибывшее из Багдада [Ибн Фадлан 2016: 32]. В XI–XII вв. у предков чувашей в Причеремшанье основными сельскохозяйственными культурами были просо и овес [Газимзянов, Набиуллин 2011: 22]. В XVIII в. здесь больше всего сеяли рожь, овес и полбу. Лен и коноплю возделывали ровно столько, сколько необходимо было иметь. Гречка не пользовалась успехом, а пшеницу сеяли мало [Лепёхин 1771: 144].

На Маяцком комплексе наблюдается значительное превалирование числа профессиональных наездников, причем не только среди мужской, но и среди женской части популяции. У них отмечены следы воспалительного процесса на голеностопе в области присоединения связки между больше- и малоберцовыми костями. Подобные раны могут быть следствием травмирования голеностопа при неудачном использовании стремени. В жизни Дмитриевского населения антропологи обращают внимание на резкое увеличение количества мужчин. В этот же период регистрируется резкое увеличение числа профессиональных всадников из женщин. Все это позволяет заключить, что женщины в этом обществе могли достойно сражаться в момент острой необходимости. Травматические поражения, как наиболее характерные маркеры военной жизни, широко отмечены и у жителей Маяцкого комплекса [Бужилова 2010: 862–863]. Сувары занимались и домашним скотоводством. В ходе раскопок найдены кости лошадей, коров, овец, свиней, кур и собак.

В кухонных остатках больше всего костей овец, коров и лошади [Смирнов 1951: 264].

Агафий Миринейский писал о временных лагерях, устраиваемых савирами: «Около пятисот савиров (*Σαβείρων*) помещались на каком-то возвышенном пункте». Изгороди таких временных укреплений были не очень высоки, так что можно было видеть лицо стоящего за оградой всадника. Лагерь представлял собой ограждение из кольев, внутри которых находились «хижины, построенные из кольев и шкур» [Agathi 1828: 180; Агафий 1996: 109–110, 144]. Подобные городища возводились очень быстро и состояли из шалашей на каркасах. Эпизод относится к событиям 554 г. в Лазике (Западная Грузия). Жилища гунно-савиров имели турлучный (плетеный) каркас. Они покрывались шкурами животных или войлоком, а у долговременных строений оплетались камышом или обмазывались глиной. Обычно в литературе их называют по-разному: палаткой, шатром или тюркским домом [Гмыря 1980: 9]. На западе Кавказа археологи находят жилища, на стенах которых, обмазанных глиной, имеются отпечатки прутьев. Выходит, жители возводили легкие плетеные постройки и обмазывали их глиной. Такому типу строительства способствовали местные материалы и климатические условия. Такие же постройки можно было видеть в XIX в. в Западной Грузии, Абхазии и Адыгее [Фёдоров 1983: 66]. В гунно-савирском городе Варачан (городище Шах-Сенкер) укрепления представляли собой деревянный тын. На городище Шах-Сенкер присутствуют обломки турлучной обмазки. Здесь были жилища «с турлучными или сырцовыми стенами» [Гаджиев 1995: 33]. Подобные жилища затем были широко распространены в памятниках салтово-маяцкой культуры. Аналогичные конструкции имели широкое распространение в Волжской Булгарии с X в. У строений в городе Хулаш также стены «были сделаны в виде каркасной опоры из плетня, обмазанного глиной» [Каховский, Смирнов 1972: 21].

В 555 г. сирийский источник фиксирует у савиров палатки [Захария 2011: 595].

В начале X в. сувары на территории современных южных районов Чувашской Республики имели городища в виде круговой крепости. Традиции строения таких городищ у суваров были еще на Кавказе. Они весьма напоминают аварские *хринги* с круговыми укреплениями. Дома и хозяйственные постройки в г. Хулаше

располагались скученно. Этим городище напоминает южные поселения, в частности, Саркел. Допускается, что в Хулаше селились вокруг дома старейшины [Фёдоров-Давыдов 1962: 49–89; Каховский, Смирнов 1972: 10–11; Дмитриев 2014: 93].

Жилища, открытые археологами в г. Суваре, в основном принадлежали к двум типам: это или глинобитные дома, или деревянные срубы. Реконструкция позволяет представить и типовую схему постройки: это были сооружения общей площадью $7,1 \times 7,2$ м с деревянным полом и с подполом около 70 см глубиной, где хранили зерно. Таких зернохранилищ в Суваре обнаружено множество. В некоторых ямах найдены остатки дубового тлена. Выходит, дном ям и, возможно, стены были обложены дубовыми досками. Обнаружены и органические остатки злаковых. Близ стены ставили печь.

Согласно фиксации Приска, относящейся к концу первой половины V в., в доме у Аттилы «скамьи стояли у стен комнаты» [Приск 1860: 67]. Аналогичное расположение длинных скамеек из половых досок вдоль всей стены характерно для южных чувашей. Они стали вытесняться покупной мебелью лишь в конце XX в.

Сувары входили в тесные взаимоотношения с окружающим миром. Вырабатываются общие традиции в культуре, особенно в одежде. Например, появляются «удлиненные пуговицы-стерженьки с кубиками на концах и петлей посередине для пришивания к одежде» [Фёдоров 1972: 37]. Эта традиция прослеживается и по археологическим памятникам Волжской Булгарии. Материалы Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв., принадлежащие кочевникам Западного Прикаспия, содержат богатые коллекции височных привесок, нагрудных комплектов женщин, занимавших достаточно высокую ступень в иерархии населения [Гмыря 2014: 37–38]. Все они находят отклик в праздничной одежде чувашек в виде *сурпан сакки*, *хълха сакки*, *шълкеме*.

В Поволжье одежда и украшения чувашей продолжают кавказские традиции. Однако имеет место влияние восточнофинского и тюркского миров. Так, нагрудные украшения из куска кожи с застежкой и нашитыми или подвешенными на кожу монетами (прототипы современных чувашских украшений *сурпан сакки* и *шълкеме*) очень близки к нагрудным украшениям эрзи и марийцев. Близки к марийским нагрудникам украшения из шерстяных жгутов с кистями, вставленных в медные трубочки (чуваш. *хўре*). Что

касается украшенных монетами кожаных шапочек *хушту*, *масмак*, головного полотенца *сурпан* и перевязей *тевет*, то они не имеют аналогов у марийцев и мордвы и являются специфически чувашскими, восходящими к волжско-булгарскому времени [Краснов 2011: 272–273].

У гунно-савилов была моногамная семья с сохранившимся обычаем левирата. Причины такого явления сводятся к экономическим основам. Не имеющие семьи родственники (сыновья, братья) считали долгом поправить положение, женившись на вдове и усыновив ее детей. Имеется специальная статья, рассматривающая родственные браки у гуннов Прикаспийского Дагестана в VII в. [Гмыря 2008а: 25–31]. Притом Л. Б. Гмыря делает существенную оговорку. Такие брачные обряды составляли часть похоронно-поминальных церемоний. Родственник вступал в супружеские права после похорон умершего родственника. Конечно, такие левиратные формы имели более широкое распространение. Тем не менее для нас имеет значение факт бытования этого обычая у гунно-савилов. Положение женщины в гуннском обществе в таком контексте не имело высокого статуса. В источниках не находим сообщений об участии женщин в важных общественных делах [Гмыря 1995: 213–215]. Пример с Боарикс — исключение, когда вдова великого князя, не оставившего сына, заняла место мужа. У чувашей, как и у многих народов, также имел место левират. Однако это была моногамная семья с рудиментами левирата. Желу умершего брата мог взять младший брат. Другие формы левирата у чувашей не зафиксированы или сильно завуалированы. О том, что данное обычное право чувашей идет еще с кавказского периода их истории, свидетельствует аналогичный осетинский обычай левиратного брака. Осетинский обычай рекомендовал выход вдовы за брата мужа, т. е. за деверя [Ковалевский 1886: 260]. Есть рассказы о сорорате в недавнем прошлом. В Чувашии семьи были большими. Например, по данным на 1920 г. в Батыревском уезде средняя семья состояла из шести человек [Вишневский 1929: 233]. В 1950-х гг. в этой же местности имелись семьи из 12–15 человек.

Что касается колесного транспорта, то его появление на Северном Кавказе связывают с территорией Ближнего Востока, где он бытовал еще в IV тысячелетии до н. э. Об этом свидетельствует конструктивное сходство колес в обоих регионах. Параллели

майкопской керамике, известные по восточноанатолийским погребальным памятникам, и находки моделей колес на поселениях майкопской культуры, по-видимому, маркируют конкретные пути проникновения повозок в степную часть Северного Кавказа [Избицер 2013: 115]. Поэтому следует признать, что савиры на Кавказе, несомненно, знали колесный транспорт. Об этом же говорит постройка гунно-савирами временных стоянок в виде привязанных друг к другу повозок, опрокинутых на бок и образующих круговую оборону.

Исследователи истории этнического устройства чувашей обращали внимание на социальный термин *турхан*. П. К. Коковцев, А. П. Новосельцев, В. И. Абаев и А. В. Дыбо считают его иранским заимствованием (согдийским *trχ'n*). Обозначал он понятия «судья», «переводчик», «титул» [Абаев 1979: 276–277; Дыбо 2006: 772]. Затем слово перешло в хазарский, тюркский и русский языки. Видимо, оно присоединялось к имени собственному (например, как в Турции титул «паша»). В Хазарии термин обозначал привилегированный класс [Новосельцев 1990: 117–119]. Присутствует он как антропоним, название селений, околотков и улиц, обозначает привилегированный класс, названия божеств и духов, топонимы, святилища. В Казанской губернии населенных пунктов с таким названием было 15. Из них одно селение было татарское, одно — черемисское, остальные — чувашские. Поэтому считается, что сословие тарханов преимущественно состояло из чувашей [Артемьев 1866: LXXIV]. Кроме того, имелись они и в Симбирской губернии. В современной Чувашской Республике населенные пункты *Турхан* есть в Батыревском, Красночетайском, Шумерлинском, Цивильском, Моргаушском и других районах. Р. Г. Кузеев заметил, что топонимы с элементом *тархан* распространены почти на всей территории к западу от Алтая и Центральной Азии: «Контакты между этими образованиями могли иметь место на Северном Кавказе и Приазовье, где образовались этнонимические параллели, перенесенные затем на Дунай и Волгу» [Кузеев 2010: 323]. Действительно, из работы Мовсеса Каланкатуаци «История страны Алуанк» узнаем, что у гунно-савиrow в VII в. был титул *тархан* [Каланкатуаци 1984: 132].

Ибн Фадлан зафиксировал форму приветствия и оказания почтения у жителей Волжской Булгарии. Так, когда увидят проезжа-

ющего царя, то все снимают с головы шапки и кладут под мышки. Надевают их только тогда, когда царь проедет. Точно так же поступают, когда имеют беседу с ним [Ибн-Фадлан 1956: 136–137]. Аналогичное поведение имело широкое распространение у чужаков: во многих обрядовых ситуациях они, как правило, держали шапку под мышкой. Так поступали, например, при обращении к *Киреметю*, в обряде *чўклеме*, а также на семейных молениях. Как правило, шапка закладывается под левую подмышку. Традиция распространяется как на моления стоя, так и на моления в положении коленопреклонения. Желательно моельщику иметь хотя бы на время новую шапку. Естественно, речь идет только о мужчинах. Женщинам в особых случаях разрешается молиться, имея под мышкой шапку мужа. Если за хозяина молится другой человек, то он обязан под мышкой иметь шапку хозяина того дома, где проводится действие. В правой руке моельщик держит предметы жертвы (хлеб, сырок, мясо). Если перед молением присутствующим раздают в руки кусочки жертвенной еды, то и они повторяют жесты моельщика: под левую подмышку мужчины закладывают шапки, правые ладони с полученными кусочками протягивают чуть вперед [Салмин 2016: 559–560].

Несомненную ценность представляют сцены официальной трапезы по случаю визита византийского посольства к предводителю гуннов Аттиле (448 г.) и арабской миссии к царю Волжской Булгарии Алмушу (922 г.). Особенно интересно сравнительное изучение церемонии застолий. Первый вариант изложен Приском Панийским, второй — Ибн Фадланом. Оба писали то, что видели сами. Не верить очевидцам нет оснований. Притом текст Приска полнее, чем рассказ Ибн Фадлана. Приведу некоторые детали. Приск пишет: «Когда все расселись по порядку, виночерпец подошел к Аттиле, поднес ему чашу с вином. Аттила взял ее и приветствовал того, кто был первый в ряду. Тот, кому была оказана честь приветствия, вставал; ему не было позволено сесть прежде, чем Аттила возвратит виночерпцу чашу, выпив вино, или отдавая его. Когда он садился, то присутствующие чтили его таким же образом: принимали чаши и, приветствовав, вкушали из них вино. При каждом из гостей находилось по одному виночерпцу, который должен был входить в очередь по выходе виночерпца Аттилы. По оказании такой же почести второму гостю и следующим за ним гостям, Аттила приветствовал

и нас наравне с другими, по порядку сидения на скамьях. После того, как всем была оказана честь такого приветствия, виночерпцы вышли. Подле стола Аттилы поставлены были столы на трех, четырех или более гостей, так, чтоб каждый мог брать из наложенного на блюде кушанья, не выходя из ряда седалищ. Первый вошел слугитель Аттилы, неся блюдо, наполненное мясом. За ним прислуживающие другим гостям ставили на столы кушанье и хлеб» [Приск 1860: 67–68]. Ибн Фадлан отмечает: «Цари [сидели] с правой его стороны, а нас он пригласил сесть слева от него, в то время как сыновья его сидели перед ним, а он один [сидел] на троне, покрытым византийской парчой. Он велел принести стол [с яствами], и он был подан ему. На нем было одно только жареное мясо. Итак, он начал — взял нож, отрезал кусочек и съел его, и второй, и третий. Потом он отрезал кусок и дал его Сусану послу. Когда же он его получил, ему был принесен маленький стол и поставлен перед ним. И таково правило, что никто не протягивает своей руки к еде, пока царь не вручит ему кусочек. И тотчас, как только он его получит, то уже принесен ему стол. Потом он вручил [мясо] мне, и принесен был мне стол. Потом он отрезал кусок и вручил его царю, который был справа от него, и ему был принесен стол, потом вручил второму царю, и ему был принесен стол... потом вручил четвертому царю, и ему принесли стол, потом вручил своим сыновьям, и им принесли столы, и таким образом [это продолжалось], пока каждому из тех, кто был перед ним, не был принесен стол, и мы ели каждый со своего стола, не будучи сотоварищем по столу с кем-либо другим, и, кроме него, никто не брал с его стола ничего» [Ибн-Фадлан 1956: 132]. За исключением нюансов (простота у Аттилы и пышность у Алмуша и т. д.), обе трапезы проходили по одному и тому же сценарию. Иначе говоря, во дворце Алмуша повторили то, что было у гуннов на пять веков раньше.

Следы увиденных Приском и Ибн Фадланом церемоний застолья явно просматриваются в чувашских родовых обрядовых трапезах *чӱклеме* и *ал валли* [Салмин 2016: 79–87]. Приглашенных усаживают за стол в передний угол. Здесь проводят предварительную часть действий. Женщины в *чӱклеме* занимают определенное место. Жена хозяина, например, повторяет те же действия и слова, что и муж. В обряде ее сажают за стол вслед за супругом. Тут же приносят и ставят на стол в большой деревянной посудине пиво, пода-

ют ковши в количестве до девяти штук. У каждого из участников обязательно должны быть ритуальная еда и питье, поднесенные хозяином дома. Именно они служат официальным допуском к обряду вообще и к совместной еде в частности. Такая доля, полученная в руки, называется *ал валли* (букв. «для руки», «на руки»). Как сидящие за столом, так и другие участники обращены лицом в сторону двери. На свадьбе моление начинается с подачи пива из непочатой бочки и хлеба. Глава дома или его жена раздают каждому присутствующему по кусочку хлеба с намазанным маслом. И сам процесс, и полученный кусок хлеба одинаково называются *ал валли*. Все встают, смотрят в сторону чуть приоткрытой двери и держат бутерброд в правой руке. Зажигается свеча. Вначале обращаются к *Турă* и *Пӱлӗх*, затем — к другим божествам. Просят здоровья новой паре, выражают желание иметь целый пол ягнят и целую скамейку детей. Также просят у *Турă* возможность ходить друг к другу в гости. После совместного моления и съедения кусков хлеба с маслом брачный договор считается фактически заключенным.

По состоянию на V в. эта церемония была общей для всех трех племен. То, что сувары Волжской Булгарии, упоминаемые хазарским царем Иосифом рядом с булгарами, и есть савиры, проживавшие на Северном Кавказе, не подлежит сомнению [Петрухин, Раевский 2004: 230]. Об этнической преемственности суваров Волжской Булгарии с савирами пишет и Питер Голден. Он прямо заявляет, что северокавказские сувары, конечно, имеют отношение «should certainly be connected») к суварам/сувазам, которых застал Ибн Фадлан на Волге [Golden 1980: 35; 2011: 146–147]. В литературе признается тезис о том, что «сувары (сувазы)... явились основным компонентом в сложении чувашского народа и передали ему свое имя» [Краснов 1974: 113]. Признается также этническая преемственность: савиры → сувары → чуваша. Есть мнение, согласно которому, и хазары являются потомками сабиров/савиров [Буданова 2000: 395]. Такое видение не лишено оснований. Согласно другому мнению, «хазары стояли во главе реорганизованного союза савиров» [Исхаков, Измайлов 2001: 53].

Много общего в традиционной обрядности народов Кавказа и чувашей. Например, одинаковые обрядовые действия имеем у народов Кавказа и чувашей в обрядах «От затмения солнца и луны», «Прохождение под радугой».

Обряды вызывания дождя, как правило, проводятся у воды. Авторы исследований указывают на семантику выбора локуса. Так, генухцы (Дагестан) жертвенного барана резали с таким расчетом, чтобы кровь животного сливалась с водоемом [Ризаханова 2003: 80]. Чувашы с той же целью проводили аналогичный обряд у родника или речки [Салмин 2016: 28]. С просьбой ниспослать влагу на землю участники обряда обращались к духам предков: представители шли на кладбище и обливали некоторые могилы, полагая, что умершие не дают дождя. Затем потусторонние родственники являлись своим детям во сне и жаловались: «Пока сам находился на севе, дом мой залили водой». Как правило, лили воду на могилы умерших недоброй смертью (пропойц, утопленников, висельников). Объектом поливания оказывались и холмики колдунов. Говорят, на них имеется дырка, через которую они выходят наружу. Должно быть, истоки такого обряда ведут на Кавказ. Так, в VII в. зафиксирован обычай номадов Прикаспийского Дагестана обливать могилу знаменитого человека. В сухую погоду они выносили гроб с костями и испрашивали над ним дождь. Но сам обряд с использованием мощей выдающихся людей, по всей видимости, имел у населения Прикаспия еще более глубокие традиции. Исследователи полагают, что обряд местный. В более раннем варианте труп «странного» человека следовало закопать в землю [Гмыря 2009: 58–62]. Согласно источникам, баланджарцы в бездожде выкапывали кости арабского полководца Сальмана ибн Раби'а и выставляли под открытое небо. «Погружение костей покойника в воду практиковалось до недавнего времени с магической целью у сванов, карачаевцев, абхазов, черкесов и русских Северного Кавказа» [Генко 1941: 101].

У черкесов семья не могла распоряжаться убранным хлебом до тех пор, пока не совершит специальное моление *хама умухо*. На этот обряд приглашали ближайших родственников. После пира новый хлеб можно было использовать: есть, продавать, отдавать в долг [Чурсин 1913: 57]. Сходные церемонии имели место у абхазов и других народов Кавказа. Аналогичный родовой праздник по случаю начала употребления нового урожая бытовал у чувашей, назывался он *чўклеме* [Салмин 2016: 79–87].

Большинство источников говорит о проведении свадеб в *сїмєк* («Семик»). «В сїмєк кто желал, тот женился»; «А в сїмєк шуме-

ли свадьбы», — читаем в записях XIX–XX вв. «Все» или «в основном» — такие утверждения относительно проведения свадеб в *шимёк* встречаются в громадном количестве материалов, которыми располагает автор. Некоторые информанты подчеркивают, что у всех чувашей (имеем в виду придерживающихся дедовских традиций) свадьбы бывают на *шимёк*. Имеются только некоторые уточнения: после завершения сева, в то время бывают молодежные хороводы *Вайй*, в день *шимёк*, за день-два до *шимёк* или на следующий день после *шимёк*, или более абстрактно — летом.

Свадьбы можно было проводить до начала полевых работ, точнее — до сенокоса. Косвенным подтверждением могут служить частушки, исполняемые на свадьбах: «Глупость нашего отца (видна из того), что он выдает дочь перед полевыми работами». Или: «Девуц, не умеющих работать, выдают замуж перед полевыми работами» [Ашмарин 1929: 141].

Имеются факты проведения свадеб в начале зимы. Конечно, здесь на первое место выходят соображения, связанные с экономической выгодой: урожай собран, скот набрал вес, а накрывание стола обходится дешевле. Тем не менее конец осени, начало зимы и середина зимы для проведения чувашских свадеб нехарактерны. «В старицу зимой свадеб у чувашей было очень мало. Если и были, то их проводили исключительно нищие. И те, кто играл свадьбу без сватовства», — сообщал в 1928 г. А. С. Семёнов из д. Новое Аксубаево Чистопольского кантона Татарской Республики [ЧГИ 623: 1–2]. Можно допустить, что случаи проведения чувашами свадеб осенью и зимой — это влияние традиции русских. Например, в 1886 г. воспитанник симбирской чувашской школы Яков Егоров из д. Новые Атаи Курмышского уезда Симбирской губернии писал: «Если чуваша устраивают свадьбы, то они не проводят, как русские, зимой, свадьбы всегда приурочивают к *шимёк* до полевых работ» [ЧГИ III-152: 111 об.]. Фактически чувашские свадьбы продолжались ровно неделю, но к ним тщательно готовились. Этот период чуваша буквально называют «праздником свадеб» [ЧГИ III-536: 54]. Свадьбы у чувашей, согласно имеющимся источникам, начинались неизменно в пятницу.

Прямой отклик по времени проведения свадеб находим у дунайских болгар — исторических соседей чувашей по Кавказу [Арнаутов 1931: 9; Денисов 1969: 123–129]. Строгие даты проведения

свадеб устойчиво держались в районах Македонии и северо-восточной части Болгарии. Называют даже конкретное число — 29 июня. У македонских болгар регламентированным временем считался период с 20 июля по 15 августа. За соблюдением традиции следила община. Должно быть, в старину учитывали удобство: лето — прекрасное время для проведения свадеб с участием большого количества людей во дворе или на природе, это с одной стороны. С другой стороны, явно просматриваются южные традиции.

Обряд хождения молодой после брачной ночи за водой в сопровождении новых родственников имеет сходство, как в целом, так и в деталях, у народов Кавказа и чувашей [Сефербеков 2009: 145–146; Салмин 2016: 166]. Цель этого обряда — умиловление божества воды. В обрядах вайнахов, абхазо-адыгских народов и даргинцев молодая высыпала горсть зерна в родник как дань божеству, затем подносила всем присутствующим ковш воды. Кайтагцы у родника обливали ноги молодой. Табасаранцы в этот обряд вкладывали пожелание родить семь сыновей. Аналогичные ритуалы были у дагестанских азербайджанцев. У чувашей молодая утром после свадьбы должна идти за водой. Ходила она не к колодцу, а к реке или ближайшему ключу. Видимо, учитывалось, что колодец «окультурен». Молодую сопровождали женщина, маленькая девочка, молодежь, девушки. Обыкновенно она несла ведра на коромысле. У воды девочка или сопровождающая женщина два или три раза черпала воду, но каждый раз молодая нарочно ее проливала. Затем она дарила колечко девочке и со словами: «Я и сама могу», черпала воду. Разумеется, она откупалась колечком за воду. При этом молодая должна была сказать: «Воду беру для божества Турă, не для самих, эта вода не для нас». Если она скажет: «Для Турă», то божество, находящееся в воде (*Шыв турри*), не будет препятствовать. Если она не скажет так, то божество воды наслет порчу.

В трудах Захарии, Малалы, Феофана и Каланкатуаци отражены способы и формы клятвенных договоров гуннов и савиров в V–VII вв. Так, Феофан в сообщении от 522 г. указал, что царь гуннов Залгивин получил от Византии богатые дары. А Залгивин «отеческими клятвами скрепил договор об оказании военной помощи императору против персов» [Феофан 1980: 50]. Фраза «отеческие клятвы» здесь означает прочность данных слов, т. е. по традициям

предков. Конечно, под гуннами у названных авторов следует иметь в виду сави́ров, ибо после Аттилы так называли именно их. Аналогичное мнение в литературе уже имеется [Гмыря 2008: 63, 66].

У гунно-сави́ров был обычай хоронить умерших обычной смертью людей в гробу, а погибших в бою — сжигать. Например, Аттилу, умершего дома, хоронили в гробу. У чувашей способ кремации не зафиксирован, однако поддается реконструкции. Например, о родственниках, погибших на войне, чувашаи говорят: *Тавра́нман*, т. е.: «Не вернулся». Иначе говоря, от его тела не осталось физических следов. Аналогично у гунно-сави́ров: «Улетел». Традиции погребений в ямах с подбоем характерны для равнинных районов Дагестана гуннских времен. В длинной стенке вырывался подбой, куда помещали труп, а также сопровождающий инвентарь, украшения, оружие и посуду [Гмыря 1980а: 167–169]. Должно быть, встречающиеся среди чувашей могилы с подбоем [Салмин 2016: 191–192] имеют непосредственную связь с кавказскими традициями. Носители салтово-маяцкой археологической культуры (VIII–IX вв.) хоронили умерших в ямах с малым количеством вещей. Притом их погребальный обряд тесно перекликается с формами погребений как в Волжской Булгарии, так и в Дунайской Болгарии [Плетнева 1981: 70].

Л. Б. Гмыря анализирует особенности погребальной практики кочевников Западного Прикаспия, проявившиеся в намеренной порче убора женского костюма, зафиксированные в материалах Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв. Она рассматривает содержание специфических манипуляций с убором костюма умерших женщин, определяет характер искажений системы размещения убора и их целенаправленность в погребальном обряде. Отмеченный ритуал отражает представления населения, основанные на противопоставлении мира живых (средний мир) миру умерших соплеменников (нижний мир). Исследователи Паласа-сыртского могильника отмечают перемещение уборов со своих мест. Притом такие нарушения порядка не связаны с ограблениями: «Манипуляции с предметами убора умершего производились в погребальной камере непосредственно перед его захоронением, т. е. в процессе проведения погребального обряда, что позволяет квалифицировать эти действия как ритуал» [Гмыря 2015: 224]. Археологи (например, С. А. Яценко, А. В. Мастыкова, Л. Б. Гмыря) отмечают намеренные

поломки и деформацию вещей, сопровождающих умершего. Разбивание посуды, сопровождающей умершего родственника, в похоронно-поминальной обрядности чувашей имеет системный характер [Салмин 2016: 96, 229, 576]. Например, в день окончательного провода души похороненного на могиле разбивают утварь (ковш, ложку), необходимую на том свете.

Согласно воззрению чувашей, заколотая на поминках скотина переходит в собственность умершего. Поскольку смерти нет, то перешедшие в иной мир родственники пользуются теми животными, которые были принесены в жертву в их честь. Обязательно учитывают тот факт, что мужчина на том свете ездит на лошади, а женщина — на корове или овце. С целью «претворения в жизнь» такого замысла устраивали обрядовые скачки. В Сванетии еще в 30-х гг. XX в. сохранился пережиток хоронить вместе с покойником его любимого коня. При выносе покойника наездник вскакивает на лошадь и начинает гонять ее во всю прыть по ближайшим окрестностям. Обреченную лошадь стараются загнать так, чтобы, доскавав до могилы, она свалилась замертво. В других вариантах лошадь стараются не губить. Друзья покойного уговаривают родственников сбересть взмыленное животное, чтобы она могла послужить еще наследникам умершего [Шаншиев 1931: 115]. Основным смыслом данного обряда — санкционированный переход коня умершего лучшему родственнику.

Г. Ф. Миллер зафиксировал интересный эпизод, согласно которому чуваш и марийцы в день окончательных проводов души умершего на дворе вколачивают «в землю две палки, и между оными протягивают толстую нить, и вздевают на оную кольцо. Потом все молодые люди из сродников, или из гостей, не доходя до помянутого места шагов на десять, в кольцо стрелами стреляют, и кто первой во оное кольцо попадет, тот берет лошадь, на которой покойник ездил; ежели же будет женщина, то берет иную какую-нибудь лошадь со всем убором, и ездит на ней вскачь до трех раз на могилу и оттуда назад. Потом оную лошадь у черемис на дому, а у чуваш на кладбище, в память умершего заколовши, варят и едят» [Миллер 1791: 79]. Рудименты таких скачек запечатлены и в записях XIX — начала XX вв. Например, при возвращении с кладбища всадника, прискакавшего к дому первым, встречают пивом. Позже заклание лошади после скачек заменили актом

дарования этой скотины, принадлежавшей умершему, тому, кто скакал на кладбище и обратно. Еще позже стали ограничиваться скачками. Сокращенный, «испорченный» вариант мотива скачек на лошади умершего прослеживается и в эпизоде отправления одного всадника на могилу умершего родственника в конце поминок [Салмин 2016: 219–220].

После монгольского похода на Волжскую Булгарию в юго-восточной части Чувашии осталось пепелище около 200 городищ и селищ. Вся эта территория превратилась в Дикое поле, используемое ногайскими ордами для кочевий. Оставшееся в живых население ушло в Заказанье, Приказанье и северные районы Чувашии. В результате монголо-татарского геноцида XIII — начала XV в. осталась лишь одна пятая часть предков чувашей [Димитриев 1994: 27]. Ужасный урон суваро-чувавам, как и всему населению Поволжья, нанесла черная чума 1340–1350 гг. Эти годы привели к депопуляции, коллапсу власти, анархии, упадку общей культуры. Утверждение Юлая Шамильоглу о конце волжско-булгарского языка в годы черной чумы [Шамильоглу 2001: 18–19] одинаково верно и для суваро-чувашей.

Традиционная культура в широком смысле, известно, хранит словарный состав, этикет, менталитет, а также сведения о жилище, пище, одежде, религиозно-обрядовой стороне этноса. Все эти исконные элементы культуры в живом бытовании теперь можно встретить лишь в среде некрещеных и не исламизированных до сих пор чувашей (в основном в Причеремшанье). Исследование именно их быта обещает наиболее плодотворные научно-практические результаты.

Искусство

На Хаританинском святилище (Дагестан) фигура основного божества значительно превосходит все остальные, что однозначно подчеркивает ее особое положение. Поднятые в позе Оранты руки, широкая конусовидная юбка, украшенная ромбическими клетками, придают божеству особое смысловое значение. Как известно, фигуры ромба интерпретируются как символы женского начала. Ромб символизировал также возделанное и засеянное поле. А символ

поля одновременно означает и женщину, и поле, и растение, что в конечном счете олицетворяет идею плодородия. Интересно отметить, что ромбы особенно украшают грудь богини. Такие же фигурки имеются в древней Передней Азии, что говорит о связях населения Дагестана и Передней Азии [Котович 1983: 5]. Основным узором лезгинских ковров также является крупный восьмиугольный ромб. По их числу определяли размеры ковров. На больших коврах размещается до пяти ромбов, на маленьких — один. Называется этот ромб *гюзги* — «зеркало». Внутренние стороны *гюзги* украшаются крючкообразным узором. Каймы ковров заполняются геометрическими рисунками [Салько 1951: 204–213]. Аналогичные геометрические вышивки-розетки с большим искусством наносятся на грудной части женской рубашки. Они так и называются — *кёскё* «зеркало») — и призваны обеспечить плодородие.

Многие типы украшений из городища Хулаш имеют аналогии в материалах памятников салтово-маяцкой культуры. А это свидетельствует о сохранении жителями города культурных традиций своих степных предков [Каховский, Смирнов 1972: 59].

Фольклор

Согласно преданиям, чуваши на Волгу пришли из-за Черного моря, из-за далеких гор. Своим предком, родоначальником они считают человека по имени Чуваш [Михайлов 2004: 53; Риттих 1870: 46]. Тексты также повествуют о проживании древних чувашей на северном побережье Каспийского моря [ЧГИ III-195: 240]. Предание гласит, что чуваше в древности жили в теплой стране на морском побережье [Димитриев 1993: 25]. В целом фольклорные данные дают положительный ответ на вопрос об исторических связях чувашей с Кавказом.

Чувашские легенды имеют множество сходных сюжетов с фольклорными текстами народов, обитавших и живущих на Кавказе. Например, народы Кавказа, болгары и чуваше почитают радугу. Если женщине удастся пройти под радугой, то она превратится в мужчину, и наоборот.

Или бытует легенда о низком небе. Говорят, небо и облака в старину находились очень близко к земле, на уровне домов. Их можно

было достать, встав на ограду. Рассказывают, что однажды женщина, не имея под рукой тряпки, вытерла экскременты своего ребенка куском хлеба. Подумав, что хлеб на землю бросить нельзя, она сунула испачканный хлеб в облако. А облако, как чистое существо, не выдержало оскорбления, ушло высоко. С тех пор облака плывут на высоте [Тимофеев 1972: 67]. Естественно, легенда о низком небе могла сложиться лишь в высокогорной стране, память о которой сохранилась в легендах чувашей.

Как у народов Дагестана (табасаранцев, даргинцев и аварцев), так и у чувашей бытовало верование в домашнего змея. Вариаций легенд о локусе обитания такого змея (под фундаментом, в межпотолочном пространстве, под лабазом), об обязательности иметь его в каждом доме много. Он оберегает дом от бед. Если его чем-либо обидеть, то он покидает такую семью и уводит с собой благополучие, достаток и изобилие [Сефербеков 2014: 223–225; Ашмарин 1934: 212–213].

Источники свидетельствуют о тесной связи собаки с верховным божеством *Турă*. В первую очередь это легенда о том, почему хлеб одноколосный. Согласно текстам, изначально хлеб по всей длине стебля имел колосья. Но одна женщина стала роптать, что изобилие колосьев мешает жать, из-за чего случаются частые порезы руки. Тут явился *Турă* и начал срывать со стебля колосья и спрашивать: «Достаточно ли оставить на верхушке столько колосьев?» Женщина молчала, а *Турă* продолжал срывать колосья. Наконец на соломинке остался всего один колос. Но женщина продолжала молчать. Тогда находившаяся рядом собака завывала жалобным голосом, и *Турă* оставил последний колос. Поэтому говорят, что одноколосные хлебные растения оставлены ради собаки. Чуваша дома по вечерам часто спрашивают друг у друга: «Дали ли сегодня собаке поесть?» В противном случае собака может пожаловаться божеству *Турă* [Рекеев 1898: 8]. Имеются и другие варианты этой легенды, однако все они сводятся к одному инварианту. Согласно сказанию дунайских болгар, предки которых также обитали на Кавказе, хлебные колосья изначально были от корня до вершины. Но однажды женщина, убиравшая хлеб, осквернила его, обтерев колосьями обмаравшегося ребенка. За такой поступок Бог решил наказать человека и захотел оставить хлеб без колосьев. Но тут собака завывала и попросила Бога оставить на стебле один

колос ради нее. С тех пор, гласит болгарская легенда, люди едят хлеб, предназначенный собаке [Денисов 1969: 90].

Перекликаются с кавказскими сюжетами чувашские сказки. Так, в обоих случаях имеются тексты об отправлении падчерицы на выполнение трудной задачи. В данном случае как у кавказских народов, так и у чувашей в качестве отправителя выступает Мать ветров [Сефербеков 2009: 124; Салмин 2016: 315].

В предании о правобережных чувашах повествуется, что они жили между Волгой и Свиягой в землянках среди лесов и степей. Поэтому их селения не были заметны. Даже их главный город состоял из землянок. При проведении неоднократных раскопок по р. Утке археолог Р. Г. Фахрутдинов записывал у местных старожилов фольклорные произведения, проникнутые любовью к своему древнему городу. Они называли Сувар *Шам-Суар*. Этот татарский эпитет применяется при передаче величия и славы [Фахрутдинов 1986: 96–97]. *Шам* является символом красоты и света. Само слово *шамс* в переводе с арабского означает «солнце».

Широко распространены легенды о происхождении деревень. Так, сохранившаяся архивная запись от 1905 г. была выполнена крестьянином д. Большие Крышки Чебоксарского уезда Казанской губернии Федором Алексеевым. В ней рассказывается об образовании некоторых населенных пунктов Чебоксарского и Цивильского районов. В центре событий три брата: Пичурин, Айтарин и Чинкей. В основе сюжета — следование за быком в поисках лучших земель, обильных родников, лесов, лугов и пригодных для земледелия полей [ЧГИ 154: 172–177]. А жители г. Чебоксары о происхождении своего города еще в XVIII в. говорили, что на месте их города в старину «была деревня, в которой между прочими жителями был один крестьянин именем Чебошкар, человек честного жития и изрядного рассуждения, а поселяне его имели к нему почтение и любовь, и в прославление его имени назвали свою деревню и протекающую сквозь оную речку Чебошками, или по-нынешнему — Чебоксарами» [Миллер 2012: 592].

Глава 2. БУЛГАРЫ

Следование устоявшейся болгарской теории в разработке вопроса происхождения, в конце концов, привело к тупиковой проблеме деления болгарского наследия между татарами и чувашами, это во-первых. Во-вторых, совершенно неразработанным оставался вопрос о суварском наследии в истории чувашей. А это, как полагает автор, верный путь в освещении истории предков чувашей. До сих пор в чувашеведении однобоко преобладала тенденция увлечения тюркскими корнями народа. М. Г. Худяков не без основания полагал, что чувашей никак нельзя считать ни создателями, ни носителями болгарской культуры. А сама болгарская теория происхождения чувашей опирается на односторонний и плохо истолкованный лингвистический материал [Худяков 1927: 136]. Впрочем, поставив цель показать автохтонность поволжских татар, некоторые исследователи изучают ананьинскую археологическую культуру. Конечно, субстратных связей казанских татар с этой археологической культурой нет. Да и нельзя так ставить вопрос. Невозможно в ту доисторическую эпоху серьезно говорить о каком-либо конкретном этносе, а порой и об антропологическом однообразии. Нет также оснований идентифицировать всех жителей Волжской Булгарии X–XIII в. с предками татар или чувашей.

«Булгарская теория, понятая узко и односторонне, в начале 20-х годов подхвачена была татарскими и чувашскими буржуазными националистами в своих узконационалистических интересах... Некоторые чувашские националисты, например, добивались даже переименования Чувашской республики в болгарскую» [Егоров 1953: 69]. Впрочем, эта тенденция жива и сегодня. Например, открытое письмо профессора Г. И. Тафаева Правительству и Госсовету Чувашской Республики с аналогичным содержанием всерьез обсуждалась в СМИ и кулуарно.

С. А. Токарев в теоретической статье о проблеме этногенеза чувашей и болгар, в частности, писал: «Трудно было бы что-либо

возразить против достаточно убедительно доказанной исторической связи между древними булгарами и современными чувашами» [Токарев 1949: 13]. Но, рассуждал далее С. А. Токарев, даже самая прямая историческая связь еще не есть тождество, об этом не всегда помнят. Необходимо дать себе отчет в том, что даже убедительное сближение современного народа с древними предками мало помогает понять его происхождение. Это, скорее, объяснение известного искомого через неизвестное. Поэтому даже доказанная связь, например, нынешних чувашей с древними булгарами не дает ответа на вопрос об их происхождении. Можно ли считать «булгарскую теорию» решением проблемы этногенеза чувашского народа? Скорее, наоборот, эта теория может служить ответом на вопрос о том, кто такие были булгары. Нельзя безоговорочно сближать современный народ с древним племенем. В таком контексте заявления типа «чувашаи — прямые потомки булгар» [Димитриев 2014: 105] звучат, по крайней мере, априорно. Поэтому верно признание самими чувашеоведами уязвимости теории булгарского происхождения чувашей [От издателя 2004: 3].

Определение булгар как предков казанских татар было сделано далеко не вчера. Например, А. П. Смирнов на конференции 1946 г., отвечая на вопросы, сказал об этом достаточно ясно: «Основной упрек заключался в том, что я ставлю знак равенства между булгарами и татарами. Ни в своих тезисах, ни в докладе я этого не делал. Я говорил о булгарах как о предшественниках татар, как об одном из основных компонентов, который вошел в состав татарского народа» [Смирнов 1948: 148]. Булгарский компонент в этногенезе казанских татар сегодня признается, хотя и неоднозначно. Однако начиная с XIII в. татары подверглись сильной кыпчакизации. Поэтому исследователи разделились на так называемых булгаристов и татаристов. Хотя истина где-то, как всегда, посередине.

Изучение этнической принадлежности и страны происхождения булгар началось еще в XVI в. В XIX–XX вв. они были названы родственными гуннам и монголам, а родиной признаны Алтай и Западная Монголия.

По большому счету пока проблема истории и наследия булгар нисколько не сдвинулась с места. В этом плане приходится повторить то, что было сказано еще в середине XX в.: «Утверждения сторонников булгарской теории, что чувашаи — прямые потомки бул-

гар, не выдерживают критики» [Егоров 1953: 75]. Кроме того, нет никаких доказательств того, чтобы чуваша когда-либо называли себя булгарами [Golden 1992: 397].

Этнонимы

В литературе само слово *булгар* как экзоэтноним выводится из тюркского *bulğa* — «смешивать»; «мутить»; «вредить»; «сеять смуту» (ср. чуваш. *пӗлхав* — «бунт»; *пӗлхат* — «мутить»). Игнорирование чувашского прочтения этнонима *булгар* до сих пор вызывает вопросы типа: «Являются ли булгары „смешанными“ или „восставшими“?» [Маенхен-Гельфен 2010: 451], т. е. нам следует учесть оба значения в одном слове. В казанском наречии *бөлгөт* имеет значение «мутить», «взбалтывать», «делать болтушку», «месить», а также «смущать», «волновать» [Радлов 1905: 1713]. Согласно Дьюле Немету, булгары были сформированы из огуров и гуннов, а их наименование — *булгар* «смесь») — отразило этот процесс [Németh 1991: 129–130]. Но к концу своей жизни Дьюла Немет предпочитал значение «восставшие». Питер Голден считает, что *булга* «микс» подразумевает «смешанные». В то же время он подчеркивает, что такая этимология не является общепринятой, но она отражает суть конфедерации, состоявшей из многих племенных союзов [Golden 1980: 42; 2011: 143]. К значениям «микс», «смесь», «смешанные» склонялся Луи Базен [Bazin 1974: 651]. Латинскими вариантами этнонима являются *Bulgari*, *Bulgares* и *Vulgares*. Кожу и кожаные изделия, изготовленные в Волжской Булгарии, называли *булгар*, *булгары* [Радлов 1905: 1850]. Оригинальное самоназвание реконструируется как *bulgar* [Zimonyi 2014: 57], именно такое написание зафиксировано в латинских, арабских и русских источниках (а не *bolgar*).

В 70-х годах XI в. *булгар* как этническое название и как название города зафиксировано Махмудом Кашгарским.

Патриаршая летопись в описании событий 1229 г. булгар называет «казанцами», «болгаре, глаголемии казанци», а в 1236 г. повествует о «земле болгарской, глаголемой казанской» [ПСРЛ 9: 98, 104].

После XIII в. по известной причине среди булгар зарождается тенденция называть себя «казанскими тюрками», «казанскими мусульманами» или просто «мусульманами».

В 1370 г. князь суздальский и Новгорода Нижнего Дмитрий Константинович посылает «рать на Болгарского князя Асана, еже ныне глаголются казанцы» [ПСРЛ 11: 12].

А в 1431 г. великий князь Василий II отправляет войска во главе с князем Федором Пестрым на булгар. «Он же, шед, взя их, и всю землю их плени», — кратко сообщает об этом летописец [ПСРЛ 27: 102]. В этот раз г. Булгар был полностью разрушен. Столица Волжской Булгарии практически прекратила свое существование. Южные территории Булгарии перешли под контроль московского княжества. Центром северных территорий стала Казань. С этого времени начинается формирование Казанского ханства, а заодно и нового этноса — казанских татар.

При описании событий 1524 г. население г. Казани и близлежащей округности летописи называют уже то «казанцами», то «татарами» [ПСРЛ 23: 203]. В 1552 г. царь и великий князь всея Руси Иван Васильевич, видя, как проливается кровь православных христиан, собрал многие силы и град великий Казань взял, говорится в житии царя Федора Ивановича. Притом население Казани и окрестной области летопись называет «нечестивыми болгарами» и «страной Болгарской» [ПСРЛ 14: 3–4]. А Русский хронограф использует фразу «булгары, иже наричются казанцы» [ПСРЛ 22, 2: 175].

Все эти факты, естественно, говорят об идентификации со второй половины XIII в. по XVI в. булгар с казанскими татарами. В литературе также сохраняется тенденция использования сложного этнонима — «булгары (татары)», «булгары (татары Поволжья и Приуралья)» [Мухамадиев 2011: 80, 81, 85].

По инициативе местной интеллигенции к концу XIX в. появляется ностальгия по утраченной Волжской Булгарии — родине казанцев. Так, в начале XX в. Гаяз Исхаки в произведении «Исчезновение через 200 лет» называл своих соплеменников не татарами, а булгарами [Ахунов 2010: 10]. Он сожалел, что народ может исчезнуть, если не будут приняты меры по его сохранению и развитию.

В то же время поиск древних корней булгар в Центральной Азии следует считать бесперспективной задачей. Даже предлагавшиеся ранее тюркские этимологии этнонима *булгар* не обязательно приводят в Центральную Азию. Там этот термин не был известен ни в раннесредневековый период, ни в предшествующие ему

периоды. Притом форма *болгары* используется только в некоторых русскоязычных публикациях. Во всей западной литературе (латинице) всегда писали и пишут *bulgar*.

История

Часть современных историков полагает, что отдельные подразделения болгар появились на Северном Кавказе в I — середине IV вв. (например, [Чеченов 2014: 288–289]). Пока же многие исследователи продолжают считать, что первое упоминание болгар относится к 354 г.: в форме *Vulgares* у латинского Анонима в его «Хронографии» [Mommesen 1892: 105].

Во времена Аттилы болгары были в сфере влияния гуннов, а также воевали в составе их войск [Németh 1991: 147], хотя речь не идет о полном подчинении. В 493, 499 и 502 гг. болгары (*Bōblyaroi*) совершают опустошительные походы в северные пограничные области Византийской империи [Чичуров 1980: 75; Moravcsik 1983: 108]. Притом у Феофана Исповедника имеется уточнение: «И возвращаются назад, прежде чем о них узнали» (501/502 г.) [Феофан 1980: 25, 49]. См. также: [Комит 2010: 77]. Например, в 499 г. у р. Цурты произошло сражение между булгарами и иллирийцами, в бою poleglo более 4000 человек. Но источник не уточняет: цифра относится к обеим сторонам или только к иллирийцам? Видимо, речь идет о погибших воинах из войска под командованием иллирийца Ариста, ибо автор источника, прежде всего, говорит о византийских событиях. Из контекста следует, что до конца V в. болгары дальние походы не совершали и не были известны в византийских землях.

К началу VI в. они уже приобрели военный опыт внезапного появления и исчезновения. Под 499, 502, 515, 530 гг. Комит Марцеллин также повествует об иллирийско-фракийско-булгарских войнах [Комит 2010: 86, 119, 120].

Под 538–539 гг. Феофан отмечал крупные военные столкновения между булгарами и византийцами. Хотя, говоря об этих действиях, Малала, чьим компилятором являлся Феофан, повествовал не о булгарах, а о гуннах. Понятно, что в эти времена гуннов в этническом смысле уже не было. В 555 г. Захария Ритор писал, что

бургары имели города [Захария 2011: 595]. Согласно Михаилу Сирийцу, который опирался на «Церковную историю» Иоанна Эфесского (умер в 586 г.), Сасанидский царь Бахрам VI Чубин решил восстать против юного ромейского ставленника Хосрова на Кавказе. Поэтому Хосров за помощью обратился к ромейскому царю Маврикиану (582–602 гг.). Маврикиан отправил для поддержки Хосрова армию, в числе которой были армяне и булгары в количестве 2000 человек [Сириец 1960: 36]. Судя по контексту, событие произошло в 590 г. или сразу после этого, но не позднее 602 г. Значит, в эти годы в составе ромейских войск на Кавказе (скорее всего, на территории Армении) были и булгары.

В 626 г. булгары осаждали Константинополь [Чичуров 1980: 98]. Под предводительством Кубрата в 635 г. ими было сокрушено аварское могущество в Причерноморье. С угасанием власти тюрков в эти годы в западных степях набирают силу булгары и хазары. В результате возникло новое государство Великая Булгария со столицей в Фанагории. Так пишут многие исследователи [Кляшторный 2009: 171–172; Golden 2011: 148]. Однако имеется и другое мнение, согласно которому «связь между образованием Великой Булгарии и распадом Западно-Тюркского каганата в 630-е гг. не прослеживается ни хронологически, ни сущностно» [Галкина 2011: 7].

После смерти властителя булгар и котрагов Кубрата (*Κοβράϊτός*, Куврат) у него остались пять сыновей. Дата его смерти указывается по-разному: от 642 [Семёнов 2013а: 61] до 665 г. [Рашев 2006: 46]. Сторонники 665 г. ссылаются на «Именник болгарских ханов», где говорится о Безмере, занявшем престол после смерти Кубрата в *шегор вечем*, т. е. в год вола, что соответствует периоду с 665 по 668 г. Безмер — это старший сын Кубрата Баян (Батбаян).

Находясь при смерти, Кубрат завещал сыновьям ни в коем случае не отделяться друг от друга и жить вместе, чтобы они властвовали над всем и не попадали в рабство к другому народу. Однако сыновья поступили как раз наоборот: они удалились друг от друга — каждый с подвластным ему народом. Исследователи по-разному трактуют этот рассказ: одни считают его просто легендой, другие считают сведения Феофана достоверными. Первый сын Батбаян/Ваян (имя аварского кагана), храня завет отца, остался на месте. Затем Батбаян попадает под данничество хазар. Второй, Котраг, перешел р. Танаис (Северский Донец) и поселился на-

против первого брата. Третий, Аспарух, переправился через Днепр и Днестр и, дойдя до местности Огл (*Onglos*) севернее Дуная, поселился там. Как полагают болгарские археологи (например, Рашо Рашев), местность Огл находилась в Северной Добрудже, к западу и к северу от Дуная, ограничиваясь на востоке побережьем Черного моря. При этом Аспарух рассудил, что место это укрепленное и неприступное, ибо вокруг реки и болота. Видимо, он опасался хазар. Позже, вступив в сражение с ромеями, Аспарух прогнал противника до Варны. Здесь болгары покорили славянов и северов. Напуганный василевс был вынужден заключить с булгарами мир. Четвертый и пятый сыновья переправились через Истр (Дунай). Один остался в подчинении аваров в Паннонии, а другой, достигнув Пентаполя, попал под власть христиан (иначе — византийцев) [Феофан 1980: 60–62; Никифор 1950: 363].

В своей ранней истории хазары входили в военно-политический союз савиров, известный из источников как «страна гуннов» [Гмыря 2012: 3]. Весь VII в. савиры и хазары состояли в едином военно-политическом союзе. В 670 г. хазары в союзе с венграми громят болгар [Рона-Таш 2005: 117]. О конфликтах между хазарами и булгарами в письме Иосифа говорится довольно прозрачно: «В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тр'ы (т. е. болгары. — *Прим. авт.*). Наши предки, хазары, воевали с ними, В-н-н-тр'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами. Они (булгары. — *Прим. авт.*) оставили свою страну и бежали, а те (хазары. — *Прим. авт.*) преследовали их» [Коковцев 1932: 92]. Выходит, в это время не только хазары, но также савиры (союзники хазаров) воевали против болгар.

После распада империи гуннов савиры на Кавказе в V–VIII вв. не имели себе конкурентов в военной силе. Именно тогда болгары были серьезно потеснены савирами [Гумилев 2007: 261] и хазарами [Golden 2008: 235]. Затем савиры состояли в военно-политическом союзе, возглавляемом Хазарским каганатом. Они по призыву кагана выступали против внешних врагов Хазарии, в первую очередь арабов. Более того, и накануне прихода на Среднее Поволжье булгары и савиры обитали врозь.

Историк В.Д. Дмитриев считал, что изменение этнического состава населения Среднего Поволжья было связано с вторжением сюда в VII в. болгарских и в VIII в. суварских племен

[Димитриев 2003: 7]. Однако археологические материалы показывают, что булгары пришли в Среднее Поволжье во второй половине VIII в. В качестве причины называют арабо-хазарские войны [Казаков 1982: 390]. Временем откочевки булгар на Среднюю Волгу считал VIII в. и А. П. Новосельцев [Новосельцев 1990: 75]. См. также [Zimonyi 1990]. Питер Голден пишет, что государство Волжская Булгария формировалось в период со второй половины VIII в. до второй половины IX — начала X в. [Golden 2013: 52]. Достоверны и близки к исторической действительности взгляды Андраша Рона-Таша на хронологию булгар. По его мнению, Булгарская империя к началу миграции на Волгу располагалась не в Прикубанье и Предкавказье, а между реками Донец и Южный Буг. Булгары, на его взгляд, находились тогда в зависимости от хазар. В 737 г., воспользовавшись нападением арабского полководца Мервана на хазар, они двинулись вверх по Волге [Рона-Таш 2011: 134]. О перемещении в конце VIII в. из районов Северного Причерноморья и Приазовья в регион Волго-Камья племен салтово-маяцкой культуры пишут и другие исследователи [Надырова 2010: 21]. Заодно прерывается прямое подчинение булгар хазарам. Булгары поднялись вдоль по Волге, пока около 750 г. не дошли до Самарской Луки. А, согласно нумизматическому материалу, в конце VIII в. они были в районе Больших Тархан. Здесь археологи открыли самые ранние булгарские памятники. К концу VIII в. они оказались на Каме [Róna-Tas 1996].

Как видим, булгары пришли на территорию будущей Волжской Булгарии в конце VIII в., а сувары — в самом конце IX в. Еще раз заметим: булгарские и савирские племена пришли на Волгу отдельно друг от друга. Более того, после распада гуннского союза савиры начали сильно притеснять булгар. Возможно, это также стало причиной (дополнительной или основной — вопрос открытый) ухода булгар с плодородных земель региона Северного Кавказа и Дона. Как утверждают источники, в первой половине IX в. была вторая волна переселения булгар на Волгу. Подавление восстания сторонников старой религии в Хазарии — каваров (видимо, также булгар и суваров) — в 830 г. породило и другое историческое событие: недовольные булгары (т. е. оставшаяся их часть) двинулись на Дунай и в Волго-Камье [Плетнева 1997: 46]. По мнению Иштвана Зимони, булгары на землях Волжской Булгарии появились за два десятиле-

тия до Ибн Фадлана [Zimonyi 2014: 156–157]. Должно быть, речь идет о второй волне.

Серьезной причиной ухода суваров, а также оставшихся болгар на Волгу стало движение печенегов. Как показывают археологические, нумизматические и лингвистические данные, в 895 г. идущие в западном направлении печенеги разгромили передовые позиции хазар [Zimonyi 2014: 265]. Вполне возможно, часть оставшихся болгар постепенно была уничтожена, а часть влилась в состав печенегов [Zhivkov 2015: 129]. Именно тогда савиры и третья волна болгар уходят на Среднее Поволжье.

Главным врагом Волжской Булгарии во времена царствования Алмуша была Хазария. Алмуш ежегодно платил царю хазар от каждого дома в его государстве по шкуре соболя. Из рассказа Ибн Фадлана видно, что сын болгарского царя находился в заложниках у хазарского царя. «До царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя „славян“, так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял ее силой... Итак, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это [известие] дошло до царя „славян“, он упредил [это] и выдал ее замуж за царя [князя] [племени] эскэл, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой» [Ибн-Фадлан 1956: 141]. Булгарский князь решил построить крепость и защищаться от «иудеев, поработивших его». Видимо, будучи на Средней Волге, в начале X в. сувары продолжали считать себя союзниками Хазарии. В такой ситуации между булгарами, находившимися в самых прохладных отношениях с Хазарией, и савирами, союзниками хазар, не могло быть взаимопонимания. Не было добрых отношений болгар и с другими соседями. Так, согласно Ибн Русте и Гардизи, во второй половине IX — начале X в. они совершали грабительские набеги на буртасов, уводили их в плен [Ибн-Даста 1869: 24; Захордер 1967: 24].

К началу X в. в Волжской Булгарии родовой строй был изжит. К этому времени сформировалось классовое общество дофеодального типа: производителями являлись общинники, однако в хозяйстве использовался и труд рабов. В стране имелись четыре общепризнанных царя (князя) [Ибн-Фадлан 1956: 27, 35, 132]. Видимо, по идее они должны были занимать трон в определенной

последовательности. Именно эти цари встречали 12 мая 922 г., в воскресенье, багдадское посольство.

Центром государства Волжская Булгария был г. Булгар. «Из него выходит до 20 000 всадников», — сообщает источник «Худūd ал-‘āлем» [Бартольд 1930: 32]. Согласно этой рукописи, вблизи города Булгар находился другой город — Сувар. Однако, по Ахмеду Ибн Фадлану, г. Суvara еще не существовало. Переправившись через р. Утку, он никакого города на этом месте не упоминает, так как он тогда еще не существовал. Речь может идти не о городе, а поселении — центре суварского племени. Однако и позже город носил только номинальное наименование Сувар, ибо основная часть племени проживала на правом берегу. В г. Сувар жила лишь та небольшая часть суваров, которая приняла ислам. Вскоре они обулгарились. Во время татаро-монгольского нашествия Сувар, оказавшись форпостом, был и вовсе стерт с лица земли. Остались лишь руины и фундаменты зданий.

В начале X в., согласно источникам, у Алмуша сородичей было то ли 500, то ли 5000 человек [Заходер 1962: 26]. А в конце X в. киевские князья воевали с волжскими булгарами. Союзниками киевлян были гуззы (огузы). По сообщению Ал-Бекри, булгары к этому времени были малочисленны и составляли около 500 отцов семейств [Ал-Бекри 1879: 63]. Иштван Зимони, подойдя к этому подсчету критически, полагает, что общая численность населения волжских булгар могла превосходить 100 000 человек [Zimonyi 2014: 180]. В 997 г. Владимир Святославович ходил «на болгары волжския и камские, и, одолев, плени их» [ПСРЛ 9: 66]. Вторая половина X — начало XIII вв. заполнены вторжениями в булгарские земли. Например, в 358 г. х. (968–969 гг.) русы, промышлявшие в этих местах за шкурками и мехами диких зверей, разрушили Булгар [Ибн Хаукал 2009: 89–90].

В 1117 г. к булгарам пришли половцы. Князь булгарский дал им питье с отравой: были отравлены хан Аепа и другие половецкие князья [ПСРЛ 2: 285]. В 1164 г. владимирский князь Андрей Боголюбский со своим сыном Изяславом, братом Ярославом и муромским князем Гюргем (Юрием) идет в Болгарскую землю. Был взят славный город булгар Брякимов (Бряхимов) и сожжены три города. Булгар иссекли множество, стяги их отняли, а сам Андрей воротился с победой, гласят летописи [ПСРЛ 1: 352; 20, 1: 122–123; 23:

46]. В 1172 г. ордынский царь Саин на Волге, в устье реки Камы, на месте бывшего болгарского города Бряхова, основывает город Казань [ПСРЛ 19: 13]. В 1182 г. русская конница подошла к великому городу серебряных болгар. Булгары, увидев множество противников, затворились за стенами [ПСРЛ 2: 625].

В 1202 г. монголо-татарские войска подошли к границам Волжской Булгарии и остановились, тут они и провели зиму [ПСРЛ 20, 1: 155]. В 1220 г. князь Святослав с полками и воеводами осадил болгарский город Ошел и сжег его [ПСРЛ 1: 444; 20, 1: 150; 23: 67–68]. А по Симеоновской летописи, это событие произошло в 1221 г. [ПСРЛ 18: 51]. Или одна из летописей ошибается, или в поход выступали два года подряд, что весьма сомнительно. В 1229 г. монголы оттеснили болгарские сторожевые отряды с Яика. Перед лицом реальной угрозы болгары отправили послов в Русь с предложением мира. Видимо, была мысль совместно обороняться от грозного врага. Соглашения не последовало, и булгарам одним пришлось отражать наступление, в котором они имели временный успех [Оллсен 2008: 356].

В 1231 г. татаро-монголы близко подошли к Великому граду Булгары, однако остановились и перезимовали там же [ПСРЛ 28: 209]. Согласно другим источникам, это произошло в 1232 г. [ПСРЛ 23: 73; 30: 87]. В 1236 г. основные силы монголов у Булгара встретились с родом Джучи: с Бату, Ордой, Шейбаном и Тангутом. В походе участвовали все четыре ветви ханской фамилии. А зимой против народа булар был направлен и Субэдай (Сүбэгэтэй-багатур, Субутай, Subutai bahadur) [Рашид-ад-дин 1960: 37–38; Данзан 1973: 228; Bretschneider 1910: 309]. «Они сошлись все вместе в землях булгар. От множества их войск земля стонала и гудела, и даже дикие звери столбенели от шума их полчищ. Прежде всего они захватили штурмом город Булгар, который на весь мир славился крепостью своих стен и обилием запасов; и как предостережение другим они убили жителей или увели их в плен» [Джувеини 2004: 185]. О том, что булгары были совершенно разгромлены татарами в конце 1236 г., свидетельствовал и венгерский монах Юлиан [Аннинский 1940: 83]. «Болгария пала, не будучи в состоянии отразить даже авангарда монгольских войск, шедшего под предводительством Субутая» [Грумм-Гржимайло 1926: 463]. Был сожжен дотла, например, великий город Биляр. Мощные углистые

прослойки, прослеженные археологами в верхних горизонтах, свидетельствуют о гибели города именно от пожара. Все это хорошо согласуется с летописными сведениями [Казаков и др. 1968: 133].

Вскоре Булгар был восстановлен. Это было при Батые. Хан Батый сам в 1242–1246 гг. жил в этом городе. Примерно в те же годы были построены еще несколько городов. Например, возник Эстерхан (чуваш. *Астӑрхан* «Астрахань»). Затем в Булгаре и Сарае находились ставки хана Берке (1257–1266 гг.) [Поло 1997: 193]. Итак, в 1236 г. столица Волжской Булгарии г. Булгар был разрушен, но вскоре восстановлен. Поэтому «все постройки и надписи, сохранившиеся в нем теперь, относятся к эпохе монгольского владычества» [Бартольд 1968: 136] и к более позднему времени.

Археологические исследования, производившиеся на территории городища Булгар, дали в основном материал золотоордынского времени. Это архитектурные обломки и бытовые вещи. Первые относятся к XIV в., вторые состоят из керамики золотоордынского времени и обломков китайского фарфора, датируемого XII–XIV вв. Таким образом, расцвет г. Булгара относится к XIII–XIV вв. [Смирнов 1951: 228].

«Во второй половине XIV — начале XV веков 32 города и около 2000 селений Болгарской земли были уничтожены золотоордынскими ханами и эмирами, кочевыми ордами, Тамерланом, совершившим сюда походы в 1391 и 1395 годах, походами русских князей и новгородских ушкуйников... Территория Болгарской земли превратилась в дикое поле, где стали кочевать мангыты (ногайцы)» [Димитриев 2003: 10].

В 1370 г. болгарский престол занимает представитель русского княжества, который стал контролировать торговые дела. Много вреда было нанесено столице Булгарии и всему государству ушкуйниками, грабившими города. Например, в 1374 г. они взяли Булгар и хотели сжечь его. Город был спасен денежным откупом [ПСРЛ 28: 239; 34: 121]. В 1376 г. русские войска вновь напали на Булгар. Состоялась жестокая битва. Булгарские князья Осан и Махмат вышли к русским и откупились деньгами [ПСРЛ 25: 192]. В 1382 г. хан Тахтамыш посылает свои войска в Булгары и повелевает им грабить русских и других торговцев, а суда их с товарами отнять и препроводить к себе [ПСРЛ 4, 1: 327; 6,1: 471–472]. Говоря об этом событии, летописец отождествляет названия городов Булгар и Казань: «Град

нарицаемый Болгары, еже есть Казань на Волзе» [ПСРЛ 11: 71]. Этот летописный факт свидетельствует о том, что центром Булгарского государства в то время становится уже не г. Булгар, а Казань. В 1395 г. русские воеводы взяли города Булгар (Болгары Великия, Больгары Великы), Жюкотин (Жюкотины), Казань (Козан) и Керемечюк (Кеременьчюк, Корменьчюк), пробыли там три месяца, повоевали и возвратились «с многю корыстию». Так следует из летописей [ПСРЛ 4, 1: 380; 17: 46–47; 22, 1: 423]. По «Степенной книге», это событие произошло в 1396 г. [ПСРЛ 21, 2: 417–418]. Согласно одному варианту Патриаршей летописи, были взяты города Болгар и Жукотин, согласно другому — Казань и Керемечюх [ПСРЛ 11: 164]. По другим летописям, взятие Болгар Великих, Жукотина, Казани и Корменьчюка произошло в 1399 г. (6907 г.) [ПСРЛ 6, 2: 5–6; 18: 280; 28: 253]. Как видим, по данному событию зафиксированы не только разные даты, но и города. Все это говорит об интенсивных походах на Среднее Поволжье и об идентификации городов Булгара и Казани как столичных.

В период Казанского ханства торговля занимает еще большее место. Татарские купцы становятся известными в Евразии как активные торговцы [Валеев 2011]. Сувары же занимались земледелием, скотоводством, обменивали излишки на товары, производимые булгарами, а затем и татарами.

В самом начале XVIII в. голландский путешественник Корнелий Бруин, путешествовавший по Московии, назвал в числе российских городов и Булгар. Согласно его записи, г. Казань находится между страной Булгария и черемисами [Бруин 1989: 90, 148]. А это значит, что в то время еще продолжали бытовать топонимы Булгар и Булгария.

География

Желая определить район упоминания булгар (*Vulgares*) латинским хронографом в 354 г. [Mommsen 1892: 105], А. П. Новосельцев остановил свой выбор на Западном Предкавказье [Новосельцев 1990: 73]. Он также сослался на Иордана. А Иордан, описывая события IV–V вв., заметил: «Над Понтийским морем места расселения булгар» [Иордан 2013: 67]. Е. Ч. Скржинская уточнила, что под

булгарами Иордан подразумевал гуннские племена северо-восточного Причерноморья. Однако Иордан, должно быть, все-таки имел в виду болгар, в соединении с антами и склавенами нападавшими на пограничные районы Иллирика и Фракии [Скржинская 2001: 217–218]. Поэтому следует под племенами болгар, упоминаемыми Иорданом, понимать ту их часть, которая позже ушла на Балканы. Именно так понимал и М. В. Ломоносов [Ломоносов 1952: 188].

Сирийский историк Захария Ритор в 555 г. в числе первых за Каспийскими (Дербентскими) воротами назвал бургар, т. е. болгар. Их непосредственными соседями являлись сабиры и аланы [Захария 2011: 595]. В 90-х гг. VI в. основная масса болгар жила на Северном Кавказе. Их соседями здесь были оногоры и савиры. О местоположении Оногории в «Космографии» Анонима Равеннского (конец VII в.) записано: «Затем у Понтийского моря расположена страна, которая называется Оногория и которая находится по соседству с верхней точкой Меотийского болота, как точно определил философ Ливаний» [Аноним 2002: 192]. Видимо, имеется в виду греческий ритор IV в. Ливаний. Есть мнение, согласно которому название *Оногория* получилось от неверного прочтения *Phanagoria* — греческого города Фанагории в Керченском проливе. Тем не менее верен утвердившийся взгляд о происхождении названия страны от названия племени оногуров (*Ονόγουροι*), обитавшем в районе Меотиды и Северного Кавказа [Подосинов 2002: 251–252]. Хотя в «Космографии» содержится противоречие (у Понтийского моря — у Меотиды), данный источник правдоподобен. Савиры же обитали и в основном перемещались на северо-восточном побережье Кавказа, а болгары — на северо-западе Кавказа. Они были географическими соседями, входили в разное время в разные конфедерации. Этот факт говорит о том, что на Кавказе савиры и болгары не смешивались.

Под 631 г. в источнике говорится о болгарях в Паннонии [Фредегар 2015: 227]. Однако их, болгар в Западной Европе, уже следует отличать от болгар, обитавших на юге Восточной Европы.

Говоря о событиях 673 г., константинопольский патриарх Никифор заметил, что около Майотидского озера, по р. Кофин, была расположена издревле известная Великая Болгария (*μεγάλη Βουλγαρία*) [Nicephor 1880: 33; Никифор 1950: 363]. Имеющиеся исторические источники и литература позволяют делать достоверные выводы

лишь о юго-восточной границе Великой Булгарии. Ориентир — р. Куфис (Кубань). А данные по археологии и нумизматике свидетельствуют о расположении политического центра по Днепру [Феофан 1980: 60–61; Чичуров 1980: 161–162; Галкина 2011: 6–7, 14]. В целом выясняется: Великая Булгария под руководством Кубрата контролировала территории между реками Кубань и Днепр. Полагают, что жители Великой Булгарии имели зимнюю и летнюю ставки. Зимняя была где-то у моря, а летняя — на северной границе степи [Рашев 2006: 44]. Власть верховного правителя осуществлялась главным образом через гарнизоны и ставленников, которые имели право и обязаны были собирать дань и пресекать возможные беспорядки. Взгляд именно через такую призму показывает, что Кубрат был одновременно правителем основной группы булгар, а именно оногундугов, обитавших рядом (вероятно, к востоку от р. Кубань), а также котрагов [Stepanov 2016: 383–384].

В 737 г. арабские войска во главе с полководцем Мерваном достигли города Аал-Байда (*Атил*), в котором пребывал хазарский царь. Хакану пришлось покинуть столицу. Мусульмане добрались и до земель, расположенных за Хазарией. Они совершили набег на земли славян (сакалибов, т. е. булгар) и дошли до р. *нахр ас-Сакалиба* (Дон) [Ал-Куфи 1981: 50]. Что касается черных булгар, то речь идет о части булгарских племен, выделившихся после распада во второй половине VII в. Великой Булгарии. Это потомки орды старшего сына Кубрата — Батбая. В 737 г. именно он, используя арабское нападение на хазар и избегая разгрома, отправился во главе своего племени вверх вдоль Волги [Рона-Таш 2011: 134]. Такая точка зрения поддерживается и казанскими археологами. Согласно археологическим данным, считается, что на территории Татарстана булгары появились именно в конце VIII — начале IX в. [Фахрутдинов 2011: 66]. Савиры же остались в южнорусских степях формально в составе Хазарского каганата.

По состоянию на конец IX — начало X в. Булгария была смежной с землей бургасов. От земли бургасов до земли булгар насчитывалось три дня пути. Река, на которой жили булгары, называлась Итиль, протекала она между землями хазар и славян и впадала в Хазарское море. Территория Булгарии состояла из болотистых местностей и дремучих лесов [Ибн-Фадлан 1956: 136; Ибн-Даста 1869: 22–23]. Согласно Ааль-Балхи, в 920 г. владения Рума

соприкасались и с Булгарией, а сам г. Булгар был небольшим поселением, служащим гаванью [Аль-Балхи 1960: 274, 276]. Bulghār — город, которому принадлежит небольшая провинция на берегу р. Ātil [Minorsky 1970: 163]. Ал-Бекри также помещал земли блкâров рядом со страной фрда̇сов и славян. Жилища булгар находились на берегу Итиля [Ал-Бекри 1879: 62–63].

Ахмед Ибн Фадлан последовательно перечислял реки, которые пересекало посольство. Это Джарамсан (Большой Черемшан), Уран (Урень), Урам (Урым), Байнах (Майна), Ватыг (Утка), Нийасна (Неясловка), Джаушыр (Гаушерма) [Ибн Фадлан 2016: 32]. Хорошими ориентирами для определения местоположения булгар в X в. являются речки Джаушыр (Яуширма) и Утка. В середине лета из района Трех Озер в бассейн реки Джаушыр перекочевывали сам Алмуш и знать со всеми стадами. Таким образом, эти места служили пастбищем на время, пока около Трех Озер у Волги обновится трава. Как подсчитал А. П. Ковалевский, царь оставался у р. Джаушыр целых два месяца. Говоря о местонахождении р. Джаушыр, А. П. Ковалевский писал: «Я полагаю, что это современная речка Гаушерма выше по Каме, недалеко от бывшего булгарского города Џакату — „Жукотина“ и нынешнего Чистополя» [Ковалевский 1954: 33]. Должно быть, речь идет о р. Шентале, впадающей в Каму между нынешними районными центрами Алексеевским и Чистополем. Согласно Ибн Фадлану, здесь находилась обширная степь, были и деревья. Естественно, для летнего содержания скота это были идеальные места.

Исследователи обращают внимание на факты, указывающие на детальную осведомленность Ибн Фадлана о хазарах. Поэтому считают, что обратный путь арабского миссионера лежал по Волге к Каспию. «Это возвращение, очевидно, произошло не ранее весны 923 г.» [Заходер 1967: 184].

По Ибн Хаукалу, непосредственными соседями булгар значатся славяне, русы, башджарты, буртасы, хазары, печенеги [Ибн Хаукал 2009: 88]. Как видим, данный источник суваров близкими соседями булгар не называет. В это время (середина — конец X в.) сувары действительно были на другой от булгар (правой) стороне Атыла. Источник, говоря о событиях 985 г., отметил, что Булгар расположен по двум сторонам реки [Ал-Мукаддаси 1994: 289]. Однако он не уточняет, речь идет о городе или стране. Конечно,

говорится о стране в целом, ибо действительно к этому времени границы Булгарии расширились. Например, болгары оставались на левобережье, а сувары почти в полном составе обитали на правобережье. Далее отмечено, что Булгар (город) расположен на Итиле, Сувар — на этой же реке.

В литературе имеется определение границы расселения болгар в XI–XII вв. Считается, что северная граница государственной территории Волжской Булгарии проходила по р. Казанке, западная — по Свияге, частично заходя на ее левый берег, восточная — по р. Шешме, а южная достигала Жигулевских гор. Конечно, политический статус внешних колоний и соседей мог быть различным и меняться в зависимости от общеполитической ситуации в регионе, но они в единое территориально-экономическое пространство Булгарского государства не входили [Руденко 2013: 20]. Не входили по большому счету в Волжскую Булгарию и сувары, бывшие южными (до 922 г.) и юго-западными (правобережными после 922 г.) соседями болгар.

Согласно источнику, «от [города] Исил до [города] Булгар по дороге степью около месяца, а по воде — два месяца, это вверх по воде, а вниз по реке — около двадцати дней пути» [Ал-Идриз 2006: 120]. Этот же автор поблизости г. Булгар указывает г. Сувар. Расстояние между этими городами составляло два дня пути. Все это значит, что Сувар находился в 70 км от Булгара. Столица Волжской Булгарии, по утверждению археологов, располагалась на месте городища близ Билярска (Алексеевский район Республики Татарстан).

В 1236–1242 гг. происходило массовое бегство болгар в восточном, северном и западном направлениях. Ушли они и из разгромленного города Суvara. Так на месте нынешнего города Чебоксары возник г. *Веда-Суар* (по-чувашски *Вăта Сăвар* — «Средний Сувар») [Димитриев 2014: 115]. Ибн Са'ид в «Книге распространения земли в длину и ширину» назвал географические координаты г. Б.р.гәр «который называется у них ал-Булгәр») — 45° 30' долготы и 57° широты [Ибн Са'ид 2009: 29], — что на современной карте значительно отклоняется от координат общепризнанного местоположения столицы Волжской Булгарии и почти совпадает с координатами г. Чебоксары (47° 15' в. д., 56° 08' с. ш.). Тут открывается много неясностей, и требуются дальнейшие исследования

географической направленности. Например, следует сравнить вычисления XIII в. и сегодняшнего времени и установить огрехи (отклонения) в измерениях. Однако вполне допустимо, что под Булгаром Ибн Са'ид имел в виду Веда-Суар.

Согласно Абу-л-Фиде (1273–1331 гг.), г. Булгар расположен близ р. Атил, с северо-восточной стороны. По рассказам жителей, здесь в начале лета не исчезает вечерняя заря, а ночи бывают очень короткими. Такое наблюдение источник принимает за правдивое, ибо к северу от широты 48° 30' вечерняя заря в летнее время не исчезает [Абу-л-Фида' 2009: 125].

После военных действий XIII в. территории Волжской Булгарии оказались в неравном положении. Города и поселения южной части так и не смогли оправиться. В северной же части улуса, не затронутой войнами, активизировалась экономическая жизнь [Зеленева 2013: 41].

Довольно пространной была география распространения булгарских монет: «В составе богатых кладов они обнаружены в разное время в Верхнем Поволжье, новгородской и псковской землях, в Прибалтике, скандинавских странах и Дании (монета, найденная в Дании, чеканена в Суваре)» [Фахрутдинов 1986: 100]. П. С. Паллас, побывавший на Булгарском городище в XVIII в., обнаружил надгробные памятники. Надписи на некоторых из них свидетельствовали, что усопшие родом из персидской провинции Шемахи, а один — из Ширвана [Паллас 1773: 193]. Естественно, эти люди прибыли в Волжскую Булгарию по торговым делам.

Булгары Поволжья и казанские татары (а также татары-мишари) занимают одни и те же территории (Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье), что еще раз подтверждает их этническую преемственность.

Геногеография

Изучение генетической структуры популяций Кавказа по данным гаплогрупп Y-хромосомы свидетельствует о ближневосточном происхождении субстрата, участвовавшего в формировании народов региона. Наиболее высокие частоты гаплогрупп здесь G-M201 и J-12f2. Подобное распределение частот гаплогруппы характер-

но только для народов Кавказа и не встречается больше нигде в мире. В свою очередь, генетики делят Кавказ на два субрегиона. Для восточной части Северного Кавказа (андийцы, аварцы, багуалинцы, чамалинцы, чеченцы, даргинцы, ингуши, кумыки, лезгины и табасараны) характерна высокая частота гаплогрупп J1-M267 и R1b1b2-M269, а для западной части Северного Кавказа и Южного Кавказа (абазины, адыги, балкарцы, черкесы, кабардинцы, карачаевцы, осетины, мегрелы, армяне и абхазы) — G2-P15, J2-M267 и R1a1a-M198.

Основное население балкарцев живет в трех крупных ущельях (Баксанском, Черекском и Чегемском), разделенных горными массивами. В результате генетического исследования не выявлено подразделенности групп, что позволяет говорить о единстве генофонда данной этнической группы. Популяции балкарцев оказались близки к европейским [Боготова и др. 2009: 23].

По линии мтДНК самой частой у балкарцев является гаплогруппа Н (25%). С наибольшей частотой гаплогруппа Н выявлена в Западной и Северной Европе — 40–60%, со средними значениями — в Северной Африке, Турции, Восточной Европе (20–40%), с низкой частотой — в странах Ближнего Востока, Индии, Центральной Сибири (менее 20%). На Кавказе эта гаплогруппа с наибольшей частотой встречается у армян (30%), адыгов, абазин, ингушей (по 28%), с наименьшей — у грузин и осетин (по 18%) [Кутуев и др. 2009: 17].

Балкарцы сохранили исконный кавкасионский тип европеоидной расы. Субстратной основой этногенеза балкарцев были древнейшие горские кавказские племена, являющиеся носителями кобанской культуры. На втором этапе формирования балкарцы претерпели аланское влияние. На протяжении семи столетий аланы проживали с местными племенами от Эльбруса до Казбека. В VI в. сюда проникают тюркские племена, начинается процесс тюркизации. Тем не менее балкарцы (как и карачаевцы) обнаруживают наибольшее генетическое сходство с народами нахско-дагестанской группы (с чеченцами, народами Дагестана), а не с тюркоязычными народами степей Причерноморья. Так, у караногайцев частота восточно-евразийских линий Y-хромосомы достигает 36, 8% и 17,2% у кубанских ногайцев, а у балкарцев частота восточно-евразийских линий составляет 3,7%. Как видим, анализ распределения частот

гаплогрупп мтДНК показывает, что лингвистическая принадлежность балкарцев, скорее, результат замены языка без значительного включения тюркского компонента в генофонд.

Древние булгары долгое время рассматривались как тюркская популяция. Однако выявленные за последние три десятилетия материалы показывают, что это не так. До сих пор эти свидетельства не включались в анализ древних митохондриальных ДНК. С целью заполнения пустот болгарские генетики собрали коллекцию останков людей VIII–X вв. из трех некрополей Болгарии: с. Ножарево (Силистренская область), монастырь в с. Мостич (Шуменская область) — оба расположены в Северо-Восточной Болгарии — и Туховишта (район Сатовча) в Юго-Западной Болгарии. Филогенетический анализ 13 древних образцов ДНК (извлеченных из зубов) идентифицируют 12 независимых гаплотипов, которые подразделяются на гаплогруппы митохондриальной ДНК, имеющиеся среди населения современной Европы и Западной Евразии. Результаты свидетельствуют, что по матрилинейным показаниям протобулгары имеют западно-евразийское происхождение, а также имеется генетическое сходство между прото — и современными болгарскими [Nesheva et al. 2015: 20–23].

Исследователи, такие как Петер Коледаров, Петер Добрев и Георги Бакалов, отвергают идею хунно-татарского (тюркского) происхождения болгар. Их отказ от хунно-татарского происхождения основан на архео-антропологических, исторических, лингвистических и этнографических доказательствах. За последние три десятилетия число приверженцев такого взгляда растет.

Население Дунайской Болгарии главным образом состояло из булгарских и славянских племен, которые оккупировали районы проживания древних фракийских племен. Булгары практиковали типичные погребальные традиции, тогда как славяне практиковали кремацию. Основываясь на этих, а также на исторических и антропологических данных, проанализированные останки признают булгарскими.

Болгарские генетики сравнили гаплогруппы древних образцов с ранее проанализированными пробами. Основные гаплогруппы H (H, H1, H5 и H13) распространены в европейской популяции и имеют частоту 41,9% у современных болгар, семь из тринадцати образцов были отмечены в протобулгарских образцах. Остальная

часть древних мтДНК принадлежит к одной из следующих западно-евразийских гаплогрупп: HV1, J, J1, T, T2 и U3. Они встречаются у современных болгар с частотами 0,2%, 7,9%, 1,3%, 10,6%, 6,3% и 1,9% соответственно. Генетики не нашли никаких доказательств о наличии восточноазиатских (F, B, P, A, S, O, Y или производной M) и африканских (L) гаплогрупп. Таким образом, результаты не поддерживают теории монголо-алтайского, хунно-татарского и африканского происхождения болгар.

Также было установлено, что современные болгарские мтДНК и Y-хромосомы генофонда в подавляющем большинстве представлены западно-евразийскими гаплогруппами. С другой стороны, восточно-евразийские линии среди болгар представлены очень низкими частотами митохондриальных гаплогрупп C (0,2%), D (0,4%) и Z (0,1%), а также низкими Y-хромосомами гаплогрупп C, N и Q (каждый по 0,5%). А древние мтДНК в анализе человеческих останков протоболгар показали присутствие только западно-евразийских гаплогрупп [Karachanak-Yankova et al. 2015: 211].

Работа на древних болгарских образцах добавляет к генетической картине прошлого новые знания, представляя первые данные об образцах древних митохондриальных ДНК от лиц, которые населяли современную болгарскую территорию в VIII–X вв. Результаты показывают, что гаплогруппы, найденные в древних образцах, преимущественно шли из Западной Евразии. Этот вывод поддерживает концепцию западно-евразийского матрилинейного происхождения болгар и входит в противоречие с монголо-алтайской и хунно-татарской теориями. Сравнение древних болгар и современного евразийского населения (в том числе населения Волго-Уральского региона), свидетельствует, что, несмотря на разрыв во времени более чем в одиннадцать веков, имеется генетическое сходство между древними булгарами и современными болгарами.

Чтобы определить матрилинейные отношения между болгарскими и другими европейскими народами, генетики оценивали вариации митохондриальной ДНК в 855 образцах болгарских субъектов. Наблюдение вариаций мтДНК показывает, что болгарский митохондриальный пул в географическом отношении является однородным по всей стране и характеризуется общей крайне высокой частотой западно-евразийских линий. Как показывает анализ принципиальных компонентов, болгары занимают промежуточное

положение между восточноевропейским и средиземноморским населением, что согласуется с историческими событиями. В то время как население Средиземноморья можно возвести к фракийцам, коренным народам, изначально жившим на Балканах, то восточное влияние, скорее всего, восходит к протобулгарам и славянам, мигрировавшим из Северо-Восточной Европы. Как и ожидалось, болгарский генофонд почти полностью состоит из гаплогрупп, типичных для западно-евразийских популяций. Также прослеживается восточное влияние, которое, возможно, объясняется исходом протобулгар из стран Ближнего Востока [Karachanak et al. 2012: 497, 499, 502].

На сегодня изучены генофонды популяций с этнонимом *татары* трех регионов Евразии: крымские, поволжские и сибирские. Эти группы татар с генетической точки зрения оказались разнообразными, для них общий предковый генетический компонент не найден. Так, у крымских татар преобладает вклад переднеазиатского и средиземноморского населения. В генах поволжских татар преобладают варианты, характерные для Приуралья и Северной Европы, встречаются также переднеазиатские и центральноазиатские линии. Популяции сибирских татар еще разнообразнее: в одних значителен сибирский компонент, в других — генетические линии из Юго-Западной Евразии. Как видим, общность происхождения татар трех регионов отсутствует. И это несмотря на то, что их объединяет язык (тюркский) и вера (ислам, за исключением крышен). Например, в генофонде татар Альметьевского и Елабужского районов Татарстана преобладают западно-евразийские гаплогруппы мтДНК (H, U, T, J, W, I, R, N1). У казанских татар и мишарей митохондриальный генофонд включает западно-евразийский компонент (84%), а восточно-евразийский компонент составляет 16%. Казанских татар, мишарей и крышен объединяет высокая (более 60%) доля наиболее частых гаплогрупп Y-хромосомы — I1-M253, N1c-LLY22g, R1f-M198. Сочетание названных гаплогрупп характерно для населения Урало-Поволжья и севера Восточной Европы. Преобладание этого компонента может указывать на сохранение в генофонде татар Поволжья дотюркского автохтонного (или, во всяком случае, до золотоордынского) населения региона [Балановский 2015; Балановская и др. 2016].

Анализ полиморфизма митохондриальной ДНК и Y-хромосомы у казанских и туймазинских татар показал, что большинство обнаруженных гаплогрупп мтДНК характерно для народов Западной Евразии. Доля восточно-евразийского компонента у них мала — 11,4% и 23% соответственно. Мажорными гаплогруппами Y-хромосомы в обеих субпопуляциях являются R1a-Page07, N-M231 и I-M170. Притом у туймазинских татар, в отличие от казанских, относительно высока частота гаплогруппы R1b-M269, что указывает, по всей видимости, на эффект основателя в этой субпопуляции. Западно-евразийский компонент в изученных популяциях представлен гаплогруппами H, HV1, I1a, J1, K1, N, R2, T1a, T2, U1, U2, U4, U5, U5a, U5b, U8, V, V7, V13, W1, W3, W6, X2, Y1. Из них с максимальной частотой встречается гаплогруппа H, относящаяся к числу самых распространенных гаплогрупп мтДНК в Евразии. Ее частота составляет 40–50% всех гаплогрупп в большинстве стран Европы и около 20–30% гаплогрупп Ближнего Востока и Кавказа. У казанских татар ее частота составляет 20,8%, а у туймазинских — 25,2%. Восточно-евразийский компонент в изученных популяциях татар представлен гаплогруппами A, B4, B5, C4, D4, F1a, G2a, M3a [Трофимова и др. 2013: 1466–1468].

При рассмотрении гаплогруппы C-M130 обнаружилось, что она имеет азиатское происхождение. Так, самые высокие частоты этой гаплогруппы оказались среди бурят (83,6%), а также эвенков, нанайцев, ительменов и монголов. Среди народов Кавказа гаплогруппа C-M130 встречается с наибольшей частотой у караногайцев (10,5%) и у кубанских ногайцев (8,1%), у кабардинцев и адыгейцев. Что касается волго-уральских татар, то у них эта гаплогруппа встречается с крайне низкой частотой (порядка 2%), а у башкир — довольно редко или не встречается вовсе. Восточно-евразийское и центральноазиатское влияние на народы Кавказа незначительное [Кутуев и др. 2010: 18, 21, 23].

Уровень генетических различий между субпопуляциями татар Республики Татарстан выше, чем у чувашей, и приближается к таковому у башкир [Васильева и др. 2013: 3]. Анализ популяционной структуры поволжских татар по данным о разнообразии мтДНК, в частности, показал, что татары Азнакаевского района не отличаются от башкир, а татары Буинского района — от чувашей. Авторы исследований объясняют это близостью азнакаевцев

к Башкортостану, а буинцев — к Чувашии [Денисова и др. 2011: 389]. Но нельзя сбрасывать со счета и тот факт, что буинские татары (в том числе мишари), по сути, ассимилированные чувашаи.

Антропология

В составе поволжско-приуральских татар выделяют четыре антропологических типа.

1. Понтийский тип — это мезокефалии, темная или смешанная пигментация волос и глаз, высокое переносье, выпуклая спинка носа, значительный рост бороды. Рост средний.
2. Светлый европеоидный тип — овальная форма головы, светлая пигментация волос и глаз, среднее или высокое переносье носа, среднеразвитая борода и средний рост. Ряд морфологических особенностей (строение носа, размеры лица, пигментация) сближает этот тип с понтийским.
3. Сублапоидный (волго-камский) тип — овальная форма головы, смешанная пигментация волос и глаз, широкое и низкое переносье, слабый рост бороды, среднеширокое лицо.
4. Монголоидный (южно-сибирский) тип — брахикефалия, темный оттенок волос и глаз, широкое и уплощенное лицо, слабое развитие бороды. Рост средний [Кравцова, Газимзянов 2011: 15–18, 154].

Антропологи связывают понтийский тип с салтово-маяцкой культурой. Этническая основа поволжских татар сформировалась еще в Волжской Булгарии. Татары этого региона проявляют несомненную близость к чувашам и узбекам, что говорит о тесном переплетении двух рас — европеоидной и монголоидной.

Понтийский тип, по данным Т.А. Трофимовой, у исследованных татар преобладает — 33,5% [Трофимова 1948: 34]. Он чаще встречается у татар и мишарей Чистопольского и Наровчатовского районов. Особенностью этих районов является населенность чувашами и мишарями, а также высокая взаимная ассимиляция (и даже унификация) за последние века.

Современные антропологи, анализируя краниологические серии волжских булгар домонгольского периода, выделяют морфологические комплексы, которые впоследствии прослеживаются

в антропологическом облике поволжских татар. А антропологические материалы по эпохе Казанского ханства и последующим периодам свидетельствуют об их генетической близости к булгарскому населению. Выходит, антропологическая структура татар Среднего Поволжья и Приуралья складывалась в главных чертах еще в домонгольское время [Газимзянов 2001: 37]. Отсюда следует, что волжские татары являются наследниками булгар, формировавших антропологический тип в кавказский период своей истории. Краниологические данные дают также положительную связь волжских булгар и балканских болгар.

На Кавказе и в южнорусских степях кочевники-булгары, перейдя к оседлости и живя бок о бок с аланами, держались обособленно и сохраняли свой этнический тип. Верхнечирютовская серия черепов имеет небольшую монголоидную примесь, что характерно для булгарской краниологической серии Большетарханского могильника, а также для болгарских черепов могильника Нови-Пазар в Болгарии [Фёдоров, Фёдоров 1978: 59, 62].

Выяснено, что краниологическая серия из Дмитриевского комплекса в целом характеризуется чертами аланского (верхнесалтовского) антропологического типа: долихокранный тип черепа со средним продольным и малым поперечным диаметрами, средней высотой, резко выраженной горизонтальной и вертикальной профилировкой лица. «Анализ показателей полового диморфизма и степень изменчивости краниологических признаков позволяют говорить о незначительной примеси людей болгарского (зливкинского) типа» [Бужилова 2010: 856].

Неоднородная антропологическая примесь татар практически отражает картину их исторического пути. Здесь есть европеоидный пласт (западносибирские татары), уральский длинноголовый монголоидный компонент, темный брахицефальный европеоидный и понтийский (в Чистопольском районе) типы. Среди всех исследованных татар преобладает темный европеоидный (понтийский) тип (33,5%) [Трофимова 1949: 231]. Однако следует помнить, что Чистопольский и Нурлатский районы населены в основном кряшенами, мишарями и чувашами. Как известно, понтийский тип характеризуется относительной длинноголовостью, темной или смешанной пигментацией волос и глаз, высоким переносьем, выпуклой спинкой носа, значительным ростом бороды. Этот тип

представлен более чем у трети татар — от 28% у кряшен Чистопольского района до 61% у мишар Нарочатовского и Чистопольского районов. Этот тип у сибирских татар неизвестен. В палеоантропологическом материале он хорошо выражен у домонгольских булгар, в современном — у карачаевцев, западных черкесов в восточной Болгарии, у местного болгарского населения, а также у части венгров [Халиков 1989: 34–35]. Сопоставление черепов тюркских племен, входивших в состав Золотой Орды, с черепами чувашского типа приводит к отрицательным результатам. Черепа кочевников, во-первых, шире и брахицефальнее, во-вторых, у них значительно более покатый лоб. Лицо шире и, если даже принять во внимание европеоидную примесь, нос у них все-таки более выступающий. Что же касается булгар, то характерный для них комплекс признаков не улавливается в составе чувашей по краниологическим данным [Алексеев 1971: 249].

Что касается кряшен Поволжья и Урала, то они представляют сложные в расовом отношении группы. Как правило, живут не компактно, а удаленно, небольшими сообществами, что говорит о сложности их этнической истории. У кряшен превалирует европеоидный компонент, в меньшей степени выражен монголоидный [Макеева 2015а: 62].

Судя по данным краниологии, южноевропеоидный компонент в формировании татароязычного населения Волго-Уральского региона прослеживается на территории Среднего Поволжья не ранее второй половины I тыс. н. э. и может быть обусловлен появлением раннебулгарских племен [Макеева 2015б: 120].

Антропологический тип чувашей различается от татар на глаз. Поэтому Карл Фукс справедливо писал: «Чуваши весьма различаются от татар и лицом и станом и даже отличаются от всех финских поколений» [Фукс 1840: 119]. По данным палеоантропологов, жители г. Булгара не были предками чувашей, т. к. отличаются по многим характеристическим признакам: «Булгарские черепа более низкоорбитны, широконосы, лицо шире и абсолютно и главным образом относительно, т. к. оно вместе с тем ниже, чем у чуваш» [Дебец 1932: 56]. С антропологической точки зрения, генетическая связь чувашей с булгарами на том материале, который был в распоряжении М. С. Акимовой, также не подтверждается [Алексеева 2004: 51].

Археология

Находка Перещепинского клада на Приднепровье позволяет утверждать, что правящий род Дуло, получавший дорогие подарки от византийского императора, накопил громадные сокровища. Среди находок есть два перстня с монограммами Органы и Кубрата. Как полагала С. А. Плетнева, клад был зарыт в конце VII в. в экстраординарных обстоятельствах.

Что касается салтово-маяцкой археологической культуры, то она прекратила свое существование к началу X в. Например, нижней границей существования Дмитриевского комплекса считается середина VIII в., а Маяцкого — конец VIII в. Все эти даты хронологически увязываются с датой ухода булгар на Волгу. На курганном могильнике у г. Новочеркасска найдена золотая монета середины VIII в., что также указывает о кипучей жизни в это время.

По мнению А. П. Смирнова, волжские булгары, несомненно, не автохтоны. Достаточно убедительно установлено наличие южного и северокавказского влияния на археологическую культуру волжских булгар. Такая картина говорит о компактном переселении булгар с Северного Кавказа на Волгу.

Наблюдения Я. А. Фёдорова, Г. С. Фёдорова, В. Ф. Генинга, А. Х. Халикова и Е. А. Халиковой о сходстве некоторых видов керамики Агач-калы (Буйнакский район Дагестана) с керамическими изделиями Танкеевского могильника (Спасский район Республики Татарстан, в 20 км к югу от Булгара), относящемуся к раннебулгарским памятникам, вполне обоснованы. Наиболее ранние погребения Танкеевского могильника были сосредоточены у реки, а периферию занимали мусульманские захоронения. Между ними располагались промежуточные по времени могилы. «Танкеевский могильник дает возможность в известной мере проследить тот сложный этногенетический процесс, который происходил на Средней Волге в период сложения Волжской Булгарии, когда на протяжении веков, начиная с VIII–IX вв., в период крушения древних родоплеменных традиций из конгломерата разных племен постепенно складывался народ, вошедший в историю под названием волжских булгар» [Халикова 1971: 93].

Археологические находки связывают Северный Кавказ (прежде всего Дагестан) с Волжской Булгарией. В верхнечирютовских

могильниках костяки лежат в вытянутом положении на спине, руки расположены вдоль туловища, ноги скрещены в голених. Все эти признаки характерны для погребального обряда ранних булгар: в таком же положении находились костяки в погребениях Больше-тарханского могильника (Волжская Булгария) и могильника Нови-Пазар (Дунайская Болгария). Ориентировка во всех этих памятниках западная, с некоторыми отклонениями к северу и югу [Фёдоров, Фёдоров 1978: 56, 60, 82]. Археологические работы, проведенные в Казанском Кремле, показали непосредственную преемственность культур домонгольских булгар и казанских татар [Халиков 1989: 46].

Предметы, находимые в центре Волжской Булгарии (например, в могильнике на Бабьем бугре городища Булгары) указывают на прямое продолжение северокавказской археологической культуры конца I тысячелетия — начала II тысячелетия н. э. А. М. Ефимова в числе таких предметов назвала бронзовое зеркало, серебряные серьги, ножницы. Затем форма серег, мотивы и технические приемы их отделки получают отражение в ювелирном искусстве казанских татар [Ефимова 1960: 191].

Очень важен вопрос и о первом проникновении булгар на Среднее Поволжье. Появление их на Волге документируется археологическими материалами, найденными как на городищах, так и в могильниках. Они чрезвычайно характерны как по обряду, так и по инвентарю. Речь идет о тех типичных признаках, которые известны по памятникам на территории Дунайской Болгарии, где были открыты могильники аспаруховых болгар. Пришедшие на Волгу булгары стали доминирующими в политическом, культурном и языковом отношениях [Смирнов, Мерперт 1955: 52–53]. Наиболее ранними могильниками булгар на Среднем Поволжье являются Кайбельский, Больше-тарханский и II Уреньский некрополи, расположенные в юго-западной части будущей территории Волжской Булгарии. Для них характерна лепная плоскодонная горшковидная керамика степей Юго-Восточной Европы и круговая посуда салтовского облика, заимствованная у алан. Погребения имеют западную ориентировку, сопровождаются характерными для кочевников предметами конского снаряжения, саблями, колчанами, стрелами, огнивом. Детские и женские захоронения бедные. Основная масса захоронений ни по обряду, ни по инвентарю

не отличается от соответствующих комплексов салтовской культуры [Казаков 2002: 187]. К настоящему времени есть твердая уверенность в том, что население салтово-маяцкой археологической культуры в основном составляли булгары, аланы и савиры [Багаутдинов, Хузин 2006: 120]. Металлографические исследования коллекции кузнечных изделий, происходящих из Больше-Тарханского могильника, показывают, что этот памятник принадлежал ранне-булгарским кочевникам, осваивавшим в VIII–IX вв. правобережные районы Среднего Поволжья. Исследователи прослеживают истоки большетарханской группировки на территории салтово-маяцкой культуры. Видимо, часть кузнечных изделий привезена кузнецами салтово-маяцкого очага железообработки. А другая часть кузнечных изделий могла быть произведена на месте. Большетарханские кузнецы в основном применяли традиционные для салтовской железообработки технологические приемы. Среди наиболее часто встречающихся изделий — ножи, наконечники стрел и кресала [Семыкин 2009: 213, 224, 225].

В VIII в. в Западном Поволжье появляются серьги с бусинками и подвески салтовского типа. В женском погребении найдена форма для отливки салтовской серьги в виде разомкнутого овального кольца с привеской в виде бус. Подобные серьги распространились по р. Цне, Мокше, Суре. Они продолжают бытовать и в IX в. В X в. на р. Оке встречаются монеты болгарской чеканки и множество болгарской круговой посуды [Белорыбкин 2003: 79–80].

Археологи пишут о салтово-маяцких истоках культуры волжских булгар. Самые ранние булгарские памятники на Среднем Поволжье они связывают со второй половиной VIII — IX вв. С них, по сути, начинается история волжских булгар. В круг ранних памятников включаются I Больше-Тарханский могильник у села Большие Тарханы, II Больше-Тарханский могильник, Маклашевское II городище и Девичье городище. Все они находятся на территории Республики Татарстан. Аналогичные материалы найдены в погребениях у с. Малая Кондрать Ульяновской области. Как на названных объектах, так и в Верхне-Салтовском могильнике и цимлянских поселениях по среднему течению Дона найдены кувшинообразная посуда с характерным низким приплюснутым туловом, грубые плоскодонные лепные горшки. Эти же предметы широко представлены на Дмитриевском могильнике VIII–IX вв.

и в Саркеле. «Принесшее из салтово-маяцкой культуры керамику население было разноплеменным по происхождению, но тесно связанным с болгарским союзом племен, непосредственно предшествующим возникновению салтово-маяцкой культуры... Почти все ее содержание по керамическому материалу в рассматриваемое время отразилось и в Волго-Камье» [Хлебникова 1984: 128].

На поселениях Самаро-Симбирского Поволжья, определяемых концом VIII–IX в., также выявлены предметы салтовского типа. На Самарском левобережье найдены фрагменты причерноморских амфор. Видимо, переселенцы обитали здесь с оставшимися представителями именьковского населения [Сташенков 2010: 118–120]. Как верно констатируют археологи, булгары, придя на Среднее Поволжье в конце VIII в., смешались с носителями именьковской и городецкой культур [Ефимова 1960: 191; Фахрутдинов 1986: 80].

В свете изучения взаимодействия ранних булгар с местным населением, относящимся к именьковской археологической культуре, исключительное значение имеет видение ведущих археологов (например, [Седов 2001: 5–15]). Памятниками, явно свидетельствующими о взаимодействии именьковского населения с булгарами, являются городище Пролетарское (Самарское Поволжье) и поселение у с. Белымеры (Татарстан). В верхних слоях первого памятника, датируемого VIII в., наряду с именьковской керамикой содержится глиняная посуда салтово-маяцкой и кушнаренковской культур. Поселение у с. Белымеры изначально принадлежало именьковскому населению, а в X–XI вв. — булгарам. Население этого города было смешанным, о чем говорит не только сосуществование булгарской и именьковской керамики, но и ритуальные сооружения аборигенов.

На южной периферии территории Волжской Булгарии (при раскопках близ д. Пальцино Ульяновской области и Тарновки Самарской области) наряду с материалом, типичным для племен городецкой культуры, обнаружен другой, характеризующий новую этническую волну приазовских булгар. Здесь найдена грубая лепная керамика позднего городецкого типа V–IX вв., которая встречается наряду с раннебулгарской желтого и коричневого цветов [Смирнов, Мерперт 1955: 52].

Исследователи пахотных орудий Восточной Европы подчеркивают, что булгарские наральники полностью идентичны именьков-

ским, их можно рассматривать как продолжение традиции именьковского земледелия. С именьковского времени почти неизменным остается состав культивируемых злаков. А сопоставление технологий сельскохозяйственного производства волжских булгар и Древней Руси выявляет их заметное различие. Например, на Руси широко распространены были посевы озимой ржи, а в Волжской Булгарии в X–XIII вв. она неизвестна вовсе. Здесь культивировалась исключительно яровая рожь. Одной из основных культур в Булгарии была полба, а на Руси на ее долю приходился незначительный процент. Серпы, косы-горбуши, каменные жернова булгар эволюционировали из именьковских. В то же время наплыв населения из салтово-маяцкого ареала в большей степени способствовал быстрому подъему ремесленного дела. В целом сельское хозяйство волжских булгар имело преимущество перед другими народами в силу многовековых традиций.

В XI — начале XIII в. в Волжской Булгарии численно преобладал мелкий рогатый скот. Из-за запрета мусульманской религией употребления в пищу свинины доля этого животного резко уменьшилась. Однако кости свиньи зафиксированы при раскопках целого ряда булгарских поселений: в Болгаре, Биляре, Хулаше, Березовском, Муранском, Мало-Сундырском и других поселениях. А в золотоордынских слоях Булгара они уже полностью отсутствуют. Представляется вероятным, что жителями поселений, употреблявшими в пищу свинину, были потомки местных земледельцев, для которых разведение этих животных было традиционным. Но в процессе мусульманизации они тоже отказались от свиней. Таким образом, Булгарское городище было основано не на пустом месте, а в зоне концентрации именьковского населения. Дань, поборы и грабежи, осуществляемые булгарами, привели к значительному понижению уровня жизни и быта, к обеднению оседлого населения. Анализ керамики домонгольского периода Волжской Булгарии позволил Т.А. Хлебниковой утверждать, что горшки с цилиндрическим горлом, с горлом в виде раструба наружу, а также высокие тулова горшков восходят к формам горшков местного населения. Биконические и цилиндрические пряслица булгар также издавна бытовали у носителей культуры Именьковского городища. Более того, лепная посуда, игравшая большую роль в сельской местности Булгарии, продолжала традиции керамического

производства племен, обитавших в Среднем Поволжье к моменту появления здесь булгар [Хлебникова 1962: 139–142]. Выходит, потомки именьковского населения к началу XII в. окончательно влились в булгарский этнос: «В этногенезе волжских булгар участвовало довольно многочисленное местное земледельческое население, представленное именьковской культурой, т. е. славяне. Последние, очевидно, и придали булгарской культуре земледельческий облик с самого начала ее развития. Это население импулсировало постепенную смену кочевого образа жизни пришлых булгар на оседлый, участвовало в становлении городской жизни» [Седов 2001: 10].

Археологи также высказываются о перенимании булгарами у именьковцев полуземляночных жилищ и зерновых ям колоколовидной формы. А керамика была привнесена в Поволжье извне. Булгарская керамика более многообразна, качественнее в технологическом отношении, богато орнаментирована. Исходные формы кувшинов, корчаг, кувшинообразных и стаканообразных сосудов, как и элементы орнаментации, идут из салтово-маяцкой культуры. На месте до булгар доминировали горшковидные сосуды.

Позднее в Поволжье пойдет процесс этнической унификации, однако этому будут противиться некоторые племена, прежде всего сувары.

На городище Сувар местными крестьянами в XIX в. было найдено много вещей, представляющих археологический интерес. Это серебряная тарелка, кувшин с монетами, куски серебра, серебряный браслет, медный молоточек, конец которого служил печатью с надписью, женское украшение с надписью, медный кистень с надписью и т. д. Здесь крестьяне при разрытии погребов наталкивались на могилы. В погребениях скелеты находились в сидячем положении [Ахмеров 1893: 480–481].

Монеты в Волжской Булгарии чеканились в 907–992 гг. На дирхеме 907 г. стоит имя Джафара ибн Абдаллаха, т. е. Алмуша, правителя Булгарии. К 976 г. в г. Суваре чеканка монет прекратилась, что свидетельствует о потере политической и экономической самостоятельности и полном подчинении г. Булгару [Фахрутдинов 1986: 100].

Раскопки на городище Сувар позволяют приурочить время уничтожения нижнего укрепления с восьмигранной башней к нашествию Субутая в 1236 г. [Смирнов 1941: 140].

Г. Джукетау, существовавший в X–XIV вв., располагался на западной окраине современного г. Чистополя. Здесь зафиксированы надгробные памятники начала XIV в. с выразительными эпитафиями [Набиуллин 2010: 373].

Религия

Захария Ритор определил бургар по состоянию на середину VI в. как «народ языческий и варварский» [Захария 2011: 595]. Прав был и Бернат Мункачи, говоря о распространении ислама. Он предполагал, что болгары столкнулись с элементами ислама на Кавказе, а приняли эту веру на Волге [Munkácsi 1926: 42–64]. Но до появления на Волге некоторые болгары были знакомы и с христианством. Так, в 619 г. в Константинополе крещены правитель онногундулов Кубрат и его дядя. Кубрат был даже удостоен чина патрикия [Никифор 1950: 359; Jean 1883: 580; Golden 1980: 44]. Однако приемники Кубрата и народ остались в прежней вере.

Масуди описывал событие, связанное со стычкой хазарских мусульман с русами. Действие происходило в 912 г. или сразу же после этого года. Большинство исследователей относит это событие к 913 г. Но явно до 922 г. русы на судах по Хазарской реке спустились до г. Атиля, выходили в Хазарское море и совершали нападения на прибрежные города. Как писал Масуди, русы проливали кровь, делали, что хотели, захватывали имущество. Тысячи мусульман были убиты. Прибрежные народы были в смятении. Когда мусульмане Хазарского царства узнали об этом, они обратились к царю Хазарии с просьбой позволить им дать отпор русам и отомстить за кровь братьев-мусульман. Битва между ними длилась три дня. Русы были преданы мечу, убиты и утоплены. Спасшиеся из них (5000) пошли к стране буртасов: «Некоторые из них были убиты буртасами; другие попали к бургарам-мусульманам, которые [также] поубивали их» [Масуди 1963: 201]. Нам в данном описании важно выделить, что бургар Масуди называет мусульманами. Речь, конечно, идет о поволжских булгарах. Это происходило лет за десять до арабской миссии. Выходит, еще до Ибн Фадлана они имели контакты с мусульманским миром и некоторые из них приняли ислам. Также сообщается, что в Булгарии еще до прибытия

посольства имелись муэдзины, были в употреблении молитвы, предписываемые исламом. На основе источников Д. А. Хвольсон делал допустимое предположение о знакомстве булгар с мусульманством с 912 г. [Хвольсон 1869: 8].

По поводу принятия булгарами ислама имеются ссылки и на более ранние периоды. Х. А. Амирханов (1814–1893 гг.) утверждал, что болгарский народ принял ислам во времена Аббасидов посредством своего письменного обращения, если более точно — в 210 (832) г., во времена аббасидского халифа Ма'муна [Амирханов 2010: 40–41, 44]. Видимо, такое утверждение частично имеет под собой реальную почву. В это время булгары были уже на Волге. Однако есть основание передвинуть эту дату на более раннее время. На раскопках Новгорода выявлен дирхем 907 г. с именем Джафара ибн Абдаллаха. Нумизмат С. А. Янина и археолог Р. Г. Фахрутдинов обоснованно считают, что это имя Алмаса, правителя Булгарии [Янина 1962: 182–184; Фахрутдинов 1986: 100]. Предполагаемую дату косвенно подтверждает и Ибн Русте. Он писал, что царь Болгарии Алмуш исповедует ислам. Он также говорил, что в стране есть мечети и начальные училища с муэдзинами и имамами. Даже одежда и кладбища у булгар выглядят как у мусульман. Белые круглые дирхемы приходят к ним из мусульманских стран. Пребывающие в своих древних традициях люди при встрече с булгарами-мусульманами поклоняются им [Ибн-Даста 1869: 22–25]. Д. А. Хвольсон напоминал о распространении в начале X в. в Булгарии не только ислама, но и наук, известных мусульманам. Несколько лет спустя после Ибн Фадлана Ал-Бекри уже уверенно утверждал, что царя булгар зовут Алмас, а исповедует он ислам [Ал-Бекри 1879: 63]. Выходит, арабскую миссию Алмуш пригласил для официального закрепления уже предпринятых в сторону ислама шагов. Ведь он еще в 907 г. носил мусульманское имя Джафар и даже чеканил монеты под этим именем. Особый интерес представляет факт сопротивления царя булгар при сватовстве его дочери царем Хазарии. Арабский писарь об этом замечает так: «Тогда царь хазар завоевал ее силой, хотя он еврей, а она мусульманка» [Ибн Фадлан 2016: 42]. Выходит, еще до Ибн Фадлана дочь царя булгар была мусульманкой. Трудно сказать, в каком году это было. В источнике об этом сказано весьма уклончиво: «Как-то давно...» Нам также достоверно неизвестно, в каком году было сделано приглашение багдадской

миссии посетить Булгарию. Понятно, что событие произошло после выдачи второй дочери за царя племени эскель, т. е. явно раньше, чем в 921 г.

Археологические следы ислама прослеживаются во второй половине IX в. в погребениях Танкеевского могильника (Спасский район Республики Татарстан). Здесь обнаружены перстни с арабскими надписями. Археологи также утверждают, что «ислам получил распространение в этом регионе уже с VIII–IX вв.» [Измайлов 2009: 49]. Мусульманские погребения, хотя и расположены на периферии Танкеевского кладбища, свидетельствуют о том, что в конце X — начале XI в. основная часть населения стала исповедовать ислам [Халикова 1971: 67].

В X в. три мировые религии, зарождавшиеся в Средиземноморье, процветали в Европе: христианство распространилось среди русских, хазары приняли иудаизм, волжские булгары были включены в исламский мир. Зарождающиеся феодальные отношения в начале X в. также диктовали великому князю Алмушу объединение народа вокруг единой веры. В качестве государственной идеологии царь предпочел ислам.

Как и любая новая религия, ислам насаждается среди населения Булгарского царства насильственно [Денисов 1959: 73]. Известно, например, что булгары вели против соседних буртасов джихад, т. е. священную войну. А непослушным суварам Алмуш пригрозил мечом. Конечно, стратегически все войны на земле велись для завоевания новых территорий и захвата военной добычи. В данном случае «идеологическим оправданием войн служило стремление распространить ислам среди других народов Поволжья и Приуралья» [Измайлов 2008: 191].

В связи с толкованием причины принятия Волжской Булгарией ислама, как мне представляется, звучит сомнительно замечание Б. В. Каховского. Он пишет, что якобы булгарскому царю нужны были от мусульманского правителя реальные средства, а не их «магическая» символика. Алмуш дал знать, что посольство могло бы и не приезжать, раз не доставило денег [Каховский 1983: 27–28]. Выходит, великому князю нужны были деньги для возведения крепости. Да, ему нужны были деньги, но как символ-благословение. Ведь единая вера в государстве гораздо дороже денег. Это прекрасно понимал Алмуш. Впрочем, вот диалог писаря миссии

Ибн Фадлана с Алмушем: «„Государство твое обширно, [денежные] средства твои изобильны и доход твой многочислен, так почему же ты просил государя, чтобы он построил крепость на доставленные от него деньги, которым нет числа?“ Он же сказал: „Я полагал, что Держава Ислама приносит счастье, и их [денежные] средства берутся из дозволенных [религиозным законом] источников. По этой причине я и обратился с просьбой об этом. Право же, если бы я захотел построить крепость на свои средства, на серебро или золото, то, конечно, для меня в этом не было бы никакой трудности. Право же, я только хотел получить благословение от денег повелителя правоверных и просил его об этом“» [Ибн-Фадлан 1956: 141]. Как видим, первоисточник не оставляет места сомнениям.

Комментируя данный эпизод, И. В. Дубов справедливо пишет, что речь идет, прежде всего, о политической и религиозной ориентации Булгара на Арабский халифат [Дубов 1989: 150]. Добавим: официально принимая имя повелителя правоверных — Джафар, Алмуш, естественно, не стремится этим понравиться Востоку и выгадать деньги на крепость. Намерения его более серьезные: установить в стране государственную религию — ислам, соблюдая все формальности. Действительно, монополия религии обеспечила бы великому князю подчинение племен с разными верованиями и объединение их вокруг единой религии. Таким образом царь рассчитывал поймать двух зайцев: покончить с феодальной раздробленностью и сформировать единую силу против внешних врагов, в первую очередь против сильной на то время Хазарии. Именно религиозная почва стала поводом для отказа царя булгар отдать свою дочь хазарскому кагану («он иудей, а она мусульманка»).

В доказательство решения Алмуша принять ислам можно привести и следующий эпизод из Мешхедской рукописи: «Воистину, Аллах могучий и великий даровал мне ислам и верховную власть повелителя правоверных, и я — раб его (Аллаха), и это — дело, которое он возложил на меня» [Ибн-Фадлан 1956: 139]. После официального принятия имени Джа'фар *хатиб* «проповедник» провозгласил *хутбу* «проповедь»: «О Аллах! Сохрани в [в благополучии] раба твоего Джа'фара ибн-'Абдаллаха, повелителя [эмира] булгар, клиента повелителя правоверных» [Ибн-Фадлан 1956: 133]. Иначе говоря, Алмуш-Джа'фар с этого момента стал называться уже не царем булгар, а их *эмиром* «повелителем». Ибн Фадлан как Алмуша,

так и князей племен Волжской Булгарии называет *малик*, т. е. «вождем племени». Следует учесть, что исламизация булгар отвечала коммерческим интересам династии Саманидов.

Исследователи обращают внимание на градостроительную структуру г. Биляра. Огромная многоколонная мечеть в центре цитадели позволяет предположить, что в основе архитектурно-пространственной организации лежит модель раннесредневекового мусульманского Багдада как центра местопребывания Аллаха на земле. Допускается, что строители из Багдада, прибывшие вместе с посольством, заложили столицу Волжской Булгарии по образцу и подобию аббасидской столицы. Этим можно объяснить округло-квадратный план и гигантские для того времени размеры Биляра. «Определенная аналогия наблюдается в архитектурно-пространственных структурах Биляра и столицы Дунайской Болгарии г. Плиски» [Надырова 2010: 25].

Ибн Фадлан, как миссионер, называет иноверцев-суваров «отребьем». Впрочем, от ислама отвернулись не только сувары, так поступила и часть племени эскэл. Вообще, и сам Ибн Фадлан преувеличивал значение посольства в деле утверждения в стране ислама.

В г. Булгаре все жители — мусульмане, сообщает рукопись «Худūd ал-‘Алем» о событиях X в. [Minorsky 1970: 163]. Согласно Ал-Истахри, булгары, живущие в г. Булгаре, — мусульмане. В столице Волжской Булгарии находилась соборная мечеть. В г. Суваре также была соборная мечеть. Об этом сообщил автору тот, кто совершал хутбу в этих городах. О том, что булгары — мусульмане, писал и Марвази. Однако вокруг были неверные, против которых они совершали походы [Заходер 1967: 37]. В таком утверждении содержится мысль о том, что в г. Булгаре жила верхушка общества в лице священников, купцов и ремесленников. Во второй половине X в. соборная мечеть г. Булгара располагалась в людной местности — на рынке [Ал-Мукаддаси 1994: 289]. Исламские порядки Волжской Булгарии, должно быть, регулировались из мусульманских центров (Хорезма, Бухары, Хорасана и Багдада). Об этом свидетельствуют Ал-Омари, Ибн-Хаукал и другие источники. Например, в Булгарии из-за коротких ночей отменили вечерние молитвы (азаны). Разрешение на это было получено от бухарского правоведа [Заходер 1967: 44]. В 949–952 гг. в г. Суваре чеканились серебряные монеты болгарского царя Талиба б. Ахмеда [Бартольд

1968: 516], что лишний раз говорит об усилении исламских корней в Булгарии. Кроме того, состоятельные люди из Булгарии вносили огромные денежные средства на поддержание и развитие дела ислама в Средней Азии. Так, эмир Булгарии в 415 г. (1024–1025 гг.) увидел сон, согласно которому он направил деньги государю Хорасана на постройку двух мечетей [Заходер 1967: 46].

Конечно, следует обратить внимание еще на одно важное обстоятельство. Все евразийские кочевники, массово обращенные в новые религии, такие как уйгуры, хазары, волжские булгары, огузы, сельджуки, карлуки, к этому времени имели государство, были организованы в племенные союзы или находились в стадии становления государственности. Как верно отмечает Питер Голден, «новая религия могла функционировать в качестве объединяющей силы, средства идеологического дистанцирования, символа независимости, и все это помогало процессу формирования государства» [Голден 2008: 334].

Во времена правления мадьярского герцога Таксони, примерно около 970 г., в Венгрию пришла толпа болгар-мусульман под начальством двух братьев Билла и Боксу. Чуть позже прибыла еще группа под начальством Хесена. В Венгрии их называли билерами. Видимо, эти люди были из Биляра (чуваш. *Пӗлӗр*). Всех их встретили дружелюбно и поселили на левом берегу Дуная, где был основан г. Пешт. Пришествие болгар стало следствием набега русов в 968 г. на страны болгар и хазар. Впоследствии в Венгрии они, несмотря на гонения, сыграли важную роль в качестве откупщиков и управляющих финансами [Хвольсон 1869: 108–109].

Согласно летописи, булгары стремились навязать свою новую веру и русам. Так, в 986 г. они пришли к великому князю Владимиру Святославовичу в Киев и предложили ему принять веру мухамеданскую «бохмици». А на вопрос: «Како есть вера ваша?», болгарские посланники ответили: «Обрезати оуды тайныя, а свинины не ясти, а вина не пити». Однако такие правила не понравились Владимиру. «Руси есть веселие питие, не можем без того быти», — ответил он [ПСРЛ 4, 1: 60; 16: 251; 33: 25].

В 435 г. (1043–1044 гг.) 10 000 кибиток из неверных тюрок, совершавших ночные набеги на мусульманские города в краях Баласагуна и Кашгара, принимают ислам. Эти тюрки лето проводили в Булгарии, а зиму — в окрестностях Баласагуна. Затем они рассея-

лись в тех краях, в которых кочевали [Ибн ал-Асир 2006: 335]. Естественно, это событие также сыграло положительную роль в деле утверждения исламской религии в Волжской Булгарии. В целом к середине XI в. ислам стал религией подавляющего большинства населения Волжской Булгарии [Руденко 2013: 19]. Впрочем, эту же мысль применительно к первой половине XI в. констатировал Абу Райхан Беруни, назвав болгар мусульманами [Беруни 1975: 100].

Таким образом, религия сыграла историческую роль в Волжской Булгарии — она отныне стала одновременно и этнообъединяющей силой, и этноразделительным барьером. При этом наиболее достоверно предположение о том, что ислам распространился в Волжской Булгарии среди феодалов, купцов и ремесленников. Позже они составили ядро татарского народа. А сельское земледельческое население продолжало придерживаться своих традиционных праздников, обрядов и верований. Часть историков склонна полагать, что эти земледельцы составили основу для формирования современных чувашей. Как констатировал А. Ф. Лихачев, «мусульманская религия главным образом укоренилась только в царствовавшей над Булгарией династией и между жителями г. Булгара; масса же народа осталась при своей прежней религии, сохранившейся до наших дней между немногими уже последователями ее» [Лихачев 1876: 3]. Затем аналогичную мысль высказывали В. Ф. Каховский, В. Д. Димитриев и другие историки. Однако такая мысль требует значительной корректировки, ибо предки чувашей — сувары — жили в основном на правобережье, т. е. фактически отдельно от болгар.

В Булгарии жестко контролировали попытки манипуляции религиозным сознанием населения. Об этом свидетельствует житие св. Авраамия (Авраамия), мученика Булгарского. «Сей бысть иного языка, а не рускаго» [ПСРЛ 30: 87; 33: 65]. Авраамий, как христианин, занялся миссионерством и имел успехи. За все это он в 1229 г. в старческом возрасте поплатился жизнью [ПСРЛ 1: 453; 9: 97; Медведев 1878]. Согласно другим источникам, это событие произошло в 6738 (1230) г. [ПСРЛ 18: 54; Лахутинская 2012: 196].

На территории Волжской Булгарии действовали общенародные святилища. Одно такое святилище было открыто археологами в 2012 г. в Чебоксарском районе. Определяется оно по названию реки как *Шинер Киремет* [Березина и др. 2013: 56–65]. К этому

времени объект уже был разворован черными копателями. Находки в виде литой фигурки барса, куфических металлических и серебряных дирхемов X–XII вв., ременных накладок домонгольского периода, а также расположение объекта в северной части Волжской Булгарии позволяют говорить об изначальной принадлежности святилища булгарам. Здесь также были найдены кости жертвенных животных (лошадей), русские медные монеты конца XVIII — начала XIX в., каменные жернова. Структуру Шинерпосинского святилища археологи справедливо сравнивают с планировкой культового сооружения, исследованного Г. А. Фёдоровым-Давыдовым на Тигашевском городище в Батыревском районе. К. А. Руденко определяет Шинерпосинский памятник как булгарское племенное территориальное святилище. Хронологические рамки действовавшего *киреметища*, согласно участникам раскопок, XII–XIX вв. Однако данное святилище как действующее в XX в. было описано В. К. Магницким и Н. В. Никольским. Изначально, видимо, оно было булгарским святилищем. Но после татаро-монголов здесь проводили свои моления только чуваша. В 13 км к юго-востоку археологами был обнаружен еще один культовый памятник Средневековья — Табанарское святилище.

По состоянию на конец XII — начало XIII в. жители г. Булгара исповедовали ислам ханифистского толка [Абу-л-Фида' 2009: 125]. Ибн Са'ид-ал-Магриби констатировал, что большинство булгар являются мусульманами, но есть среди них и христиане [Ибн Са'ид 2009: 31]. Должно быть, речь идет о начале XIII в. Однако следует иметь в виду и свидетельство венгерского монаха Юлиана, утверждавшего в 1236 г., что в Великой Булгарии все являются приверженцами народных обрядов и верований [Аннинский 1940: 80]. Конечно, Юлиан говорил о южных перифериях Волжского государства, тем более его впечатление не относится к г. Булгару. Допустимо, что высказывание Юлиана относится к юго-западной (т. е. правобережной) части Булгарии, иначе говоря, в основном к суварам. Уже в 1253 г. фламандский монах-путешественник имел все основания утверждать: «Эти булгары — злейшие сарацины, крепче держащиеся закона Магометова, чем кто-нибудь другой» [Рубрук 1997: 116]. Об исламизации предмонгольской Волжской Булгарии говорят также переход к каменному культовому зодчеству и погребальный обряд могильников. В конце XIII в. в Волжской Булгарии начинают ставить на мо-

гилах богатых покойников каменные памятники [Димитриев 2014: 121]. Поэтому констатация типа: «В предмонгольское время исламизация этого государства зашла достаточно далеко», [Зеленеев 2013: 20, 23, 45] вполне обоснована.

О крепких корнях ислама в г. Булгаре свидетельствовал и известный арабский путешественник XIV в. Ибн-Баттута. Так, прибыв в Булгар, он вместе с местными людьми помолился на закате солнца. Затем последовал призыв к вечерней молитве. Были исполнены молитвы теравих, шаф и витр [Ибн Баттута 1884: 297]. В 1323 г. был замучен за веру еще один христианин в Булгаре. Звали его Феодор [ПСРЛ 28: 67]. В рассказе, датированном 731 г. х. (1330–1331 гг.), Булгар назван одним из известнейших городов Кыпчакии. Здесь дело ислама жило и побеждало. Например, в городе была специальная должность для определения времени молитв. Звали этого человека Масуд. Для исчисления точного астрономического времени он активно пользовался инструментами [Эломари 1884: 237]. В событиях 1376 г. жителей Булгара Великого летопись называет бесерменами, а их князей на исламский лад звали Осан и Маахмат Салтан [ПСРЛ 18: 117].

Ровно через три века после казни православного мученика Авраамия, в 1529 г., в Казани произошло аналогичное событие. На этот раз мучеником оказался Иван, пленный христианин из Нижнего Новгорода. Ему предлагали отречься от Христа, но он предпочел мученическую смерть [ПСРЛ 19: 261–262].

Однако говорить, что христианство в Булгарии было гонимо, тоже неправда. Еще в IX в. в Волжской Булгарии имелась колония армян христианского вероисповедания. Их надгробные памятники с письменами найдены у Греческой палаты в Булгаре. Имеются также надгробия армян XIII–XIV вв. Эти памятники написаны арабским шрифтом на *p*-языке (*хир* — «девушка»; *тохур* — «девять») и *z*-языке (*кыз*, *токуз*) [Лепёхин 1771: 272–283; Мухаметшин, Хакимзянов 1987], т. е. на обоих государственных языках.

Археологические поиски подтверждают интенсивную исламизацию населения Волжской Булгарии в X–XIII вв. Например, для этого времени характерно практически полное отсутствие костей свиньи. На Билярском городище за время раскопок 1967–1971 гг. всего обнаружено почти 10 000 костей. Среди них не выявлено костей свиньи вообще. Нет их и в других памятниках. Исключение

составляют отдельные кости свиньи, найденные близ усадьбы русского ремесленника. А это свидетельствует о повсеместном и строгом следовании булгарами предписаниям и запретам ислама. Еще более выразительно свидетельствуют о распространении ислама могильники волжских булгар. Это неглубокие ямы, встречающиеся в некоторых чувашских деревнях подбои, отсутствие в гробу и в могиле сопровождающих вещей. В свою очередь, все это свидетельствует о растворении различных этнокультурных и племенных групп в мусульманской среде. Естественно, как отдельные люди, так и целые группы, принимая ислам, становились одновременно булгарами. Таким образом, в средневековой Булгарии был распространен ислам с некоторыми региональными особенностями. К рубежу X–XI вв. ислам стал государственной религией и имел место во всех слоях общества. Некоторые небольшие поселения православных русских и армян-монофизитов, имевших свои торговые колонии в Булгарии, оставались вне булгарского этноса и вне ислама. Также на перифериях отдельные группы населения сохраняли свои древние обычаи погребения [Измайлов 2011: 34–51]. В принципе, такое видение в основном отражает реалии.

Но мы бы слюкавили, если бы сказали, что ислам среди булгар привился с начала X в. и массово. Новую арабскую религию приняли изначально городские жители, ремесленники, торговцы и другие зажиточные слои населения. Основной процент населения продолжал придерживаться своих старых традиций.

И в XVIII в. при татарских деревнях имелись кладбища, утопающие в зелени. Как булгарские, так и татарские кладбища располагались за рекой или оврагом. Таким образом люди стремились оградить поселение от духов умерших, которые могли причинить зло живым [Надырова 2010: 28]. Чуваша свои кладбища также выбирали в стороне от деревни, больших дорог, обязательным было наличие оврага (речки) между поселением и кладбищем. Точнее, традиционное их расположение — в углу, образуемом ближайшей рекой и впадающим туда оврагом. Конечно, семантика оврага и водной преграды здесь прозрачна: они обозначают границу между этим и тем мирами. Например, в 1987 г. археолог Е. П. Михайлов выявил старое кладбище «Кюльхиринский могильник» в Красноармейском районе, в 600 м на юго-юго-восток от д. Кюльхири, на краю р. Чукатай, левого притока р. Сормы.

Старое кладбище с. Старые Алгаши Симбирского уезда располагалось на правом берегу р. Цильны, а по восточной стороне тянется овраг, по которому весной сбегает быстрые воды в пологие берега Цильны. Из-за того что кладбище в с. Старые Алгаши находилось за рекой, возникали серьезные трудности. Весной мост через реку разбирался, а река сильно разливалась и разрушительно несла воды по своему пологому руслу: «Тогда страшно было подойти к ней, а тем более переправиться... И беда, если тогда у кого-либо случится покойник... В таких случаях умершего обыкновенно несколько дней держали дома, поджидая, не убавится ли вода; потом переправляли его на воротах или бревнах, в виде плота устроенных, и преимущественно по утрам, так сказать, по морозу, когда вода немного убывает» [Лебедев 1905: 248]. По местам расположения старых кладбищ есть возможность выявлять места первых поселенцев деревни, проследив по порядку оставленные кладбища.

Архивные источники утверждают, что в 20-х гг. XX в. татары (в том числе и крещеные) проводили всеобщие полевые моления в знак благодарности божествам за выращенный урожай и благополучие деревни. В этих целях они общими силами резали быков и баранов, варили кашу. Места для жертвоприношений выбирали в стороне от деревни, у речки. Проводили также моления божествам с просьбой послать на землю теплый дождь, так нужный всходам. Еще в середине XX в. в татарских деревнях можно было записывать легенды о *киреметных* молельных рощах. В ряду старых традиций в XX в. у татар можно было видеть *симек*, *ўле чыккан кѳн*. Не по исламским, а по вековым традициям велись ритуалы проводов в иной мир. Такие примеры записаны, к примеру, в поселениях Верхние Меретьяки, Платоновки, Ахметьева, Владимировки (Татарстан), Старые Курбаши Цивильского уезда [ЧГИ 216: 442–443; 309: 21–22, 25; 319: 187–188 об.]. В этом плане поволжские татары сельской местности вписывались в общую религиозную культуру региона. Затем, в XX веке, остатки *киреметей* были уничтожены по настоянию мусульманского духовенства как несовместимые с исламом.

История не любит сослагательного наклонения. Тем не менее следует признать, что вероотступничество верхушки государства, как ни парадоксально, сильно ослабило великую Волжскую Булгарию. Одно из ключевых племен страны — сувары, желая сохранить

свою древнюю веру, ушли на правобережье. Теперь Булгария уже точно не могла противостоять сильным соседям — Хазарии, Руси и Кыпчакии. Как говорится, за что боролись, на то и напоролись. У палки всегда два конца. С этого времени начинается счет годам в сторону упадка Волжской Булгарии, а заодно булгар как народа. Если бы булгары в 922 г. не приняли ислам, то название этого племени сохранилось бы теперь как название народа. А повода вести дискуссию на предмет того, кто потомки булгар и кто такие казанские татары, не было бы. Одинаково верно (конечно, на ретроспективно-реконструктивном уровне) положение о том, что сувары вполне могли бы сохранить свой этноним в той форме, как он звучал на начало X в, а заодно и свою веру, и традиционную культуру.

Язык

Говоря о закономерности соответствия звуков *z/r, š/l* в тюркских и чувашском языках, Андраш Рона-Таш обращает внимание на важный нюанс. В случае тюркского *baš* «голова» и *köz* «глаз», пишет он, в чувашском языке следует ожидать *r* и *l*, но на самом деле имеем *puś* и *kuś*. (Ср. также западно-древнетюрк. *balç* — «голова».) Объясняется это тем, что эти слова не попали под влияние процессов *z > r, š > l*, они хранят более древний фонетический облик до их совпадения. Выходит, замена *z* и *r, š* и *l* не являлась фонетическим законом без исключения, она была только сильной тенденцией на той территории, где позже формировались болгарские языки [Róna-Tas 1970: 209–228; Róna-Tas et al. 2011: 1104–1114]. А это означает, что современный чувашский язык сохранил генуинные следы болгарского и савирского языков дотюркского периода. Конечный звук *p* в этнониме *булгар*, естественно, говорит об исходной принадлежности к *p*-язычным племенам.

Н. Я. Мерперт родственным савирам племенам — булгарам — посвятил ряд работ. Он специально подчеркивал, что булгары составляли племенное объединение, не зависимое и от аваров, и от тюрок: «Кубрат успешно продолжал и завершил начатое Органой дело освобождения болгар из-под власти Западно-тюркского каганата» [Мерперт 1957: 17]. О независимости Великой Булгарии (особенно в последние годы царствования Кубрата) от аваров и тюрок писа-

ли и другие исследователи [Вернадский 1996: 214]. Кстати, имя *Кубрат* следует перевести как «собирать, скапливать». Именно в этом значении оно зафиксировано в V–VIII вв. на памятнике тюркского перевода ираноязычного сочинения из СЗ Китая «Покаянная молитва манихейцев» и на памятнике в честь Кюль-Тегина из Монголии. На этих документах имеются две формы слова: *qubrat* и *quvrat* [Наделяев и др. 1969: 462, 475]. Обе формы отражены в византийских источниках. В состав болгарского объединения в разное время входили такие нетюркские племена, как аланы, кутригуры, оногуры, хазары, савиры. Все это явно говорит в пользу того, что савиры, как и болгары, не входили в тюркоязычную конфедерацию. И вообще, мнение об изначальной тюркоязычности болгар «покоится на крайне зыбкой почве» [Семёнов 2013: 333]. Кстати, Ибн Фадлан болгар называет сакалибами, отнеся их к северным нетюркским народам. Основные огурские племена — огуры, сарагуры и оногуры — в Приазовье и на Западном Кавказе редко действовали совместно. Именно в этом регионе из нескольких огуро-огузских племен возникло племенное объединение болгар [Кляшторный 2009: 171]. В этой связи следует указать на одну работу Берната Мункачи. В ней он, основываясь на болгарских заимствованиях в венгерском языке, заключал, что на Кавказе болгарские племена говорили на разных диалектах [Munkácsi 1927: 131–135]. Естественно, следовало бы говорить не только о диалектах болгарского языка, но и о заимствовании мадьярами из языков своих соседей и родственных племен — гуннов, хазар, суваров и болгар.

Как утверждает Питер Голден, многие народы Евразии были знакомы с рунической письменностью, например кимаки, болгары, хазары, печенеги, уйгуры [Голден 2008: 311]. В Болгарии на руинах Плиски VII–IX вв. были найдены рунические письмена. Они выдолблены на камнях [Митяев 1943: 73–135]. В статье Кр. Митяева рисунок содержит знаки рунической письменности, которыми пользовались при хане Круме (802–814 гг.). Аналогичные рунические знаки известны на юге древней и раннесредневековой Восточной Европы. Такие же знаки можно было увидеть на орудиях труда в чувашских деревнях и в 60-х гг. XX в. В частности, автор этих строк на символике под № 47 из рисунка № 146 узнал свой родовой знак. Его вырезали на деревянных частях орудий труда (лопатах, топорах, вилах, сохе, хомутах).

Д. А. Хвольсон не без основания вступал в полемику с Масуди, который утверждал, что по состоянию на начало X в. булгары представляли собой тюркское племя. *Я не хочу оспаривать известие Масуди, но показания арабов большей частью не имеют цены, ведь они не умели отличать финские племена от тюркских*, писал уважаемый востоковед. Он также предлагал разобраться с именем болгарского царя *Алмуша*. При этом считал правильным произношение *Алмус* или *Алмос*. Так же звали отца Арпада. Поэтому следует сначала выяснить, финское (вернее, угорское) или это тюркское имя *Алмус* [Хвольсон 1869: 81, 91].

Факты говорят о том, что в Волжской Булгарии бытовали два близких основных языка, которые есть возможность рассматривать как диалекты. Однако это именно два отдельных языка со своей историей. Конечно, речь идет о болгарском и суварском языках. На различия в этих языках исследователи всегда обращали внимание. Так, А. П. Ковалевский для примера брал название р. *Джаушыз* и *Джаушыр*, что отражает два различных произношения названия одной и той же реки двумя местными племенами. Другой пример, который привел А. П. Ковалевский, это также название реки на юге Волжской Булгарии — *Кундурча* и *Кундузча*. Чуваше эту реку называют *Хайтáрча* (*хáйтáр* «(бобер)» + тюркский словообразовательный аффикс — *ча*, указывающий на местность, т. е. «река, изобилующая бобрами»). Игнорирование этих различий в двух близких языках порождает и поддерживает недоумение и разночтения вот уже второе столетие. Конечно, в болгарском и суварском языках были и другие различия. Например, в языке предков чувашей не было звонких согласных. Н. И. Ашмарин, С. Е. Малов и другие языковеды обращали внимание на это свойство чувашского языка и считали, что отсутствие звонких согласных — признак его древности. По этому поводу А. П. Ковалевский заключал: «Таким образом, древний чувашский диалект все же отличался от болгарского своими глухими согласными и нет основания полагать, что это была древнетюркская особенность» [Ковалевский 1956: 17]. Все исторические факты говорят о том, что суварский язык на Средней Волге формировался отдельно от языка соседних болгар. Данный вывод автора этих строк подтверждают и другие исследователи болгар. Так, по мнению А. Г. Мухамадиева, язык суваров сложился «обособленно от других гунно-болгарских племен»,

«ни мишари, ни чуваша не имеют прямого отношения к булгарам» [Мухамадиев 2011: 36; 1980: 134].

«Язык болгар схож с языком хазар», — утверждал арабский источник [Ал-Истахри 2009: 85]. Действительно, по состоянию на X в. население Средней и Нижней Волги (в основном жители Булгарии, во всяком случае, жители Южной Булгарии и Хазарии) говорило на понятных друг другу языках. Следы этих языков, полагал В.В. Бартольд, по всей вероятности, сохранились теперь только у чувашей [Бартольд 1968: 204]. Конечно, речь идет о суварско-чувашской языковой преемственности. По мнению Андраша Рона-Таша, волжские болгары в начале X в. еще говорили на языке чувашского типа. Их язык отражен и в эпитафиях, найденных на территории Волжской Булгарии, датирующихся 1281–1350 гг. Возможно, полагает Андраш Рона-Таш, этот язык не является предком современного чувашского языка, однако к нему очень близок [Róna-Tas 1996]. Отсюда следует, что следы прежнего болгарского языка следует искать в языке чувашей. Примером бытования чисто чувашских слов у болгар является название местности *Хеллече*. Это было наиболее оживленное место в Волжской Булгарии рядом с Волгой. Место знаменито как торговая площадь, куда прибывали русы, тюркские племена, арабы и, видимо, северные соседи. Здесь же сам Алмуш и его окружение проводили большую часть года, фактически весь год, за исключением двух месяцев, на пастбище. Слово *Хеллече* образовано от суваро-чувашского *хёл(ле)* + тюркский словообразовательный аффикс — *че*. Вместе это означает «зимовье». Эта местность между р. Волгой, Уткой и Ниясной с учетом наличия здесь Чистого, Курышевского и Атманского озер называется Три Озера.

О наличии болгарского элемента в чувашском языке и культуре, а равно и чувашских элементов в языке болгар/болгар говорит отчасти и то, что некоторые старославянские слова болгарских изводов и уцелевшие от древнего времени единичные слова у современных дунайских болгар являются совершенно одинаковыми по значению с соответствующими чувашскими словами. Например, старосл. *белегъ* (у современных болгар — *белюк*) — чуваш. *палък* «знак», «намогильный памятник»; чуваш. *тёкёр* — болг. *тикъръ* «зеркало»; чуваш. *сум* «счет» — болгар. *самъчи* «казначей»; чуваш. *осă* — болгар. *осохъ* «польза»; чуваш. *кан* «форма» — болгар.

катъ «идол»; *чавка* в обоих языках означает «галка»; чуваш. *кӗтес* — болгар. *кътъ* «угол» и т. д. [Егоров 1953: 83]. О соответствиях языка памятников Придунавья конца I тысячелетия чувашскому языку пишут и современные исследователи. Они указывают на прямые соответствия типа: *žit kon* — *сич кон* «семь дней»; *tul-čĭ* — *тулчĕ* «наполнилось»; *turtun* — *туртăн* «подтянуться» [Мудрак 2005: 83–106].

Иоганн Бенцинг полагал: если отнесение языка дунайских болгар к числу тюркских языков может вызвать сомнение, то язык волжских булгар, вне всякого сомнения, тюркский. При этом он в качестве источников ссылался на лексикографа XI в. Махмуда Кашгарского и на волжско-булгарские надгробные надписи XIII–XIV вв. Иоганн Бенцинг свой тезис подкреплял примерами из хазарского языка, считая, что язык хазар и булгар — одно и то же. Бируни утверждал, что болгарский язык представляет собой смесь (а mixture) тюркского и хазарского языков [Biruni 1879: 51]. Однако число хазарско-булгарских параллелей скудно: г. *Саркел*, р. *Атил*, антропоним *Булан* [Бенцинг 1986: 18–19]. В то же время, все три примера — чисто чувашские слова: *сар кил* «желтый (белый) дом»; *Атӑл* «Волга»; *пӑлан* «олень». Несомненно, эти слова были активной лексикой савиров. Поэтому аргументация тюркоязычности булгар через хазар не вполне корректна. Уместнее говорить о влиянии языка огузского типа на булгар. К тому же Иоганн Бенцинг почему-то разделяет булгар и болгар, считая первых тюрками, а вторых — нет. Ведь они на Северном Кавказе до разделения и ухода на Дунай и Волгу были единым народом. Хотя для более позднего времени его высказывание вполне справедливо.

Язык волжских булгар не сохранился. Причина состоит в неприменении его в дипломатии, образовании, богослужении и искусстве [Малютин 1996: 60]. Тем не менее на то время следует признать более цивилизованными булгар, чем саваров.

Письменный язык Волжской Булгарии известен исключительно на основе многочисленной арабской графики на погребальных памятниках на месте слияния р. Волги и Камы. В г. Булгаре самые ранние захоронения датируются 1271 г., а последние — 1356 г. Волжские булгары, язык которых является близким родственником современного чувашского языка, имели погребальные надписи на стандартном тюркском диалекте, поэтому язык эпитафий мож-

но считать родоначальником современного языка казанских татар [Shamiloglu 1991: 157].

Татарские лингвисты считают брошюру Н. И. Ашмарина «Болгары и чуваша» страдающей односторонностью. Так, Л. З. Залая утверждал, что Н. И. Ашмарин построил свои выводы, исходя лишь из нескольких чувашизмов на надгробиях, при этом он совершенно игнорировал те языковые материалы в текстах этих эпитафий, которые имеют непосредственную связь даже с современным языком татар Поволжья: «Проф. Ашмарин хорошо знал, что на этих надписях рядом с чувашской формой „Джиат джур джал“ (700 г.) имеется, даже в бóльшем количестве, форма „Ете юз утуз ете“ (737 год) и т. д. — чисто татарская форма. Но, несмотря на это, в своих выводах он пришел к заключению, что прямыми потомками булгар являются чуваша» [Залая 1948: 157]. Сюда же следует отнести надпись на золотом ковше, поступившем в Кунсткамеру в XVIII в. Здесь имеется фрагмент *алти йхр ун ити*, т. е. 617, где вместо ожидаемого булгаро-татарского *йхз* имеем суваро-чувашское *йхр* «сто» [Мухамадиев 2011: 46]. При этом лингвисты признают, что татарский язык (тем более современный) не является целиком и полностью продолжением булгарского языка. Как и любой язык, татарский за свою историю пережил очень большие изменения. Тем не менее он является продолжением булгарского языка. Потомками булгар считал «настоящих татар» (т. е. казанских) и А. Ф. Риттих [Риттих 1870: 28, 54]. Большое количество надписей было выгравировано на эпитафиях XIII–XV столетий в Волго-Камском регионе с арабскими текстами, включающими тюркские фразы. В литературе их называют волжско-булгарскими надписями. Однако часть надписей выполнена языком чувашского типа, а остальные отражают диалект тюркского языка. Надписей чувашского типа с тюркскими элементами не было до середины XIV столетия, тогда как другие надписи продолжали бытовать.

Уже к XI–XII вв. заимствованные волжско-булгарские элементы имели место в русском языке. Так, слово *товар* происходит от волжско-булгарского **tavar*. Оно также присутствует в венгерском языке в форме *tár* «контейнер», а также в составе некоторых слов, например, *kincstár* «дом сокровищ». От этого слова сформировалось слово *товарищ*, первоначальная форма которого присутствует в венгерском языке как *tars* «компаньон», «товарищ».

Другим русским словом является *хозяин* — от корня *hozja*, которое бытовало независимо в старорусском языке. Персидское *ḫwāja* было опосредованно через волжских булгар (ср. чуваш. *хуҫа*). Согласно некоторым источникам, известный район Москвы, Арбат, первоначально был торговым местом волжских булгар (позже — татар). Название вернулось обратно к волжским булгарам в форме арабского слова *rabat* — «пригород, квартал» (ср. название столицы Марокко — Рабат) [Róna-Tas 2007].

В XIII–XIV вв. оказывается мощное кыпчакское влияние на племена Волжской Булгарии, проникают многочисленные слова монгольского, арабского и персидского происхождения. Общеизвестно также, что татарский язык образовался на булгаро-тюркском субстрате. К середине XIII в., когда образовалась Золотая Орда, булгары начали испытывать влияние «тюрко-татар» и, в конце концов, восприняли их язык. Преподавание арабского языка в медресе и распространение его в науке и религии открывали широкую почву для проникновения в волжско-булгарский язык. Например, заимствованная лексика хорошо запечатлена на эпитафиях.

Большая часть кыпчакского населения появилась в Волжско-Камском регионе вместе с монголами и после них. Некоторые группы монголов могли входить в контакты с булгарами в более ранние времена. Современные татарский и башкирский языки включают определенное число слов, имеющих волжско-булгарское происхождение. Например, татарское и башкирское слово *izge* имеет значение «святой», «святейший». Слово присутствует также в казахском и в некоторых тюркских языках в значениях «хороший», «сакральный». Эта форма восходит к волжско-булгарскому **ezgi* < *ezgü*. Слово является волжско-булгарской формой старотюркского *edgü* — «хороший». Оно было скопировано также в венгерский язык, где приобрело значение «святой». Многие слова часто получают вторую жизнь. Чувашское слово *шăрпă* «рыбья кость» является копией татарского слова *širpi*, которое само было заимствовано из языка волжских булгар (*širpi*). К черемисам слово *šărpă* могло прийти или от татар, или от чувашей [Róna-Tas 2007].

Известно, что в г. Булгаре чеканились монеты монгольских ханов. Из надписей на этих монетах видно, что население Волжской Булгарии сохранило свой домонгольский язык, наследником которого является теперь язык чувашей. Но этот булгарский язык

подвергался постепенному и мощному влиянию тюрко-кыпчакского. Преобразованный язык постепенно и твердо сделался государственным. А в городах, основанных при монголах на Средней Волге (например, в Казани), татарско-кыпчакский язык стал изначальным [Бартольд 1968: 136]. По мнению Широ Хаттори, болгары приняли тюрко-татарский язык на основе своей собственной системы гласных, которая сохранилась как субстратное явление, а позднее преобразовалась в систему гласных современных татарского и башкирского языков [Хаттори 1980: 93]. Аналогично высказался Габор Берецки [Bereczki 1983: 207–236]. Притом в первое время сильнее сказалось тюркское влияние на татарский язык, позже — татарское влияние на чувашский.

Таким образом, волжские болгары (в первую очередь мусульмане), в отличие от не исламизированных чувашей, перешли на кыпчакский язык и превратились в казанских татар [Кобищанов 1996: 93].

Огромные потери в генетическом, демографическом и языковом планах понесли болгары из-за черной чумы в 1340–1350 гг. Не удержалась тогда и Золотая Орда. Именно в рамках этого десятилетия обозначается внезапный конец практики написания надгробных надписей на волжско-булгарском языке. После этих событий булгарский язык не сохранился, ибо он не был родным разговорным языком, по крайней мере, у той лингвистической общности, которая возводила бы надгробия. Так не стало священного языка религиозных и ритуальных обычаев болгар. Его место прочно занял стандартный тюркский язык [Шамильоглу 2001: 18–19; 2007: 169–175].

Отсюда можно заключить, что среди волжских болгар были племена, говорившие на языке чувашского типа, которые позже были ассимилированы кыпчаками, проникшими на эту территорию в XIII столетии. Видимо, в этом есть большая доля исторической правды. Выходит, «наследниками булгарской культуры являются казанские татары, в кыпчакском языке которых от булгарского осталась в лучшем случае пара десятков заимствований» [Напольских. Пермско-угорские]. Тогда становится очевидным тезис об идентификации языка болгар как языка исторических предков поволжских татар, а не чувашей. Аналогичного мнения придерживается Иштван Зимони. Последние лингвистические и исторические

исследования, пишет он, подтверждают, что чувашаи не происходят непосредственно от волжских булгар. Термин «булгары-тюрки» был основан на утверждении части историков, что все народы, называемые булгарами, говорили на булгаро-тюркском языке. Кроме того, в отношении волжских булгар утверждалось, что ранние булгары к северу от Черного моря и дунайские болгары на Балканах однозначно говорили на языке булгар-тюрков. Рассуждали об этом без приведения каких-либо подтверждений. Можно делать вывод о том, что волжские булгары, которые говорили на языке чувашского типа, были ассимилированы кыпчаками, переместившимися на эту территорию с XIII в. [Zimony 2014: 251, 266]. По мнению Луи Базена, булгары превратились в кыпчаков и представляют нынешних казанских татар. Он был убежден, что язык волжских булгар в основном был кыпчакизирован, их прежний язык сохранился теперь по большей части среди чувашей [Bazin 1974: 652].

Также следует соглашаться с мнением о том, что булгары (главным образом булгары-мусульмане), связанные больше с городской культурой, окончательно отатарились к концу XIV в. [Фахрутдинов 2011: 34].

Все это примерно так. Однако еще со Средних веков остается дилемма: являлись ли булгары изначально славянами или тюрками? Их тюркоязычность исследователи пытаются подтверждать через тюркоязычность гуннов, с которыми булгары якобы имеют этногенетическую связь. В то же время исследователи, опирающиеся, прежде всего, на письменные источники, не делают выводов о тюркоязычности древних булгар и не видят прямых генетических связей с гуннами. Другие исследователи, в основном лингвисты, выдвигают гипотезу о центральноазиатских корнях булгар. Они же в подтверждение своих предположений приводят дунайские эпиграфические надписи IX в. «Именник болгарских князей», а также волжские эпитафии XIII в. Приводимые языковедами признаки имеют отклики в сарагурском, оногурском, огурском, савирском и хазарском *r*-языках. Тем не менее, считает И. Г. Семёнов, первые достоверные свидетельства о появлении в Европе носителей языков этой группы не имеют никакого отношения к болгарам, а связаны с сарагурами и оногурами, в этнониме которых присутствует компонент — *огур*. И. Г. Семёнов выдвигает версию о смешанном (протославянском с иранским) языке булгар: «На начальном эта-

пе, а именно в V — середине VI в., дунайские болгары являлись протославяноязычными и, возможно, уже включали в себя группы восточноиранского населения» [Семёнов 2015: 12–13]. В таком раскладе нет ничего странного. Вспомним антов, в языке которых наряду со славянским имелись иранские элементы. Далее в двух регионах произошли метаморфозы: на Дунае в славянский язык постепенно диффузировался огурский, а в Поволжье болгарский язык был вытеснен языком общетюркского типа.

Этнография

В известном письме царя Хазарии Иосифа, в частности, читаем: «В стране, в которой я живу, жили прежде В-н-н-тр'ы. Наши предки, хазары, воевали с ними, В-н-н-тр'ы были более многочисленны, так многочисленны, как песок у моря, но не могли устоять перед хазарами» [Коковцев 1932: 92]. Об области венендеров говорится и в *Hudūd al-'ālem* [Бартольд 1930: 32]. Еще исследователи XIX в. отождествляли *в. н. н. т. р* письма Иосифа с оногурами (уногундурами), что и ныне является бесспорным. Об идентичности оногундуrow и этнонимов *Olhontor Bulkar*, *Vlentur Bulkar*, *Vunundur*, *Wuludur*, *Vumuntur*, а также мадьярского наименования балканских болгар как *Nandur/Nandor* пишет и венгерский академик [Róna-Tas 1999: 215]. «Болгары сумели подчинить кочевавших в северо-восточном Причерноморье оногуров и кутригуров, вместе с которыми и образовали Великую Булгарию... Но оногуры были лишь *одним* из племенных союзов, вошедших в Великую Булгарию... Эти осколки оногуров откочевали к Волге» [Галкина 2011: 10, 12]. Об оногурах писал и Константин Багрянородный. Так устанавливается связь между раннесредневековой письменной традицией и булгарами Кубрата и Аспаруха, объединяющая их названием *оногоундууры* [Stepanov 2016: 384]. Таким образом, в лице волжских болгар мы имеем и отпрысков оногуров.

После смерти Атилы (453 г.) входившие в гуннскую конфедерацию болгары начинают появляться в источниках под своим этнонимом чаще. Тем не менее, рассказывая о событиях второй половины V — первой половины VI в., связанных с гуннами, Иордан называл их то булгарами, то антами, то склавенами. В числе

событий 539–540 гг. Феофан рассказал о выступлении множества булгар в Иллирикии (Западные Балканы). Однако союзные Византии гепиды истребили почти всех восставших булгар. Предводителя и нескольких воинов отправили в Константинополь, провели по ипподрому на триумфальном шествии, а плененных булгар переправили в Армению и Лазику. Тут же Феофан вставил: «Во Фракии наступил прочный мир, так как гунны не осмеливались более переправляться через Дунай» [Феофан 1980: 28, 52]. Таким образом, Феофан называл булгар гуннами. Действительно, булгары (т. е. «смешавшиеся») на то время — это большой конгломерат огуров, гуннов и других элементов [Golden 2008a: 259]. Однако Бернат Мункачи справедливо считал, что военно-политическая связь между булгарами и гуннами не дает оснований отождествлять их на этническом уровне. По его мнению, булгары ни по своему происхождению, ни по языку не были гуннами, а вместе с другими кочевыми племенами Причерноморья оказались в подчинении гуннов и под воздействием их культуры [Munkácsi 1903: 67–68].

Основная часть оногулов образовала ядро протобулгар. Под 635 г. Никифор называет Куврата «государем гунно-гундулов» [Никифор 1950: 359]. В оригинале — *Οὐνογουνδοῦρον*, т. е. не гунно-гундулов, а *овноговидоверон*, упрощенно — *уногундуры*. Название *уногундуры* является вариантом наименования «оногуры» [Чичуров 1980: 107–108, 111; Moravcsik 1983: 167] (**он ог* — чуваш. *вунйăх* «десять племен»). Например, некоторые источники и историки булгар упоминают рядом с котрагами и считают, что эти племена одного происхождения [Феофан 1980: 60; Beyer 2009: 481].

Некоторые из исследователей не без основания считают одними из ранних групп булгарского союза племена утигуров [Болгов 2002: 169], т. е. утигуры стали одним из государствообразующих племен Великой Булгарии в Фанагории.

И. Г. Семёнов развивает гипотезу о протославянской этнической принадлежности булгар [Семёнов 2015: 12, 22, 25]. Как пишет этот исследователь, начиная с V в. этническая история булгар протекала в тесном политическом взаимодействии с тюркоязычными, точнее, огуриязычными племенами, мигрировавшими из Центральной Азии. К концу VI — началу VII в. относится образование в Северном Причерноморье огуриязычного уногундурского объединения. После 640 г. к нему присоединились булгары. Союз бул-

гар с унногундурами мог диктоваться как необходимость борьбы с аварами. С этого времени созданное унногундурами государство ввиду численного преобладания в нем болгар приобретает болгарский характер. Тогда же началась славянизация унногундунов. Поэтому И. Г. Семёнов предлагает считать древних болгар и огурские племена Восточной Европы изначально разными народами, у которых отсутствуют общие этногенетические корни и общая прародина. В пользу идентификации болгар с сакалибами свидетельствует и Ибн Фадлан. В своей книге он царя болгар называет *малик ас-сакалиба*. А вместо *правитель болгар* в оригинале стоит *сахиб ас-сакалиба* [Ибн Фадлан 2016: 20].

Когда болгары в Северном Причерноморье вошли в состав Тюркского каганата, их стали называть тюрками, хотя они сохранили свой язык и племенное название.

В целом есть полное основание говорить о синкретизме болгар. Этот синкретизм в них самих, а также во влиянии иранских и сасанидских традиций на искусство и архитектуру болгар. Кроме того, следует принимать во внимание этнокультурный симбиоз болгар с понтийскими сармато-аланскими племенами, чьи убеждения определенно содержат некоторые черты зороастризма, следы которого остались даже после миграции болгаро-алан на земли вдоль среднего течения Волги [Zhivkov 2015: 19].

В X в. в греческих и славянских источниках упоминаются черные болгары. Исследователи (Peter Golden, András Róna-Tas, István Zimonyi) идентифицируют их с остатками болгар в припонтийских степях и с волжскими булгарами. Также имеются сторонники идентификации карачаевцев и балкарцев с булгарами. Разбор мнений см.: [Zimonyi 2014: 264].

Примечательно и то, что Ал-Бируни (начало XI в.) Волгу именвал «Нахр ас-Сакалиба», т. е. «Славянской рекой». Все названные факты свидетельствуют, что в первой половине X в. в Волжской Булгарии довольно много было населения, называемого *сакалибы*. Восточные историки и географы раннего Средневековья этим этнонимом называли славян. Арабы познакомились со славянами в VII в., когда они были расселены в малоазийских провинциях Византии. Термин *ас-сакалиба* восходит к греческому названию славян. Известно также, что в VIII–X вв. в халифате было много славян-невольников. Для исламского мира сакалибы — это воины

славянских контингентов византийской армии, перешедшие в ходе боев в Малой Азии на сторону мусульман, а также невольники славянского происхождения, привезенные на Восток из славяно-германского региона, Чехии, русских земель, с Балкан [Мишин 2002]. Ибн Фадлан всю эту ситуацию знал хорошо и не мог вложить в термин *саклибы* иное, чем *славяне*, понятие. У Ибн Фадлана этнонимы «сакалибы» и «славяне» вполне идентичны. Читаем известные строки: «До царя хазар дошла [весть] о красоте дочери царя „славян“, так что он послал сватать ее. А он высказался против него и отказал ему. Тогда тот отправил [экспедицию] и взял ее силой... Итак, она умерла, [находясь] у него. Тогда он послал, требуя вторую его дочь. Как только это [известие] дошло до царя „славян“, он упредил [это] и выдал ее замуж за царя [князя] [племени] эскэл, который находится под его властью, боясь, что он отнимет ее у него силой, как он это сделал с ее сестрой» [Ибн-Фадлан 1956: 141].

В. В. Седов, Тадеуш Левицкий, А. П. Новосельцев, Т. М. Калинина, Д. Е. Мишин однозначно идентифицируют сакалибов и славян. Смешение их с другими этносами наблюдается в XII–XVII вв. До этого сакалибы во всех источниках — это славяне или в крайнем случае массив с преобладанием славян.

Обитание славян в Среднем Поволжье с IV в. установлено по данным археологии, что снимает все сомнения в достоверности сведений Ибн Фадлана: «Во время его пребывания на Средней Волге славяне действительно составляли массив земледельческого населения, поэтому наименование этого края „страной славян“, а хана Волжской Болгарии „царем славян“ представляется вполне оправданным» [Седов 2001: 12]. Список известных по рукописи Ахмеда Ибн Фадлана племен в Волжской Болгарии невелик. Это булгары, сувары, эскэл, башгارد (башкиры), русийа (русы), вису (весь) и баранджары как домочадцы одного дома (видимо, речь идет о большом патриархальном роде).

Кыпчакские (кимакские, йемекские) племена, жившие на южных и юго-восточных границах Болгарии, были союзниками и вассалами. Наемные отряды кыпчаков неоднократно использовались в междоусобных и внешних войнах [Измайлов 2008: 104]. Лаврентьевская летопись под 1229 г. гласит, что «половцы взбегоша из низу к болгаром перед татары» [ПСРЛ 1: 314], т. е. половцы спасались от монголо-татар, убежав к булгарам. Совершенно вер-

но комментируют данный эпизод казанские этнографы: «Вряд ли кыпчаки пришли бы к булгарам, если не надеялись на какую-то поддержку... Уже в домонгольское время началось этническое взаимодействие кыпчаков с волжскими булгарами. Об этом говорят и отдельные топонимические данные» [Исхаков, Измаилов 2000: 50]. В числе таких топонимов называются Тухчин, Собекуль, Кайбыч, Читай, Шырдан, Тарлау. На основе смешения с монголо-татарами и влияния кыпчакских племен в корне меняется традиционная культура булгар, главным образом за счет интерференций из Средней Азии, в основном из Хорезма [Егоров 2009: 155]. Поскольку монголо-татары господствовали над сильнейшими племенами и странами, то пользовались совершенным почетом. Ради почитания подчиненные им народы стали называть их татарами.

Как известно, в 1395 г. русские воеводы взяли г. Булгар, Жюкотин, Казань и Керемenchюк. Притом все названные земли летописи называют «татарскими». Иначе говоря, к этому времени понятие «булгары» уже заменяется на «татары».

Булгары, без сомнения, смешались с татарами, т. е. с монголо-татарами. С перенесением центра Булгарского государства в Казань это положение утвердилось: «С этого времени за населением Среднего Поволжья окончательно упрочилось наименование татар» [Смирнов 1948: 16]. Однако это была только смена экзоэтнонима, ибо булгары продолжали сами себя называть булгарами. Русские летописи XIV–XVI вв. продолжают называть булгар их собственным именем. Так, «Казанский летописец» под 1445 г. еще упоминает худых болгар. Перечисляя титулы российских царей, официальные документы включают и название страны Булгария. Например: «Василий III — Государь всея Руси и великий князь Владимирский и Московский, Ноугордский, Псковский, Тверский, Югорский, Пермский, Болгарский, Вяцкий и иных...». А также: «Иван Васильевич — великий князь Владимирский, Московский, Новгородский, Псковский, Тверской, Югорский, Пермский, Болгарский, Смоленский и иных земель многих, царь и государь всея Руси». Во второй половине XVII в. двойственное название (казанцы-болгары) еще сохраняется. Например, митрополит Иоасаф официально назывался митрополитом Казанским и Болгарским. «Булгар» присутствовал и в титулатуре Петра I: «Царь Московский, Киевский... Казанский... Булгарский». «Местное население, теперь называющее себя

татарами, до XIX века включительно, да и не только до XIX века, а вплоть до Октябрьской революции, называло себя булгарами. Именно простой народ претендовал на это наименование» [Раимов 1948: 145]. Эта тенденция сохраняется по сегодняшний день среди определенного слоя населения.

Как видим, вопрос о булгарской преемственности у татар имеет отчетливо положительный ответ. На совещании о происхождении казанских татар в 1946 г. А. Ю. Якубовский дал совершенно определенную формулировку: «Этническую основу казанских татар... составляют древние булгары, включившие в себя еще новые элементы, пока еще плохо обследованные и только впоследствии получившие имя татар» [Якубовский 1948: 133]. Тогда же А. П. Смирнов высказал почти аналогичную мысль. Он считал, что булгарская культура была фундаментом для создания более поздней татарской культуры [Смирнов 1948: 150]. Аналогичное мнение высказывалось и позже. Например, А. Х. Халиков рассматривал общепулгарскую народность, сформировавшуюся в домонгольское время, как этническую основу татар Среднего Поволжья и Приуралья [Халиков 1989: 117]. О булгарской основе происхождения казанских татар писали и другие исследователи, например, Р. Г. Фахрутдинов. Хотя, несомненно, следует учесть, что к XVI–XIX вв. в общественном самосознании народов Среднего Поволжья исторические связи с Волжской Булгарией почти утвари. А желание некоторых современных казанских татар вернуть себе имя *булгары* справедливо называют «изобретением традиций» [Шамильоглу 2011: 280]. Слишком большие перемены произошли в истории народов, когда-то населявших Волжскую Булгарию, время ушло. Желание вернуть казанским татарам этноним *булгары* теперь всего лишь академическое упражнение и бюрократическая процедура [Тишков 2013: XLV].

В литературе утвердилось мнение о чувашах как об этнических булгарах. Такой тезис был выдвинут еще в первой половине XVIII в. В. Н. Татищевым: «Ныне же за сущии остатки болгаров чуваша, черемиса, мордва и мокшане почестья могут» [Татищев 1964: 448].

С целью определения истины обратимся к мнениям и других исследователей. Булгары еще в Приазовье сложились в союз племен. Но савиры в этот союз не входили и обитали в степях Западно-

го Прикаспия. На Кавказе у савиров было свое объединение. Также известно, что хазары, освободившись от власти Западно-тюркского каганата, включили в свою конфедерацию и савиров. Затем хазары развернули наступление против болгар [Коковцев 1932: 92]. «Во времена Булгарского государства волжские болгары и предки чувашей, хотя генетически и были сравнительно близки друг к другу, представляли собой разные народы» [Хаттори 1980: 93].

Детальное ознакомление с этнографическими источниками позволяет утвердить тезис о том, что чувашаи не смогли произойти от болгарского племени. Даже ретроспективный, чистой воды теоретический взгляд не позволяет вывести такую схему. К тому же строки из книги Ибн Фадлана подтверждают недружелюбные отношения между суварями и булгарами. Рукопись *Hudūd al-'ālem*, составленная в конце X в. и повествующая о начале этого же века, констатирует враждебные отношения не только между булгарами и суварями, но и нахождение в состоянии войны болгар с барсула и иргиль. Об этом же пишет своих трудах Питер Голден [Golden 2008: 236]. Впрочем, говоря об этнических составляющих болгар и государства Булгария, первоисточники (Ибн Русте, Гардизи и *Hudūd al-'ālem*) один из них утверждают: один разряд из них называется *б. р.сулā (Barchūla)*, другой разряд — *ас.кл (Ishkile, Asgil)*, третий — *булгары (B.lkār)* [Заходер 1967: 28–29]. Как видим, источники суваров в подразделение болгар не включают. Это еще один довод в пользу того, что болгары и савиры (сабиры, сувары) не состояли в единой коалиции. Поэтому писать «булгары-сувары», как делают многие исследователи ([Егоров 1971: 14] и другие), а также утверждать, что древнейшие предки чувашей — савиры и болгары [Каховский 1965: 212], неверно. Они два разных народа на всем протяжении истории. Бернат Мункачи по вопросу, являются ли болгары предками чувашей, высказался весьма резонно. В этническом вопросе чувашей главное обстоятельство то, что они не называют себя булгарами, писал венгерский исследователь [Munkácsi 1903]. Действительно, нет данных, чтобы чувашаи когда-либо называли себя булгарами [Golden 1992: 397]. Несомненно, этноним *čuvaš* не свидетельствует об исторической тождественности с булгарами. Однако, учитывая все остальные обстоятельства, следует признать, что *čuvaš* — это название народа, состоявшего с булгарами в исторической связи. Как говорится, ни убавить, ни прибавить. Тем

не менее Бернат Мункачи совершил явную историческую ошибку. Он заявил, что предки чувашей находились, по всей вероятности, в подчинении у булгар и в таком качестве поменяли свой язык на болгарский. Получается курьезная неувязка. Конечно, в истории происходило не так. Хотя Бернат Мункачи и не оговаривает, какой период истории предков чувашей он имеет в виду, в любом хронологическом разрезе его взгляд о перерождении племени *čuvaš* в булгар — это неправда. Да, савиры/сувары на Кавказе и на Волге вместе с булгарами изредка входили в политические и военные конгломераты. Но никогда эти племена не смешивались до неузнаваемости, хотя в процессе формирования булгаро-татарской народности, несомненно, частично были ассимилированы и сувары.

Булгары, обитавшие у Понтийского моря, активно пользовались дарами рек и водоемов. Они много употребляли рыбу, ели ее без соли [Аноним 2002: 192]. Об изобилии рыбы в Меотиде и Керченском проливе писали еще Геродот, Страбон и Иордан.

В Волжской Булгарии были широко распространены сошники. Двухзубые сохи бытовали в Волго-Камье без конструктивных изменений до начала XX в. Появление пахотных орудий сошного типа ознаменовало становление паровой системы земледелия. По конструктивным особенностям сохи абсолютно не приспособлены для обработки степных целинных почв. Они предназначались для старопашотных земель. Значительную часть болгарского сельскохозяйственного инвентаря составляли косы и серпы. Только в Биярске и окрестностях найдено около трех десятков этих орудий [Халиков 1985: 18]. А это свидетельствует о занятии горожан сельскохозяйственным промыслом.

В Волжской Булгарии интенсивно возделывали зерновые культуры. «Они встретили нас, неся с собой хлеб, мясо, просо», — констатировал арабский писарь [Ибн-Фадлан 1956: 131]. Чаще всего источники называют пшеницу, ячмень и просо [Ибн-Даста 1869: 23–24; Рубрук 1997: 97–98]. Гардизи говорил о наличии в Булгарии хлеба, мяса, тыквы, чечевицы и бобов. В 1024 г. в Суждале (Суздале) поднялся великий мятеж и разразился голод. Аналогично голодали многие области Верхнего Поволжья. Тогда «идоше по Волзе вси людье в Болгары и привезоша жито и тако ожиша», — гласит Лаврентьевская летопись [ПСРЛ 1: 148]. То же повторяют Новгородская и Софийская летописи. Только вместо «жито» в них гово-

рится более конкретно: «Пшеницу и жито» [ПСРЛ 4, 1: 112]. При раскопках Биляра были найдены зерна проса, а в Суваре было открыто большое число зерновых ям. Получается, что горожане в известной степени также занимались земледелием [Смирнов 1951: 148]. Как видим, у болгар земледелие составляло основную отрасль хозяйства.

Тем не менее скотоводство также играло значительную роль в жизни населения [Греков 1959: 523]. Например, были выючные животные. Из мясного болгары ели конину [Заходер 1967: 31, 32], что, несомненно, связывает их с казанскими татарами.

В деревнях основу социальных отношений составляло общинное земледелие, где участки пашен и угодий находились в пользовании отдельных семей. Судя по размерам жилищ, семьи состояли из пяти — девяти человек. С учетом родственников, селившихся поблизости, общее число составлявших родственный коллектив достигало 20 человек [Руденко 2013: 28].

Однако следует заметить, что нынешние южные черноземные районы Чувашии занимали сувары. В эту зону входят Батыревский, Комсомольский, Шемуршинский и Яльчикский районы ЧР, а также северный край Ульяновской области и юго-западный уголок Республики Татарстан. Именно эти земли до сих пор дают высокий урожай зерновых. Булгары же занимали левобережные территории Волжской Булгарии. Поэтому следует уточнить, что зерновые культуры Волжской Булгарии в основном поставляли сувары.

На конец XIII — начало XIV в. у болгар не было никаких фруктовых деревьев и винограда. Причину источник объясняет сильными холодами в этих местах. Но поспевал черный редис, и вырастал он огромного размера [Абу-л-Фида' 2009: 125].

Для нового города Казани было выбрано удобное место не только с географической точки зрения, но и экономической. «Место пренарочито, и красно велми, и скотопажно, и пчелисто, и всяцами семяны родимо, и овощми преизобилно, и зверисто, и рыбно, и всякого много угодыя», — подчеркивал летописец [ПСРЛ 19: 10].

На р. Атил у болгар находилось «торжище, на котором [расположен] постоянный рынок и где продаются многие важные товары» [Ибн Фадлан 2016: 39]. Булгарское государство было преимущественно торговое. С ним вели торговлю Хазария, Русь, а также все племена, живущие по обоим берегам Атыла. В качестве

основного товара фигурировал мех: соболиный, горностаевый, беличий. С приезжих купцов взимали пошлины в виде десятой части товаров. Чеканенные привозные монеты они меняли на свое основное богатство — куний мех. Дорогие меха разного рода отправляли в южные страны, например, в Крым. Пользовались армянскими коврами. Такой ковер, например, был и в юрте у Алмуша: «Все они (живут) в юртах, с той только разницей, что юрта царя очень большая, вмещающая тысячу душ и более, усталая в большей части армянскими коврами» [Ибн-Фадлан 1956: 137]. Рассказы об армянском шелке (*эрмен пурсәнӗ*) можно было записать среди чувашей до 70-х гг. XX в. Конечно, в Булгарию шелк поставляли армяне, которые имели здесь свою колонию.

Из арабского источника XII в., характеризующего события X–XI вв., узнаем следующее. Булгарские купцы по торговым делам к своим северным соседям товары возили на санях, которые тащили собаки по сугробам. А сами «со скоростью ветра» передвигались на лыжах, изготовленных из бычьих голеней, отталкиваясь «двумя копытами» [Заходер 1967: 65].

На раскопках Булгарского городища обнаружены находки, свидетельствующие о торгово-ремесленной специализации этого района. Особый интерес представляют предметы торгового инвентаря. На площади раскопов найдены предметы, представляющие торговый инвентарь: обломки бронзовых весов, сферическая гиришка, медные чашки к весам, медные и железные гири. А такие вещи, как обломки китайских селадоновых чаш, чашки крымского производства, обломки амфор попали в Булгар в результате международной торговли. Раковины каури, конечно, привезены из Индии. Встречены также осколки ближневосточных стеклянных сосудов. Такое скопление является свидетельством международной торговли в г. Булгаре в середине XIV в. [Полубояринова 2013: 252, 255–256].

Почти с момента образования Волжская Булгария становится центром транзитной торговли. Особенно оживленные сделки шли с хазарами и русами, которые завозили на Волгу соболей, горностаев и белок [Заходер 1967: 29]. В описаниях событий 40–60-х гг. X в. г. Булгар значился небольшим, в нем не было многочисленных округов. Он был известен, прежде всего, как порт, куда причаливали купцы соседних государств. После разгрома Хазарии киевским князем Святославом в 965 г. роль Булгарии как торго-

вого центра возрастает. Налаживаются три торговых направления: с Востоком, Русью и соседями. Строятся города, развивается ремесло. В качестве товара и средства обращения широко используются меха пушных зверей, зерно, мед. Развитию торговли во многом способствовали водные пути по Волге и Оке. Благодаря им Булгария становится центром транзитной торговли. Из Булгара был проложен путь в Киев. В городе возникали фактории, где хранили товары. Здесь купцы, охрана, носильщики, гребцы, слуги, путешественники останавливались на отдых, появилась целая сфера обслуживания. «Сюда же стремились речные пираты и грабители» [Белорыбкин 2003: 78]. Все эти факторы вкупе способствовали возникновению государства.

Чеканенные дирхемы здесь ломали и отдавали русам и славянам, т. к. те продавали товары только за дирхемы [Бартольд 1973: 58]. Господствующий класс скупал у инородческого населения Среднего Поволжья и других стран плоды земледелия и ремесла, затем вывозил их в восточные государства. Например, в Хорезм вывозили меха соболиные, беличьи, горностаевые, лисьи, куньи, бобровые, заячьи, козьи. Туда также шли воск, стрелы, колпаки, рыбий клей и зубы, мед, лесные орехи, мечи, кольчуги, бараны и коровы [Ал-Мукаддаси 1939: 203]. Кстати, под рыбьими зубами имелись в виду бивни мамонта и зубы моржей, которые булгары брали у манси [Фахрутдинов 1986: 67]. С жителями же Югры (т. е. с уграми) волжские булгары имели контакты с целью торговли мехом [Zimonui 2014: 137]. В Булгарию ввозили восточные изделия, которые перепродавали северным и западным соседям. Посредничество давало прибыль торговцам [Фирсов 1866: 14]. Особо тесные торговые отношения были налажены с хазарами и русами [Ал-Бекри 1879: 63]. Именно такие традиции были характерны для татар Поволжья. Сувары, а позже и чуваш, как народ, привязавшийся к земле, также являлись покупателями товаров у булгар, а затем у татар. Поэтому еще в конце XIX в. Гайнутдин Ахмеров не без основания констатировал, что народ, ныне называемый казанскими татарами, является прямым потомком прославленных торговцев-булгар [Ахмеров 1998: 27]. Культура булгар золотоордынского времени складывалась на основе местных традиций: «Если провести сравнение культуры булгаро-татарской с культурой Казанского ханства и современных татар, то нетрудно убедиться в том, что

булгарская культура явилась основой культуры казанских татар» [Смирнов 1948: 16].

Вопреки пониманию многими арабскими источниками и исследователями понятия Булгар как города, во времена Ибн Фадлана это слово означало страну. В энциклопедии Наджиба Хамадани «Диковинки творений» Булгар описывается как «большая область». Исследователи справедливо переводят его как Land [Ковалевский 1956: 153, 161]. Есть сомнение в том, был ли г. Булгар в собственном смысле к приезду Ибн Фадлана. В источнике от 895 г. (ко времени появления на Средней Волге самых первых суваров) Булгар представлен как состоящий из деревянных и тростниковых построек [Ал-Мукаддаси 1994: 289]. По данным на XII в. в г. Суваре постройки были деревянные, в них укрывались жители зимой, а летом — в шатрах [Ал-Идриси 2006: 120]. Иначе говоря, только через более чем два века после Ибн Фадлана в Суваре появились деревянные дома и шатры. О кирпичных строениях нет и речи. «Все постройки и надписи, сохранившиеся в нем (Булгаре. — *Прим. авт.*) теперь, относятся к эпохе монгольского владычества» [Бартольд 1968: 136]. Поэтому исследователям наследия Волжской Булгарии следует помнить этот факт, а не переносить данные XIII–XV вв. на IX–XII вв. Так, в первой половине XII в. ал-Гарнати увидел полностью деревянный город Булгар. Он писал: «А Булгар тоже огромный город, весь построенный из сосны, а городская стена — из дуба... А холода зимой бывают очень сильные, настолько, что раскалывается дерево от жестокости мороза» [Ал-Гарнати 1971: 30]. Аналогичное свидетельство оставил автор XIII в., Якут: «Булгары строят свои дома только из дерева, одно бревно кладут на другое и соединяют их крепкими, тоже деревянными гвоздями» [Frähn 1832: 565]. Поэтому надо иметь в виду, что нынешние сохранившиеся каменные развалины г. Булгара — это уже остатки построек, возникших после 1236 г. и в более поздний период. По крайней мере, существующий исторический памятник «Булгарский заповедник» — это не суварское наследие. Археологические раскопки полностью подтверждают свидетельства средневековых историков. Так, согласно А. П. Смирнову, в X–XIII вв. у булгар были простые деревянные срубы или каркасные постройки, оштукатуренные глиной снаружи и изнутри. Крыша у таких домов делалась плоская. Такой тип дома, видимо, сложился одновре-

менно с появлением здесь болгар, принесших его с собой с юга, где он был широко распространен у хазар и антов. Кроме того, масса жителей еще продолжала жить в землянках [Смирнов 1951: 139].

Экспедиции А. П. Смирнова накопили материал, позволяющий представить оборону Суvara, ставшего сугубо болгарским городом после ухода суваров на правобережье Волги. Это земляные валы с дубовыми стенами в два ряда шириной 3,5–4 м, утрамбованные внутри земель, и сторожевые башни. Снаружи был ров, наполненный водой и напичканный острыми бревнами. Крепость охраняли воины с копьями, дальнобойными луками и стрелами. «Эти укрепления явились первой серьезной преградой на пути следования монгольского войска в Европу в 1236 г. Сувар, расположенный южнее остальных крупных городов Волжской Булгарии, бесспорно, одним из первых принял на себя удар неприятельской армии» [Фахрутдинов 1986: 102].

Ссылаясь на А. П. Смирнова и А. М. Ефимова, В. Д. Дмитриев также полагал, что каменное строительство в Волжской Булгарии освоили лишь в конце XIII в. [Дмитриев 2014: 101, 121]. На конец XIII — начало XIV в. в городе Булгаре имелись три бани. В первой половине XIV в. город представлял собой дома, выстроенные из соснового дерева, а стены крепости строились из дубового [Хвольсон 1869: 87]. По состоянию на 1220 г. г. Ошель также был полностью деревянным. Летописный свод свидетельствует, что в этот год войска князя Юрия Всеволодовича окружили г. Ошель. «Около града острог бе, тын дубов»; «посекоше тын»; «посекоша тын и оплоты»; «зажгоша его»; «град зажгоша», заметил летописец. «А Святослав стоя ту, дондеже згоре град, и взяша Ошель» [ПСРЛ 28: 48, 205–206; 33: 61–62]. Для сравнения: в 1437 г. г. Рязань и Коломна были укреплены не камнем, а деревянными тынами, ибо в тех местах камня было мало [Барбаро 1971: 98]. По крайней мере, до XV в. в городах региона в целом преобладали деревянные строения.

Кирпичных строений в X–XII вв. в г. Суваре было чрезвычайно мало. На территории Волжской Булгарии X–XIII вв. известно всего семь кирпичных зданий. Скорее всего, все это общественные бани, построенные по исламским традициям [Измайлов 2013: 41]. Археологи обнаружили пока единственный богатый жилой дом-дворец. По характеру (устройство фундамента, квадратный кирпич, система кладки, связывающий материал, система отопления, обломки

водопроводных труб) он напоминает среднеазиатские сооружения эпохи Исламского возрождения. Все это, а также технические приемы строительства указывают на участие в постройке кирпичных строений среднеазиатских мастеров. По состоянию на 985 г. здесь фиксируются также палатки.

Г. Биляр в XII в. был столицей Волжской Булгарии. Существовал и процветал он и в XIII в. Еще в XVIII в. на поверхности земли были видны развалины городища. В ходе раскопок здесь был собран уникальный вещевой материал. По своему характеру вещи близки к суварским находкам. Развалины кирпичных построек, сохранившиеся в Суваре и Биляре, относятся уже к XIV в. [Смирнов 1951: 138, 229].

Несмотря на оседлость и возделывание богатого урожая зерновых, булгары по-прежнему продолжали жить в традиционных кочевых юртах. Кочевой образ жизни и оседлая жизнь в Волжской Булгарии существовали бок о бок [Golden 1980: 88, 47].

В монгольский и золотоордынский периоды в Булгаре имелись деревянные наземные дома с подпольями. В это время здесь появляется новый тип жилищ — сырцовые дома с подпольной системой отопления. На раскопках чаще всего встречаются печи с каналами канов, по которым проходил горячий дым. Судя по размерам и составу находок, они принадлежали состоятельным жителям [Полубояринова 2009: 436–437]. Наличие отопительных систем в виде канов, скорее всего, говорит об элементах восточноазиатской строительной традиции [Зеленеев 2013: 24].

Наряду с деревянными строениями в Волжской Булгарии имелись и каменные постройки. Известно, что в те времена камень в качестве строительного материала использовался в Закавказье, Крыму и Хорезме. Поэтому о бане из камня в Булгаре можно утверждать, что способ постройки пришел к булгарам из Закавказья и Крыма. На это указывает и применение некоторых архитектурных форм и строительных приемов, обычных для тех мест. Должно быть, первыми строителями таких бань были армяне, у которых в Булгаре была своя колония [Смирнов 1951: 225].

Относительно истоков каменных строений в Поволжье есть и другое мнение, отличное от среднеазиатской версии. Согласно ему, переселенцы из салтово-маяцкого региона, входившего в состав Хазарии, имели собственный опыт строительства горо-

дов, крепостей и поселений. По крайней мере, они были жителями Итиля, Саркеля, Баранджара и Семендера. Все эти и другие города-крепости (всего их насчитывают 12) были построены в традициях восточных регионов Византии. Поэтому мнение об участии среднеазиатских или ближневосточных мастеров берется под сомнение. Такое предположение применимо только к первой колонной мечети арабского типа. Видимо, и они ограничились поверхностным объяснением, а строили по их чертежам из бревен местные мастера. «Строительство в сер. 2-й пол. X в. каменной части соборной мечети в Биляре и кирпичных, кирпично-каменных зданий в городах Булгарии совпадает с новой волной переселенцев из Хазарии, которые, на наш взгляд, и принесли в регион опыт массового производства сырцового и обожженного кирпича. Диапазон габаритов сырцовых и обожженных кирпичей Булгарии практически аналогичен размерному ряду кирпичей в постройках крепостей Хазарского каганата: Семикаракорской, Саркельской и др.» [Надырова 2010: 29]. Вместе с тем известно, что здания из обожженного кирпича в Хазарии строили только для каганов. Поэтому практически все каменные здания в болгарских городах, первоначально признанные за дворцы и жилища знати, теперь считают банями-хаммами. Кроме того, поволжские кирпичи по размерам отличаются от среднеазиатских.

В Волжской Булгарии в домонгольское время существовали общественные бани как простой, так и относительно сложной планировки. Оба типа продолжали иметь место в золотоордынское время. Простой тип представлен баней в Большой Тоябе и баней XIII в. в Булгаре. К сложному типу относится баня № 3 в Булгаре. В X в. здесь появляются банные сооружения с более развитой планировкой, такие как Красная и Белая палаты [Зиливинская 1989: 232].

На Донце, в низовьях Дона и на Северном Кавказе древним булгарам принадлежит характерная керамика. Это котлы с внутренними ушками на венчике для подвешивания над открытым очагом.

Булгары на остриженной голове оставляли пучок длинных волос, которые иногда заплетали в косу [Артамонов 1962: 155–156].

Ряд предметов, обнаруженных в погребениях Верхнего Чирюрта (Кизилюртовский район Дагестана), привлекает особое внимание. Например, удлиненные пуговицы-стерженьки с кубиками на концах и петель посередине для пришивания их к одежде.

Они же широко распространены в инвентаре в Нови-Пазаре (Восточная Болгария) и в Большетерханском могильнике, принадлежащим ранним булгарам на Волге [Фёдоров, Фёдоров 1978: 67, 133].

Сравнительное изучение болгарского и чувашского народного костюма приводит к выводу об общности вышивок. Например, прослеживается параллель между вышивкой на женских рубашках капанцев и нагрудной вышивкой *кёскё* на женских рубашках чувашек. Считают, что чувашский женский головной убор *хушту* и болгарский *луб* имеют общие корни [Каховский 1965а: 204–205; Денисов 1969].

В начале X в. булгары носили длинные куртки. В этом они были похожи на хазар и баджанак (печенегов) и отличались от русов, носивших короткие куртки [Аль-Балхи 1960: 277–278; Ибн Хаукал 2009: 95]. В 985 г. новгородские воеводы Владимир и Добрыня одолели Булгарию. Однако, увидев, что те носят сапоги, воздержались от претензий на дань. Иначе говоря, русские заранее знали, что такой народ не будет в угнетении. И был заключен между ними мир. Обе стороны решили: «Толи не боудеть межи нами мира, оли камень начнет в воде плавати, а хмель грязнути» [ПСРЛ 4, 1: 60; 6, 1: 71; 16: 250–251]. Золотоордынский хан Берке, помимо других дорогих одеяний, носил золотой пояс с дорогими камнями на зеленой болгарской коже [Эль-Муфаддаль 1884: 193]. Упомянутая болгарская кожа, больше известная как *булгари*, в Средние века славилась не только в Поволжье: «Есть полная уверенность в том, что татарская национальная узорная цветная обувь имеет глубокие, булгарские традиции» [Фахрутдинов 1986: 67].

Во второй половине IX — начале X в. булгары ездили верхом, носили кольчуги и имели полное вооружение. От всякого, кто женился, царь брал подать в виде верховой лошади [Ибн-Даста 1869: 24].

Оригинальной чертой погребального обряда на Танкеевском могильнике является захоронение с лицевыми покрытиями. В погребениях ранней (немусульманской) части кладбища на черепках имелись маски из тонкого листового серебра с прорезями для глаз и рта, а также рельефной выпуклостью для носа. В некоторых погребениях под масками сохранились шелковые подкладки [Халикова 1971: 81–82]. Как свидетельствуют находки в могильниках V–VI вв. у с. Лихачевки Полтавской области, булгары хоронили своих умерших родственников в берестяных гробовищах [Комар 2008:

1999]. В Волжской Булгарии умершего к месту погребения привозили на повозке. На месте его снимали с повозки и клали на землю. По его контуру очерчивали линию. Затем по этой линии копали яму, сделав в ней боковую нишу для тела [Ибн Фадлан 2016: 41].

Искусство

Несомненный интерес представляют женские захоронения Танкеевского могильника (VIII–XI вв.). Здесь на одежде погребенных зафиксированы украшения. У черепа находились височные подвески, в основном салтовского типа. Под головой (на шее) имелись остатки ожерелий из бус. В некоторых случаях бусы располагались двумя группами по обеим сторонам груди [Халикова 1971: 79].

Анализ мечетей Золотой Орды показал, что они представляли собой прямоугольные в плане здания, внутреннее пространство которых было разделено рядами колонн. Такая планировка была заимствована из Анатолии, где подобные мечети получили распространение в сельджукский период (XI–XIV вв.). Малоазийский облик имели и минареты, связанные с мечетями и, соответственно, образующие с ними единый архитектурный ансамбль. На связь с Анатолией определенно указывают также архитектурные детали, украшенные искусной резьбой. Однако, восприняв анатолийский тип мечетей в целом, золотоордынские зодчие внесли много нового в их облик. В Волжской Булгарии и в Крыму наиболее выраженным было армяно-малоазийское влияние на мемориальные памятники. Заметно присутствие элементов ширвано-апшеронской школы Азербайджана. Ярким примером отчетливо выраженного сельджукского влияния на архитектуру Золотой Орды являются бани, предназначенные для обслуживания социальных верхов. Архитектура усадебных зданий городов Золотой Орды отражает наличие двух составляющих — кочевой и оседлой [Зиливинская 2012: 30, 31, 33].

Ювелирное дело в Волжской Булгарии считается оригинальным явлением в мировой культуре. Особенно выделяются работы мастеров по золоту и серебру. Они в основном обслуживали зажиточную часть населения, прежде всего городского. Основным источником технологических заимствований и копирования форм изделий были страны Востока. Золото использовалось болгарскими

ювелирами экономно. Например, медное колечко обтягивали золотой фольгой. Украшения, выполненные из чистого золота, единичны. В качестве дополнительных вставок болгарские ювелиры использовали драгоценные и полудрагоценные камни, кораллы, янтарь, а в золотоордынский период массово — жемчуг. Янтарь часто использовался как элемент декора серебряных перстней и некоторых типов браслетов [Руденко 2015: 350].

Ювелирные изделия болгарских земель Золотой Орды оцениваются как шедевры. Прежде всего, это относится к оружию, доспехам, одежде, а также украшениям. На Средней Волге производились пояса с золотыми чашами. Матрицы для изготовления были найдены на Булгарском городище. Их датируют 1245–1250 гг. Кроме украшений, здесь встречаются бронзовые зеркала, парадные чаши, котелки и подсвечники. Большой интерес представляют серебряные и золотые перстни, серьги, браслеты. Серьги имеют устойчивую форму в виде знака вопроса. Нередко они украшены привесками из жемчуга [Руденко 2011: 250].

Особый интерес представляют изделия, найденные на раскопках Старой Казани. Здесь имеются слои с обильным материалом домонгольской и золотоордынской Булгарии и Казанского ханства. «Изделия ювелирного и в целом народно-декоративного искусства не только XV–XVI вв., но и позднейших времен (XVIII — начала XX в.) по своим художественно-техническим средствам изготовления и основным орнаментальным мотивам восходят к болгарским» [Фахрутдинов 1990: 40].

Ювелирные изделия Волжской Булгарии имели успех и вне государственных границ. Так, известен широкий экспорт серебряных предметов на Югру. Хронологически это XI–XIV вв. Например, в югорском Музее природы и человека хранится богатая коллекция серебряных изделий, изготовленных мастерами болгарской ювелирной школы [Комова, Приступа 2012]. Здесь есть подвески с калачевидным щитком, щиток для защиты руки от удара тетивы, привески, накладки поясные, бусины, браслеты, привезенные из Волжской Булгарии.

Исследователи видят преемственность украшений с веревочным орнаментом на двери в Малый минарет г. Булгара и с веревочным орнаментом на столбе ворот чувашского дома, зафиксированных в середине XX в. [Смирнов 1951: 77].

Глава 3. ТЮРКИ И МОНГОЛЫ

Этнические составляющие — признаки непостоянные. Смена культурообразующих компонентов помогает им преобразовываться, преодолевать кризисы и способствует возрождению. Пере рождаются народы в самом широком смысле. Тюрко-монгольские племена, то объединяясь, то распадаясь на орды, то вовлекая в свои воинские соединения покоренные племена, смогли завоевывать степи. Так исчезали одни народы и возникали другие.

Этнонимы

Этноним *тюрки* появился значительно позже самих древних тюркоязычных племен — в 460 г. Впервые о тюрках в китайскую имперскую канцелярию сообщили согдийские дипломаты. Поэтому есть предположение, что название установилось в согдийской форме *turky*. А согдийское множественное число могло быть *turkyt* = *turkit* или *turkid* [Немет 1976]. Это наименование вначале употреблялось небольшой (100 семейств) алтайской этнической группой. Уже в середине того же века оно преобразовывается в политический термин и становится известным почти всему населению Евразии. В VI в. оно зафиксировано в китайских и византийских источниках (кит. *тукюе*, греч. *тоўркои*). В VII в. оно появилось в уйгурском переводе китайской биографии буддийского монаха, в XI в. — на памятнике в честь Кюль-Тегина, в поэме Юсуфа Баласагунского и в словаре Махмуда Кашгарского в форме *türk*. В орхонских надписях термин имеет скорее политическое, чем этнографическое значение. Следует перевести его как «сила», «мощь» [Бартольд 1968: 579]. Возможно, в чувашском языке ему соответствует слово *тёрек* — «опора», «мощь», «сила». Те, на кого опирались монголы?

Слово *татары* впервые встречается в орхонской надписи КюльТегина в 731–732 гг. Китайцы называли татар *да-да*, *та-тань*

и *да-дань* + *p* — старомонгольский формант множественного числа [Кононов 1958: 84]. В этих же надписях упомянуты два татарских племени «тридцать татар» и «девять татар», однако этим именем называли часть монголов. Их язык отличался от тюркского [Бартольд 1968: 559]. Название *татары*, встречающееся в источниках, обозначало конкретные племена. Затем китайцы распространили его на всех монголов и немонголов, обитавших на территории современной Монголии, Западной и Южной Манчжурии [Мэн-да Бэй-лу 1975, примеч. 2]. Источники выделяют шесть татарских племен, имевших свое войско и царя. Их перечисляли в таком порядке: тутукулйут, алчи, чаган, куин, терат, баркуй. Притом племя тутукулйут считалось самым уважаемым из всех татар [Рашид-аддин 1952: 103]. В XII в. из монгольских племен выделился род татар, кочевавший у озера Буир-нур. Рядом с ними жили монгольские племена кереит и найман.

В период Юань (1280–1367 гг.) китайцы монголов в большинстве случаев называли татарами. За этим словом скрывалось значение «дикий», «грубый». Оно обозначало не только кочевников из татарских родов, но и всех монголов. В истории Юаньской династии «Юань ши» (конец XIII в.) выражение «татарское государство» означало «монгольское государство», т. е. тогдашнюю Монголию с центром в Каракоруме [Далай 1983: 52]. «В Улусе Джучи, выделившемся из Великого Монгольского государства, вместо понятия „монголы“, „монголо-татары“ постепенно укрепился термин „татары“, ставший, в конце концов, этнонимом» [Исхаков 2016: 436].

Согласно Николаасу Витсену, западные тартары называли восточных тартар общим именем *мугалы* или *мюгалы* [Витсен 2010: 3–4]. Выходит, этноним *монголы* из всех татарских племен сначала получили восточные татары. Вскоре многочисленное монгольское племя татар приобрело известность, и даже другие монгольские племена перед иноземцами стали называть себя славным именем татар. Под этим именем монголы стали известны сначала в Азии, а потом и в Европе. Отсюда становится ясно, что первоначальное название «татары» не имеет ничего общего с современным этнонимом, тем более с этнонимом казанских татар. «Это название возникло не по языку — во всяком случае, в историческом аспекте... Это название можно толковать как странствующее, переносное и чужое» [Дерфер 1986: 81].

Согласно болгаро-татарской теории происхождения казанских татар, наряду с этнонимом «татары» бытовал синоним «булгары-татары». Название «татары» в Казанском крае привилось только в период капиталистического развития, утверждал Р. М. Раимов. Молодая интеллигенция добивалась «воспитания в своем народе националистического воинствующего духа, связывала происхождение народа с чингизидами, завоевателями» [Раимов 1948: 145].

В источниках XII–XIII вв. имеется сокращенная форма *мэн-да*, объединившая два этнонима — *мон(голо)-та(тары)*. Так называли китайцы полчища, тревожившие северные границы Китая.

Как видим, этнические имена или этнонимы в силу политических причин часто становятся политическими названиями, которые фактически могут рассматриваться как псевдоэтнонимы. В этих случаях первоначальные значения этнических имен размываются, т. к. племена в основном уже выражают принадлежность к политической организации независимо от этнического происхождения. Такие нетюркские этнические группы, как венгры в IX в. и монголы в XIII в., назывались тюрками и относились к тюркской группе. Этнонимы «тюрки» и «монголы», первоначально относившиеся к небольшой общине, позднее из-за крупномасштабных завоеваний были широко распространены на этнически не тюркское и не монгольское население. Поэтому современные исследователи предлагают отличать этот тип этнонимов от реальных этнонимов и предупреждают, что надо быть крайне осторожными в использовании этих терминов в качестве показателей этнической принадлежности [Vásáry 2016: 537]. Поэтому, с одной стороны, одни и те же племенные группы могут появиться под разными именами ввиду эфемерного характера кочевых конфедераций, с другой — различные племена и этнические группы могут быть помечены под тем же этническим названием.

В VIII в. в Монголии на памятниках в честь Кюль-Тегина и Тоньюкука зафиксирован этноним *огуз*. В орхонских надписях хан обращается к своему народу, называя его «токуз-огузами» или просто «огузами». Отсюда можно заключить, что *огуз* обозначало *тюрков-тукю*, но употреблялось и в более широком смысле в качестве синонима слова *тюрк* [Бартольд 1968: 271]. «Исходной основой собирательного этнического имени *огуз* является *об (ok)* „род“, „племя“ (чуваш. *йăх*. — Прим. авт.) (а не „стрела“,

как у Лигети), которое, в свою очередь, находится в прямой связи со старотюркским словом *ög* „мать“; к этой же основе восходят слова *обул* „потомство“, „сын“ и *обуш* „сородич“ ... Слово *обуз* первоначально могло значить просто „племена“, „объединение племен“, которое впоследствии превратилось в этническое имя с собирательным значением, получившим в известных случаях определение как необходимый детерминатив: *токуз обуз* „девять [разных] племен“, *уч обуз* „три [разных] племени“» [Кононов 1958: 84]. На енисейских памятниках форма *огуз* не встречается, вместо него мы имеем *окуз*, что в свою очередь усиливает версию изначального *ок* в значении «племя». *Oğur* является отражением общетюркского термина *oğuz*, первоначально обозначавшим «сходные, родственные группы»; «группу в составе сходных племен»; «союз племен» [Golden 2011: 30; 2008a: 258]. В более поздние времена этот термин принял значение этнонима: *oğuz*, *üç oğuz* «три огуза», *sekiz oğuz* «восемь огузов», *toquz oğuz* «девять огузов». Это отражено в китайских источниках, которые представляют этноним *toquz oğuz* как *jiu xing* — «девять семей/кланов».

Что касается этнонима *башкиры*, то у него две основные тюркские этимологии: *баш* + *корт* — «главный волк» и «хозяин пчел». А. П. Ковалевский склонялся ко второй версии, ибо по-башкирски «волк» все-таки не *корт*, а *буре*, констатировал он [Ковалевский 2015: 41]. В «Сокровенном сказании монголов» башкирский этноним сохранился в форме *баджигум* (*bağigit*), где *t* в конце слова — признак множественного числа, а *u* между *ğ* и *g* в монгольском языке присутствовало во избежание скопления согласных [Zimonyi 2014: 147].

Этноним «кыпчаки» в источниках и литературе встречается в форме *Qıççaq/Qibçaq/Qırçaq*, имеются также варианты *Qanlı* и *Cıtan* «бледный», «палевый», «светловолосый».

Однако у некоторых современных тюркских народов, несмотря на сугубо тюркское звучание, этнонимы совсем не тюркские. Так, еще Плиний в I в. в своем труде «Естественная история» зафиксировал племя *карастасеев*, обитавших от берегов Меотиды (Азовского моря) до Ставропольской возвышенности. Исследователи идентифицируют их с современными карачаевцами, издревле обитавшими в этих же местах. Этот этноним в виде к. *p.ɹ(ч).p* и к. *p.ɹ(ч).pe* бытовал в регионе и в VI–X вв. [Каракетов 2014: 29]. Конечно,

ни о каком тюркском влиянии на образование этнонима *карачаевцы* (несмотря на заманчивое тюрк. *кара* — «черный») речь не может идти.

История

На территорию к западу от Урала первые тюрки прибывают во второй половине V в. С этого времени начинается отсчет венгерско-тюркских контактов [Рона-Таш 2011: 134].

Согласно источникам (Феофан, Никифор, Себеос, Каланкатуаци), наиболее крупное военно-политическое образование Прикаспийского Дагестана — «страна гуннов» (т. е. савиров) — начиная с VI в. и до 30-х гг. VII в. (т. е. до образования Хазарского каганата) находилось в формальной зависимости от Западно-тюркского каганата. Отсюда тюрки нападали на закавказские провинции Ирана (Дербент, Кавказская Албания, Иверия), а в 629 г. они вторглись в Армению и разбили ее войска. В этих событиях принимали участие и племена, входившие в «страну гуннов» [Гмыря 2012: 3], т. е. савиры. Под эгидой тюркютов страна Сувар-Жидан и местные племена ускоренно консолидировались, а племенная верхушка превращалась в феодальную знать. Владетели Суvara носили титул эльтеберов. Однако зависимость была минимальной. Западно-тюркских каганов и савирских вождей объединяли лишь военные интересы: общая ненависть к Ирану и желание поживиться за счет подвластного Ирану населения Закавказья. Савиры предпринимали военные походы по собственному почину, вступали в союзные отношения с соседями, нисколько не заботясь об интересах тюркского кагана. Например, в 576 г. хан Турксанф порвал с константинопольским двором, а правитель Суvara направил посольство ко двору византийского императора. К тому же в 581–593 гг. каганат потрясли междоусобица и династические распри. Тем не менее в ходе ирано-византийских войн 623–628 гг. савиры встали на сторону тюркютов. Как видим, если кочевые хазарские племена оказались в непосредственном кругу подданных тюркского каганата, то оседлые савиры были связаны с каганатом лишь общими интересами обороны и нападения [Фёдоров, Фёдоров 1978: 197–198; Фёдоров-Гусейнов 2000: 158–159].

В начале VII в. нависает серьезная арабская угроза над Кавказом. Тюркуты предпринимают ряд мер для защиты. В конце 630-х гг. они занимают Дербент и другие окрестные оборонительные сооружения. При этом на ключевых позициях сохраняются иранские и савирские гарнизоны. Для усиления обороны в 32 г. х. (652–653 гг.) тюркуты заключают союз с хазарами. Такие превентивные меры приносят успех [Аликберов 2010: 56]. В ходе кровопролитных боев, сообщает Ибн ал-Асир, был убит арабский полководец Абд ар-Рахман.

В конце VIII в. к западу от р. Иртыш и на Южном Урале появляются кыпчаки [Golden 2014: 183].

Как известно из истории, в 1117 г. булгарами был коварно отравлен половецкий хан Аепа и другие половецкие князья. А в 1164 г. владимирский князь Андрей Боголюбский, внук князя Владимира и сын дочери хана Аепы, жестоко отомстил булгарам (взял г. Бряхимов, сжег три города, а множество булгар иссек).

В авангарде монгольского нашествия в Европу были кыпчаки и кыпчакизированные племена Дешт-и-Кыпчака. Летом 1219 г. в своей ставке на Иртыше Чингисхан принял дипломатическую миссию союза семи башкирских племен во главе с Муйтен-бием. Следствием явилось проникновение на территорию Южного Урала и дальнейшее развитие таких крупных родоплеменных подразделений, как катый, кыпчак, мин и табын. Однако о быстром и легком подчинении башкирских племен говорить не приходится. Например, в 1224 г. произошло столкновение башкир с возвращающимися после битвы на Калке монголами. Монах Юлиан, сам побывавший в «стране венгров» (т. е. Башкирии), пересказывал слова очевидцев о том, что татары не могли победить «венгров» в войне, наоборот, в первой битве были побеждены ими. А во время пребывания Юлиана в «Великой Венгрии» татары стояли в пяти днях пути оттуда. Территории, расположенные восточнее (их Юлиан называл Баскардией), летом 1236 г. уже были подчинены монголо-татарам [Аннинский 1940: 81, 92].

Марко Поло дал характеристику структуры монголо-татарских войск: «Когда татарский царь идет на войну, берет он с собою сто тысяч верховых и устраивает такой порядок: ставит он старшину над десятью человеками, другого — над сотнею, иного — над десятью тысячами; сносится он только с десятью чело-

веками, а старшина над десятью тысячами сносится также с десятью человеками, кто над тысячью поставлен, также с десятью, кто над сотнею, также с десятью. Так-то, как вы слышали, всякий отвечает своему старшине» [Поло 1997: 237]. В походах у них хорошо была поставлена разведка. При первом столкновении в бою стрелы у них не летят, а как бы ливнем льются. На мечях и копьях они сражались менее искусно [Аннинский 1940: 87]. В бою применяли тактику «отступления — наступления». «Убегать от врага не стыдятся, убегая, поворачиваются и стреляют», — писал Марко Поло. Таким образом, изрядно побив врага, они поворачивают назад, бьются храбро и побеждают врага. Те же тактические хитрости отмечал и Плано Карпини: «Если они видят, что не могут их победить, то отступают вспять к своим; и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали их до тех мест, где они устроили засаду; и, если их враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают» [Карпини 1997: 56]. Такая манера ведения боя очень напоминает тактику хуннских войск.

В 633 г. х. (1235–1236 гг.) Угэдэй-хан посылает Бату, Куюка, Менгу и других полководцев для завоевания Булгара, Руси, башкуртов, черкесов и других народов [Абуль-Гази 1906: 122]. Монголы, завоевавшие огромную территорию от Дальнего Востока до Передней Азии, не извлекли из своих походов никаких выгод. Более того, они в большинстве вернулись к себе в Монголию. «Оставшиеся в завоеванных странах монголы быстро утратили свою национальность» [Бартольд 1928: 17]. После смерти Чингисхана сыновья поделили завоеванные земли, и вскоре монголо-татарское единство распалось. В литературе установилось мнение, что основной стратегической целью монголов являлись унификация и военная мобилизация степных номадов. На пути монголов кыпчаки были наиболее многочисленными степными племенами, сохранившими независимость. Согласно подсчетам историков, в восточноевропейских степях кочевали орды кыпчаков общей численностью до 500–600 тысяч человек [Измайлов, Исхаков 2006: 656]. «Следовательно, покорение кыпчаков, а не завоевание Руси было главной целью западной кампании, начавшейся в 1236 году» [Олсен 2008: 360]. Что касается движения ойратов со второй половины XIV в., то это явление мало имеет отношение к теме.

В 1243 г. территория Волжской Булгарии была включена в состав Золотой Орды. Бывшие земли Волжской Булгарии стали главной житницей Орды. А восстановленный г. Булгар стал второй столицей Орды и летней резиденцией ханов. В Булгаре с 1251 до 1330-х гг. чеканились золотоордынские монеты.

Согласно Лахутинской степенной книге, после смерти Батыея (1255 г.) его преемником стал ордынский царь Саин. Первым делом Саин на самом краю российской земли, на стыке с Болгарией на Волге, у устья р. Камы, поставил град. «Место зело нарочито, и рыбно, и на всяку потребу угодно, яко не обретется такого во всей Российской земли», — писал летописец [Лахутинская 2012: 241]. Раньше на этом месте стояла болгарская столица Бряхов, опустошенная и одичавшая после разорения князем А. Ю. Боголюбским (1164 г.). «И от сего царя Саина прежде зачася Казань, и словяше юрт Саинов», — констатирует летопись.

В 1445 г. образовалось Казанское царство. Начало новому ханству положил Махмутек — сын бывшего хана Золотой Орды Улу-Мухаммеда. Он убил казанского вотчика князя Али-бека и овладел городом [Вельяминов-Зернов 1863: 3–6]. С возникновением Казанского царства были переняты основные формы правления в Золотой Орде. Оба государственных образования занимали основную территорию бывшей Волжской Булгарии. В целом в этногенезе татарского народа ключевым явился период Золотой Орды, когда произошло становление его основных этнополитических особенностей [Исхаков, Измайлов 2001: 64]. «В том и другом преобладает татарский элемент в булгаро-магометанских формах» [Фирсов 1866: 11].

В 1469 г. состоялась битва между воинами князя Иоанна Васильевича и царя Обреима около Казани. А в 1487 г. Казань была взята и был поставлен туда царем промосковский Махмет-Аминь Избрегимович [Лахутинская 2012: 388, 421].

В начале XVI в. Казанское царство могло выставить войско в 30 000 человек, преимущественно пехотинцев. Черемисы и чувашы (Czubashi, Zuwaschi), входившие в число этих воинов, являлись весьма искусными стрелками [Герберштейн 1988: 170]. В 1551 г. Казань была покорена, «к царю и великому князю приложися половина земли Казанския» [Лахутинская 2012: 499].

География

Территорией обитания древнетюркских племен в начале V в. исследователи считают Южный Алтай. Поэтому «попытки некоторых авторов найти тюрков в Восточной Европе и Закавказье в древности не более чем научный курьез» [Новосельцев 1990: 93].

В VI в. тюрки из Азии двинулись на запад. Они преследовали аваров. В 70-х гг. VI в. тюркские племена остановились в причерноморских степях [Кызласов 1997: 24, 28–29]. Как видим, до конца VI в. пути савирских и тюркских племен не пересекались. Поэтому их возможный первый контакт состоялся в конце VI в. в восточной части Северного Кавказа. С этого времени в понто-каспийских степях стали доминировать огурские племена [Golden 2008a: 258].

Кыпчаки в VIII в. обитали на Иртыше [Golden 2014: 183]. По состоянию на 30-е гг. XIV в. земли, контролируемые ими, в длину простирались от Стамбульского моря (т. е. пролива) до р. Иртыш, а в ширину — от Булгара до Железных ворот [Эломари 1884: 239]. Согласно другому источнику, кыпчаки обитали между р. Доном, Волгой и Яиком [Абуль-Гази 1906: 34].

Приход башкир (или племен, их составлявших) из Сибири подтверждается и названием двух притоков верхнего Иртыша — *Оло Башкорт* и *Кесе Башкорт* «Большая и Малая Башкурка». Анализ карт X в. и более раннего периода также указывает на размещение башкирских племен в этих местах. Карта Кашгари, по мнению И. И. Умнякова, отражает расселение племен не в XI в., а в более раннее время. На карте вблизи Итиля отмечены булгары, сувары и другие племена, а башкиры не обозначены. Они значатся в междуречье верховьев р. Иртыш и Или. По берегам р. Или указаны племена йагма, тухси, джикили, а в непосредственной близости от них — степи башкир [Кузеев 2010: 134]. Все основные источники свидетельствуют в пользу того, что предки башкирского народа к X в. занимали примерно те же земли, что и теперь. Такое же представление создалось и у В. В. Бартольда: «Башгурты или башкиры всегда жили гораздо западнее Иртыша: Ибн-Фадлан еще в X в. проезжал через их страну на пути в страну болгар (волжских), следовательно, башкиры жили приблизительно там же, где живут теперь» [Бартольд 1928: 12]. Источник середины XIII в. свидетельствует, что р. Ягак (Яик) течет с севера из земли паскатири, а на западе

их страна соприкасается с Великой Булгарией [Рубрук 1997: 120]. На востоке башкирские кочевья доходили до притоков р. Тобол. Зауральские башкиры-айлинцы и другие родоплеменные группы вместе с женами и детьми еще в первой половине XVIII в. проводили там зимовки [Шитова 2002: 49].

Морфологические признаки курганов эпохи Золотой Орды свидетельствуют о прохождении западной границы полиэтнического кыпчакского кочевого объединения по Волге [Иванов 2013: 80]. Выходит, в XIII–XIV вв. правобережье Волги еще не подвергалось кыпчакизации. Поэтому есть повод говорить о том, что в язык суваро-чувашей кыпчакские элементы пришли через язык соседних булгаро-татар.

В первой половине XV в. в Среднем Поволжье было два улуса — Булгарский и Казанский — во главе со своими самостоятельными правителями [Загидуллин 2015: 20].

К середине XVI в. чувашское население составляло значительную часть Поволжья. У них были свои князья. Согласно шежере, в Арском округе по состоянию на 1552 г. правил князь Чуваш бек (*Чуваш/Чуаш бек*) [Әхмәтжанов 1995: 12, 26].

В XVII в. происходит интенсивное освоение Дикого поля, т. е. пустующих земель юга современной Чувашской Республики, Ульяновской и Самарской областей и юго-западной части Республики Татарстан. В том числе в названную зону переселяются татары Казанского уезда и Закамья. К примеру, боярин и воевода Казани Д. А. Борятинский (1689–1694 гг.) дает официальное разрешение на пользование землями, в том числе на сенные покосы в районе р. Кинели, Черемшан и Сок, где жили чувашаи, черемисы и мордва, жителю д. Табор Кадырмаметке Илмаметеву [Мельников 1859: 97–102].

Об освоении Дикого поля говорят и другие факты. Например, после взятия Казани Московией предки современных мишарей переселились в эти места. К ним же примкнули мишари из Спасского уезда Нижегородской губернии. Ныне с. Шихирданы Батыревского района большое и полностью населено мишарями. В наши дни мишари расселены в основном в Ульяновской, Пензенской, Саратовской, Самарской, Тамбовской областях, а также в Татарской и Мордовской Республиках. Больше всего и компактно они проживают в Нижегородской области и в окрестностях Уфы.

Следует учесть, что некоторые тюркизированные народы жили на современных землях издревле, например карачаевцы и балкарцы. Комплекс источников позволяет утверждать об автохтонных истоках карачаево-балкарской этнической общности, уходящих своими корнями в древнекавказскую историю [Каракетов 2014: 25].

Геногеография

Для тюркоязычных этносов Кавказа наиболее мажорными оказались следующие гаплогруппы: R1a1a-M198 в среднем встречается с частотой 24%, G2a-P15–16%, R1b-M343–14%. Для географически близких тюрков Западного Кавказа (карачаевцев и балкарцев) мажорными оказались гаплогруппы R1a1a-M198 и G2a-P15 [Схалыхо и др. 2013: 34]. При этом следует учитывать, что современные тюрки в генетическом и в языковом отношении далеко не одно и то же.

Карачаевцы и балкарцы, несмотря на их принадлежность к тюркской ветви алтайской языковой семьи, не демонстрируют выраженных отличий от других популяций Кавказа. А это подтверждает гипотезу лингвистического сдвига в данных популяциях без существенного влияния на генофонд суперстрата. Выводы генетиков, основанные на детальной характеристике генетической структуры популяций Кавказа, однозначны: основу генетического пула карачаевцев и балкарцев, как и других народов Кавказа, составляет местный автохтонный субстрат [Кутуев, Хуснутдинова 2011: 86,172–173]. По этой причине карачаевцы и балкарцы являются яркими представителями западно-евразийских линий. Сравнительный анализ данных ряда европейских и азиатских популяций показал, что кабардинцы и балкарцы на графике находятся рядом с такими европейскими популяциями, как кумыки, поляки и северные европейцы [Боготова 2009: 8]. Иначе говоря, генетические признаки не позволяют относить карачаевцев и балкарцев к исконным тюркским племенам.

Гаплогруппа O-M175, достигающая высоких значений у народов Океании (до 80%), бурят (46%) и эвенков (38%), на Кавказе представлена в популяциях караногайцев (5,3%), кубанских ногайцев (3,5%) и кумыков (1,4%) [Кутуев и др. 2010: 21, 22]. Это потому, что этническую основу ногайцев составили монгольские племена

мангыты, прибывшие на Кавказ из понто-каспийских степей в конце XVIII — начале XIX в. Кубанские ногайцы и караногайцы сохранили так называемые чингисхановские модальные гаплогруппы [Yunusbayev et al. 2012]. Так как исторический ногайский хан, имевший мощную власть в конце XIII в. во всей Золотой Орде, действительно был праправнуком Чингисхана, такое совпадение является интригующим фактом.

В целом распределение частот гаплогрупп митохондриальной ДНК в субпопуляциях башкир обнаруживает настолько большой для одного этноса размах вариаций по этому важному показателю, что приближает одни группы башкир к азиатским, другие — к восточноевропейским популяциям [Лейбова (Суворова) 2011: 368]. Среди волго-уральских народов у башкир выявлена самая высокая частота восточно-евразийских линий мтДНК. В популяции башкир резко возрастает частота (42%) и уровень генетического разнообразия «монголоидных» линий мтДНК по сравнению с их ближайшими соседями — татарами (12%), а также чувашами (9%).

На сегодня имеются генетические портреты северо-восточных башкир. Две трети их генофонда составляет гаплогруппа R1a-M198 (67%), а также гаплогруппы G2a-P16, R1b-M269 и N1c1-M178 с частотами 8–10%. Из всех северо-восточных башкир табыны представляют наиболее крупное родовое объединение. Общим предком является Майкы-бий. В их генофонде преобладает гаплогруппа R1a (61%). «В генофонде табынцев также фиксируются „переднеазиатские“ (J2a-M172, G2a-P303) и „средиземноморские“ (E1b-M35, I2a-P37.2) по происхождению гаплогруппы» [Юсупов и др. 2016: 20]. Неожиданной получилась картина по клану упей. В этнографической литературе они ассоциируются с угро-самодийскими племенами. Но в их генофонде превалирует гаплогруппа G2a-P16, характерная для народов Центрального Кавказа.

Что касается кыпчаков, то их общей генетической линией является субклад R1b-M73. Он обнаружен у ряда современных народов: у казахов, каракалпаков, части башкир, а также у тубаларов, тобольских и иртышских татар, томских тюрков, тувинцев, монголов, некоторых марийцев, поволжских татар, турок, ногайцев, черкесов, кабардинцев и у некоторой части украинцев [Волков 2016: 298–299]. Данные генетиков практически совпадают с выводами историков, археологов и этнографов.

Еще одним исключением являются калмыки, заселившие современную территорию проживания около трех столетий назад. Судя по частоте восточно-евразийских линий в этой популяции, можно говорить о том, что калмыки практически не подвергались ассимиляции соседними народами [Хуснутдинова, Кутуев 2007: 800].

Антропология

Одной из важных характеристик тюркоязычных карачаевцев и балкарцев, объясняющей низкое содержание в их генетическом пуле восточно-евразийского компонента, является принадлежность к кавкасионскому типу. Данный тип сложился на основании местных кавказских антропологических типов, причем без малейшей примеси монголоидного компонента. Наибольшее сходство они имеют с абхазами, черкесами, кабардинцами, абазинами. В то же время одонтологические выборки показали их принадлежность к южному грациальному типу. Что касается их аланизации и тюркизации, то она не сопровождалась сменой населения и нарушением генетической преемственности. За исключением небольших особенностей (в частности, присутствия аланского компонента в одонтологии), карачаевцы и балкарцы не выделяются на общекавказском фоне. Г.Л. Хить называет карачаевцев и балкарцев народами-близнецами. Дерматоглифические показатели объединяют их в один кластер с основными грузинскими субэтниками, а также с греками Кавказа, грузинами, кумыками и армянами. Главный вывод антропологов: карачаевцы и балкарцы имеют аборигенное происхождение [Хуснутдинова и др. 2012: 752; Герасимова 2013: 52, 62; Хить 2015: 160].

В «Полном описании монголо-татар» татары (т.е. монголы) представлены в большинстве случаев не очень высокими показателями. Среди них не было полных и толстых. «Лица у них широкие и скулы большие. Глаза без верхних ресниц. Борода весьма редкая» [Мэн-да Бэй-лу 1975: 49]. По состоянию на 20-е гг. XIII в. прикаспийские татары чаще всего люди среднего роста, с широкой грудью. Лица у них широкие, нос плоский, цвет кожи темный [Меховский 1936: 60]. У монголов, достигших Армении в XIII в., говорится в источнике, борода не росла, у некоторых было несколько

волосков на подбородке, глаза узкие [Киракос 1976: 172]. Внук Чингисхана Хубилай (1215–1294 гг.) был «не мал и не велик, среднего роста; толст в меру и сложен хорошо; лицом бел и как роза румян; глаза черные, славные, и нос хорош, как следует» [Поло 1997: 249]. По наблюдениям Платона Карпини (1246 г.), у монголов расстояние между глазами и между щеками шире, чем у других людей: «Щеки же очень выдаются от скул; нос у них плоский и небольшой; глаза маленькие, и ресницы приподняты до бровей... Росту почти все невысокого. Борода у всех почти вырастает очень маленькая... Ноги у них также небольшие» [Карпини 1997: 33]. Хан Золотой Орды Берке (1257–1266 гг.) в свои 56 лет выглядел так: «Жидкая борода; большое лицо желтого цвета; волосы зачесаны за оба уха» [Эль-Муфаддаль 1884: 193].

Когда татаро-монголы завладели кыпчаками, то кыпчаки сделались их подданными. Тогда татаро-монголы смешались и породнились с кыпчаками. Брачные отношения и природные условия взяли вверх над татаро-монголами, и «все они стали, точно кыпчаки, как будто они одного (с ними) рода» [Эломари 1884: 235]. Западные кыпчаки носили название *куманы*, производное от *куны* — «бледные», «болезненные», «желтые». Именно так называли их соседи. Например, русские звали их *половцами* (от др.-рус. *половь* — «светло-желтый»).

«Монголоидный компонент южносибирского облика у татарского населения является следствием оседания на территории Волжско-Камской Булгарии кыпчакских военных дружин из Золотой Орды» [Трофимова 1948: 60]. Основные краниологические показатели татар следует считать средними. Их черепа отличаются среднелинной и среднеширокой коробкой, наклон лба и лицевой скелет также средние. Основой формирования антропологического состава поволжских татар является европеоидный тип с понтийскими соматологическими данными. На него наслои́лся низколицый монголоидный компонент. А брахикранию золотоордынской серии можно считать аргументом против генетического родства казанских татар с населением Золотой Орды. В целом основной европеоидный тип в составе казанских татар был принесен булгарами, а примесь высоколицего монголоидного типа связана с кыпчаками, населением Золотой Орды и другими кочевыми племенами первой половины II тысячелетия н. э. Татароязычное население Волго-

Уральского региона в дерматоглифическом отношении характеризуется как метисная европеоидно-монголоидная популяция. Европеоидный компонент, обнаруженный в составе всех выборок, представлен двумя вариантами. Один имеет северное происхождение (видимо, субстратный). Второй, южноевропеоидный, отчетливо обнаруживается в северо-западной и северо-восточной окраинах Республики Татарстан. Согласно данным краниологии, он прослеживается на этой территории не ранее второй половины I тыс. н. э. в связи с появлением раннебулгарских племен. Монголоидный компонент в составе большинства татарских популяций связан с появлением на этой территории племен сибирского происхождения [Макеева 2015: 154].

Проверка особенностей в распределении групп крови в Чувашской Республике в 1926 г. была проведена Г. И. Петровым и Г. Д. Селивановым. Затем по этим данным свои соображения высказал Б. Н. Вишневский. Оказалось, что у чувашского населения в обследованных Чебоксарской и Цивильской волостях III группа крови преобладала над II. У соседних русских эти показатели оказались противоположными, т. е. у них II группа крови преобладала над III. Но более любопытной оказалась сравнительная таблица с другими народами. Так, у чувашей Цивильского уезда III группа крови составила 36,4%, в Чебоксарском уезде — 33,7%, а калмыков — 40,6%. Таким образом, чуваша, по сравнению с русскими, характеризуются типом распределения групп крови, свойственным монголоидам. А мишари Шихирданской волости по распределению групп крови отличаются как от чувашей, так и от русских [Вишневский 1929: 231, 238–240]. Насколько применим такой подход в современной науке — этот вопрос дискуссионный. Однако с фактами приходится считаться. Пока ясно одно: чуваша (по крайней мере, в указанных волостях) по показателям групп крови ближе к монголоидам, чем русские. Естественно, это результат исторических контактов с XIII в.

В 1960-е гг. М. С. Акимова впервые выработала типологическую характеристику антропологических вариантов, распространенных среди башкир. Опираясь на соматологический материал, она выделила четыре антропологических типа: понтийский, южно-сибирский, светлый европеоидный и субуральский. Краниология и физический тип башкир говорят о древности расогенетических

корней башкир в регионе [Юсупов 2009: 60], что позволяет признать предков башкир автохтонами и древнейшими насельниками Южного Урала. А это исключает предметный разговор о связи с исконным тюрко-монгольским миром в плане происхождения башкирского народа. Как утверждают антропологи, период монгольского нашествия на территории Башкортостана не сопровождался массовым проникновением и последующим биологическим смешением пришлых кыпчаков с местным населением. Башкиры продолжали сохранять комплекс признаков, в котором преобладают европеоидные черты населения лесостепной и степной зон конца I тыс. н. э. Видимо, писал Р. М. Юсупов, основы расового типа башкир сформировались к XIII в. [Юсупов 2002: 36, 40]. Более того, сравнительные антропологические данные видны, как говорится, и невооруженным глазом. Так, в начале XX в. П. П. Инфантьев побывал в поселении Полушаим, что на Конде. В пауле из трех семейств жили коренные мансийцы, не подверженные влиянию других народов. Домохозяин, у кого остановились члены экспедиции, был живой, крепкий и высокий старик: «По узким маленьким глазкам, широкому рту и бронзовому цвету лица его можно было принять скорее за башкира» [Инфантьев 2003: 11–12]. Тем не менее монголоидные признаки башкир налицо. Например, монголоидные особенности пальцевых узоров у башкир являются в регионе наиболее выраженными [Шпак и др. 2015: 162]. Массовые краниологические показатели обнаруживают несомненную их близость с поволжскими народами, а не с восточными и юго-восточными соседями [Акимова 1968: 97].

Исследователи единодушно сходятся во мнении о том, что башкиры представляют собой метисную популяцию, занимающую промежуточное положение между народами Восточной Европы и Сибири. К западу от Урала башкиры сближаются лишь с чувашами. В целом мужская выборка башкир по краниологическим признакам обнаруживает близость с представителями уральской и южносибирской рас. А женский краниологический материал, в противоположность мужскому, сближается с данными по финно- и тюркоязычным народам Волго-Камья. Максимально близкими к башкирам по строению лицевого скелета и мозговой коробки оказались чуваш и финны [Лейбова (Суворова) 2011: 367, 368].

Археология

Кыпчакско-половецкая принадлежность немногочисленных погребений XII — начала XIII в. в степях Урало-Поволжья определяется такими признаками, как подбой и восточная ориентация. Наиболее представительными являются курганы золотоордынского времени (XIII–XIV вв.), насчитывающие почти 600 комплексов. Делятся они по типу на две группы: земляные и с использованием камня. Все это свидетельствует о доминировании кыпчаков на этнической карте Урало-Поволжья в XIII — XIV вв. [Иванов 2013: 87, 92, 94].

Раскопки могильников кочевников второй половины XIV в. на бывшей территории Булгарского улуса Золотой Орды проводились в основном у г. Булгара и рядом с г. Джукетау. Большая часть памятников расположена по периметру Куйбышевского водохранилища. Подавляющее большинство этих кладбищ принадлежит населению с традиционными (древними) верованиями. Захоронения по обряду, близкому к мусульманскому, составляют не более 13%. Все они принадлежат единому этнокультурному комплексу кыпчакского населения. Но следует отметить интеграцию кыпчаков с местным населением. По крайней мере, процесс мусульманизации выражен слабо [Руденко 2013б: 189, 209].

Многие села поволжских татар еще к концу XIX в. имели по два-три кладбища. Те, которые называют «старыми кладбищами», относятся к доисламскому времени. Отличительными признаками являются вещи, находимые в могилах, ибо мусульмане не кладут вещи.

Религия

В VIII–X вв. в Восточной Европе происходит резкое изменение религиозной ситуации. Хазары принимают иудаизм, болгары — ислам, русские — православие. Однако говорить о древних корнях ислама среди тюркских племен не приходится. Считается, что первым тюркским правителем, принявшим ислам как государственную религию, стал Абд ал-Карим Сатук Бугра-хан (901–955 гг.), основавший Караханидскую державу в Средней Азии. Именно

после него исламизация тюрков принимает не только массовый, но и стремительный характер. У большинства тюркских народов мира теперь цементирующим, этнообъединяющим фактором (как на уровне общества, так и семьи) является религия.

К XI–XIII вв. христианство сохраняется в западной части Восточной Европы, ислам представлен в Волго-Камье, а древняя религия — в Куманской степи. Источник начала XIII в. констатировал, что башкиры (*басджирты*) — безбожники [Ибн Са'ид 2009: 34]. Однако Ибн Фадлан еще в начале X в. заметил, что в его посольстве служил башкир, уже принявший ислам [Ибн-Фадлан 1956: 130]. Иначе говоря, башкиры ни в X, ни в XIII в. в основном еще не были исламизированы. Такое утверждение можно было распространить на подавляющее большинство населения Поволжья.

С приходом монголов начинается конкуренция между православием и исламом за влияние на кочевников и оседлое население, ведущих старинный образ жизни.

Бату, сын Туши и внук Чингисхана, получил престол из рук Чингисхана (1208–1246 гг.). «Под его власть подпали все земли племен Туркестана (начиная) от Хорезма, булгар, буртасов и саклабов до пределов Рума» [Ал-Джувзджани 1941: 15]. Бату был человеком справедливым и другом мусульман, пишет источник. При нем мусульмане вели привольный образ жизни. В лагере и на землях у подчиненных племен были построены мечети, в них имелись имамы и муэдзины. Знающие люди говорили, что сам Бату тайне сделался мусульманином, но не показывал этого. Похоронили его по монгольскому обычаю (устройство большой ниши под землей, обеспечение дорогими вещами, сопровождение близкими людьми, сокрытие места захоронения путем прогона лошадей на месте могилы). В описаниях Плано Карпини от 1246 г. монголо-татары в ставке Бату-хана представлены еще почти классическими приверженцами своих древних традиций. Они имели антропоморфные куклы из войлока, которых помещали с обеих сторон дверей ставки. В их представлениях такие фигуры охраняли стада, обеспечивали обилие молока и приплод скота. Другие фигурки делали из шелка и весьма их почитали. Помещали их на прекрасно оформленных повозках перед входом в ставку. На изготовление таких кукол собирались все пожилые хозяйки, закалывали овцу и сжигали кости. Больным людям над их ложем прикрепляли

такие же куклы. Своим божествам монголо-татары приносили молоко, а также часть своих кушаний. А при возвращении с охоты им посвящали сердце зверя. Они также поклонялись солнцу, луне, огню, воде и земле. Глубоко верили в продолжение жизни в ином мире [Карпини 1997: 35–36].

Имеется описание Гильома де Рубрука крымских татар в 1253 г. Их традиции были во многом схожи с религиозным поведением татар в целом. Отмечается, что дом делится на мужскую и женскую части. Мужская часть находилась на северной стороне. Хозяин сидел на своей постели лицом к югу. Над головами у них были прибиты войлочные куклы: у мужчин — в виде кобыл, у женщин — в виде коров. Назывались они сторожами дома. Всякий раз перед питьем обрызгивали напитком эти изображения [Рубрук 1997: 93].

Берке-хан — сын Джучи (Туши), внук Чингисхана, вступил на престол Северного царства в 652 г. х. (1254–1255 гг.). Еще при рождении отец его сказал: «Этого сына я делаю мусульманином, добудьте ему мусульманскую кормилицу, чтобы она его пуповину обрезала по-мусульмански и чтобы он пил мусульманское молоко, ибо этот сын мой будет мусульманином» [Ал-Джузджани 1941: 16]. Был выбран и имам для обучения его Корану. Потом совершили над ним обряд обрезания. А по достижении возмужалости в его войско передали всех мусульман из стана отца (из земель саксинских, булџарских и саклабских). Выросши, он посетил Бухару и встретился с мусульманскими святыми и учеными. Затем отправил доверенных людей к халифу, был облачен в почетные одежды, присланные халифом. Согласно мамлюкским источникам, проблемы с Хулагу вынуждают его развязать войну и поднять ислам до уровня государственной религии. С этой целью он меняет своих администраторов на хорезмских. Следует учесть, что и сам Берке по материнской линии происходит из Хорезмшахов [Фаверо-Думенжу 2011: 112]. В его стане была установлена пятничная молитва. Каждый всадник в его войске имел молитвенный коврик и совершал намаз. Воины не пили вина, при них находились ученые и толкователи Корана. В его дворце происходили диспуты относительно шариата. Так Берке стал первым ханом, официально принявшим ислам. Это было поворотным пунктом в распространении ислама среди номадов Восточной Европы. Он сам «сделался мусульманином и заставил принять ислам татар, находящихся в его

государстве» [Бейбарс 1884: 121]. Он также выступил против неверного Хулаку и нанес ему поражение. На защиту мусульманской религии встали и татары северных областей. «Он воздвиг маяк веры и установил обряды мусульманские, оказывал почет правоведам, приблизил их к себе, держал их вблизи от себя, сдружился с ними и построил в пределах своего государства мечети и школы» [Эннувейри 1884: 151]. За ним последовало и большинство его народа. Его жена Джиджек-хатун также сделалась мусульманкой. Она построила себе мечеть из шатров и возила с собой. В 661 г. х. (1262–1263 гг.) Берке-хан известил царя стран египетских и сирийских, что Аллах благодетельствовал его исламом. Султан поздравил его и отправил весьма дорогие подарки (священное писание, ковры для молитвы, одежды левантские, мечи, булавы золоченые). Берке-хан создал в землях Дештских лучшие условия для развития ислама. Он пригласил к себе ученых и шейхов со всех краев, раздал им богатые подарки [Ибн-Араб Шах 1884: 461].

После Берке в 665 г. х. (1266–1267 гг.) на престол в Сарае вступил сын его брата — Менгу-Темир. Его также поздравил сам султан. Заодно султан намекнул, что было бы хорошо выступить против неверного Абаги, сына Хулаку. На сторону мусульманской религии встал и хан Ногай со своим народом. Султан поспешил написать Ногаю признание и призвал его возбудить священную войну против неверующих. К Менгу-Темиру перешло господство над северными, тюркскими, кыпчакскими странами, а также над Железными воротами.

После Менгу-Темира в 681 г. х. (1282–1283 гг.) вступил на престол Тудан-Менгу. Он также отправил посольство к султану с известием о принятии ислама. Султан известил о своей радости [Эннувейри 1884: 152–153; Бейбарс 1884: 121–122].

При поддержке сторонников ислама в 1313 г. воцарился Узбек-хан. В 720 г. х. (1320–1321 гг.) он сам принял ислам и казнил глав ордынской аристократии, не пожелавших принять новую религию. Он декларировал положение о религии. Ислам стал религией большинства кыпчаков. Суфии и купцы-прозелиты Средней Волги и Средней Азии получили покровительство чингизидской администрации на государственном уровне. Так ислам стал мощным идеологическим оружием кочевников, обращенных в новую веру, против своих же сородичей и соседей, оставшихся в стороне от ми-

ровой религии [Голден 2008: 329, 333]. Но после падения Золотой Орды ислам смог удержаться только на Средней Волге и в Крыму.

Еще в 30–50-х гг. XV в. большинство татар оставалось при своих дедовских традициях: они также возили антропоморфные куклы на своих телегах, придерживались культа некоторых животных [Барбаро 1976: 159]. На окраинах мусульманского мира появление прозелитов относится к началу XIX в. Например, до начала XIX в. большинство барабинских татар соблюдали древние обряды и верования [Радлов 1989: 115].

Образование Золотой Орды, а затем и Казанского ханства возродило города. Вместе с городами возродилось и магометанство. Оно объединило татар — бывших болгар — жителей городов Волжской Булгарии. Как считают исследователи, в период Казанского ханства болгары-мусульмане полностью окупчакнулись, этноним *болгар* начинает заменяться термином *татары*. В XV–XVI вв. жившие на территории Казанского ханства марийцы, удмурты и чувашаи подвергались влиянию ислама. По данным на вторую половину XVIII в. многие чувашаи по обыкновению татар брили головы, были охотниками до конины, а некоторые свиней не держали [Миллер 1791: 11,22]. Сельской массе, жившей по родовым традициям, приходилось туго. Были поглощены целые поколения нетатарского люда. Принятие ислама для них всегда означало ассимиляцию в татарской этнической среде. В период Казанского ханства среди чувашей были распространены новые административные порядки. Церемонии ханского двора чувашаи переносили на свои божества, которых они стали представлять в виде важного хана и разных чиновников, окружающих, сопровождающих и прислуживающих ему. Например, *Тәвам ыра* «Божество, заседающее в диване»; *Хум кәрекесә* «Кравчий хана»; *Тәвам сүртекен* «Божество, ведающее делами дивана»; *Мән турра алак ұсакан* «Отворяющий двери жилища» и т. д. Эти явления явно отражают торжественную обстановку ханского двора. Празднование пятницы, перенятое из ислама, также сохранялось среди чувашей долго.

Процесс исламизации среди чувашей шел интенсивным путем. При этом следы исконного прошлого проявлялись весьма скудно. Так, в документе от 1673 г. говорится, что в д. Ачей Зюрейской дороги ясачные татары похоронили «мертвых чувашу 3 человека» [Исхаков 1998: 90]. Конечно, уже из контекста видно, что и сами

участники похоронной процессии были вчерашними чувашами, недавно принявшими ислам и превратившимися в татар.

Исследователи похоронно-поминальной обрядности чувашей обращают внимание на эпизод под названием «Мост для покойного». Речь идет о символическом мостике между деревней и кладбищем. Его следует перейти душе умершего родственника. Исследователи сравнивают мостик с авестийским мостом-разделителем. Однако совершенно такой же мост имеет место в исламе. Называется он *сират* [Али-заде 2007: 297], расположен над огненной преисподней. Такой мост тоньше волоса и острее лезвия меча. Как правило, вступающие на него праведные души пройдут в рай, а грешные упадут в ад.

С точки зрения средневековых чувашей и чувашей Нового и Новейшего времен, тюрки символизируют исламскую культуру. Начиная с XIV в. ислам стал государственной религией на огромной территории, завоеванной монголами. Крымское, Казанское, Астраханское, Казачье, Узбекское ханства стали сугубо мусульманскими. Парадокс истории в том, что завоевателями земель стали монголы, а религия на этих землях утвердилась исламская. В это непростое время часть предков чувашей сумела сохранить свои традиционные обряды и верования. Однако неизученность системы традиционных обрядов и верований предков современных чувашей стала причиной обращения к древнетюркской мифологии с целью удревнения истории булгар и савиров/суваров. Например, вместо того чтобы тщательно изучать божество *Џәр амйш*, исследователи прибегали к «чувашизации» образа *Умай*.

Начиная с середины XVIII в. Церковь в Поволжье начинает свою наступательную миссионерскую деятельность. Татарское духовенство в ответ начинает «усиленно насаждать в народе исламистские обычаи и бытовые формы, чтобы этим резче отделить татар от соседей, особенно от русских, изолировать татарскую массу и сохранить свое преимущественное влияние на нее» [Воробьев 1948: 76].

Исламизацию чувашей можно проиллюстрировать на истории ряда деревень. Для примера возьмем д. Артемьевку Оренбургской области. У этого населенного пункта имеется и татарское название — *Булантамак*. Артемьевка окружена татарскими деревнями. Чувашей этой деревни с татарами связывали тесные экономиче-

ские отношения. Как и везде, жители Артемьевки никогда серьезно не занимались торговлей и ремесленничеством. Их занятием было земледелие. В то же время они пользовались услугами татар: портных, валяльщиков, сапожников, красильщиков, мелких торговцев, пастухов. Малоземельные чуваши брали у татар в аренду землю. Все это позволяло татарам лезть чувашам в душу: вести повседневную пропаганду с целью превращения своих соседей в ислам. При этом использовался назидательный тон, не оставляющий места возражениям. Татары всячески унижали православие и древнюю веру чувашей. Первые сдвиги в сознании чувашей в пользу ислама в Артемьевке начали происходить в 80-х гг. XIX в. [Иванов 1907: 697–700]. А после царского указа от 1905 г. о религиозной реформе чувашаи этой и других местностей начинают повально уходить в ислам. Сначала они сдают свою веру, потом начинают одеваться как татары, затем начинают говорить по-татарски. Все эти сдвиги благополучно подкрепляются строительством мечетей и обучением в школах на татарском языке.

Тема особенно хорошо иллюстрируется на примере Буинского и Симбирского уездов. Многие чувашаи этих местностей не только перешли в ислам, но *de facto* стали татарами. В их числе д. Буинка, Сиушево, Чепкасы, Ильметево, Чакилдым, Дуваново, Шаймурзино и с. Трехбалтаево. Д. Буинка отатарилась совсем, а остальные — частично или наполовину. Бывали случаи, что чувашаи в таких населенных пунктах возбуждали ходатайство об отделении от татар в свое общество в административном и земельном отношениях [Прокопьев 1905: 142–143]. Однако все эти старания не воплощались в жизнь.

Об исламизации чувашей и ее роли в трансформации этничности чувашей имеется целый ряд публикаций. Активно работают в этом направлении Е. А. Ягафова, Т. В. Семёнова и Дурмыш Арык. В частности, они считают, что татары, под чьим влиянием находились и находятся чувашаи, понуждают чувашей идентифицировать себя с татарами. К тому же в письменных источниках мусульманизированных чувашей определяли как татар. Чувашаи, придерживающиеся своих традиций, также подпадали под влияние исламской культуры. Это влияние можно увидеть в их обрядах, религиозной практике и терминологии. В ряде селений Урало-Поволжья исламизация завершилась полной ассимиляцией чувашей и привела

к появлению целой группы *янга мусулмэнлар* «новых мусульман») с татарским языком и новым этническим самосознанием [Arik 2007: 37–54; Ягафова 2007; Семёнова 2015].

Что касается башкир, то они придерживались своих старинных традиций дольше, чем татары. На конец XVII в., например, имеется такое наблюдение: верования их большей частью древние, хотя часть склоняется к магометанству [Идес, Бранд 1967: 277]. Ислам и восточное влияние среди татарского и башкирского населения долгое время развивались в целом в среде городского населения, интеллигенции и зажиточных крестьян. В сельской местности еще сохранялись древние молитвенные рощи.

Среди башкир зафиксировано огромное количество примеров, имеющих прямое совпадение с народными обрядами, мифологическими персонажами и другими традиционными предметами и представлениями чувашей [Хисамитдинова 2010; Салмин 2016]. Например, персонажи *Ай — Уйӑх* «Луна»; *Алып — Улап* «Исполин»; *Бисура — Пичура* «Кикимора»; *Ел — Ҫил* «Ветер»; *Елмауз — Йӗлмевӗс* «Вампир», *Эйӑ — Ийе* «Хозяин бани». Из области представлений о времени можно привести *ахыр заман — ахӑр саман* «светопредставление», «конец света». Мифологическое дерево *байтирек* (букв. «богатое дерево», точнее, «тополь») отразилось в чувашском названии д. *Патирек*. Из женских украшений: *дәүәт — тевет* «перевязь, украшенная монетами»). Также имеются одинаковые заимствования из персидской (*Аждаһа — Аҫтахә*; «змея Аждаха») и арабской (*Кирәмәт — Киремет* «Чудо») мифологий.

Особую нишу в религиозности народов Среднего Поволжья занимают татары-кряшены. Сохранению этнических верований у кряшен способствовали исторические реалии складывания этой общности. С одной стороны, официальное принятие православия способствовало прерыванию у них процесса дальнейшей исламизации. С другой, отсутствие последовательной христианско-просветительной деятельности привело к тому, что кряшены восприняли лишь внешние стороны православия. Благодаря этим факторам отмечается определенная консервация религиозных представлений. Татары-кряшены продолжали соблюдать обряды, связанные с почитанием природных стихий, небесных тел, деревьев и животных, чтить лечебную и вредоносную магию. Примерами могут служить добывание нового огня, почитание воды, система знахарства

и т. д. [Исхаков 2014: 66–67]. У татар-кряшен и чувашей, соблюдающих традиционные обряды и верования, много общего. Некоторые фразы из молитв и заговоров татар-кряшен и чувашей совпадают буквально. Например: *Чирем-чорым китсен — Чир-чёр кайтър* «Пусть болезнь уходит». Имеет место полное совпадение названий обрядов и божеств, а также содержания и смысла (*Шыйлык — Шилёк; Корман — Учук; Шүрәле — Арсури*; почитание четверга в связи с поминанием предков; *мочаур — мучавър*). Поэтому сопоставительное изучение религиозности татар-кряшен и обрядов и верований чувашей имеет огромное научно-практическое значение.

По сей день в составе молькеевской группы имеется небольшое число так называемых некрещеных кряшен (20 дворов в с. Старом Тябердине), предки которых придерживаются древних обрядов и верований [Севастьянов 2010: 21]. Система верований некрещеных кряшен и крещеных татар, сохранивших старинные порядки, в целом перекликается с системой обрядов и верований чувашей, что, в свою очередь, свидетельствует об общих традициях булгарской и суварской культур.

Религиозная жизнь мусульманского мира Симбирской и Казанской губерний имеет специфические черты. Специфичность выражается, прежде всего, в толерантности, взаимном уважении этнических культур, а также во взаимопроникновении. Все эти положительные стороны религий (как официальных, так и этнических) в Поволжье возникают еще в Средневековье. Беда в том, что они мало, плохо или вовсе не раскрыты. Следует отметить, что уход чувашей в ислам, в частности, проходил под знаком протеста против насильственного крещения. Верно и утверждение, согласно которому чувашаи правобережья также не остались вне влияния мусульманства. «Но в общей религиозной структуре чувашей данного региона мусульманское влияние носило лишь поверхностный характер, оно не изменило коренной сущности их ранних представлений и культа. Такой тип религиозного синкретизма можно условно назвать „языческо-мусульманским“, где домусульманский элемент оставался господствующим» [Кудряшов 1974: 65].

Как видим, начиная с X в., особенно — с XIII в., влияние ислама на чувашей велико. Оно имеет и положительные аспекты. Исламизация позволила чувашам сохранить островки населенных

пунктов, придерживающихся и ныне своей исконной религии, а не раствориться в православии. Это было спасением и временным прибежищем. Но это был бытовой ислам. При первой же возможности чуваши, «принявшие» ислам, возвращались к своим традициям. Например, жители д. Байбахтино Буинского уезда в годы реакции после 1905 г. вынуждены были для вида перейти в ислам. «Как наступила революция в России, байбахтинцы оставили магометанство и вновь объявились чувашами-язычниками, каковыми являются по настоящее время», — писал в 30-х годах XX в. исследователь К.В. Элле [ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1453: 14]. То же самое можно сказать о чувашах Самарской и Ульяновской областей и Татарстана.

Язык

Местом существования тюркского праязыка считается широкая территория между Ордосом и южным Саяно-Алтаем. А временем такого состояния языка считается конец I тыс. до н. э. — первые века н. э. Именно там и тогда пратюркский язык отделился от монгольской и тунгусо-маньчжурской языковых семей [Дыбо 2007: 199–200]. Еще во времена бытования старотюркского языка (Ancient Turkic), считает Андраш Рона-Таш, носители древнечувашского языка отошли далеко от других тюрков. Тюркские языки лингвисты делят на две основные группы: это огурские и огузские языки. Все они, кроме чувашского, имеют маркер множественности *-лар*. Должно быть, обобщение произошло позже, потому что старотюркский язык имел и другие формы множественного числа. Это видно из таких примеров, как *oġul* «сын» > *oġlan* «сыновья», *är* «мужчина» > *ärän* «мужчины», а также *be(n)* «я» > *biz* «мы» [Róna-Tas 2007]. У чувашей плюральным суффиксом является *-сам/-сем*, а в башкирском языке — *-тар/-тәр*, *-дар/-дәр*, *-зар/-зәр*.

Полагают, что огурский/булгарский язык представляет предыдущую форму архаического тюркского, и только потом произошла серия фонетических изменений (т. е. *z > r*, **lš/*lč > l*). Возможно, это произошло в I–III вв. Рудименты этого праязыка сохранились на сегодняшний день у чувашей [Golden 2011: 30]. Однако не все орхонские надписи принадлежали тюркским пле-

менам. Особенно это касается татар. И это несмотря на то, что перед их именем ставятся тюркские числительные типа *отуз* «тридцать» и *токуз* «девять». Вильгельм Томсен справедливо считал, что эти татары были монголами [Thomsen 1924: 174]. С ним вполне соглашался В. В. Бартольд [Бартольд 1968: 580]. В ту эпоху степи Восточной Европы населяли такие ираноговорящие кочевники, как скифы, сарматы и аланы. С VI в. здесь стали набирать силу тюркские элементы.

На основе аналитического изучения проявления ротацизма и ламбдаизма в огурской группе языков и в чувашском языке Андраш Рона-Таш констатирует, что чувашеговорящие люди/группы (Chuvash speaking people/groups) пришли из Южной Сибири. Например, в рунической надписи на памятнике *Kejilig ħobu* присутствует название племени *Kümül bodun*, вождем которого был *Kümül üge*. Этот предводитель стал *üge* в 30-летнем возрасте (*otuz yašimga*) и умер на 70-м году жизни (*yetmiş yašimga*). Текст, без сомнения, написан на общем старотюркском языке, но в слове *kümül* «серебро») имеет место ламбдаизм (ср. чуваш. *кёмёл* и общетюрк. *kümüš*). Примечательно, что эти «серебряные люди» говорили на языке чувашского типа, а к VIII–IX вв. от них сохранилось данное название. «Серебряные люди» (*kümül bodun*) упоминаются также в надписи *Kizil Ćira* и в китайских источниках. Такие лингвистические свидетельства показывают, что древние чувашеговорящие группы в Южной Сибири разделились, их основная часть ушла в Европу, но часть осталась в Азии и позже была ассимилирована живущими там тюрками [Róna-Tas 2007]. В енисейской надписи *Кюмюль Оге* — мужское (воинское) имя; его обладатель называет *кюмюлей* «мой народ». Видимо, они состояли из множества родов, ибо *Кюмюль Оге* называет свой народ также «сто кюмюлей» [Айдын 2011: 7–8].

Основные изменения в языке и культуре Восточной Европы произошли в Средние века. В XII–XV столетиях степная зона заполнилась тюркоговорящими племенами. Монгольская правящая элита не адаптировалась среди куманов и быстро тюркизировалась. Западное название монголов — татары — в XIV столетии обозначало людей, говоривших по-кыпчакски [Zimonyi 2007]. Самым важным источником на кыпчакском языке является Codex Cumanicus, составленный в XIV в. в полевых условиях. Язык основных

преемников куманского (западнокыпчакского) языка — волжских татар — в фонетическом отношении до сегодняшнего дня почти не изменился.

Ряд исследователей, желая придать предкам чувашей древнетюркский субстрат, активно ищет аргументы. Поводов всегда оказывалось предостаточно, ибо термин *татары* был собирательным понятием. Даже в конце XVII в. Николаас Витсен и другие источники именуют чувашей (наряду со всеми финно-угорскими народами) тартарами: «Недалеко от Казани живет малочисленный тартарский народ... Этот народ называют чувашами» [Витсен 2010а: 906]. Однако тартары в данном контексте не более чем инородцы.

Не находя достаточных доказательств наличия тюркского субстрата у предков чувашей, исследователи прибегают к савирогуннским связям. Однако и здесь отсутствуют ранние факты, свидетельствующие о тюркизме: «Встречающиеся поныне в литературе ошибочные мнения о более ранней датировке этого явления чаще всего основаны на желательных предположениях, а не на твердых фактах, установленных наукой. Не все еще, к сожалению, осведомлены и убеждены в том, что гунны, как и северо-кавказские племена, не владели тюркской речью, но дело обстоит именно так» [Кызласов 1997: 27–28]. Известно, что Тюркский каганат создан правителями из рода Ашина. Его основатели — Бумын и Истеми. Это середина VI в. В 567 г. Истеми посылает Михаила Согдийца в Византию с целью установления дипломатических связей. Маршрут посольства пролегал по Средней Азии и Кавказу. При возвращении Михаила сопровождал византийский посол Земархос (Зимарх, Земарх) [Ртвеладзе 2015: 357–363]. Естественно, дипломатия не могла обойтись без письменности. Поэтому предполагается, что с этой целью был создан рунический алфавит. В этой связи выдвигается гипотеза о том, что тюрками был использован иранский алфавит, а к нему добавлены несколько греческих букв для обозначения гласных переднего ряда [Клосон 1986: 138–139, 143]. В 576 г. тюркские войска разгромили византийцев на берегу Босфора и обосновались в Крыму и на Северном Кавказе.

Самый авторитетный «Древнетюркский словарь» содержит лексику VII–XIII вв. Возьмем из этого словаря с первой же страницы самое заветное слово — *aba* — в значениях «мать», «отец», «прародитель» [Наделяев и др. 1969: 1]. *Aba* в значении «мать»

взято из словаря Махмуда Кашгарского. *Aba* как «отец» вошло в тюркский язык из тибетских языков и зафиксировано также Махмудом Кашгарским. *Aba* в значении «прародитель», «предок» пришло из арабского языка. Время фиксации всех аспектов слова *aba* — XI в. Есть это слово в верховом диалекте чувашского языка в форме *anai* (в произношении *abaj*) и означает «моя мать», «моя теща», «старшая сестра моего мужа», «бабушка по отцу». Появилось оно у чувашей не раньше XIII в. В том же значении в языке имеются слова *атте* «отец», *анне* «мать», *хуняма* «теща», *асанне* «бабушка», букв. «старшая мать» и т. д. Да и сейчас *ana* бытует лишь в северо-западной части Чувашской Республики. Производным является *abuŋqa* «старик». У чувашей *унӑшка* «муж», «старик» восходит к тому же *aba* «отец». Есть это слово в горномарийском наречии в форме *овышка* «вдовец». Пришло оно туда через чувашский язык [Егоров 1964: 275]. Примеры можно продолжить перечислять, например, арабское слово *adam* «человек», «мужчина», также причисленное в список древнетюркской лексики. Из персидского языка данное слово вошло во многие кавказские языки (чам., лак., лезг., таб., цах., рут., буд., чам., уд., хин., аг., чеч., анд., кар., багв., ботл., год., цез., бежт., гунз., гин., дарг., дигор.) и приняло формы *hadam*, *adam*, *ädäm*, *ädämi*, *adaw*, *adamina*, *itim*, *adami*, *admi*, *idemi*, *edemi*, *idimi* [Климов, Халилов 2003: 40–41, 52; Таказов 2015: 131]. В чувашский язык слово *этем* пришло через персидское посредство [Дыбо 2015: 419] → горномарийское *эдем*. Таких примеров сотни. Поэтому говорить, что древнетюркская лексика — это и есть древнечувашский лексический фонд, весьма опрометчиво. Да и сам «Древнетюркский словарь» — это сводный словарь языка средневековых, а не древних тюркских наречий. В то же время в нем есть ряд слов, определить происхождение, хронологию и локус которых практически невозможно. Возьмем, к примеру, *er* в значениях «мужчина», «муж», «супруг». Зафиксировано это слово в орхоно-енисейской надписи в 732 г. [Наделяев и др. 1969: 175]. Слово встречается во всех тюркских и монгольских, а также в шумерском и чувашском языках в формах *ap*, *är*, *er*, *ur*, *ere* [Егоров 1964: 30; Räsänen 1969: 46a]. Скорее всего, это слово арийское. Даже слово *тимёр* «железо», воспринимаемое теперь как исконно тюркское, восходит к китайскому *tiet-mür* [Федотов 1996a: 232]. Отсюда появилось имя *Тэмуджин* «кузнец». А сам

Чингисхан, безграмотный, не знал ни одного языка, кроме родного монгольского.

Слов персидского происхождения, вошедших в чувашский язык через тюркское посредство, много. Чувашское слово *пахча* «огород» восходит к персидскому *bag* «сад», «виноградник». В северном диалекте чувашского языка сохранилась более ранняя (персидская) форма в виде *пахулми* «садовое яблоко», в отличие от *çёр улми* «картофель». Персидское «сад», «огород» зафиксировалось в кавказских языках: груз., мегр. *bay-i*; абх. *a-bahča*; уб., лезг., буд., уд. *baḡça*; бацб. *baqč*. Считается, что в современных кавказских языках слово получило распространение через тюрков [Климов, Халилов 2003: 157]. Что касается названия д. *Бахтиярово*, то оно персидского происхождения (*Бахтияр* — мужское имя), но, видимо, вошло в чувашский язык через тюркское посредство, ибо имя популярно среди тюркоязычных народов. Чувашское слово *тёмен* в значениях «мир», «множество» является среднеиранским заимствованием. Источник — перс. *tūmān* «десять тысяч». В тюркских языках числительное явно связано с названием воинского подразделения [Дыбо 2007: 119, 126].

Густав Рамстедт в своей работе о месте чувашского языка в семье урало-алтайских языков указывал, что ламбдаизм и ротацизм в тунгусском, монгольском и чувашском языках — явление дотюркское [Ramstedt 1922: 32]. Он возводил тюркские и чувашский языки к западохуннской и южнохуннской ветвям языков, что, конечно, неоднозначно и требует уточнений в свете последних достижений в области исследования истории гунно-савирских взаимоотношений. Н. Н. Поппе и В. В. Бартольд утверждали, что чувашский язык сложился в тот период, когда еще не установились характерные черты языков тюркской группы. В. В. Бартольд также считал, что тюркско-чувашская противоположность в виде фонетического перехода *p > з* и *л > ш* произошла, возможно, около начала эры [Бартольд 1968: 198, 579]. Но первые контакты носителей чувашского и тюркского языков следует отнести не ранее, чем ко второй половине VI в., когда передовые отряды тюркских племен встретили в Европе савиров. Есть ряд других фундаментальных закономерностей, свидетельствующих о чувашском языке как о дотюркском явлении. Например, это намогильные надписи Волжской Булгарии, в которых хорошо отражаются

типичные для чувашского языка *p*- и *л*-диалекты в противоположность *з*- и *ш*-диалектам тюркских языков. Здесь имеем слова *тухур* «девять», *саккар* «восемь», *вутур* «тридцать», *хир* «девушка», *арня кун* «пятница», *биалем* «пятый». Эти слова в других тюркских языках звучат как *тугыз*, *секиз*, *кыз*, *атна кон*, *бишенче*. Сюда же следует отнести примеры типа *şaltır* — *jıldız* «звезда», «планета». В целом тюркскому звуку *z* соответствует не только чувашский, но и монгольский *r*. Рассуждая о такой фонетической ситуации, Андраш Рона-Таш задается вопросом: «Что помешало бытованию оппозиции *r*: *z*, *š*: *l*?» Венгерский лингвист предполагает влияние такого субстратного языка, в котором оппозиции *r*: *z*, *š*: *l* не существовало. Таким субстратным языком он считает прамонгольский [Róna-Tas 1970: 209–228]. Если такая гипотеза верна, то это дополнительный плюс в пользу *саваров/савиров/суваров* как нетюркского племени. Однако следует помнить существенный нюанс. Как мы знаем, одной из традиционных и активно дебатруемых проблем алтаистики является вопрос о соответствии между общетюркскими *z* и *r* в болгарской (чувашской) ветви тюркских языков, а также в монгольских и тунгусо-маньчжурских языках. Однако сами же алтаисты признают, что тезис о контактировании предков чувашей «в Сибири с монголами — предположение, не подкрепленное историческими свидетельствами» [Васильев, Хелимский 1987: 76], не более.

Имеет место различие местоимений первого и второго лица единственного числа в тюркских и чувашском языках. Например, в первом лице единственного числа в тюркских языках имеет место *мен*, а в чувашском языке номинативом является *эӹ*. Говоря о местоимениях в чувашском языке, Н. Н. Поппе заметил, что они стоят как-то особняком и не могут быть прямо сопоставляемы с общетюркскими местоимениями. Некоторые местоимения в чувашском языке стоят совершенно одиноко. А это лишний раз доказывает, что тюркские языки гораздо ближе друг к другу, чем к чувашскому языку. По мнению Н. Н. Поппе, чувашский язык обособился еще до формирования пратюркского языка [Поппе 1927: 61, 64].

В. В. Радлов в работе «Phonetik der Nördlichen Türkischen Sprachen», в частности, писал о переходе гласных звуков *y*, *u*, *a* в *a* в тюркизмах. Первый период — это переход *ы* (*y*) в *a* (например, *хырам* →

qaryn). На этом этапе слова заимствовались в очень искаженной форме. Второй период: *y (u) → a*. Чуваши заимствовали столько тюркских слов в этот период, что постепенно стали правильно выговаривать тюркские звуки. Тем не менее они имеют искаженный вид. В третий период чувашское *a* начинает соответствовать тюркскому *a*. Таким образом, произношение звуков чувашами и тюрками становится вполне общим. Поэтому чувашаи начинают тюркские слова выговаривать относительно верно: *кажăк, кашкăр, капкăн, пазар* [Radloff 1882: 90]. Академик писал, что впечатления, которые сложились у него в ходе изучения отношения чувашского языка к тюркским, кратко изложены в «Phonetik», а потом они подтверждались шаг за шагом. Чувашский язык, как и якутский, первоначально был нетюркский, он стал тюркским со временем, суммировал В. В. Радлов. Эти наблюдения он подтвердил еще раз в неопубликованной рукописи, посвященной изучению грамматики чувашского языка, которую он готовил к печати, однако не успел издать. По загадочной причине не издана она до сих пор.

В первые века контакта с тюркским миром ухо чуваша еще не освоило привычку к чужой речи, заметил Василий Васильевич. К таким словам он отнес примеры типа *oյux (yյux)* «der Mond» = *ajyk; тол, тул* «der Stein» = *таш; вăјă* «Spiel» = *ojun aber выл'а* (v.) «spielen» = *oйна* (v.) [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 33: 1–2, 25–26]. Характерно, что в «Классификации тюркских диалектов (языков)», предложенной В. В. Радловым, не упоминаются ни чувашский, ни якутский языки, т. к. носители этих языков, по его мнению, не тюрки, а тюркизированные племена. На это свойство уже было обращено внимание [Кононов 1982: 211]. Не зря Н. Н. Поппе назвал В. В. Радлова самым ярким представителем теории нетюркского происхождения чувашей. Как писал Н. Н. Поппе, В. В. Радлов считал чувашский язык в нынешнем его состоянии результатом перенесения на нетюркскую почву тюркского диалекта [Поппе 1924: 293]. Хотя В. В. Радлов и не указывал хронологические рамки названных периодов, понятно, что эти явления берут начало с образования Западно-тюркского каганата, но не ранее середины VII в. Как известно, в это время савиры обитали на Кавказе.

Следует согласиться с положением, что на Кавказе северо-западные (абхазо-адыгские), северо-восточные (нахско-дагестан-

ские) и южные (картвельские) языковые семьи являются коренными для этого ареала. А некоторые индоевропейские и тюркские языки, которыми пользуются на Кавказе в настоящее время, дошли до Кавказа вместе с племенами, мигрировавшими из других ареалов позже. Например, предки кумыков, исконные обитатели прикаспийского Дагестана, тюркизировались целое тысячелетие — с VI по XVI в.

Интересные наблюдения можно делать при помощи сравнения караимского, болгарского и савирского языков. Эти три племени имели пространственно-временную общность на побережье Черного моря, входя в конгломерат Хазарского государства. Поэтому, считал Азгар Мухамадиев, «в караимском языке имеются слова, которые в болгарском (татарском) языке потеряли или сменили свое значение» [Мухамадиев 2011: 85]. Он же дает длинный список таких слов (с ними привожу чувашские слова): *аргъмакъ* «боевой конь» (кавалеристы в походах садились на запасной *куш ат*, а перед сражением сменяли его на *аргамака*) — чуваш. *урхамах*; *ахцацы* «кассир» (видимо, слово имело такое же произношение в цокающем хазарском языке) — чуваш. *уксаçă*; *балкъурт* «пчела» — чуваш. *пыл хурт* «мед» + «червяк»; *кыркын* «служанка» — чуваш. *хăрхăм*; *йэргэ* «строй» — чуваш. *йёрке*; *йэр-сув* «родина» — чуваш. *çёр-шыв* «земля-вода»; *цардак* «крыша» — чуваш. *чартак*; *цэлмэки* «гончар» — чуваш. *чӳлмексӗ* «горшечник» и т. д.

Исследователи также обращают внимание на цоканье нижегородских мишарей. При этом они связывают это явление с хазарским влиянием, в частности, племен савиро-хазарского союза [Хайретдинов 2015: 28, 29]. Отсюда напрашивается вывод об исходе предков мишарей из Северо-Кавказского региона. Живут теперь мишари в основном в Кайбицком районе Татарстана (так называемые молкеевские), Батыревском районе Чувашской Республики и в Нижегородской области.

Отмечается замена звука *ц* в мишарском языке на звук *ч* в казанско-татарском языке. Например, в письме царя Иосифа встречаем этноним *ц-р-мис* вместо более поздней формы *черемисы*. В чувашском языке вместо *ц* и *ч* имеем *с*, *ç* или *ш*. Этот список весьма длинный, а чередование звуков последовательно. Например: рус. *беглец*, мишар. *кацкын*, татар. *качкын*, чуваш. *каскаң*; рус. *горький*, мишар. *айце*, татар. *әче*, чуваш. *йӳçӗ*; рус. *кричать*, мишар. *кыцкыр*,

татар. *кычкыр*, чуваш. *кйшкър*; рус. *лещ*, мишар. *цабак*, татар. *ча-бак*, чуваш. *сунах*; рус. *щука*, мишар. *цуртан*, татар. *чуртан*, чуваш. *çарттан*.

В то же время следует констатировать, что образование языка казанских татар начинается с появления на Средней Волге болгар. То, что язык болгар относится к группе звука *к*, а язык чувашей — к группе звука *х*, подтверждается и тем, что русско-славянские и арабо-персидские слова, заимствованные булгарами, утвердились со звуком *к*. Например: *соха* → *сука*, *хазина* → *казна*. А у суваро-чувашей — *суха*, *хысна*. В числе других фактов — переход суварского *дж* в *й* и *р* в *з*. Так, в одной эпитафии болгарского периода читаем параллели *жиат жур* и *йите йоз* (700 г.) [Заляй 1948: 84–85]. Как и многие исследователи, А. П. Ковалевский констатировал, что после того как основная масса населения Булгарского царства в результате усиления здесь кыпчакского элемента стала говорить на татарском языке, этот язык должен рассматриваться как язык кыпчакско-татарской группы [Ковалевский 1956: 7]. В XIII–XIV вв. в Волжскую Булгарию проник кыпчакский язык и «проглотил» болгарский. В результате возник язык поволжских татар [Новосельцев 1990: 72, 74, 97]. Булгария в период Золотой Орды получила статус вассального княжества и находилась в орбите политики Сарая. В условиях, когда положение государственного языка занимал кыпчакский язык, население Булгарии стало пользоваться в интеллектуальных сферах именно этим языком наряду с арабским. И совсем не имел значения вопрос о том, много ли было в это время кыпчаков, проживавших в Волжской Булгарии [Малютин 1996: 60]. Поэтому утверждение о том, что татарский язык образовался на болгаро-тюркском субстрате [Bereczki 1983: 207–236], является очевидным фактом. Сиро Хаттори по поводу того, почему чувашаи окончательно не переняли тюрко-татарский язык, считал, что сувары к этому времени уже составляли народность, отличную от болгар [Хаттори 1980: 94].

Об огромном влиянии пришлого языка может свидетельствовать и абхазский язык. Имеется в виду двухсотлетнее пребывание турок в Абхазии, «вследствие чего почти все абхазы овладели турецким языком, и он стал языком общения с другими народами» [Гублиа 2013: 4].

Носители варианта кыпчакского языка вошли в Восточную Европу в начале XI в. А татары (монголо-татары) появились в Волго-

Камском регионе после монгольского нашествия. Теперь эти языки сохранились у казанских татар и башкир. Короткое время кыпчаки жили совместно с чувашеговорящими племенами (булгарами и суварамии). Другие группы чувашей обитали в лесном регионе, где Волга поворачивает с востока на юг. Кыпчакское население пользовалось тюркским языком хварезмского варианта в качестве литературного, который скоро попал под сильное влияние местного языка. Исследователи называют ряд заимствованных булгарских (чувашских) слов в языках волжских кыпчаков. Например: чуваш. *йёкёр* → *ikiz* «близнецы», чуваш. *шăпăр* «метла» → *sipir* «подмести» [Agyagasi 2002: 26]. Гибридные хварезмско-тюркский и кыпчакский языки можно видеть на эпитафиях волжских булгар. Эти надписи иногда называют надписями первого типа. Второй тип содержит характерные элементы как булгарского, так и кыпчакско-хварезмского языков. Самым интересным является камень усыпальницы, где эпитафия покойной повелительнице написана на одной стороне в первом стиле, а на другой стороне — во втором.

В домонгольский период присутствие кыпчаков в степях Урало-Поволжья было незначительным. По этой причине говорить об их влиянии на ход формирования этнической карты не приходится. А наличие в золотоордынский период отдельных кочевнических захоронений в городских и сельских мусульманских могильниках свидетельствует об интеграции кочевников с местным населением во второй половине XIV в. [Загидуллин 2015: 18].

Естественно, следует соглашаться с Б.А. Серебренниковым, который констатировал, что современные чувашаи — народ, усвоивший язык пришлого тюркского населения, участвовавшего в процессе формирования чувашского народа [Серебренников 1957: 41]. Именно с этого времени начинается складывание современного единого лексического фонда булгаро-татарского и суваро-чувашского языков. Слова типа *jaş* «зеленый; молодой» становятся общими. Сюда же относятся общетюркские *jıtuq* (*jımbaq*) «круглый; шарообразный», «лубок»; *jımsaq* (*jymşaq*, *jymşak*, *jymşak*) «мягкий, нежный». У Ал-Кашгарі *jımgāk* «что-либо покато, круглое» и *jımyşak* «что-либо мягкое» [Ал-Кашгарі 2005: 774]. В первом случае слово вошло в чувашский язык с отпавшим звуком в конце (*şamxa* «лубок», «мяч»), а во втором случае конечный звук сохранился (*jymşak* «болезненный»). Как видим, при

этом несколько изменилась и смысловая нагрузка. Выпадение конечного *к* имеет место в ставшем чувашским тюркском слове *булак* «источник, ключ, родник»: река *Пайла* Була, деревня *Пайла касси*, хотя параллельно произносят и *Пайлак касси* (в произношении *пайлаккасси*) Булаково. Сравним названия рек в Казани и в Батыревском районе: *Булак* — *Була*. То же самое произошло в чувашском языке с тюркским словом *kairak/kairağ*: преобразование *х* → *к* и выпадение конечного согласного звука *к*: *хăйра* «точило». Аналогично произошло с чувашским словом *тăпра* «земля», «прах земной»: в казанском наречии татарского языка — *тупрак/топрак*.

Г. Симбирск, расположенный в булгарское время на левобережье Волги, назывался *Çĕмĕр*, а возникший впоследствии на правобережье — *Чĕмĕр* [Димитриев 1993: 36–37], т. е. имеем пример перехода звука *ç* в *ч*. Та же ситуация с чувашским словом *сухăр* «кричать, звать»: в османском и крымском говорах тюркского языка — *чабыр*, *чакыр*, *шакыр*. А также: чуваш. *çĕç*, тюрк. *чач* — «волосы на голове человека»; чуваш. *çатан*, тюрк. *чедән* — «плетень»; чуваш. *çавра*, тюрк. *чăврă* — «круг»; чуваш. *çĕн*, тюрк. *чөн* — «сор, мусор»; чуваш. *çĕрĕк*, тюрк. *чўрўк* — «гнилой». Конечно, первый вариант — сугубо чувашское слово, а второй — уже трансформированное под влиянием тюркской речи. В целом фонетические преобразования в виде *с* → *ç* → *ш* → *ч*, *х* → *к* (*сорпа* — *шорпа*, «бульон»; *сăхăр* — *шăхăр*, «свистеть»; *сăн* — *чăн*, «истина»; *шăлтăр* — *чĕлтĕр*, «повод»; *шĕйе* — *чие*, «вишня»), а также замены на лексическом уровне (*çытар* — *минтер*, «подушка») очевидны.

Есть ряд слов, перешедших в чувашский язык из татарского без изменений (*той/туй* «чувать», «замечать», «чувствовать»; *бит/нит* «лицо») [Дыбо 2015: 325, 383]. Поэтому относительно чувашей есть основания утверждать, что «сии много язык свой татарским повредили» [Татищев 1964: 67].

Чувашско-балкарские соответствия в лексике также имеют существенное место. Например, балкар. *тере*, чуваш. *тўре* (букв. «правдивый», «судья»); балкар. *сокъур чеги*, чуваш. *суккăр пыршĕ* (букв. «слепая кишка»); балкар. *бюрче*, чуваш. *пăрça* «блеха»).

Следует упомянуть некрещеных чувашей Бакалинского района Башкирии (д. Юльtimiровка и с. Ахманово), переходящих на татарский язык и сливающихся с местными нагайбаками. Появились чувашаи в этой местности не позднее XVIII в. [Атнагулов 2017: 77].

По сравнению с тюркскими языками чувашский выглядит далеко отступившим от первоначального типа вследствие всевозможных изменений. Однако некоторые формы этого языка носят более древний характер, чем соответствующие им формы в тюркских наречиях. Сравнивая чувашский язык с тюркскими диалектами, Н. И. Ашмарин выделил несколько характерных особенностей. Во-первых, закон гармонии гласных, свойственный языкам урало-алтайским, у чувашей или не всегда строго соблюдается, или имеет своеобразное применение (например, в курмышском говоре). Во-вторых, в некоторых случаях корень слова претерпевает изменения, вообще не свойственные тюркским наречиям. В-третьих, узкие гласные тюркских языков очень часто переходят у чувашей в широкие, чего нет ни в одном из тюркских языков. В-четвертых, в чувашском языке часто удваиваются согласные (как в корнях, так и в аффиксах), чего опять нет в тюркских языках [Ашмарин 1898: XIX–XX]. Конечно, в число отличий входят ротацизм-зетацизм (*сăвар* — *авыз* «рот»; *пăр* — *буз* «лед»; *хёр* — *қыз* «девушка»), а также наличие в словарном составе чувашского языка значительного слоя слов, отсутствующих в тюркских языках (*сăмса* «нос»; *çатма* «сковорода»; *тулă* «пшеница»).

Говоря о первом предводителе мадьяр Арпаде, Константин Багрянородный назвал его архонтом Турции [Багрянородный 1991: 163]. Так же в других византийских источниках. Однако венгры называли свою землю *Мадьярорсаг*, что буквально значит «Страна мадьяр» [Шушарин 1991, коммент. 21 к гл. 38]. Вернее даже было бы сказать *Угорицина* или *Угрия*. Источник от 1253 г. констатирует, что язык паскатир (башкир) и венгров — один и тот же [Рубрук 1997: 120]. Хотя Рубрук и не оговаривает, что он имеет в виду (угризм или тюркизм башкир), скорее всего, речь идет об угорских элементах в башкирском языке. А в 1236 г. монах Юлиан назвал башкир на р. Этиль восточными венграми, ибо язык у них был венгерским, они понимали его, а он — их [Аннинский 1940: 73, 81]. Но правда в том, что тезис башкирско-венгерского родства языкознанием не подтверждается [Zimonyi 2014: 150]. Что касается упоминания арабскими авторами *мадьяр* в форме *моджгар*, то, скорее всего, речь идет о *мишарях*, хотя арабы имели в виду башкир.

Известно, что венгерский язык хранит самые ранние памятники западного древнетюркского языка. Андраш Рона-Таш показал

западно-тюркское происхождение почти 400 венгерских слов. Например, венгерское слово *tenger* «море» во всех тюркских языках встречается в форме *tengiz*, т. е. с *z* в конце слова. Только венгерский язык сохранил древнюю форму. В нем также имеется 115 западно-тюркских слов, отсутствующих в чувашском языке [Рона-Таш 2011: 136]. Чувашский язык содержит меньше западно-тюркских слов, чем венгерский. Выходит, до X в. предки чувашей входили в контакты с тюрками гораздо меньше, чем предки венгров. Савиры к этому времени были менее тюркизированы, чем венгры. Иначе говоря, чем больше углубляемся в историю, тем меньше сходства чувашей с тюрками в языковом отношении. Тотальная тюркизация чувашей происходила уже на Волге путем заимствования из кыпчакских языков через казанских татар и башкир. Говоря словами лингвиста, когда не остается непроницаемых сфер двух неродственных языков, практически трудно разграничить свое и чужое [Щербак 1994: 169].

В начале XIII в. большими силами монголо-татарские войска вторгаются в Восточную Европу. Киракос Гандзакети (ок. 1200–1271 гг.) зафиксировал перечень монгольских слов, услышанных им в Армении. Например: бог — *тангри*; женщина — *эме*; лошадь — *мори*; собака — *нохай*; вода — *усун*; солнце — *наран* и т. д. [Киракос 1976: 173]. Густав Рамстедт, всесторонне исследовав лексику и фонетику, пришел к выводу, что развитие чувашского языка шло без непосредственного контакта с монгольским языком [Ramstedt 1922: 34]. Действительно, имеющиеся монголизмы в чувашском языке занимают незначительное место. Например, г. Булгар был на некоторое время единственным во владениях дома Джучи, где чеканились монеты монгольских ханов. Однако из надписей на монетах видно, что население к началу XIV в. сохраняло свой прежний язык, следы которого отчетливы в чувашском. В то же время болгарское население начинает подвергаться сильному влиянию кыпчакского языка, который постепенно становится государственным так же, как и в Средней Азии [Бартольд 1968: 136]. Андраш Рона-Таш опубликовал все им замеченные среднемонгольские заимствования в чувашском языке. В словаре оказалось 29 слов (по Н. Н. Поппе — 33 слова). Например: чуваш. *năxta* «недоуздок» — ср.-монг. *noxta*; чуваш. *kěmüker* «дружка жениха» — ср.-монг. *nöker/nökür* «боец», «солдат»; чуваш. *χurčăka* «ястреб» — ср.-монг. *qarčiya*.

Из этих 29 слов 17 встречается и в марийском. Это свидетельствует о том, что большинство чувашских и татарских элементов марийского языка было заимствовано после монгольской эпохи, т. е. позже XIII в. Их главным посредником был татарский язык, а источником некоторых слов — чувашский. Монголизмы делятся на три сферы: коневодство, охота с помощью хищных птиц, общественные отношения [Róna-Tas 1973: 125–141; Благова и др. 2003: 105–106]. В своей статье Н. Н. Поппе приходит к выводу, что чувашские слова, проанализированные Андрашем Рона-Ташем, не были заимствованы непосредственно из среднемонгольского, а пришли через соседние тюркские языки, прежде всего, от казанских татар [Porre 1977: 111–114].

Сюда же следует отнести монгольское *dalai* — «всемирный», «вселенский», «великий». Сохранилось слово как архаизм в чувашских народных песнях. Например: *Ѕут тѣнче талайран юлнӑ*. Н. И. Ашмарин определил его как неизвестное слово [Ашмарин 1937а: 165]. В. Г. Егоров перевел все предложение так: «Земля (вселенная) сохранилась (уцелела) от океана» [Егоров 1964: 228–229]. Таким образом, монгольское слово *dalai* бытует у чувашей в форме *талай* в значении «море», «океан». В венгерском есть *talaj* — «земля». Зафиксировано *talaj* в XIII в. также в тексте тюркской легенды об Огуз-кагане. Чувашское слово *puyan* «богатый» является эквивалентом монгольского *bayan*. Все эти факты в сумме позволяют констатировать, что из тюркских языков к монгольским ближе всего чувашский, в известных отношениях обнаруживающий особую архаичность [Иванов 1990: 611]. А Н. Н. Поппе и вовсе полагал, что чувашский язык «можно, с некоторыми оговорками, считать промежуточным звеном между тюркскими языками и монгольским» [Поппе 1925: 31].

Как видим, о тюркизации предков чувашей писали многие исследователи. Так, В. В. Радлов утверждал, что чувашский язык, как и якутский, первоначально был не тюркский, он стал тюркским со временем [СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 33: 2]. Однако нет последовательных и системных исследований на этот счет. Например, пишут: как и прочее местное угро-финское население, они были тюркизированы, но когда — этого мы не знаем [Новосельцев 1990: 83]. Конечно, тюркизация задела савилов еще на Северном Кавказе, однако этот процесс имел существенное место среди

чувашей во времена Золотой Орды, Казанского ханства и Республики Татарстан.

В свете чувашско-тюрко-монгольских языковых отношений ценными представляются взгляды Н. Н. Поппе. Чувашский язык, по его мнению, имеет много общего с тюркскими наречиями, а также много общих черт с монгольским языком. Самым характерным признаком, по которому чувашский язык отличается от тюркских, являются наличие, как и в монгольском, праязыкового **p*, а также соответствие чувашско-монгольского *л* тюркскому *ш*. Считать чувашский язык тюркским невозможно, невозможно его считать и монгольским. Главный вывод Н. Н. Поппе: чувашский язык отделился от алтайских языков в дотюркскую эпоху [Поппе 1925а: 425–426]. Вернее сказать, «чувашеговорящие» люди отделились от урало-алтайских языков в дотюркскую эпоху.

Скорее всего, версию о «чувашеговорящих» племенах в Сибири (Chuvash speaking people/groups) приходится взять в кавычки, указав тем самым на условность термина. На самом деле, тюркизация предков чувашей началась на Кавказе, а усилилась и укрепилась уже на Волге. Поэтому следует говорить о влиянии языка условно «чувашеговорящих» (т. е. носителей *r*, *l* и других признаков, пришедших из Сибири) на предков чувашей. Исследователи называют их «чувашеговорящими», потому что сами доноры языка растворились в реципиентах. Если бы булгары и савиры смогли сохранить (условно) свой исконный язык, то мы бы увидели, что современные казанские татары и чуваша (как преемники) в плане происхождения исконно не имеют никакого отношения к тюркам, в том числе к кыпчакам. В пользу такой гипотезы говорят и сведения из истории, географии, геногеографии, антропологии, археологии, религии и других наук. Выходит, тюркский язык для современного чувашского языка является суперстратным, а никак не субстратным, т. е. произошел (и продолжает иметь место) этот процесс не в Сибири, а в Поволжье. Старотюркский язык в основном сохранился только в речи современных чувашей, поэтому исследователи для реконструкции тюркских языков по состоянию до XIII в. прибегают чаще всего к данным чувашского языка. Отсюда и используемая тюркологами терминология «чувашеговорящие группы». Притом такое видение тюркизации чувашей не ново. Послушаем языковеда: «После скрещения пред-

ков чуваш с тюрками чувашский язык освоил тюркский грамматический строй и тюркский основной словарный фонд и стал развиваться по внутренним законам тюркских языков. Что касается дотюркского словарного фонда и грамматических форм, то они постепенно отмирали и от них до настоящего времени сохранились только жалкие остатки — единичные лексические и грамматические элементы» [Егоров 1953: 77]. А пока языкознание находится в пути к истине.

Этнография

В V в. происходят большие перемещения племен: в Восточную Европу хлынули шарагуры, огуры и оногуры. На них напали савиры, которых, в свою очередь, теснили авары. В это же время громко заявляют о себе булгары. Питер Голден их всех называет тюрками [Golden 2011: 70]. Притом источники (Феофан, Агафий, Никифор, Багрянородный) часто путают оногуров и булгар.

С образованием в VI в. Тюркского каганата многие племена, входившие в состав новой империи (в том числе гунны, хазары, булгары, савиры, мадьяры), стали называться *тюрками*. Запутанность характерна и для самих источников. Например, византийские источники тюрками называют гуннов, армянские писатели всех кочевников — хонами. В 70-х гг. VI в. тюркские племена упоминаются в причерноморских степях. Однако здесь следует внести уточнение. Феофан под 572 г. пишет не прямо о тюрках, а оговаривает фразой «гунны, которых мы обычно называем турками» [Феофан 1980: 54]. Гардизи, собравший свои сведения из разных книг, в описании тюрков называет карлуков, кимаков, киргизов, обитателей Тибета, жителей Китая, печенегов, хазар, бургасов, булгар, мадьяр, славян, русов, жителей страны ас-Сарир, аланов. Например, византийские источники мадьяров, в 839 или 840 г. вторгшихся в области обитания булгар, называют по-своему — *Тоброкол*. К сожалению, и современные исследователи многие племена Кавказско-Прикаспийского региона V–VII вв. относят к кругу тюркоязычных кочевников, например гуннов и булгар. С вторжением на Кавказ тюркоязычных племен в регионе начинается эпоха тюркизации отдельных групп населения.

В VII в. традиции тюркской кочевой империи получили продолжение в новообразованном государстве Хазария. В тесных контактах угров и тюрков верх одерживали последние. Это объясняется постоянным притоком тюркских племен из Азии. Всевозрастающее превосходство тюрков над уграми было характерно для степей Восточной Европы во второй половине I тысячелетия н. э.

Весьма полемично происхождение мишарей. В число их предков домонгольского периода включают, помимо тюркизированных маджар, хазар, кыпчаков и буртасов [Хайретдинов 2015: 28].

В IX в. печенеги хлынули в степи Восточной Европы, в XI в. там стали доминировать кыпчаки. Средневековые кыпчаки состояли из трех групп: куманов, собственно кыпчаков и канглов. *Куманы* происходит, предположительно, от монгольского, калмыцкого и уйгурского «люди»; «всадники»; «кочевники». У уйгуров и джагатаев *кыпчак* значит «пустой», «пустынный», например, дуплистое дерево. *Канглы* — от тюркского *каңлы* «двухколесная телега», «арба». Конечно, кыпчакские племена были наследниками древнетюркских государственных традиций. Например, род ельбори у кыпчаков (ашина у древних тюрков), разделение Восточно-Кыпчакского государства на центр и крылья, идентичность в древнетюркской титулатуре кимеков и кыпчаков (*шад-тутук*, *байгу*, *хакан*) [Кузембаев 2012: 185]. В Средние века кыпчаки (*Qırçaqs*) были одним из самых значительных тюркских племен, доминировавших в западных и центральных евразийских степях [Golden 2014: 183]. Однако до монголо-татарского нашествия в Поволжье роль кыпчаков еще не была определяющей.

Следует признать, что чингизиды в военном, социально-этнографическом плане и по образу жизни во многом были сходны с гуннами. Даже русов XIII–XIV вв. арабские источники называют тюркским народом [Абу-л-Фида' 2009: 119]. Полагают, так произошло потому, что оба народа считались потомками Иафета. Но правда в том, что сам Чингис был монгольского происхождения. Ему удалось объединить под единое начало два народа: монголов и татар. Однако уходившие далеко от своих исконных земель на запад монголы довольно скоро подвергались отуречиванию, растворяясь в окружающей этнографической среде. Создание Улуса Джучи повлекло за собой крупные перемещения народов. А это привело к преобладанию тюркоязычных кочевников

в Поволжье. Прежде всего, тюрки-пришельцы занялись распределением должностей для управления местным населением. Кроме того, под крыло Чингиса попадали племена, проживавшие на завоеванных землях. Постепенно многие из них через брачные отношения и оставление своего языка стали этническими татарами. Так, от обитавших на Енисее аринцев к XVIII в. в Красноярске осталось всего девять семей [Миллер 1999: 167, 183]. Пленных воинов монголо-татары посылали против воли в бой впереди себя, а простых поселян на завоеванных территориях отправляли на обработку земли. Всех их впредь стали именовать татарами. Воины или погибали в бою, или, если они отступали, их убивали монголо-татары. Поэтому пленные воины предпочитали смерть в бою. На укрепленные замки монголо-татары не нападали сходу. Сначала они опустошали страну, грабили народ, а затем направляли этот народ на их же замок. Имеются даже статистические данные о монголо-татарских войсках (должно быть, сведения до 1236 г. о находящемся в Европе контингенте): «У них с собою 240 тысяч рабов не их закона и 135 тысяч отборнейших [воинов] их закона в строю» [Аннинский 1940: 88].

В любом случае следует учесть мощный монголо-татарский пласт в формировании казанских татар. Признавая историческую правомерность булгарского субстрата, не надо забывать о золотоордынско-тюркском компоненте. Такая ошибка в исследованиях происходит в значительной мере в результате не комплексного анализа источников. Существующие теории формирования волго-уральских татар («булгаристская» и «татаристская» точки зрения) являются односторонними из-за своих крайностей: в первом случае обнаруживается недооценка золотоордынско-тюркской, а во втором — дозолотоордынских составляющих татар. «Золотоордынский период, когда началось взаимодействие „татарских“ и „дотатарских“ этнических групп, предопределил всю дальнейшую этническую эволюцию волго-уральских татар. Именно поэтому эпоху Золотой Орды следует признать ключевой для этноистории татар Волго-Уральского региона» [Исхаков 1998: 249]. Конечно, и в констатации Д. М. Исхакова содержится нюанс: видимо, следует говорить не о ключевой роли Золотой Орды в формировании казанских татар, а о поворотной роли в судьбе древних булгар. Разница в том, с какой стороны посмотреть.

Во времена Золотой Орды власть монголов осуществлялась через местную родовую знать. Благодаря такому общественному устройству башкиры сохранили свой этноним и домонгольские родовые названия типа бурзян, усерган, тамьян, катый, юрматы [Юсупов 2002: 161]. Название племени *юрми* обнаружено также в надписи на колонне IX в., найденной археологами близ древней столицы дунайских болгар г. Плиски в виде слова *ερμιάρης* [Успенский 1905: 192]. *Юрмекей* как родовое прозвище чувашей зафиксировано В.К. Магницким [Магницкий 1905: 10]. В Нурлатском районе Республики Татарстан есть чувашский род *Ерми*, теперь семьи этого рода известны под фамилией *Ермиловы*. Название башкирского племени *юрми/юрматы* находит также отклик в Чувашской Республике в виде названия д. *Юрмекейкино*. Естественно, деревня была названа по имени рода *Юрми*. Фамильное прозвище *Юрма* зафиксировано в с. Орауши Вурнарского района [Ашмарин 1930: 9]. У чувашей имелась разновидность супа под названием *юрмашки* «суп с приправой из кислого молока». Как на закономерность, Р.Г. Кузеев указал на интересную цепь аналогий: волжско-булгарское и дунайско-болгарское племя *ерми* — чувашская родовая фамилия *Юрма/Ерми* — башкирский племенной термин *юрми*. В северном Башкортостане записано сказание о борьбе башкир с народом *юрми халкы*, который происходил из чувашей-черемисов. Р.Г. Кузеев определяет средневековых юрматынцев как угризированных тюрков, которые вместе с булгарами переселились из Приазовья на Волгу. По его мнению, племя *юрми/ерми* разделилось еще на юге: часть юрмийцев ушла на запад, остальные юрматы вместе с родственными племенами последовали на Волгу. Известно также древнененгерское племенное название *Gyermat* [Кузеев 2010: 123, 124, 126]. Однако правомерна и обратная гипотеза о том, что юрматынцы — это тюркизированные угры. Скорее всего, так и есть, ибо, как известно, тюркизация угров как в Сибири, так и в Восточной Европе была общей тенденцией с начала нашей эры. Угризация тюрков ни в Азии, ни в Восточной Европе не имела места. Неслучайно и то, что в Ядринском районе имеется село под названием *Пушкәрт* Башкир.

В 1391 г. в долине р. Кондурчи произошло сражение между армиями среднеазиатского эмира Тимура и золотоордынского хана Тохтамыша. Жестокие бои отозвались тяжелыми последствиями

для народов Поволжья, в том числе для башкир. Уцелевшее население устремилось за Каму и р. Белую. Тогда же на нынешних территориях Башкирии оказалась часть булгар. Некоторые булгарские роды (буляр, байляр, ельдят) влились в состав башкирского народа [Кузеев 1960: 179]. Эти причеремшанские земли уже после того, как Дикое поле с XVII в. стало безопасным регионом, заняли чуваши. Кстати, именно на этих землях жили сувары по 922 г.

Потерпев политическое поражение от монголов, кыпчаки сумели сохранить свою традиционную культуру. Монголы вскоре сами восприняли кыпчакскую культуру, позабыв свои исконные традиции, освоили язык побежденных. Постепенно монголы и вовсе растворились в местной этнической среде.

Казанские татары, конечно, являются кыпчакизированными волжскими булгарами. Начавшееся еще в XI в. проникновение кыпчаков на территорию Волжской Булгарии в золотоордынское время получает мощный импульс. В Булгарском улусе кыпчаки занимали важнейшие военно-административные посты, из них были скомплектованы размещенные в улусе гарнизоны [Димитриев 1993: 47]. Как видим, современные казанские татары и татары из Монголии — это разные народы.

Слияние булгаро-мусульман с пришлыми золотоордынскими кыпчаками-татарами и смешение этих двух разных групп этносов на физическом, языковом и культурном уровнях приобрели активный характер. А это привело в XV в. к формированию на левобережье Волги народности казанских татар.

После покорения тюрко-монголами народов Среднего Поволжья «начался процесс постепенного скрещивания и слияния предков чувашей с пришлыми кочевыми тюрками в единую общую народность с преобладанием тюрков и языка их» [Егоров 1953: 76]. Однако кыпчакизация в основе не задела этногонию чувашей на генном и антропологическом уровнях.

К середине XVIII в. формируются нагайбаки. Их субстратом называют крещеных татар, а суперстратом — некрещеных чувашей, марийцев и удмуртов Уфимского и Мензелинского округов [Атнагулов 2017: 68]. На это указывают и антропологические показатели.

В более чем двухтысячелетней истории чувашей монголы занимают совсем мало места — это XIII–XV вв. Большая часть суваров, компактно проживавших на правобережье и не причастных

к исламу, и вовсе осталась вне золотоордынской культурной и антропологической ассимиляции.

Увеличение численности тюрков и татар и расширение занимаемых ими земель происходили за счет самых разных форм ассимиляции других народов. Теперь их единство идентифицируется благодаря мусульманской религии. Многие здесь называют себя по названиям местностей: *тюменлик*, *тарлык*, *туралы*. В конце XVI в. в целях постепенного развития новых русских поселений из Москвы в Сибирь поступило распоряжение способствовать торговле с бухарцами, которых освобождали от таможенных пошлин и оказывали им почет и уважение. В результате гг. Тобольск, Тюмень, Тара, а затем и Томск стали часто посещать большими торговыми караванами бухарцы. Сами бухарцы — это в основном тюркизированные персоязычные сарты. В начале XVII в. в Тюменском уезде произошел падеж скота. В итоге многие крестьяне остались без лошадей и не могли обрабатывать землю. Поэтому последовал указ о закупке в Казани 300 волов. Заодно было разрешено татарам, черемисам и чувашам вести с Сибирью беспошлинную торговлю скотом. Так смешивались народы. Например, в источниках XVII в. население на р. Сылве стали называть то татарами, то остяками. На самом деле здесь, как и во многих местах Западной Сибири, в этот период образовалось смешанное угорско-татарское население [Миллер 2000: 16, 17, 643; Радлов 1989: 118–120].

В «Путешествии в Восточные страны» Гильома де Рубрика, в частности, повествуется о нравах и обычаях крымских татар в 1253 г. Конечно, они, как носители степных традиций, вели передвижной образ жизни (отгонное скотоводство, передвижение на больших телегах и крытых повозках, употребление кумыса и т. д.). В то же время в их быту находим черты, свойственные чувашам. Например, способ сбивания масла и употребление кислого молока, получившегося в результате пахтанья (*уйран*), позднее выданье девушек замуж, изображение умыкания невесты. Согласно арабскому путешественнику Ибн Баттуте, жители Дешт-и-Кыпчака вместо дров жгли тезяк [Ибн Баттута 1884: 279]. Тезяк (*tāzāk*, *tezāk*) вместо дров использовался многими тюрками: азербайджанцами, крымскими татарами, джагатайцами, тарачинцами, алтайцами, лебединцами, шорцами, киргизами, сагайцами [Радлов 1905: 1103]. Кизяк (сушеный навоз) в качестве топлива до конца

60-х гг. XX в. широко использовался и степными чувашами *хирти*. Верховые (горные, лесные) чувашаи таким видом топлива почти не пользовались. Собранный в течение года помет шел также на унавоживание огородов.

Много общего у татар с низовыми (вернее, с *хирти* — «степными» или «полевыми») чувашами. Так, те и другие еще до середины XX в. были известны как плохие огородники и садоводы. В 1904 г. учитель Старо-Афонькинской церковной школы Бугульминского уезда Самарской губернии Тимофей Иванов утверждал, что жители этих местностей не разводят сады, не сажают деревья и вообще к данным занятиям не обучены [ЧГИ 151: 45]. Автор этих строк может подтвердить, что у чувашей *хирти* (это как раз жители тех районов, которые входят в понятие «Дикое поле») в 50–60-е гг. XX в. на всю деревню два хозяйства имели сады в виде нескольких яблонь. Можно было видеть одного домохозяина, отводившего часть картофельного участка под бахчевые культуры. Правда, до сильных морозов 1942 г. в южных деревнях были как яблоневые сады, так и пасеки. Аналогично татары (в том числе кряшены) плодовых садов не имели [Багаутдинова, Исхаков 2015: 20]. Видимо, здесь следует говорить не о взаимовлиянии, а об общности культуры, а также о зависимости от природного ландшафта. Чувашей *хирти* и татар объединяло и устройство печного хозяйства: печка, где пекут хлеб, комбинируется с очагом в виде пристройки сбоку, куда вмазывается котел. Часто к печке же пристраивалась голландка для повседневного отопления и варки [Салмин 2016: 345–349]. Н. И. Воробьев писал, что чувашаи также используют котел, который подвешивается в особой нише на шестке, а не вмазывается сбоку печи, как у татар [Воробьев 1948: 67]. Такие устройства как рудименты в домах чувашей сохранились почти до конца XX в. Дольше сохранились они в лачугах (в летних кухнях), где летом готовили пищу.

В период существования Волжской Булгарии и Золотой Орды бурно развивается торговля. Купцы-путешественники завозили из чужих стран и информацию о культуре, в том числе книги. Это способствовало развитию культуры, процветавшей в период Средневековья и в Новое время, а также нашедшей отражение в настоящем времени в элементах традиционной культуры народов Урало-Поволжья [Валеев 2011].

Тем не менее говорить о полном сходстве традиционных занятий чувашей и татар не приходится. Например, татары — исконные ремесленники. А чуваше к такому роду занятий относились избирательно. Они охотно изготавливали конские сбруи, телеги и сани, но почти не занимались гончарным ремеслом, в чем татары всегда были мастера. Так, тот же учитель Тимофей Иванов из Самарской области в 1904 г. сетовал, что здесь очень мало чувашей, знающих ремесла [ЧГИ 151: 46].

Башкиры, как и угры, широко использовали в пищу рыбу. Как писал Николаас Витсен, «они едят сушеную рыбу вместо хлеба» [Витсен 2010а: 785]. Некоторые рыболовные снасти угров, чувашей и башкир до сих пор сохранили общее устройство и названия (например, *морда́/маратá*).

Согласно правилам традиционного родового общества монголов, каждая семья, каждый аил обладали своим индивидуальным имуществом. Достояние отца или матери делилось между сыновьями, причем младшему предоставлялись особые права. Он наследовал основное имущество отца. Поэтому младших сыновей величали *ejen* «хозяин, владыка». Поскольку они являлись хранителями домашнего очага, то их называли еще *odcigin* «князь огня» [Владимирцов 1934: 54]. В Золотой Орде трон наследовался не от брата к брату, а от отца к сыну, как и было заведено Чингисханом. Четыре его сына получили земли и народы после смерти отца. Младший из них, будучи *ot-chigin* (*od-chigin*, *ot-tigin*), получил его ставку и земли предков, расположенные в долинах р. Онон и Керулен в Монголии. Джочи, Ёдегей и Чагатай, как старшие братья, стали правителями недавно завоеванных территорий, расположенных далеко от первоначальной территории земель отца. Эта же практика была типична для тюрков. Обычное право оставления в доме младшего сына действовало [СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 6. Д. 377: 8] и еще имеет место у чувашей.

В то же время, согласно центральноазиатской традиции, правило правопреимства сына-первенца было не строгое. Обычно властители степи считали: будущий лидер должен проявить себя, прежде всего, на поле боя, тем самым показывать свои личные достоинства и качества. Чтобы занять место отца на троне, необходимо было добиться успеха. Таким образом, все сыновья покойного суверена имели шанс взойти на престол. Однако с появлением тен-

денции к централизации власти в степи эта традиционная практика стала применяться реже [Stepanov 2016: 388]. Конечно, это не означает, что она полностью исчезла.

Согласно источнику XII в., башкиры, как и булгары, носили длинные куртки [Ал-Идриси 2006: 124]. У чувашей имеется много общего в одежде с татарами и башкирами. Например, если взять перевязь (у чувашей — *тевет*; у башкир — *дэуэт* (*теуэт*, *бутимар*); у татар — *хаситэ* [Салмин 2016: 571–573]), то у всех трех народов имеет место один и тот же субстрат.

Сравнительный анализ казанско-татарских и традиционных чувашских праздников, обрядов и верований дает сходную картину. Например, весенняя традиция проводов льда: здесь все развивается по одинаковому сценарию, начиная от названия самого обряда (татар. *боз озатма*, чуваш. *пӑр ӑсатни* — «проводы льда») вплоть до ритуальных фрагментов [Автор; Уразманова 2001: 20–21].

Из области обрядовых традиций башкир и чувашей: болезнь от ячменя на глазу лечили, тыкая зернами ячменя (ассоциация *арпа* — *урпа* «ячмень»); одинаково вешали череп лошади на видное место в хозяйстве, чтобы отвести сглаз; при массовых болезнях проводили обряд под названием «Девичья пахота»; молодая во дворе свекра, слезая с повозки, должна была опереться на подаренную скотину (обычно на корову или лошадь); во время сева с целью получения хорошего урожая по земле катали яйца; выезжая с невестой за полевые ворота, злым духам бросали монеты [Хисамитдинова 2010; Салмин 2016].

Многие черты брачных правил монголов были сходны с традициями чувашей. Например, иметь столько жен, сколько в состоянии содержать, обязанность женитьбы на жене умершего старшего брата, калым за невесту [Карпини 1997: 33; Салмин 2016: 132–174]. Марко Поло сообщал детали похоронной обрядности монголо-татар. Так, у них умершую девушку отдавали замуж умершему ранее парню. Притом имитировали свадьбу, ели, разбрасывали кусочки еды, которые как бы предназначались новой паре на том свете [Поло 1997: 238]. Аналогичные действия бытовали у чувашей еще в недавнем прошлом. Например, девушке в гроб клали женский головной убор *сурпан* и другие наряды замужней женщины. Даже называли имя недавно похороненного парня. Незамужнюю на том свете ждали не очень почетные занятия (пастьба птиц и т. д.) [Салмин 2016: 189].

Фольклор

Совершенно уместным следует считать следующий тезис: «Мифология дотюркского времени в ходе продвижения волн кочевников с востока на запад была утрачена, а собственно тюркская под влиянием ислама тоже почти исчезла. На основе анализа изображений фабулу мифов восстановить не удастся» [Берёзкин 2012: 144]. Поэтому единственный способ реконструкции — это исследование с учетом контактов с соседними народами.

С именем Огуз-хана — легендарного прародителя огузов (туркменов, азербайджанцев и турков) и уйгуров — связано и объяснение этнического названия *кыпчаки*. Некий бек из окружения Огуз-хана выступил в поход и взял с собой беременную жену. В битве муж погиб, а жена спаслась. У нее начались родовые схватки. Поскольку день был холодный, она укрылась в гнилом дуплистом дереве, там и родила. Младенца усыновил сам хан и дал ему имя *Кыпчак*, что на языке древних тюрков означает «дуплистое дерево». Сын вырос, и хан отправил его к берегам Тина (Дона) и Итиля. В этих краях Кыпчак царствовал 300 лет. Все кыпчаки — его потомки. «Со времен Огуз-хана и вплоть до времен Чингиз-хана на Тине, Итиле и Яике, на берегах этих трех рек, других илей, кроме кыпчакского, не было. Они жили в тех местах в течение четырех тысяч лет. Поэтому те места и называют *Дешт-и кыпчак* — Кыпчакская степь» [Кононов 1958: 44].

Как известно, Тюркский каганат создан правителями из рода Ашина. Согласно легенде, род Ашина имеет начало от внука волчицы. Говорят, что сам Чингисхан родился не от семени мужчины, а от луча света. Как повествует «Сокровенное сказание монголов», прародительница Чингис-кагана Алан-Коа зачала от прозрачного желтого человека: «Каждую ночь прозрачный желтый человек входил через щели порога и дверного косяка и гладил мне чрево. Его сияние проникало мне в чрево. Уходил он подобно солнцу и луне, словно желтая собака, озираясь» [Сокровенное 1990: 12]. Так говорила жена Дува-Сокора Алан-Коа. По другой версии, некая вдова зачала и родила сына по имени Цингис. А когда сыновья захотели ее, как прелюбодейку, убить, она придумала, что зачала от солнечных лучей [Меховский 1936: 66]. Мотив рождения Чингисхана с комком запекшейся крови в руке также имеет фольклорную

основу. Ибо количество пролитой по повелению Чингисхана крови поражало и самих монголов. В результате была придумана легенда о таком его появлении на свет. К тому же на то время мировоззрение монголов не имело ясного этического начала, они полагали, что убитые ими люди будут служить им на том свете. А такой подход оправдывал легендарное происхождение любого героя [Бартольд 1968: 452]. В середине XIII в. в Армении также бытовала легенда, согласно которой луч света проник через отверстие в кровле дома и сказал матери Чингиса: «Ты зачнешь и родишь сына, владыку земли». Говорят, так он и родился. При этом зафиксировавший это сказание Киракос Ганзакечи ссылался на конкретных рассказчиков: «Эту (легенду) рассказал нам ишхан Григор, сын Марзпана, брат Асланбега, Саргиса и Амира из рода Мамиконянов, который сам слышал ее как-то от одного знатного человека, по имени Хутун-ноин, из (татарской) высшей знати, когда тот поучал молодежь» [Киракос 1976: 73].

Также известно, что Берке, внук Чингисхана, будучи сам ханом, первым из монголов официально принял ислам. Для оправдания и обоснования такого исторического события появилась легенда. Когда мать родила Берке, то Туши, отец его, якобы изрек: «Сына этого отдайте (кормить) мусульманской кормилице; пусть мусульманин обрежет пуповину его, пусть он (Берке) сосет молоко мусульманское, чтобы сделаться (настоящим) мусульманином, ибо я (этого) сына своего сделал мусульманином» [Ал-Джуджани 1941: 15]. Скорее всего, данное повествование не исторический факт, а придуманный позже события фольклорный мотив. Да и сам автор излагаемого нарратива перс Абу-Омар ал-Джуджани сопровождает свое сочинение оговоркой: «Если этот рассказ верен, то да облегчит Аллах ему (Туши) страдания в аду». Автору сочинения «Насировых разрядов» Ал-Джуджани, занимавшему должность главного казия в Дели, было выгодно представить дело ислама в более ожидаемом виде.

Естественно, исторический процесс предполагает взаимообмен на уровне фольклорных жанров. Так, исследователи указывают на сходства татарских и чувашских пословиц. Например: *Аптыраған үрдәк кәйтә чумар* – *Аптәранә кәвакал кутан чәмнә* «Растерявшаяся утка ныряет задом»; *Ышанған тауда кәйәк цук* – *Шаннә хәвара кәйәк цук* «В том тальнике, на который рассчитываешь, не оказывается

дичи»; *Ирсѣз катын җөгәнсѣз ат — Арсър аръм — йёвенсѣр кёсре* «Женщина без мужа, что лошадь без узды» [Ашмарин 1905: 14].

Таким образом, совершенно правы Абулгази Бахадур-хан и Г. Ф. Миллер, писавшие, что начало истории татарского народа относится к таким далеким временам, какими не может похвалиться ни один из европейских народов. Однако, по их же справедливому мнению, все это основывается на выдуманных рассказах и баснях, а достоверная история татар начинается только с Чингисхана [Миллер 1999: 166].

Согласно шежере, Чингисхан получил от башкир богатые дары, и они признали его власть над собой. Взамен Муйтен-бий получил ханский ярлык на вечное владение водами, землями, лесами, золотом и серебром по обеим сторонам р. Агидель, Яик и Сакмара со всеми притоками, а также на кочевья по восточному склону Уральских гор до р. Ишим и Тобол со всеми притоками. «Башкиры оказались в вассальной зависимости от Чингизидов и выплачивали им дань» [Юсупов 2002: 159].

У башкир, татар и чувашей широко бытуют легенды об исполине *Алн/Улһн*.

Имеются записи о переселении шихирданских мишарей Батыревского района. Так, по рассказу 87-летнего местного жителя Шафеева, его предки пришли в Шихирданы после взятия Казани [Вишневский 1929: 235].

Татаризация

Кыпчакские слова, имеющиеся в чувашском языке, проникли не непосредственно от самих кыпчаков, а через казанских татар, в основном в период Казанского ханства, когда все административные должности среди чувашей занимали татары. Назначенные на должности тарханов чуваша играли второстепенную роль в управлении. Доверие к ним могло быть только при принятии ими исламской веры. Многие населенные пункты получили названия от имен татарских наместников: Шималахи — шейх Амалах, Шибулатово — шейх Булат, Янситово — Ян Сеит, Хозяхмат — Хозя Ахмат и т. д. Целые селения переходили в мусульманство и отатаривались. Так, в Арском районе не осталось ни одного чувашского селения. На-

звания должностей переходили даже на названия божеств. Например, *Тайвам ырай* — «Божество, заседающее в диване»; *Хум кёрекеşё* — «Кравчий хана»; *Чёлпёр тытса сўрен ырай* — «Божество, ведущее за повод» и т. д. В период Казанского ханства в чувашский язык массово проникли арабские и персидские слова. Только приход православия остановил это явление [Егоров 1953: 84–86].

Татаризация чувашей особенно интенсивным образом происходила на левобережье Волги от Казани до Ульяновска. Этот процесс преимущественно шел через исламизацию. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 гг. показывает: как только ясачный чуваш становился служилым, он начинал называться служилым татарин. Например, в д. Большой Бимер по Галицко-Алатской дороге упоминается чуваш Мансур. Один из его сыновей платил ясак, а другой стал служилым татарин. «Все это говорит о том, что называемые писцом „ясачные чуваша“ после верстания на службу становились „служилыми татарами“» [Ермолаев 1978: 23]. В списке с грамоты царя и великого князя Михаила Федоровича от 1621 г. имеются сведения о свияжском чувашенине из д. Чиркино Екбулате Бегишеве. А в прошении царю и великому князю Михаилу Федоровичу фигурирует служилый татарин свияжского уезда Бекбулатка Колчурин [Мельников 1859: 8–9, 26]. Как установил В. К. Магницкий, речь идет об одном и том же ясачном человеке по отчеству Бегишев и по родовой фамилии (по деду) Колчурин. Так получилось потому, объяснял В. К. Магницкий, что чувашей в то время как в Москве, так и в самой Казани именовали татарами [Магницкий 1919: 211–212].

Если до присоединения Казанского ханства к Русскому государству местное население в исламе видело религию господствующего класса и сопротивлялось ее распространению, то после присоединения ислам стал религией, оппозиционной господствующему православию. «Для них теперь отпадение в ислам стало формой выражения социального протеста эксплуатации русских светских и духовных феодалов, против гнета русского военно-феодалного государства. Во второй половине XVI–XVII в. отпадение восточных чувашей в ислам и переход их в татары приняли очень большие размеры. Согласно писцовым книгам 1556–1558 гг. и 1603 г., а также другим актам XVI — начала XVII вв., в Казанском уезде было свыше сотни чувашских селений — больше, чем татарских.

А во второй половине XVII в. бывшие чувашские селения считались уже татарскими» [Димитриев 1969: 245]. Аналогично в XVII в. в Казанском уезде многие чуваша приняли ислам и начали именовать себя татарами. Об этом имеется достаточное количество документов. Так, по состоянию на 1673 г. в д. Ачи Зюрейской дороги Казанского уезда жили ясачные татары. Но своими родителями (отцами и дедами) они называли ясачных чувашей этой же деревни [Димитриев 1957: 107]. Поэтому правы исследователи, склонные утверждать, что ясачные чуваша Казанского края в XVI–XVII вв. были уже татароязычными [Исхаков 1998: 91].

В значительной мере этот процесс развернулся с 30-х годов XVIII в., в период массового крещения нерусского населения Поволжья. В первой половине XVIII в. В. Н. Татищев отмечал, что чуваша наполнили Казанский и Симбирский уезды. Однако «сии наиболее язык татарским испортили» [Татищев 1962: 130]. Иначе говоря, к этому времени чувашский язык уже был массово татаризован. М. А. Кастрен в середине XIX в. утверждал, что чуваша уже татаризованы [Castrén 1862: 320]. Часть чувашей, уклонившаяся от принятия православия, обратилась в мусульманство и начала постепенно сливаться с татарами. Любопытны результаты переписи 1897 г., основанной на учете использования родного языка. По ней доля чувашей резко возросла. Перепись показала, что часть чувашей, принявших магометанство, не совсем слилась с татарами и по языку относилась к чувашам, хотя предшествующие ревизии и исчисления давно уже относили их к татарам [Кабузан 1992: 197].

Быстрый рост татарского населения в XIX — начале XX в. объясняется именно поглощением чувашского населения. Поэтому в бытовой жизни казанских татар до настоящих дней удержались обряды и верования, вполне совпадающие с чувашскими. Конечно, при исследовании традиционных форм обрядов и верований чувашей и их дедов мы должны отметить и 1905 г., когда по манифесту царя была позволена свобода вероисповедания и заодно расширились возможности уйти в ислам. А это означало бесповоротную ассимиляцию с казанскими татарами.

Ислам оставил печать и в бытовой жизни чувашей. Так, особое место занимают каменные надгробные знаки. Они чрезвычайно редки и представляют ценность для исследователей. Они относятся к исламской религии: вначале в среде чувашей они ставились

в тех местах, где находили вечный покой татары, затем в подражание татарам — и на могилах чувашей, принявших ислам [Лебедев 1905: 222]. Если древние чуваша отдыхали в среду (среда — *юн кун* — «день крови», т. е. жертвоприношений), то со Средних веков они отдыхали в пятницу. И сейчас в экспедициях встречаем чувашей по документам, но по религиозной принадлежности и внешним атрибутам они оказываются татарами.

Процесс исламизации и отатаривания чувашей, длительное время имевший скрытый характер и не находивший адекватного отражения в официальных статистических и делопроизводственных материалах XIX в., приобрел открытые формы и вызвал усиленный интерес со стороны православных миссионеров и царской администрации. В это время, в особенности со второй половины XIX в., в контактных с татарами зонах отмечаются акции по массовому переходу чувашей в ислам. Так, в 1866 г. о желании исповедовать мусульманство заявили чуваша селений Средние Алгаши, Дувановка, Три Избы Шемурши, Трех-Болтаево, Чепкас-Ильметьево, Старое Шаймурзино, Новое Дуваново, Буинка, Саушево, Чекильдям Буинского уезда Симбирской губернии. Случаи перехода в ислам отмечаются также среди чувашей д. Кукушмы, Белой Волошки и Утево Тетюшского уезда Казанской губернии, Татарское Сунчелево, Салдакаево Чистопольского уезда, Тенеево, Полевое Байбахино, Водоял (Уты) Цивильского уезда Казанской губернии, Нижние Нурлаты Самарского уезда Самарской губернии. В начале XX в. фиксируется сильная исламизация жителей чувашских селений Сугуты Тетюшского уезда, Казябаш, Новое Сережино, Алексеевки, Абдикеево, Рысайкино, Старое Ганькино, Николькино, Булантамака, Сумели Степанкова, Вороний Куст, Иглайкино, Сабакеево, Калмаюр Самарской губернии. Отпадают в ислам чуваша д. Теневой, Полевое Байбахино Цивильского уезда Казанской губернии, Старое Афонькино, Артемьевки (Булантамак) Самарской губернии. У жителей этих селений была различная мотивация: от действительного желания исповедовать ислам и «выйти в татары» до попыток сохранить этими действиями свой религиозный и культурный уклад жизни. Это явление наглядно показывало интенсивность процесса культурно-религиозного влияния татар-мусульман на своих соседей-чувашей и, как следствие, их частичную языковую и конфессиональную унификацию [Исхаков 2011: 139–142, 197].

К разряду окончательно отатарившихся относят чувашей д. Кукшим, Белой Волошки, Утево-Биково и Сугуты Тетюшского уезда. В начале XX в. с большой доброжелательностью относились к татарам и усваивали их обычаи чуваша Чистопольского уезда. Аналогичная картина складывалась во многих селах и деревнях Цивильского уезда. Так, в д. Тенеевой была построена мечеть, а в 1905 г. жители д. Полевое Байбахино Кошелеевского прихода подали прошение об отнесении их к исламу [Коблов 1910а: 21–22].

Пеструю картину представляют те чуваша, которые исповедуют православие, официально причислены к татарам, а в метрических книгах записаны чувашами. Такие «православные татаро-чуваша» встречаются, например, в селениях Цивильской окружности (Старое Тябердино, Большое Тябердино, Молькеево, Курбаши, Хозесаново, Янгозино). Впрочем, А. Ф. Риттих определил население указанных деревень как мещеряков (мишарей). Но самое интересное то, что говорят они на каком-то среднем наречии между чувашским и татарским языками, но ни тем, ни другим народом не признаются за своих. «Одеваются как чуваша. Женщины носят те же украшения, но с прибавкою к чувашскому наряду пестрых и разноцветных юбок... Они живут среди чуваш, которых большая часть в этом месте исповедует православие. Сами себя мещеряки называют чувашами, чуждаясь названия татарами именно потому, что они крещены» [Риттих 1870: 39–40]. Как татаризованные и граничащие с Татарстаном, все эти селения в 1921 г. по административно-территориальному переделу были исключены из Чувашской Республики и причислены к Республике Татарстан. Однако еще Я. Д. Коблов на собранном богатом материале констатировал: «Все исторические, лингвистические и этнографические данные говорят за то, что жители означенных селений не татары, а чуваша» [Коблов 1910: 23]. Те же процессы происходили и с мишарями Буинского уезда, где проживает их основная масса. Теперь это регион проживания «продвинутых» исламистов.

Ситуация с этническим и конфессиональным смешением населения в приграничных зонах действительно сложна. С первого взгляда можно и ошибиться в оценке происходящего процесса. Для примера возьмем высказывание студента Казанской духовной академии Николая Зеленцова о Молькеевском кусте поселений в 1879 г. Эти деревни тогда входили в Цивильский уезд. «Все

эти деревни (в количестве 10) населены инородцами, принадлежащими к очувавшимся татарам, у которых от последнего остался, кажется, один лишь язык», — писал Николай Зеленцов. По вероисповеданию они были причислены к православным. Мужчины едва понимали русскую речь. Женщины не знали ни одного слова. Днем отдыха у них была пятница. Преимущественно придерживались старых обрядов и верований. Церковь не посещали. С татарами дружили. В заключение Николай Зеленцов признавался, что из-за незнания языка местного населения его наблюдения являются поверхностными [Багаутдинова, Исхаков 2015: 169–171]. Действительно, не смог разобраться в сложной этнической ситуации студент. Отатарившихся чувашей он принял за очувавшихся татар. Впрочем, не ошибусь, если скажу, что очувавшихся татар *de facto* нет.

Вхождение в бытовой ислам проходило, например, к началу XX в. и среди белебеевских чувашей: «Живя в близком соседстве с татарами, некоторые селения утратили свои национальные особенности и приняли язык и быт татар. Таковы чуваша в селах: Савалееве, Баткаке, Драгун-Бехметеве, Базгиеве и др. Есть в некоторых из этих селений и отпавшие в ислам» [Матвеев 1910: 55]. Отатарившиеся чуваша придумали себе термин *Эпир тутара тух-нй* (букв. «мы вышли в татары»), т. е. они отошли от своих традиций и соблюдают религиозные привычки ислама.

Список татарских слов, заимствованных чувашами, весьма длинный. К примеру: татар. *матур*, чуваш. *маттур* (вместо *чипер*) — «красивый»; татар. *дәрт*, чуваш. *терт* (вместо *хён*) — «мучение»; татар. *кујан*, чуваш. *куйан* (вместо *мулкас*) — «заяц»; татар. *миндәр*, чуваш. *минтер* (вместо *сытар*) — «подушка»; татар. *чййак*, чуваш. *чечек* (вместо *сезке*) — «цветок»; татар. *јаулык*, чуваш. *явләк* (вместо *тутәр*) — «платок» [Ашмарин 1898: VII]. Образование единой чувашско-татарской лексики коснулось и междометий. Например, звукоподражательное слово *крак* и в чувашском, и в татарском языках одинаково означает крик вороны, грача и ворона, хотя в чувашском наряду с *крак* бытует и *кранк*. Этот процесс в виде татаризации продолжается и сегодня.

Однако любое влияние не бывает без встречных проникновений. И в случае с казанско-татарским наречием не обошлось без чувашских соприкосновений. Этот список немал. Например, чуваш.

вакă → татар. *бăкĕ* «прорубь»; чуваш. *кăнчала* → татар. *көнçăлă* «сверток избитой шерсти, навязанный на прялку»; чуваш. *ясмак* → татар. *ясмык* «чечевица»; чуваш. *кăмпа* → татар. *гөмбә* «гриб»; чуваш. *сёмёрт* → татар. *шөмөрт* «черемуха»; чуваш. *сёмсёр* → татар. *сөмсөр* «нахально лезущий напролом, чтобы получить что-либо». В своей работе Н. И. Ашмарин указал на фонетические нюансы заимствованных татарами у чувашей слов. Так, в слове *вакă* — *бакы* «прорубь» звук *в* перешел в *б* из-за отсутствия такого звука в татарском языке. Если бы это было исконно татарское слово, то мы бы имели *йүгĕ*. Аналогично происходило в татарских заимствованиях из русского языка: *вагон* → *багун*, *букварь* → *букбар* [Ашмарин 1905: 8–13].

В чувашских деревнях Республики Татарстан влияние культуры соседей, естественно, велико. Например, возьмем с. Старое Суркино Альметьевского района. Здесь проживают чувашаи, придерживающиеся своих традиционных обрядов и верований. Однако с каждым годом процесс потери своих обычаев и усвоения традиций соседей усиливается. Длительное соседство с татарами отразилось на языке суркинцев. Он татаризирован до такой степени, что может считаться смешанным чувашско-татарским языком. Жители Суркино с трудом понимают язык своих соплеменников из Чувашской Республики, зато превосходно изъясняются на татарском языке, особенно люди старшего поколения [Галлямова, Столярова 2010: 111]. В итоге слова типа казанско-татарского *кызыклы* «интересно, интересный» стали сугубо чувашскими — *кăсăклă*. Они бытуют не только в смешанных деревнях, но дошли через литературный язык до всех чувашей.

Многие крещеные и некрещеные чувашаи Уфимской провинции к середине XVIII в. слились с местными нагайбаками.

Как известно, марийцам этноним «подарили» соседние татары, назвав их *черемисами* — «воинствующими». Сами же они себя называют *мăри*.

Аналогичную картину обрисовывал в письме в Комиссию по изучению племенного состава населения России Н. А. Бобровников. В частности, он в сердцах писал: «В Приволжском крае есть значительные районы, где живут „новые“ татары и башкиры из чуваш, черемис, вотяков; есть районы, где живут башкиры, мещеряки, тептяри, еще не вполне утратившие, под влиянием татар, свои

языковые особенности... К какому племени причислить и какому комиссариату отдать, например, просвещение деревни, в которой мужчины обрили головы и говорят по-татарски, женщины вычернили себе зубы, но говорят, особенно старые, по-чувашски, дети говорят на обоих языках? [СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1917). Д. 30: 178–178 об.]

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В работе проанализированы три основные версии истории (происхождения и формирования) чувашского народа. Рассмотренные в книге племена в той или иной степени взаимосвязаны друг с другом, однако каждое из них прошло свой исторический путь. Полученные выводы опираются на достоверные источники. Для выяснения корректности имеющихся версий критически проанализирована основная литература по теме.

Согласно первоисточникам, наиболее достоверной является савирская гипотеза происхождения чувашей, вернее, савары/савиры/сувары составили стержень и ядро предков чувашей. Остальные версии в работе представлены в главах в «угасающей» последовательности по отношению к чувашам (булгарская и тюрко-монгольская). Тем не менее современных чувашей невозможно назвать «чистыми» потомками савириков. Генетические, антропологические и языковые показатели, а также обряды, верования и другие этнографические элементы в процессе исторических взаимодействий в той или иной степени впитали компоненты исторических соседей.

История предков чувашей состоит из нескольких пространственно-временных периодов.

1. Северный Кавказ (II в. н. э. — 737 г.).
2. Салтово-маяцкая культура (737–895 гг.).
3. Левобережье Среднего Поволжья (895–922 гг.).
4. Правобережье Среднего Поволжья (922 г. — по сегодняшний день).

Факты говорят в пользу того, что *савары/савиры/савиры/савиры/сувары* верно оценивали ситуации на своем стратегическом пути. Ушедшие в 922 г. на правобережье Волги сувары — это ядро предков современных чувашей, сумевшее на своем долгом историческом пути сохранить исконные традиции и избежать участи быть поглощенными исламской культурой. Пройденный предками чувашей путь представляет собой историю поиска себя.

Если даже отложим все предположения, относящиеся к событиям до нашей эры, то остаются сведения начала нашей эры. Это свидетельства Птолемея (II в.), Элия Геродиана (III в.), Аммиана Марцеллина (IV в.), Приска Панийского, Прокопия Кесарийского и Стефана Византийского (V в.). В это время тюрков на Кавказе еще не было. Они появляются в регионе в VI в.

Автор, опираясь на выверенные источники и выводы исследователей смежных дисциплин, строил систему фактов и демонстрировал ее. В исследовании дается анализ источников и литературы по теме. Автор разбирал гипотезы, версии и факторы, имевшие или имеющие отношение к обсуждаемой теме. Стояла задача — достать из ячеек истории забытые факты и разложить по возможности последовательно и системно так, чтобы читатель сам мог делать (при желании) выводы. Обнаружилось, что большинство работ по обсуждаемой теме написано по имеющимся лекалам.

CONCLUSION

The work contains an analysis of three basic versions of history (origin and formation) of the Chuvash. The tribes studied in the book are interconnected between themselves to some extent. However, each of the tribes has passed its own historical way. The findings are based on reliable sources. In order to verify correctness of the existing versions, the principal researches within the subject were critically analyzed.

According to original sources, the most reliable hypothesis is the Savir hypothesis of origin of the Chuvash. To put it more precise, Savars/Savirs/Suvars formed the pivot and the core of the Chuvash ancestry. The rest versions are represented in this work in decreasing sequence in relation to Chuvash (Bulgar and Turkic-Mongolian). Nevertheless, the modern Chuvash people cannot be called “pure” descendants of Savir. Genetic, anthropological and linguistic data, and also rites, beliefs, and other ethnographical elements in the process of historical interaction have absorbed components from historical neighbours to some extent.

The history of Chuvash ancestry consists of some spatiotemporal periods.

1. North Caucasus (II century A.D. — 737 year).
2. Saltovo-Mayatsk culture (737–895 years).
3. The left bank of the Middle Volga Region (895–922 years).
4. The right bank of Middle Volga Region (922 — till present time).

The facts confirm that *Savars/Sapirs/Savirs/Sabirs/Suvars* had correct understanding of situations on their strategic way. Suvar people who went in 922 year to the right bank of Volga became the core of ancestry of the modern Chuvash people; they preserved their original traditions on their long historical way and avoided the destiny of merger into Islamic culture. The road passed by Chuvash people is the history of search of their identity.

Even if we put aside all suppositions related to the events B.C., we can deal with the data of the times close to A.D. There are such sources as Ptolemy (II century), Aelius Herodianus (III century), Ammianus

Marcellinus (IV century), Prisk of Panion, Procopius Caesarensis and Stephanus Byzantinus (V century). At that time there were no Turkic peoples in the Caucasus. They appeared in that region in VI century.

The author on the basis of verified sources and conclusions of the closely related scholarly studies has constructed the system of facts and demonstrated it. The research presents analysis of sources and works on the subject. The author examined hypotheses, versions and factors which were or are related to the discussed issue. The task was to retrieve forgotten facts from cells of historical memory, arrange them consecutively and systematically, as far as possible, so that a willing reader could draw own conclusions. It has been found that the majority of works on the discussed subject was written according to existing clichés.

Архивные источники

Автор. Полевые записи и собрания автора в 1967–2004 гг. — 208 с. + коллекция фотографий.

ИИМК. Ф. 2. Оп. 2. Д. 1453. Элле К. В. Древности Чувашской АССР. 1934 г. — 26 л.

Поле 90. Экспедиция автора в 1990 г. в Шенталинский р. Куйбышевской обл. Магнитофонные записи, фотографии, записи от руки. — Лл. 134–240.

РГИА. Ф. 470. Оп. 4. Д. 111. Гоф-интендантская контора Министерства Императорского двора: Дело № 3 по предложению Его Превосходительства генерала-лейтенанта и кавалера господина Фермора об определении в службу в Ее Величества канцелярию от строений из чуваш новокрещеного Петра Егорова в архитектурную науку. 1755 г. — 7 л.

РНБ. Ф. 885. Д. 223. Дамаскин, епископ Нижегородской и Алатырский. Словарь языков разных народов в Нижегородской епархии обитающих; имянно Россиян, Татар, Чювашей, Мордвы и Черемис... 1785 г. — 447 л.

СПбФ АРАН. Ф. 2. Оп. 1 (1917). Д. 30. Бобровников Н. В Комиссию по изучению племенного состава населения России. 1918 г. — Лл. 177–181.

СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 33. W. W. Radlow. [Die Grammatik der Sprache Chuvash. 1916–1918 JJ. Не опубликовано.] — 35 Blätter.

СПбФ АРАН. Ф. 177. Оп. 1. Д. 107. Радлов В. В. Смешанный словарь на карточках. Не опубликовано. Б. д. — 2888 л.

СПбФ АРАН. Ф. 800. Оп. 6. 377. Павлов-Сильванский Н. Н. Обычно-правовые воззрения чуваш по материалам, собранным летом 1927 г. 1928 г. — 14 л.

ЧГИ 151. Никольский Н. В. Этнография. 1887–1905 гг. — 355 с.

ЧГИ 154. Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1892–1905 гг. — 405 с.

ЧГИ 209. Никольский Н. В. Этнография, фольклор. 1910–1911 гг. — 646 с.

ЧГИ 216. Никольский Н. В. Этнография. 1910–1911 гг. — 570 с.

ЧГИ 309. Никольский Н. В. Краткие материалы по этнографии. Вторая пол. XIX — начало XX вв. — 526 с.

ЧГИ 319. Никольский Н. В. Этнография. Вторая пол. XIX — начало XX вв. — 646 с.

ЧГИ 623. Элле К. В. Этнография. 1925–1928 гг. — 132 с.

ЧГИ III-152. Васильев П. Фольклорные материалы, собранные воспитанником Симбирской чувашской школы. 1886 г. — 226 л.

ЧГИ III-195. Вершков Д. П. Фольклор с. Шашкары. 1937–1959 гг. — 352 л.

ЧГИ III-536. Материалы экспедиции студентов ЧГУ под руководством автора в Шакуловский с/с Канашского р. Тетрадь Галины Акчуриной. 1976 г. — 96 л.

SUS. Kotelo 644. Ramstedt G.J. Tšuvassi. 1922 J. — 16 p.

Использованная литература

Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Т. III. — Л.: Наука, 1979. — 358 с.

Абу-л-Фида’. Таквим ал-булдан (Книга упорядочения стран) // Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: Текст. Перевод. Комментарий. — М.: Восточ. лит., 2009 — С. 76–166.

Агафий Миринейский. О царствовании Юстиниана / Пер., ст. и примеч. М. В. Левченко. — М.: Арктос, 1996. — 256 с.

Адонц Николай. Армения в эпоху Юстиниана. — Ереван: ЕГУ, 1971. — 528 с.

Айдын Эрхан. Заметки по поводу названий тюркских племен, встречающихся в енисейских памятниках // Эпиграфика Востока. — М.: ИВ РАН, 2011— С. 3–13.

Акиева П. Х. Архетипическое в этнокультуре ингушей (на материале мифологии, нартского эпоса и обрядов жизненного цикла). ДД. — Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2016. — 425 с.

Акимов М. С. Палеоантропологические материалы с территории Чувашской АССР // Краткие сообщения. — Вып. 23. — Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР, 1955. — С. 78–92.

Акимов М. С. Антропология древнего населения Приуралья. — М.: Наука, 1968. — 120 с.

Акимов О. А. Комментарии к главе 29 // Багрянородный Константин. Об управлении империей: Введение — Г. Г. Литаврин. [Греч.] текст, пер., коммент. — М.: Наука, 1991.

Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографическою экспедициею Императорской академии наук. Т. 1: 1294–1598. — СПб.: Тип. II отделения Собственной ЕИВ Канцелярии, 1836. — XV, 491, 12, 25, 4 с.

Ал-Бекри. Известия о славянах и их соседях. Издал и перевел барон В. Розен // Записки Императорской Академии наук. Т. 32. — СПб.: Имп. АН, 1879. — С. 1–64.

Ал-Гарнати А. Х. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). — М.: Наука, 1971. — 136 с.

Ал-Джуджани. Насиловы разряды // Тизенгаузен В., сост. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извле-

чения из персидских сочинений. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — С. 13–19.

Ал-Идриси. Отрада страстно желающего пересечь мир // Конова-лова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. — М.: Восточ. лит., 2006. — С. 108–275.

Ал-Истахри Абу-Исхак. Книга путей и царств / Пер. и примеч. Н. А. Караулова. — Тифлис: Канцелярия Главноначальствующего гражданской частью на Кавказе, 1901. — 73 с.

Ал-Истахри. Книга путей и стран / Пер. Т. М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III: Восточные источники. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. — С. 81–86.

Ал-Кāшгарī Махмуд. Дивāн Лугāt ат-Турк / Пер., предисл. и коммент. З.-А. М. Ауэзова. Индексы — Р. Эрмерс. — Алматы: Дайк-Пресс, 2005. — 1288 с.

Ал-Куфи Абу Мухаммад. Книга завоеваний (Извлечения по истории Азербайджана VII–IX вв.) / Пер. с араб. З. М. Буниятова. — Баку: Элм, 1981. — 84 с.

Ал-Мукаддаси. Наилучшее распределение для познания стран // Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. I: VII–XV вв. Арабские и персидские источники. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1939. С. 184–208.

Ал-Мукаддаси. Лучшее разделение для познания климатов / Пер. с араб., введ., коммент., указ., карта, таблица — Н. И. Сериков // Восточное историческое источниковедение и специальные исторические дисциплины. — Вып. 2. — М.: Наука, 1994. — С. 268–334.

Алексеев В. П. Антропологические данные к проблеме происхождения населения Центральных предгорий Кавказского хребта // Антропологический сборник. IV. — М.: Изд-во АН СССР, 1963. — С. 28–64.

Алексеев В. П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Археология и этнография Татарии. — Вып. 1. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1971. — С. 232–271.

Алексеев В. П. Избранное. Т. 5: Происхождение народов Кавказа. — М.: Наука, 2009. — 380 с.

Алексеева Т. И. Антропологический тип населения Чувашии // Краткие сообщения / Институт этнографии имени Н. Н. Миклухо-Маклая АН СССР. XXIII. — М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 93–100.

Алексеева Т. И. Очерк этнической антропологии чувашей // Актуальные аспекты антропологии. — Чебоксары: ЧГИГН, 2004. С. 50–58.

Али-заде А. А. Исламский энциклопедический словарь. — М.: Ансар, 2007. — 400 с.

Аликберов А. К. Ранние хазары (до 652/653 г.), тюрки и Хазарский каганат // Хазары: миф и история. — М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2010. — С. 42–65.

Амирханов Хусаин. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / Пер. со старотатар., вступ. ст. и коммент. А. М. Ахунова. — М.: Марджани, 2010. — 219 с.

Аммиан Марцеллин. Римская история / Пер. Ю. Кулаковского. — М.: Алетейя, 1996. — 569 с.

Аннинский С. А. Известия венгерских миссионеров XIII и XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. Т. III. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1940. — С. 71–112.

Аноним Равеннский. Космография // Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. — М.: Индрик, 2002. С. 161–286.

Анфертьев А. Н. Комментарии к «Иордан. Getica» // Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. I (I–VI вв.). — М.: Восточ. лит., 1994. С. 98–160.

Артамонов М. И. История хазар. — Л.: Гос. Эрмитаж, 1962. — 524 с.

Артемьев А. [И.], ред. Казанская губерния: Список населенных мест по сведениям 1859 года. — СПб.: Центр. стат. комитет МВД, 1866. — LXXX, 237 с.

Арутюнов С. А. Народы и культуры: развитие и взаимодействие. — М.: Наука, 1989. — 247 с.

Ат-Табари. История / Пер. с араб. В. И. Беляева. Дополнения к пер. О. Г. Большакова и А. Б. Халидова. — Ташкент: Фан, 1987. — 442 с.

Атнагулов И. Р. Этническая история нагайбаков в XVIII — начале XX веков: становление и трансформация идентичностей. ДД. — Магнитогорск: МГТУ, 2017. — 468 с.

Ахмеров Гайнетдин. Избранные труды: История Булгарии. История Казани. Этнические группы и традиции татар. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1998. — 240 с.

Ахмеров Гайнетдин. Экскурсия на место древнего Суvara // ИОАИЭ. Т. XI. 1893. — С. 478–481.

Ахметьянов Р. Г. Сравнительное исследование татарского и чувашского языков (фонетика и лексика). — М.: Наука, 1978. — 248 с.

Ахунов А. М. Хусаин Амирхан и его книга «Таварих-е Булгарийа» // Амирханов Хусаин. Таварих-е Булгарийа (Булгарские хроники) / Пер. со старотатар., вступ. ст. и коммент. А. М. Ахунова. — М.: Марджани, 2010. — С. 4–13.

Ашмарин Н. И. Материалы для исследования чувашского языка. Ч. 1; Ч. 2: Учение о звуках (фонетика). Учение о формах (морфология). — Казань: Типо-лит. Имп. ун-та, 1898. — [2], XXXIV, 392, XIX, 24 с.

Ашмарин Н. И. Болгары и чуваша. — Казань: Имп. ун-т, 1902. — 132 с.

Ашмарин Н. И. Об одном мусульманском камне на «Архиерейской даче» в Казани. — Казань: Тип.-лит. Имп. ун-та, 1905. — 23 с.

Ашмарин Н. И. Словарь чувашского языка. — Вып. IV. — Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1929. — 352 с.; Вып. V. — Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1930. — 420 с.; Вып. VI. — Чебоксары: Наркомпрос ЧАССР, 1934. — 320 с.; Вып. XIII. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1937а. — 320 с.

Ашмарин Н. И. О морфологических категориях подражаний в чувашском языке. — Казань: Акад. центр ТНKP, 1928. — 160 с.

Ашмарин Н. И. Заметки по сравнительной грамматике тюркских народов. — Казань: Б. и., 1928а. — 104 с.

Ашурбейли Сара. Государство Ширваншахов (VI–XVI вв.). — Баку: Элм, 1983. — 344 с.

Багаутдинов Риза, Хузин Фаяз. Ранние булгары на Средней Волге // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. — Казань: Рухият, 2006. С. 116–123.

Багаутдинова Х. З., Исхаков Р. Р., сост. Религиозный синкретизм и традиционная обрядность татар-кряшен Волго-Уралья (XIX — начало XX в.). Сборник материалов и документов. — Казань: Ин-т истории им. Ш. Марджани, 2015. — 324 с.

Багратуни Псевдо-Шапух. История анонимного повествования / Пер., сост. и ред. М. О. Дарбинян-Меликян, М. О. Мелик-Оганджян. — Баку: Изд-во АН АрмССР, 1971. — 238 с.

Багрянородный Константин. Об управлении империей / Введение — Г. Г. Литаврин. [Греч.] текст, пер., коммент. — М.: Наука, 1991. — 496 с., карта.

Баладзори. Книга завоевания стран. Текст и перевод. / Пер. с араб. П. К. Жузе. — Баку: Об-во обследования и изучения Азербайджана, 1927. — 111 с.

Балановская Е. В., Агджоян А. Е., Жабагин М. К., Юсупов Ю. М., Схалыхо Р. А., Долинина Д. О., Падиокова А. Д., Кузнецова М. А., Маркина Н. В., Атраментова Л. А., Лавряшина М. Б., Балановский О. П. Татары Евразии: своеобразие генофондов крымских, поволжских и сибирских татар // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. — № 3. — 2016. — С. 75–85.

Балановский О. П. Генофонд Европы. — М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2015. — 354 с.

Барбаро Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. / Пер. Е. Ч. Скржинской. — М.: Наука, 1971. — 275 с.

Барбаро Иосафат. Путешествие в Тану // Барбаро и Контарини о России: К истории итало-русских связей в XV в. Вступ. ст., подг. текста, пер. и коммент. Е. Ч. Скржинской. — Л.: Наука, 1976. — С. 136–187.

Бартольд В. Отчет о поездке в Среднюю Азию с научною целью. 1893–1894 гг. — СПб.: Имп. АН, 1897. — 151 с.

Бартольд В. В. История турецко-монгольских народов. — Ташкент: Казак. высш. пед. ин-т, 1928. — 35 с.

Бартольд В. Введение // Худūd ал-‘āлем. Рукопись Туманского. С введением и указателем В. Бартольда. — Л.: Изд-во АН СССР, 1930. — С. 1–32.

Бартольд В. В. Сочинения. Т. V. — М.: Наука, 1968. — 757 с.; Т. VIII. — 1973. — 723 с.

Баскаков Н. А. Тюркские языки. — М.: ЛКИ, 2008. — 242 с.

Бейбарс Рукнеддин. Сливки размышления по части летописания гиджры // Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: С. Г. Строганов, 1884. — С. 83–123.

Белорыбкин Г. Н. Западное Поволжье в средние века. — Пенза: ПГПУ, 2003. — 199 с.

Бенцинг И. Языки гуннов, дунайских и волжских болгар // Зарубежная тюркология. — Вып. I. — М.: Наука, 1986. — С. 1–28.

Березина Н. С., Харитонов В. Г., Ефремова Д. Ю. Предварительные итоги изучения болгаро-чувашского Шинерпосинского святилища в округе города Чебоксары (по материалам этнографии и археологической разведки) // Город Чебоксары и его округа в эпоху Средневековья. — Чебоксары: ЧГИГН, 2013. — С. 56–65.

Берёзкин Ю. Е. Сибирско-южноазиатские фольклорные параллели и мифологии евразийской степи // Археология, этнография и антропология Евразии. 2012. 4 (52). С. 144–155.

Бермешева М., Тамбетс К., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. Разнообразие гаплогрупп митохондриальной ДНК у народов Волго-Уральского региона России // Молекулярная биология. Т. 36. — № 6. — 2002. — С. 990–1001.

Беруни Абу Райхан (973–1048). Избранные произведения. Т. VI / Вст. ст., пер. и примеч. Б. А. Розенфельда и А. Ахмерова. — Ташкент: Фан, 1975. — 328 с.

Благова Г. Ф., Левитская Л. С., Дыбо А. В., Насилов Д. М., Поцелуевский Е. А. Этимологический словарь тюркских языков: общетюркские и межтюркские основы на буквы «Л», «М», «Н», «П», «С». — М.: Восточ. лит., 2003. — 446 с.

Боготова З. И. Изучение генетической структуры популяций кабардинцев и балкарцев. АДК. — Уфа: ИБГ УНЦ РАН, 2009. — 24 с.

Боготова З. И., Кутуев И. А., Хусаинова Р. И., Валиев Р. Р., Кереева М. К., Хуснутдинова Э. К. Анализ Alu-инсерционного полиморфизма в популяциях кабардинцев и балкарцев // Медицинская генетика. Т. 8. — № 1. — 2009. — С. 19–24.

Болгов Н. Н. Северное Причерноморье позднелатинского времени: проблемы истории и археологии. — Белгород: БелГУ, 2002. — 204 с.

Большаков О. Г. Примечания // Ал-Гарнати Абу Хамид. Путешествие в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). — М.: Гл. ред. восточ. лит., 1971. — С. 62–83.

Боталов С. Г. Гунны и тюрки (историко-археологическая реконструкция). — Челябинск: ЮУФ ИИА УрО РАН, 2007. — 306 с.

Бруни Корнелий де. Путешествия в Московию // Россия XVIII века глазами иностранцев. — Л.: Лениздат, 1989. — С. 19–188.

Буданова В. П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. — М.: Наука, 2000. — 540 с.

Бужилова А. П. Донские аланы по данным антропологии // Человек и древности: памяти Александра Александровича Формозова (1928–2009). — М.: Гриф и К., 2010. — С. 855–866.

Булатов А. Б., Дмитриев В. Д. Параллели в верованиях древних суваров и чувашей // Ученые записки. — Вып. XXI. — Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1962. — С. 226–236.

Булыгина Е. А., Соловьев В. Д. ДНК-филогения и лингвистическое разнообразие тюркских народов // Ученые записки Казанского университета: Естественные науки. Т. 155, кн. 4. 2013. — С. 69–81.

Валеев Р. М. Торговля в Поволжье и Приуралье в IX — начале XV веков. АДД. — Казань: КГУКИ, 2011. — 42 с.

Вардан Великий. Всеобщая история / Пер. Н. Эмин. — М.: Лазарев. ин-т восточ. яз., 1861. — 218 с.

Васильев Д. Д., Хелимский Е. С. XXIX сессия Постоянной международной алтаистической конференции // Вестник Академии наук СССР. — № 5. — 1987. — С. 72–78.

Васильева Т. А., Петрова Н. В., Тимковская Е. Е., Ельчинова Г. И., Зинченко Р. А., Гинтер Е. К. Медико-генетическое изучение населения Республики Татарстан. Сообщение VI: Популяционно-генетическое изучение этногеографических групп татар (анализ девяти полиморфных ДНК-локусов ядерного генома) // Медицинская генетика. Т. 12. — № 5. — 2013. — С. 3–20.

Вельяминов-Зернов В. В. Исследование о Касимовских царях и царицах. Ч. 1. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1863. — 4, XIV, 558 с.

Вернадский Г. В. История России: Древняя Русь. — Тверь: ЛЕАН, 1996. — 448 с., карты.

Виноградов В. С. Вопросы развития национальных музыкальных культур в СССР. — М.: Сов. композитор, 1961. — 303 с.

Витсен Николаас. Северная и Восточная Тартария, включающая области, расположенные в северной и восточной частях Европы и Азии. Т. I. — Амстердам: Pegasus, 2010. — XXIII, 621 с.; Т. II. 2010а. — С. 622–1225.

Витневский Б. Н. Антропологическое изучение чуваш: к отчету по исследованиям 1927 г. // Чувашская республика. Сб. 1: Предварительные

итоги работ Чувашской экспедиции Академии наук СССР по исследованиям 1927 г. — Л.: АН СССР, 1929. — С. 229–252.

Владимирцов Б. Я. Общественный строй монголов: Монгольский кочевой феодализм. — Л.: Изд-во АН СССР, 1934. — XI, 223 с.

Волков В. Г. К вопросу о миграциях и прародине кыпчаков. Генетический аспект // Золотоордынская цивилизация. — № 9. — Казань: ИИ АН РТ, 2016. — С. 298–308.

Воробьёв Н. И. Происхождение казанских татар по данным этнографии // Происхождение казанских татар. — Казань: Татгосиздат, 1948. — С. 62–80.

Воробьёва Е. Е., Федулов М. И. «Большие Ключищи» Ульяновской области как новый археологический комплекс: предварительные итоги // Поволжская археология. — № 1. — 2016. — С. 235–248.

Вязов Л. А., Семькин Ю. А. Городище и селище Новая Беденьга: эпоха Великого переселения народов в Ульяновском Предволжье. — Ульяновск: НИИ истории и культуры, 2016. — 227 с.

Гаджиев М. С. О местоположении Варачана // РА. — № 2. — 1995. — С. 29–35.

Гаджиев М. С. Миссия епископа Исаела и вопросы исторической географии Кавказской Албании // Северный Кавказ: историко-археологические очерки и заметки. — М.: ИА РАН, 2001. С. 162–170.

Гаджиев М. С. Древний город Дагестана: Опыт историко-топографического и социально-экономического анализа. — М.: Вост. лит., 2002. — 320 с.

Гаджиев М. С. К этнокарте Северо-Западного Прикаспия в позднесарматский период (в контексте сообщения Хоренаца о походе хазир и басил в 216 году) // Нижневолжский археологический вестник. — Вып. 11. — Волгоград: ВГУ, 2010. — С. 69–78.

Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа: IV–X вв. — ЛГУ, 1979. — 216 с.

Гадло А. В. Основные этапы и тенденции этносоциального развития этнических общностей Северного Кавказа в период раннего средневековья // Вестник Ленинградского университета. Серия 2. — Вып. 1. — 1986. — С. 11–23.

Газимзянов И. Р. Антропологический облик татар // Татары. — М.: Наука, 2001. — С. 35–40.

Газимзянов И. Р., Набиуллин Н. Г. Антропология населения Джукетау (по материалам Донауровского некрополя) // Ученые записки Казанского университета. Т. 153, кн. 3: Гуманитарные науки. 2011. — С. 21–28.

Галкина Е. С. К вопросу о роли Великой Булгарии в этнополитической истории Восточной Европы // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. — № 1. — 2011. — С. 5–32.

Галлямова А. Г., Столярова Г. Р. Чуваши-язычники Татарстана: этнокультурная отличительность в условиях модернизации // Крестьянство в российских трансформациях: исторический опыт и современность. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 2010. — С. 107–112.

Гевонд Вардапет. История халифов. Пер. с армян. К. Патканьян. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1862. — [2], XII, 165, [3] с.

Гейбуллаев Г. А. Топонимия Азербайджана (историко-этнографическое исследование). — Баку: Элм, 1986. — 116 с.

Генко А. Н. Арабский язык и кавказоведение // Труды Института востоковедения. — Вып. XXXVI. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. — С. 81–110.

Герасимова М. М. К вопросу о происхождении балкарцев // Вестник антропологии. — № 3. — 2013. — С. 52–71.

Герберштейн Сигизмунд. Записки о Московии / Пер. А. В. Назаренко. — М.: МГУ, 1988. — 431 с.

Геродиан Элий. Об общей просодии // ВДИ. — № 2. — 1948. — С. 257–263.

Глазунова Е. О., Харьков В. Н., Раджабов М. О., Хитринская И. Ю., Степанов В. А. Генофонд коренных народов Дагестана цезской группы по маркерам Y-хромосомы // Медицинская генетика. Т. 15. — № 4. — 2016. — С. 29–31.

Гмыря Л. Б. «Царство гуннов» (савир) в Дагестане в IV–VII вв. АДК. — СПб.: ИА АН СССР, 1980. — 20 с.

Гмыря Л. Б. Некоторые сведения о гуннах Дагестана // Древние и средневековые археологические памятники Дагестана. — Махачкала: ИИЯЛ ДФ АН СССР, 1980а. — С. 153–169.

Гмыря Л. Б. Страна гуннов у Каспийских ворот: Прикаспийский Дагестан в эпоху Великого переселения народов. — Махачкала: Дагестан. кн. изд-во, 1995. — 287 с.

Гмыря Л. Б. Обретенная родина в представлениях кочевников Прикаспийского Дагестана (IV–VII вв.) // Вестник Челябинского государственного университета. — № 18. — 2007. — С. 111–118.

Гмыря Л. Б. Клятводоговоры кочевников Кавказско-Каспийского региона (V–VII вв.) // Известия Алтайского государственного университета. — № 4/3. — 2008. — С. 62–67.

Гмыря Л. Б. Родственные браки в системе похоронно-поминальных церемоний гунно-булгар Прикаспийского Дагестана (682 год) // Вестник Челябинского государственного университета. — № 24. — 2008а. — С. 25–31.

Гмыря Л. Б. «Диковинный» обряд вызова дождя в религиозной практике населения Прикаспийского Дагестана (652/653) // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. — № 3. — 2009. — С. 58–62.

Гмыря Л. Б. Правовые нормы в Хазарском каганате на раннем этапе истории (середина VII — первая треть VIII в.) // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. — № 2. — 2012. — С. 3–20.

Гмыря Л. Б. Височные привески как социальные маркеры у кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.) // Краткие сообщения Института археологии. — Вып. 234. — М.: Языки славянской культуры, 2014. — С. 25–42.

Гмыря Л. Б. Намеренное искажение убора женского костюма в погребальной практике кочевников Западного Прикаспия (по материалам Паласа-сыртского курганного могильника IV–V вв.) // Древние культы, обряды, ритуалы: памятники и практика. — Зимовники: ЗКМ, 2015. С. 194–228.

Гмыря Л. Б., Саидов В. А., Абдулаев А. М., Шаушев К. Б., Магомедов Ю. А., Кузеева З. З. Раскопки нового объекта сасанидской фортификации на р. Рубас в 2014 г. // Вестник Института ИАЭ ДНЦ РАН. — № 4. — 2015. — С. 165–170.

Голден П. Б. Религия кыпчаков средневековой Евразии // Степи Евразии в эпоху средневековья. Т. 6. — Донецк: ДНУ, 2008. — С. 309–340.

Головинёв А. В. Антропология движения: (Древности Северной Евразии). — Екатеринбург: Волот, 2009. — 496 с.

Головинёв А. В. Дрейф этничности // Уральский исторический вестник. — № 4. — 2009а. — С. 46–55.

Грамота великого князя Василия Ивановича на Вятку в Слободской городок 1522 г. июля 29 // Труды Вятской ученой архивной комиссии. — Вып. 3. — 1905. — С. 81–82.

Греков Б. Д. Избранные труды. Т. II. — М.: Изд-во АН СССР, 1959. — 624 с.

Гришкина М. В. Служилое землевладение арских князей в Удмуртии XVI — первой половины XVIII веков // Проблемы аграрной истории Удмуртии. — Ижевск: УИИЯЛ УрО РАН, 1988. — С. 20–40.

Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. Т. 2: Исторический очерк этих стран в связи с историей Средней Азии. — Л.: Изд. Учен. комитета МНР, 1926. — VI, 898 с.

Гублиа Р. К. Очерки по абхазской этимологии. — Сухум: АГУ, 2013. — 330 с.

Гумилев Л. Н. Древние тюрки. — М.: Т-во «Клышников-Комаров и К^о», 1993. — 526 с.

Гумилев Л. Н. Открытие Хазарии. — М.: Айрис-пресс, 2007. — 411 с.

Гусейнзаде А. Об одном древнем этнопониме Азербайджана (Biläsuvar) // СТ. — № 5. — 1979. — С. 30–35.

Гусейнов Г-Р. А.-К. Происхождение названий города Дербента и топонимии его региона в контексте этноязыковой ситуации раннего Средневековья // Вопросы ономастики. — № 2. — 2014. — С. 54–67.

- Далай Чулууны.** Монголия в XIII–XIV вв. — М.: Наука, 1983. — 232 с.
- Далгат Б. К.** Первобытная религия чеченцев и ингушей. — М.: Наука, 2004. — 240 с.
- Данзан Лубсан.** Алтан тобчи «Золотое сказание» / Пер., введ., коммент. и прил. Н. П. Шестиной. — М.: Наука, 1973. — 439 с.
- Дебец Г. Ф.** Турко-финские взаимоотношения в Поволжье по данным палеоантропологии // Антропологический журнал. — № 1. — 1932. — С. 54–73.
- Денисов П. В.** Религиозные верования чуваш: Историко-этнографические очерки. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1959. — 408 с.
- Денисов П. В.** Этнокультурные параллели дунайских болгар и чувашей. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1969. — 176 с.
- Денисова Г. А., Малярчук Б. А., Деренко М. В., Кравцова О. А.** Популяционная структура поволжских татар по данным о разнообразии митохондриальной ДНК // Генетика. Т. 47. — № 3. — 2011. — С. 387–393.
- Дерфер Г.** О языке гуннов // Зарубежная тюркология. — Вып. I. — М.: Наука, 1986. — С. 71–134.
- Дерюжев Ив.** Поминки у чуваш Бугурусланского уезда, Самарской губернии // Миссионер. 1874. — С. 187–188.
- Дестунис Г. С.,** пер. с греч., примеч. Сказания Приска Панийского. — СПб.: Тип. АН, 1860. — 112 с.
- Джафаров Ю. Р.** Гунны и Азербайджан. — Баку: Элм, 1985. — 124 с.
- Джувейни Ала-ад-Дин Ата-Мелик.** Чигисхан: История завоевателя мира / Предисл. и библиогр. — Дэвид О. Морган. Пер. текста с англ. на рус. яз. Е. Е. Харитоновой. — М.: Магистр-Пресс, 2004. — LXI, 690 с.
- Димитриев В. Д.** Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. — С. 96–118.
- Димитриев В. Д.** О происхождении чувашского народа // Материалы по истории Чувашской АССР. — Вып. 1. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1958. — С. 50–61.
- Димитриев В. Д.** Население Чувашского Поволжья в составе Булгарского государства (X — начало XIII веков) // История Чувашской АССР с древнейших времен до наших дней (краткие очерки). Кн. 1 (дореволюционный период). — Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1962. — С. 23–33.
- Димитриев В. Д.** О значении этнонима «черемисы» в русских и западноевропейских источниках XVI — начала XVIII веков // Ученые записки / НИИ при СМ ЧАССР. — Вып. XXVII. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. — С. 118–132.
- Димитриев В. Д.** О динамике численности татарского и чувашского населения Казанской губернии в конце XVIII — начале XX веков // Ученые записки. — Вып. 47. — Чебоксары: НИИ, 1969. — С. 242–246.

Димитриев В. Д. Чувашские исторические предания: Очерки истории чувашского народа с древнейших времен до середины XIX века. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1993. — 448 с.

Димитриев В. Д. История и национальные проблемы чувашского народа // Вестник Чувашской национальной академии. — № 2. — 1994. С. 26–33.

Димитриев В. Д. Мирное присоединение Чувашии к Российскому государству. — Чебоксары: НАНИ ЧР, 2001. — 120 с.

Димитриев В. Д. Чебоксары: Очерки истории города конца XIII — XVII веков. — Чебоксары: ЧГИГН, 2003. — 180 с.

Димитриев В. Д. Землевладение служилых чувашей Свияжского уезда в середине XVII века // Аграрный строй Среднего Поволжья в этническом измерении. — М.: ИНИОН РАН, 2005: 53–71.

Димитриев В. Д. Чувашский народ в составе Казанского ханства: Предыстория и история. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2014. — 190 с.

Димитриев В. Д. Фальсификация истории // URL: <http://chuvbolgari.ru/index.php/template/kultura-chuvashii/217-falsifikatsiya-istorii>

Дондуа К. Д. Статьи по общему и кавказскому языкознанию. — Л.: Наука, 1975. — 319 с.

Дубов И. Великий Волжский путь. — Л.: ЛГУ, 1989. — 257 с.

Дубова Н. А. Соотношение биологической и социально-культурной дифференциации человечества (на примере народов Средней Азии, Северного Кавказа и Приуралья). АДД. — М.: ИЭА РАН, 2002. — 80 с.

Дыбо А. В. Хронология тюркских языков и лингвистические контакты ранних тюрков // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков: Пратюркский язык-основа. Картина мира пратюркского этноса по данным языка. — М.: Наука, 2006. — С. 766–817.

Дыбо А. В. Лингвистические контакты ранних тюрков: Лексический фонд: пратюркский период. — М.: Восточ. лит., 2007. — 222 с.

Дыбо А. В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 9 (дополнительный): Этимологический словарь базисной лексики тюркских языков. — М.: Наука, 2015. — 577 с.

Дьяконов И. М. Предыстория армянского народа: История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н. э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. — Ереван: ИИ АН АрмССР, 1968. — 264 с.

Егоров В. Г. К вопросу о происхождении чуваш и их языка // Записки. — Вып. VII. — Чебоксары: НИИЯЛИ, 1953. — С. 64–91.

Егоров В. Г. Этимологический словарь чувашского языка. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1964. — 355 с.

Егоров В. Г. Современный чувашский литературный язык в сравнительно-историческом освещении. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1971. — 204 с.

Егоров В. Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. — М.: Наука, 1985. — 246 с.

Егоров Н. И. Избранные труды: Этимология. Этноглоттогенез. Этнолингвокультурология. Т. 1. — Астана; Чебоксары: ЧГИГН, 2009. — 1016 с.

Егоров Н. И. Динамика формирования национальных концепций идентичности у татар и чувашей: От конфессионального к этнонациональному. — Чебоксары: ЧГИГН, 2012. — 52 с.

Ермолаев И. П. Писцовая книга Болтина как источник // Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов: Публикация текстов. — Казань: КГУ, 1978. — С. 5–31.

Ефимова А. М. Могильник на Бабьем бугре городища Болгары // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 80. — М.: Изд-во АН СССР, 1960. — С. 169–194.

Ефимова С. Г. Краниология чувашей как исторический источник // Чуваши: Актуальные аспекты антропологии. — Чебоксары: ЧГИГН, 2004. — С. 59–80.

Желтов П. В., Фомин Е. В., Луутонен Й. Обратный словарь чувашского языка. — Helsinki: SFO, 2009. — 344 с.

Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен. Ч. 1. — М.: Тип. Грачева и К, 1876. — 1174 с.

Загидуллин И. К. К вопросу об образовании Казанского ханства // Средневековые тюрко-татарские государства. — № 7. — 2015. — С. 18–23.

Заляй Л. З. К вопросу о происхождении татар Поволжья (по материалам языка). Ответы на вопросы // Происхождение казанских татар. — Казань: Татгосиздат, 1948. — С. 81–89, 156–158.

Захария Ритор. Хроника // Пигулевская Н. В. Сирийская средневековая историография. Исследования и переводы. Сост. Е. Н. Мещерская. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2011. — С. 570–597.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе: [I] Горган и Поволжье IX–X вв. — М.: Наука, 1962. — 278 с.

Заходер Б. Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. Т. II: Булгары, мадьяры, народы Севера, печенег, русы, славяне. — М.: Наука, 1967. — 212 с.

Зеленеев Ю. А. Этнокультурная история Поволжья в XII–XV вв. АДД. — Казань: ИИ АН РТ, 2013. — 58 с.

Зиливинская Э. Д. Взаимодействие культурных традиций в зодчестве Золотой Орды по данным археологии: АДД. — М.: ИА РАН, 2012. — 40 с.

Златоверховников Иван, сост. Уфимская епархия: Географический, этнографический, административно-исторический и статистический очерк. — Уфа: Типо-лит. А. П. Зайкова, 1899. — VII, 332 с.

Ибн ал-Асир. Полный свод истории (Ал-Камил фи-т-та'рих) / Пер. с араб., коммент., указ. — П. Г. Булгаков. Доп. к пер., примеч. и коммент. Ш. С. Камолиддина. — Ташкент: Узбекистан, 2006. — 590 с.

Ибн-Араб Шах. Чудеса предопределения в судьбах Тимура // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: С. Г. Строганов, 1884. — С. 455–474.

Ибн Баттута Абу Абдаллах. Подарок наблюдателям по части диковин стран и чудес путешествий // Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: С. Г. Строганов, 1884. — С. 278–314.

Ибн-Даста. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Британского музея в первый раз издал, перевел и объяснил Д. А. Хвольсон. — СПб.: Тип. Имп. ун-та, 1869. — XIII, 199 с.

Ибн Са'ид ал-Магриби. Книга распространения земли в длину и ширину // Коновалова И. Г. Восточная Европа в сочинениях арабских географов XIII–XIV вв.: Текст. Перевод. Комментарий. — М.: Восточ. лит., 2009. — С. 19–75.

Ибн-Фадлан. Книга // Ковалевский А. П. Книга Ахмеда Ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Ст., пер. и коммент. — Харьков: Харьков. ун-т, 1956. — С. 119–148.

Ибн Фадлан Ахмад. Книга / Пер. с араб. и примеч. Вяч. С. Кулешова // Путешествие Ибн Фадлана: Волжский путь от Багдада до Булгара. Каталог выставки. — М.: Издательский дом Марджани, 2016. — С. 18–47.

Ибн Хаукал Абу-л-Касым. Книга путей и стран / Пер. Т. М. Калининой // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. III: Восточные источники. — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2009. — С. 86–94.

Ибн Хордадбех. Книга путей и стран / Пер., коммент., исслед., указатели и карты Н. М. Велихановой. — М.: Наука, 1986. — 527 с., карты.

Иванов А. Царство ислама среди чуваш // Самарские епархиальные ведомости. — 1907. — С. 697–707.

Иванов В. А. «Кипчакизация» Урало-Поволжья по данным археологии // Тюркские кочевники Евразии (кимак, кипчаки, половцы). — Казань: ИИ АН РТ, 2013. — С. 77–100.

Иванов Вяч. Вс. О некоторых переднеазиатских параллелях к картельским лексемам // Лингвистический сборник. — Тбилиси: Мецниереба, 1979. — С. 111–129.

Иванов Вяч. Вс. Языки мира // Лингвистический энциклопедический словарь. — М.: Советская энциклопедия, 1990. — С. 609–613.

Ивановский А. А. Население земного шара: Опыт антропологической классификации. — М.: Тип. П. П. Рябушинского, 1911. — 6 с., 508 стлб.

Идес Избрант и Бранд Адам. Записки о русском посольстве в Китай (1692–1695). — М.: Гл. ред. восточ. лит., 1967. — 404 с.

Избицер Е. В. Еще раз к вопросу о месте происхождения колесного транспорта и его появлении на Северном Кавказе // Материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. — Вып. XI. — М.: Памятники исторической мысли, 2013. — С. 109–116.

Измайлов Искандер. Защитники «Стены Искандера»: Вооружение, военное искусство и военная история Волжской Булгарии X–XIII вв. — Казань: Татар. кн. Изд-во, 2008. — 206 с.

Измайлов И. Л. Распространение и местные особенности ислама в Волжской Булгарии // Исламоведческие исследования в современной России и СНГ: достижения, проблемы и перспективы. Т. II. — Казань: Intelpress, 2009. — С. 40–50.

Измайлов И. Л. Ислам в Волжской Булгарии: распространение и региональные особенности // История и современность. — № 2. — Волгоград, 2011. — С. 34–51.

Измайлов И. Л. Волжская Булгария в IX — первой трети XIII века: становление социальной, религиозной и этнополитической структуры общества: АДД. — Казань: ИИ АН РТ, 2013. — 63 с.

Измайлов Искандер, Исахов Дамир. Булгаро-кыпчакский этап в этногенезе татарского народа // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2: Волжская Булгария и Великая Степь. — Казань: Рухият, 2006. — С. 650–656.

Иностранцев К. Хунну и гунны: (Разбор теорий о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих двух народов). — Л.: Ленинград. ин-т живых восточных языков, 1926. — IV, 152 с.

Инфантьев Порфирий. Путешествие в страну вогулов. — Тюмень: Мандр и К^а, 2003. — 13, 201 с.

Иованнес Драсханакертци. История Армении / Пер. с древнеармян., вступ. ст. и коммент. М. О. Дарбинян-Меликян. Автор карт — С. Т. Еремян. — Ереван: Советакан грох, 1986. — 400 с., 3 карты.

Иордан. О происхождении и деяниях геттов. Getica / Вступ. ст., пер., комм. Е. Ч. Скржинской. — СПб.: Алетейя, 2013. — 512 с.

Исахов Д. М. От средневековых татар к татарам нового времени (этнополитический взгляд на историю волго-уральских татар XV–XVII вв.). — Казань: Мастер Лайн, 1998. — 276 с.

Исахов Д. М. Этнополитические и демографические процессы в XV–XX веках // Татары. — М.: Наука, 2001. — С. 101–161.

Исхаков Д. М. Термин «татаро-монголы/монголо-татары»: понятие политическое или этническое? Опыт источникового и концептуального анализа // Золотоордынское обозрение. Т. 4. — № 2. — 2016. — С. 420–442.

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI — первой четверти XV в. — Казань: ИИ АН РТ, 2000. — 136 с.

Исхаков Д. М., Измайлов И. Л. Этнополитическая история татар в VI — первой четверти XV в. // Татары. — М.: Наука, 2001. — С. 41–100.

Исхаков Р. Р. Миссионерство и мусульмане Волго-Камья (последняя треть XVIII — начало XX в.). — Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. — 222 с.

Исхаков Р. Р. Очерки истории традиционной культуры и религиозности татар-кряшен (XIX — начало XX вв.). — Казань: Центр инновационных технологий, 2014. — 332 с.

Исхаков Р. Р., Николаев Г. А., сост., предисл. и примеч. Татары-кряшены в зеркале фольклора и этнографических сочинений Казанских кряшенских педагогических курсов (педагогического техникума) (1921–1922 гг.): Сб. материалов и документов. — Казань: ИИ АН РТ; Чебоксары: ЧГИГН, 2014. — 316 с.

Кабузан В. М. Народы России в первой половине XIX в.: Численность и этнический состав. — М.: Наука, 1992. — 216 с.

Казаков Е. О типологии и периодизации древностей Болгарии: VIII — X вв. // Симпозиум «Славяни и прабългари»: Доклады. — София: БАН, 1982. — С. 388–391.

Казаков Е. П., Халиков А. Х., Халикова Е. А. Биляр // Археологические открытия 1967 года. — М.: Наука, 1968. — С. 133–134.

Каланкатуаци Мовсэс. История страны Алуанк (в 3-х книгах) / Пер. с древнеармян., предисл. и коммент. Ш. В. Смбатяна. — Ереван: Матенадаран, 1984. — 257 с.

Калинина Т. М. Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников). — М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — 288 с.

Каракетов М. Д. Ранний этап этнической истории. Традиционные верования // Карачаевцы. Балкарцы. — М.: Наука, 2014. — С. 25–29, 394–442.

Карамзин Н. М. Полное собрание сочинений. Т. 1: История государства Российского / Подг. текста и коммент. А. М. Кузнецова. — М.: Терра-Книжный клуб, 1998. — 576 с.

Карпини Джованни дель Плано. История монгалов / Вступ. ст. и коммент. — М. Б. Горнунг // Карпини Джованни дель Плано. История монгалов; Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны; Поло Марко. Книга. Вступ. ст. и коммент. — М. Б. Горнунг. — М.: Мысль, 1997. — С. 29–85, 381–393.

Каховский Б. В. О языке волжских болгар (по археологическим данным) // Новые исследования по археологии и этнографии Чувашии. — Чебоксары: НИИ, 1983. — С. 26–42.

Каховский В. Ф. Происхождение чувашского народа: Основные этапы этнической истории. — Чуваш. кн. изд-во, 1965. — 484 с.

Каховский В. Ф. Об историко-культурных связях предков чуваш с народами Кавказа по данным этнографии // Ученые записки /ЧГПИ. — Вып. XXI. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1965а. — С. 189–212.

Каховский В. Ф. Сувары и чувашы // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. — Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972. — С. 200–217.

Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Хулаш // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. — Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972. — С. 3–73.

Каховский В. Ф., Смирнов А. П. Памятники средневековья Чувашского Поволжья // Городище Хулаш и памятники средневековья Чувашского Поволжья. — Чебоксары: НИИ при СМ ЧАССР, 1972а. — С. 116–117.

Кашибадзе В. Ф. Кавказ в антропоисторическом пространстве Евразии (одонтологическое исследование). АДД. — Вешенская: ГМЗ М. А. Шолохова, 2007. — 50 с.

Киракос Гандзакечи. История Армении. — М.: Наука, 1976. — 359 с.

Климов Г. А. Этимологический словарь картвельских языков. — М.: Изд-во АН СССР, 1964. — 306 с.

Климов Г. А., Халилов М. Ш. Словарь кавказских языков: Сопоставление основной лексики. — М.: Восточ. лит-ра, 2003. — 511 с.

Климов Г. А., Эдельман Д. И. К этимологии *Albasty/Almasty* // СТ. — 1979. — С. 57–63.

Клосон Дж. Происхождение тюркского «рунического» письма // За рубежом тюркология. — Вып. I. — М.: Наука, 1986. — С. 135–158.

Кляшторный С. Г., Султанов Т. И. Государства и народы Евразийских степей: от древности к новому времени. — СПб.: Петербург. востоковедение, 2009. — 432 с.

Кобищанов Ю. М. Место исламской цивилизации в этноконфессиональной структуре Северной Евразии — России // Общественные науки и современность. — № 2. — 1996. — С. 91–99.

Коблов Я. Д. Мифология казанских татар // Известия Общества археологии, истории и этнографии. — Т. XXVI. — Казань: КГУ, 1910. — С. 415–470.

Коблов Я. О татаризации инородцев Приволжского края. — Казань: Центр. тип., 1910а. — 27 с.

Ковалевская В. Б. Кавказ в свете археологии и геногеографии // РА. — № 3. — 2016. С. 45–59.

Ковалевский А. П. Чуваш и булгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. — Чебоксары: НИИ, 1954. — 64 с.

Ковалевский А. П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. / Ст., пер. и коммент. — Харьков: ХГУ, 1956. — 347 с., 1 л. ил.

Ковалевский А. П. Башкиры в X веке по данным Ибн-Фадлана // Хазарский альманах. — Т. 13. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015. — С. 35–64.

Ковалевский Максим. Современный обычай и древний закон. Т. 1. — М.: Тип. В. Гатцук, 1886. — VII, 340, II с.

Козинцев А. Г., Моисеев В. Г. Об антропологическом своеобразии уралоязычных народов: сопоставление данных краниоскопии и краниометрии // Этнографическое обозрение. — № 4. — 1995. — С. 81–88.

Коковцев П. К. Еврейско-хазарская переписка в X веке. — Л.: Изд-во АН СССР, 1932. — XXXVIII, 134 с.

Комит Марцелин. Хроника. Пер., ред. Н. Н. Болгов. — Белгород: БелГУ, 2010. — 230 с.

Комар Алексей. Кочевники Восточной Европы VI–IX вв. // Тюркское наследие Евразии VI–VIII вв. — Астана: Kul Tegin, 2008. — С. 191–216.

Комар А. В. К дискуссии о хронологии раннесредневековых кочевнических памятников Среднего Поволжья // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов межкультурного взаимодействия). — Самара: Офорт, 2010. — С. 169–199.

Комова Н. Г., Приступа О. И. Серебро древней Югры: Каталог. — Ханты-Мансийск; Екатеринбург: Баско, 2012. — 140 с., илл.

Кондратьев М. Г. Музыкальные культуры Волго-Уралья как цивилизационная целостность // Проблемы музыкальной науки. — № 1. — 2011. — С. 6–10.

Коновалова И. Г. Ал-Идриси о странах и народах Восточной Европы: текст, перевод, комментарий. — М.: Восточ. лит., 2006. — 328 с.

Кононов А. Н. Родословная туркмен: Сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. — 192 с. + текст.

Кононов А. Н. История изучения тюркских языков в России: Дооктябрьский период. — Л.: Наука, 1982. — 360 с.

Корневский С. Н. Древнейшие земледельцы и скотоводы Предкавказья: Майкопско-новосвободненская общность. Проблемы внутренней типологии. — М.: Наука, 2004. — 241 с.

Котович В. Г. О местоположении раннесредневековых городов Варахана, Беленджера и Таргу // Древности Дагестана. — Махачкала: ИИЯЛ, 1974. — С. 182–196.

Котович В. М. Некоторые данные о связях населения Дагестана и Передней Азии в древности // Средняя Азия, Кавказ и Зарубежный Восток в древности. — М.: Наука, 1983. — С. 4–12.

Кравцова Ольга, Газимзянов Ильгизар. Генетический портрет поволжских татар. — Saarbrücken: Lambert Academic Publishing, 2011. — 204 с.

Краснов Ю. А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. — № 3. — 1974. — С. 112–124.

Краснов Ю. А. Избранные труды. — М.: ИА РАН, 2011. — 392 с.

Ксенофонт. Киропедия / Изд. подг. В. Г. Борухович и Э. Д. Фролов. — М.: Ладомир, 1993. — 335 с.

Кудряшов Г. Е. Динамика полисинкретической религиозности: Опыт историко-этнографического и конкретно-социологического исследования генезиса, эволюции и отмирания религиозных пережитков чувашей. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 1974. — 356 с.

Кузеев Р. Г., сост., пер, введ и коммент. Башкирские шежере. — Уфа: Башкир. кн. изд-во, 1960. — 304 с.

Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа: Этнический состав, история расселения. — Уфа: АН РБ, 2010. — 560 с.

Кузембаев Нуркен Е. Монгольское завоевание кипчакских племен Восточного Дешт-и Кипчака и судьбы кипчакской элиты в составе Монгольской империи и за ее пределами // Archivum Eurasiae Medii Aevi. 19. Wiesbaden, 2012. — С. 185–198.

Куник А. О родстве хагано-болгар с чувашами по славяно-болгарскому Именнику // Известия ал-Бекри и других авторов о Руси и славянах. Ч. 1. — СПб.: Имп. АН, 1878. — С. 118–161.

Кунина А. Семейные обычаи и обряды у шапсугов // Религиозные пережитки у черкесов-шапсугов. — МГУ, 1940. — С. 19–22.

Кутуев И. А. Генетическая структура и молекулярная филогеография народов Кавказа. АДД. — Уфа: Ин-т биохимии и генетики УНЦ РАН, 2010. — 46 с.

Кутуев И. А., Боготова З. И., Хусаинова Р. И., Валиева Р. И., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. К. Изучение линий мтДНК в популяциях кабардинцев и балкарцев // Медицинская генетика. Т. 8. — № 11. — 2009. — С. 16–22.

Кутуев И. А., Литвинов С. С., Хусаинова Р. И., Юнусбаев Б. Б., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. К. Генетическая структура и молекулярная филогеография популяций Кавказа по данным Y-хромосомы // Медицинская генетика. Т. 9. — № 3. — 2010. — С. 18–25.

Кутуев И. А., Хуснутдинова Э. К. Генетическая структура и молекулярная филогеография народов Евразии. — Уфа: Гилем, 2011. — 239 с.

Кызласов И. Л. Рунические письменности евразийских степей. — М.: Восточ. лит., 1994. — 327 с.

Кызласов И. Л. Вопросы хазароведения // Степи Восточной Европы в Средние века. — М.: Авторская книга, 2016. — С. 249–257.

Кызласов Леонид. Первый тюркский каганат и его значение для истории Восточной Европы // Татарская археология. — № 1. — Казань, 1997. — С. 23–30.

Латышев В. В., пер. и примеч. Приск Панийский. Готская история // Вестник древней истории. — № 4. — 1948. — С. 244–267.

Лахутинская степенная книга. 1676 год / Отв. ред. Н. Н. Покровский. — М.: Языки славянской культуры, 2012. — 880 с.

Лебедев А. Об общественном кладбище села Старых Алгашей Симбирского уезда // Симбирские епархиальные ведомости. — 1905. — С. 222–228, 246–255.

Лейбова (Суворова) Н. А. Заключение // Антропология башкир. — СПб.: Алетей, 2011. — С. 366–370.

Лепёхин Иван. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1768 и 1769 году. — СПб.: Имп. АН, 1771. — IV, 538 с., 23 табл.

Лихачев А. Ф. Бытовые памятники Великой Булгарии. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1876. — 50 с.

Ломоносов М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6: Труды по русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747–1765 гг. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 693 с.

Лызлов Андрей. Скифская история. Ч. I. — М.: Тип. Компании Типографской, 1787. — 206 с.

Магницкий В. Грамота царей Иоанна и Петра Алексеевичей посланная в 1692-м году, по челобитью ядринского уезду деревень: Сормы, Хотяшевы, Яушевы и Оксыны (Аккозиной) чуваш Пихшички Чебакова с товарищи, в г. Ядрин столнику и воеводе Ивану Киприяновичу Лопухину // Сборник статей, сообщений, описей и документов. Т. IV. — Н. Новгород: Нижегород. губ. учен. архив. комиссия, 1900. — С. 20–24.

Магницкий В. К. К истории «присурских» чуваш, черемис, мордвы и Фролищевой пустыни // Сборник статей, сообщений, описей и документов. Т. V. — Н. Новгород: Нижегород. губ. учен. архив. комиссия, 1903. — С. 24–43.

Магницкий В. К. Чувашские языческие имена. — Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1905. — 101 с.

Магницкий В. К. Школьное образование и некоторые черты религиозно-нравственной жизни чуваш Ядринского уезда (по архивным документам) // ИОАИЭ. Т. XXX. — Вып. 2. — Казань, 1919. — С. 211–239.

Маенхен-Гельфен Отто Дж. Мир гуннов: Исследования истории и культуры / Пер. с англ. В. С. Мирзаянова. — Казань: Слово, 2010. — 528 с.

Макеева А. И. Дерматоглифика татароязычного населения Волго-Уральского региона // XI Конгресс антропологов и этнологов России.

Сборник материалов. — М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. — С. 154.

Макеева А. И. Дерматоглифика крышен Поволжья и Урала // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. — № 1. — 2015а. — С. 49–65.

Макеева А. И. Данные дерматоглифики к проблеме формирования татароязычного населения Волго-Уральского региона: ДК. — М.: ИЭА РАН, 2015б. — 143 с.

Малютин С. Р. Проблемы этногенеза и этнической истории чувашей. Вып. 1: Хуннская эпоха. — Чебоксары: ЧГИГН, 1996. — 78 с.

Мамедова Фарида. Кавказская Албания и албаны. — Баку: Центр исследований Кавказской Албании, 2005. — 800 с.

Марр Н. Я. Избранные работы. Т. V. — М.; Л.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1935. — XXI, 668 с.

Масуди. Мурудж ад-Дзахаб // Минорский В. Ф. История Ширвана и Дербенда. — М.: Восточ. лит., 1963. — С. 192–201.

Матвеев С. М. О крещеных инородцах Уфимской епархии. — Уфа: Электрич. губ. тип., 1910. — 57 с.

Медведев Д. Т. Житие Св. Авраамия, мученика Булгарского: изложено на крещено-татарском языке, с перефразированным русским переводом. — Казань: Православ. миссионер. об-во, 1878. — 12 с.

Мельников Степан. Акты исторические и юридические и древния царския грамоты Казанской и других соседственных губерний. Т. 1. — Казань: Иван Дубровин, 1859. — 231 с.

Менандр Византиец // Византийские историки / Пер. с греч. Спиридона Дестуниса. Примеч. Гавриила Дестуниса. — Рязань: Александрия, 2003. — С. 229–335.

Мерперт Н. Я. К вопросу о древнейших болгарских племенах. — Казань: Гос. музей ТАССР, 1957. — 37 с.

Мерперт Н. Я. Кочевые племена в степной полосе Восточной Европы // Очерки истории СССР: Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР. III–IX вв. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. — С. 551–569.

Меховский Матвей. Трактат о двух Сарматиях / Введ., пер. и коммент. С. А. Аннинского. Предисл.: Б. Греков. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. — XI, 288 с.

Милан Иоанн. Письмо к отцу Иоанну Миллеру, посланное из Москвы 6 августа 1712 года // Письма и донесения иезуитов о России конца XVII и начала XVIII века. — СПб.: Сенат. тип., 1904. — С. 202–208.

Миллер Б. В., сост. Персидско-русский словарь. — М.: ГИИНС, 1953. — 668 с.

Миллер Г. Ф. Описание живущих в Казанской губернии языческих народов, яко то черемис, чуваш и вотяков. — СПб.: Имп. АН, 1791. — VIII, 99, II с., 8 л. ил.

Миллер Г. Ф. История Сибири. Т. I. — М.: Восточ. лит-ра, 1999. — 630 с.; Т. II. 2000. — 796 с., карты.

Миллер Г. Ф. Описание сибирских народов. — М.: Памятники историч. мысли, 2009. — 454 с.

Миллер Г. Ф. Дополнения к Географическому лексикону Российского государства // Географический лексикон Российского государства. — М.: Янус-К, 2012. — С. 490–603.

Миновский В. Ф. История Ширвана и Дербенда X–XI веков. — М.: Изд-во восточ. лит-ры, 1963. — 265 с., прил.

Митяев Кр. Крумвият дворец и други новооткрити постройки в Плиска // Известия на Българския археологически институт. Т. XIV. — София: Държавна печатница, 1943. — С. 73–135.

Михайлов С. М. Собрание сочинений. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2004. — 512 с.

Мишин Д. Е. Сакалиба (славяне) в исламском мире в раннем Средневековье. — М.: ИВ РАН, 2002. — 368 с.

Моисеев В. Г. Происхождение уралоязычных народов по данным краниологии. — СПб.: Наука, 1999. — 134 с.

Мокшин Н. Ф. Мордовское название чувашей // Советское финно-угроведение. Т. 14. — № 4. — 1978. — С. 281–282.

Молодин В. И. Бараба в эпоху бронзы. — Новосибирск: Наука, 1985. — 200 с.

Мудрак О. А. Заметки о языке и культуре дунайских болгар // *Orientalia et Classica*. Вып. VI. — М.: РГГУ, 2005. — С. 83–106.

Мудрак О. А. Аварская надпись на сосуде из клада Надь-Сент-Миклош // URL: <http://altaica.ru/LIBRARY/mudrak/buyla-zoaran.pdf>

Мустафина Д. А., Амерханова Э. И., подг. к изд. Казанские документы 1649–1675 гг. — Казань: КГУ, 2008. — 136 с.

Мухамадеев Алмаз. Объединительная политика Алмыша и суварский фактор // Эхо веков. — № 3/4. — 2014. — С. 3–10.

Мухамадиев А. Г. Монеты как источник по изучению болгарского языка // Исследования по источниковедению истории Татарии. — Казань: ИЯЛИ, 1980. — С. 122–135.

Мухамадиев Азгар. Новый взгляд на историю гуннов, хазар, Великой Булгарии и Золотой Орды. — Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. — 159 с., ил.

Мухаметшин Д. Г., Хакимзянов Ф. С. Эпиграфические памятники города Булгара. — Казань: Татарское кн. изд-во, 1987. — 128 с.

Мухаммед-Аваби Акташи. Тарихи Дербенд-наме (с 9 приложениями) / Пер. и ред. М. Алиханова-Аварского. — Тифлис: Тип. Я. И. Либермана, 1898. — 192 с.

Мэн-да Бэй-лу (Полное описание монголо-татар) / Пер. Н. Ц. Мункуева. — М.: Наука, 1975. — 286 с.

Набиуллин Н. Г. Исследования в Чистопольском районе Республики Татарстан // Археологические открытия 2007 года. — М.: Языки славян. культуры, 2010. — С. 373.

Наделяев В. М., Насилов Д. М., Тенишев Э. Р., Щербак А. М., ред. Древнетюркский словарь. — Л.: Наука, 1969. — XXXVIII, 676 с.

Надырова Х. Г. Хазаро-болгарские традиции в градостроительстве Волжско-Камской Булгарии // Известия КазГАСУ. — № 2. — 2010. — С. 20–31.

Напольских В. В. Пермско-угорские взаимоотношения по данным языка и проблема границ угорского участия в этнической истории Предуралья // URL: www.molgen.org/molgenfiles/NapolskichNapolskich_Perm_Ugrian_VAU.pdf

Насыров Р. Г. Служилые чуваша Закамья XVII — XVIII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. — № 8. — Казань: ИИ АН РТ, 2016. — С. 182–185.

Невострюев К. И. Список с писцовых книг по г. Казани с уездом. — Казань: Имп. ун-т, 1877. — 88 с.

Немет Ю. Специальные проблемы тюркского языкознания в Венгрии // Вопросы языкознания. — № 6. — 1963. — С. 126–136.

Немет Ю. К вопросу об аvaraх // Turcologica. — Л.: Наука, 1976. — С. 298–305.

Никифор, Патриарх Константинопольский. Краткая история со времени после царствования Маврикия. Пер. Е. Э. Липшиц // Византийский временник. Т. 3. М., 1950. — С. 349–387.

Новосельцев А. П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. — М.: Наука, 1990. — 263 с.

Оллсен Т. Т. Прелюдия к западным походам: монгольские военные операции в Волго-Уральском регионе в 1217–1237 годах // Степи Евразии в средневековье. Т. 6. — Донецк: ИА НАНУ, 2008. — С. 351–362.

От издателя // Чуваша: актуальные аспекты антропологии. — Чебоксары: ЧГИГН, 2004. — С. 3–4.

Паллас П. С. Путешествие по разным местам Российского государства [1768 и 1769 гг.]. Ч. 1 / Пер. Василий Зуев. — СПб.: Имп. АН, 1773. — X, 115, 657 с., 117 ил.

Патканов К. П., пер., примеч. и изд. Хоренский Моисей. Армянская география VII века по Р. Х. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1877. — XXVIII, 84, 26, 2 карты.

Петров М. П. О происхождении чуваш. — Чебоксары: Чуваш. гос. изд-во, 1925. — 62 с.

Петрухин В. Я., Раевский Д. С. Очерки истории народов России в древности и раннем средневековье. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — 415 с.

Пигулевская Н. В. Сирийский источник VI в. о народах Кавказа // ВДИ. — № 1. — 1939. — С. 113–115.

Плетнева С. А. Салтово-маяцкая культура // Степи Евразии в эпоху средневековья. — М.: Наука, 1981. — С. 62–74.

Плетнева Светлана. Древние болгары в восточноевропейских степях // Татарская археология. — № 1. — 1997. — С. 31–60.

Подосинов А. В. Восточная Европа в римской картографической традиции: Тексты, перевод, комментарий. — М.: Индрик, 2002. — 488 с., 16 илл.

Полное собрание русских летописей. Т. 1: Лаврентьевская летопись. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — VIII, 733 с.; Т. 2: Ипатьевская летопись. — М.: Языки славянской культуры, 2001. — 938, 87, L с.; Т. 4,1: Новгородская четвертая летопись. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — XXXVIII, 686 с.; Т. 6, вып. 1: Софийская первая летопись старшего извода. — М.: ИРИ РАН, 2000. — VIII, 312 с.; Т. 6, вып. 2: Софийская вторая летопись. — М.: Языки рус. культуры, 2001. — VIII, 446 с.; Т. 8: Продолжение летописи по Воскресенскому списку. — СПб.: тип. Эдуарда Праца, 1859. — X, 302 с.; Т. 9: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — 288 с.; Т. 11: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). — М.: Языки рус. культуры, 2000. — 254, 6 с.; Т. 12: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). — М.: Языки рус. культуры, 2000. — VI, 266 с.; Т. 13: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью (Продолжение). — М.: Языки рус. культуры, 2000. — VIII, 532 с.; Т. 14: Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — 154, 286, 158 с.; Т. 16: Летописный сборник, именуемый летописью Авраамки. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — 252 с.; Т. 18: Летопись Симеоновская. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. — 316 с.; Т. 19: История о Казанском царстве. — М.: Языки рус. культуры, 2000. — 368 с.; Т. 20: Львовская летопись. Ч. 1. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. — IV, 418 с.; Т. 21: Книга Степенная царского родословия. Ч. 2. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1913. — С. 344–708; Т. 22: Русский хронограф. Ч. 2: Хронограф западно-русской редакции. — СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1914. — IX, 289, II с.; Т. 23: Ермолинская летопись. — М.: Языки славян. культуры, 2004. — V, 239, 2 с.; Т. 25: Московский свод. Летописный свод конца XV века. — М.: Языки славянской культуры, 2004. — XV, 463 с.; Т. 27: Никаноровская летопись. Сокращен-

ные летописные своды конца XV века. — М.: Языки славянской культуры, 2007. — 424 с.; Т. 28: Летописный свод 1497 г. Летописный свод 1518 г. (Уваровская летопись). — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1963. — 413 с.; Т. 29: Летописец начала царства царя и великого князя Ивана Васильевича. Александро-Невская летопись. Лебедевская летопись. — М.: Знак, 2009. — 389, 7 с.; Т. 30: Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. — М.: Наука, 1965. — 240 с.; Т. 31: Летописцы последней четверти XVII в. — М.: Наука, 1968. — 263 с.; Т. 33: Холмогорская летопись. Двинский летописец. — Л.: Наука, 1977. — 251 с.

Поло Марко. Книга / Примечания — М. Б. Горнунг // Карпини Джованни дель Плано. История монгалов; Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны; Поло Марко. Книга. — М.: Мысль, 1997. — С. 192–393.

Полубояринова М. Д. Торговый инвентарь с Болгарского городища // Поволжская археология. — № 2 (4). — Казань, 2013. — С. 252–258.

Полубояров М. С. Древности Пензенского края в зеркале топонимики. — М.: ФОН, 2010. — 224 с.

Полунин Ф. А., Миллер Г. Ф. Географический лексикон Российского государства, или Словарь // Географический лексикон Российского государства. — М.: Янус-К, 2012. — С. 34–489.

Поппе Н. Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам // Известия Российской академии наук. VI серия. Т. XVIII. 1924. — С. 289–314.

Поппе Н. Н. О родственных отношениях чувашского и тюрко-татарских языков. — Чебоксары: Чувашоблиздат, 1925. — 32 с.

Поппе Н. Н. Чувашский язык и его отношение к монгольскому и тюркским языкам // Известия Российской академии наук. VI серия. — Т. XIX. — 1925а. — С. 405–426.

Поппе Н. Н. Указательные и вопросительные местоимения в чувашском языке // Вестник научного общества татароведения. — № 7. — Казань, 1927. — С. 61–64.

Приск Панийский. Готская история / Пер. и примеч. В. В. Латышева // Вестник древней истории. — № 4. — 1948. — С. 244–267.

Приск Панийский. Сказания / Пер. Г. С. Дестуниса. — СПб.: Тип. Имп. АН, 1860. — 112 с.

Прицак Омелян. Киевское письмо — подлинный документ хазарских евреев Киева: Раздел Б // Голб Норман и Прицак Омелян. Хазарско-еврейские документы X века. — Иерусалим: Гешарим, 5763; М.: Мосты культуры, 2003. — С. 53–98.

Прокопий Кесарийский. Война с готами / Комментар. С. П. Кондратьева. — М.: Арктос, 1996. — 335 с.

Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — М.: Алетейя, 1998. — 544 с.

Прокопьев К. Влияние татар-мусульман на чуваш // Чичерина С. У Приволжских инородцев: Путевые заметки. — СПб.: Тип. В.Я. Мильштейна, 1905. — С. 142–145.

Псевдо-Орфей. Поход аргонавтов // ВДИ. — № 3. — 1948. — С. 267–271.

Птолемей Клавдий. Географическое руководство. [Кн. III, V]. Пер. И. П. Цветкова и Прозорова // Древняя Русь в свете зарубежных источников. Хрестоматия. Т. I: Античные источники. — М.: Рус. фонд содействия образованию и науке, 2009. — С. 181–195.

Раджабов М. О., Рабаданов Ш. Х., Раджабова Г. М., Харьков В. Н. Этногенез коренных малочисленных народов Дагестана по данным молекулярной генетики (ДНК анализа) // Вторые Всероссийские (с международным участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. — Махачкала: ДГУ, 2014. — С. 217–221.

Радлов В. В. Опыт словаря тюркских наречий. Т. II. 2. — СПб.: Изд-во Имп. АН, 1899. — 1814, 64 с.; Т. III. 1905. — 2204, 98 с.

Радлов В. В. Из Сибири: Страницы дневника / Пер. с немец. — К. Д. Цивина и Б. Э. Чистова. — М.: Наука, 1989. — 750 с., карта.

Раимов Р. М. Выступление // Происхождение казанских татар. — Казань: Татаргосиздат, 1948. — С. 143–145.

Рашев Рашо. Великая Болгария // История татар с древнейших времен в семи томах. Т. 2: Волжская Булгария и Великая степь. — Казань: Рухият, 2006. — С. 36–47.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. I, кн. 1 / Пер. с персид. Л. А. Хетагурова. Ред. и примеч. А. А. Семёнова. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. — 221 с.

Рашид-ад-дин. Сборник летописей. Т. II / Пер. с персид. Ю. П. Верховского. Примеч. Ю. П. Верховского и Б. И. Панкратова. Ред. И. П. Петрушевский. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. — 253 с.

Рекеев А. Разные чувашские моления. — Казань: Известия по Казанской епархии, 1898. — 11 с.

Ризаханова М. Ш. Аграрные праздники и обряды в традиционном быту генохцев // Лавровские (среднеазиатские) чтения 2002–2003 гг. — СПб.: МАЭ РАН, 2003. — С. 80–81.

Риттих А. Ф. Материалы для этнографии России. XIV: Казанская губерния. Ч. I. — Казань: Тип. Имп. Казан. ун-та, 1870. — X, II, 111 с., прил.

Рона-Таш А. Основные звуковые изменения в истории чувашского языка // Вопросы фонетики, грамматики и ономастики чувашского языка. — Чебоксары: НИИ, 1987. — С. 43–47.

Рона-Таш Андраш. Хазары и мадьяры // Хазары. — М.: Мосты культуры; Jerusalem: Gesharim, 2005. — С. 111–124.

Рона-Таш А. От Урала до Карпатского бассейна. (Новые результаты исследований по ранней истории венгров) // Алтаистика и тюркология. — № 4 (4). — 2011. — С. 131–139.

Ртвеладзе Э. В. ΔΑΡΕΝΗΣ ΑΤΡΟΠΟΝ: Маршрут византийского посольства Зимарха по Средней Азии и Кавказу // Проблемы истории, филологии, культуры. — № 1 (47). — 2015. — С. 354–364.

Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны // Карпини Джованни дель Плано. История монгалов. Рубрук Гильом де. Путешествие в Восточные страны. Поло Марко. Книга. Пер. — И. М. Минаев. — М.: Мысль, 1997. — С. 88–189.

Руденко К. А. Ювелирное искусство Золотой Орды: две серебряные серьги из Татарстана (вопросы атрибуции и датировки) // Диалог городской и степной культур на евразийском пространстве. — Казань: ИИ АН РТ, 2011. — С. 250–253.

Руденко К. А. История Волжской Булгарии в свете археологических исследований // Золотоордынское обозрение. — № 2. — 2013. — С. 19–41.

Руденко К. А. Кочевники в Булгарском улусе Золотой Орды (по данным археологии) // Поволжская археология. — № 2. — Казань, 2013б. — С. 189–211.

Руденко К. А. Булгарское серебро. Древности Биляра. Т. II. — Казань: Заман, 2015. — 528 с.

Руденко К. А. Памятники эпохи Золотой Орды на Средней Волге (Булгарский улус Золотой Орды) // Генуэзская Газария и Золотая Орда. — Кишинев: Stratum Plus, 2015а: 255–364.

Саидов В. А. Предметы вооружения населения Паласа-Сыртской возвышенности в IV–V вв. (по материалам погребений) // Известия Дагестанского государственного педагогического университета. Общественные и гуманитарные науки. — № 2. — 2014. — С. 21–25.

Салмин А. К. «Забытые» статьи в Чувашской энциклопедии // Музей. Традиции. Этничность. — № 1. — СПб. 2013. — С. 49–59.

Салмин А. К. Финны Волго-Камья и некоторые вопросы истории чувашей // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. — № 4. — 2015. — С. 105–116.

Салмин А. К. Праздники, обряды и верования чувашского народа / Науч. ред. — член-корр. РАН С. А. Арутюнов. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2016. — 688 с., илл.

Салмин А. К. Православный фактор в истории чувашей // Вестник Чувашского университета. — № 2. — 2016а. — С. 120–130.

Салмин А. К. История чувашского народа: анализ основных версий. — СПб.: Нестор-История, 2017. — 464 с.

Салмин А. К. Хазаро-савирские взаимоотношения на Кавказе // Лавровский сборник: Материалы XL Среднеазиатско-Кавказских чтений 2016 г. — СПб.: МАЭ РАН, 2017а. — С. 29–37.

Салько Н. Б. Ковры Южного Дагестана // СЭ. — № 2. — 1951. — С. 204–213.

Свистун Г. Е., Горбаненко С. А. Потребительские предпочтения продуктов земледелия как проявление градообразующих тенденций на примере Чугуевского городища салтово-маяцкого времени // История и археология восточноевропейской деревни. — Вып. I. — Брянск: БГСХА, 2011. — С. 34–48.

Севастьянов И. В. Татары-кряшены: православие в «тюркском мире» // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. — № 6. — 2010. — С. 15–27.

Седов В. В. К этногенезу волжских болгар // РА. — № 2. — 2001. — С. 5–15.

Семёнов И. Г. Восточнокавказские этнонимы в раннесредневековых армянских источниках // Восток (Oriens). — № 5. — 2012. — С. 27–38.

Семёнов И. Г. Основные этапы миграций огурских племен в Юго-Восточную Европу // Тюркологический сборник: 2011–2012. — М.: Наука, 2013. — С. 333–351.

Семёнов И. Г. К истории Унногундурского государства // Византийский временник. — Т. 72 (97). — М., 2013а. — С. 45–67.

Семёнов И. Г. Основные аспекты концепции протославянской этнической принадлежности древних болгар // Восток. — № 6. — 2015. — С. 12–27.

Семёнов И. Г. Кавказ в политических отношениях Ирана с Византией и тюркским каганатом в 556–591 годах // Хазарский альманах. — Т. 13. — М.: Ин-т славяноведения РАН, 2015а. — С. 234–298.

Семёнова Т. В. Обрядовый календарь чувашей в этноконтактных с татарами районах. — СПб.: ЛЕМА, 2015. — 145 с.

Семыкин Ю. А. Технология изготовления кузнечной продукции из Больше-Тарханского могильника // Среднее Поволжье и Южный Урал: человек и природа в древности. — Казань: Фэн, 2009. — С. 213–233.

Серебrenников Б. А. Происхождение чуваш по данным языка // О происхождении чувашского народа. — Чебоксары: Чувашгосиздат, 1957. — С. 28–47.

Серов В. В. Финансовая политика Юстиниана Великого. — Новосибирск: Наука; Барнаул: АЗБУКА, 2011. — 375 с.

Сефeрбеков Р. И. Пантеон языческих божеств народов Дагестана (типология, характеристика, персонификации). — Махачкала: ДИНЭМ, 2009. — 407 с.

Сефeрбеков Р. И. Мифологический образ «домовой змеи» в верованиях табасаранцев // Вторые Всероссийские (с международным

участием) историко-этнографические чтения, посвященные памяти профессора Магомедова Расула Магомедовича. — Махачкала: ДГУ, 2014. — С. 223–225.

Сириец Михаил. Хроника. Пер. Р.А. Гусейнова // Сирийские источники XII–XIII вв. об Азербайджане. — Баку: Изд-во АН АзССР, 1960. — С. 15–53.

Скворцов М. И., ред. Чувашско-русский словарь. — М.: Рус. яз., 1985. — 712 с.

Скржинская Е. Ч. Вступ. ст., пер., коммент. // Иордан. О происхождении и деяниях гетов. *Getica*. — СПб.: Алетейя, 2001. — 512 с.

Слово о погибели Русской земли после смерти великого князя Ярославла // Изборник (сборник произведений литературы Древней Руси) / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева и Д.С. Лихачева. — М.: Худож. лит., 1969. — С. 236–327, 738–739.

Смирнов А. П. Сувар: Итоги раскопок 1933–1937 гг. // Труды Государственного исторического музея. — Вып. XVI. — М.: ГИМ, 1941. — С. 135–171.

Смирнов А. П. К вопросу о происхождении татар. Ответы на вопросы // Происхождение казанских татар. — Казань: Татгосиздат, 1948. — С. 5–26, 148–151.

Смирнов А. П. Исследования городища и могильника золотоордынской эпохи у села Б. Таяба Чувашской АССР // Записки. — Вып. IV. — Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1950. — С. 131–153.

Смирнов А. П. Волжские булгары. — М.: ГИМ, 1951. — 375 с., 18 табл., 1 карта.

Смирнов А. П. Археологические исследования в Чувашии в 1958–1959 годах // Ученые записки. — Вып. XXV. — Чебоксары: НИИЯЛИЭ при СМ ЧАССР, 1964. — С. 4–28.

Смирнов А. П. О культурных связях Кавказа с Поволжьем // Кавказ и Восточная Европа в древности. — М.: Наука, 1973. — С. 130–135.

Смирнов А. П., Мерперт Н. Я. Вопросы этногенеза народов Поволжья (по материалам Куйбышевской археологической экспедиции) // Вестник Академии наук СССР. — № 10. — 1955. — С. 48–53.

Смирнов А. С. Землевладение и хозяйство инородцев Казанского уезда во второй половине XVI — начале XVII века // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. — № 3 (1). — 2014. — С. 186–193.

Сокровенное сказание монголов: Анонимная монгольская хроника 1240 г. / Пер. на рус. и калмыц. П.А. Дарваева. Пер. на бурят. Г.Г. Чимитова. — Элиста: Калм. кн. изд-во, 1990. — 280 с.

Спасский Н. А. Очерки по родиноведению: Казанская губерния. — Казань: Имп. ун-т, 1912. — 376 с.

Список с писцовой и межевой книги города Свияжска и уезда: Письма и межевания Никиты Васильевича Борисова и Дмитрия Андреевича Кикина (1565–1567 гг.). — Казань: Имп. ун-т, 1909. — XIII, 143 с.

Спицын В. А., Бацевич В. А., Ельчинова Г. И., Кобылянский Е. Д. Генетическое положение чувашей в системе финно-угорских и тюркоязычных народов // Генетика. Т. 45. — № 9. — 2009. — С. 1270–1276.

Старостин С. А. Индоевропейско-северокавказские изоглоссы // Древний Восток: этнокультурные связи. — Т. LXXX. — М.: Наука, 1988. — С. 112–163.

Старостин С. А. Труды по языкознанию. — М.: Языки славян. культуры, 2007. — XXXIV, 924 с.

Сташенков Д. А. О группах поселений хазарской эпохи в Самаро-Симбирском Поволжье // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н. э. (вопросы межэтнических контактов и межкультурного взаимодействия). — Самара: Офорт, 2010. — С. 118–127.

Степанов Р. Н., сост. Писцовая книга Казанского уезда 1602–1603 годов: Публикация текстов. — Казань: КГУ, 1978. — 240 с.

Стефан Византийский. Описание племен / Перевод — П. И. Прозоров. Комментарии — В. В. Латышев // Вестник древней истории. — № 3. — 1948. — С. 312–330.

Страбон. География в 17 книгах. — М.: Ладомир, 1994. — 940 с.

Стриттер Иван. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. Ч. 2: О тотфах, вандалах, гепидах, ерулах, унах и о аvaraх. — СПб.: Имп. АН, 1771. — 166 с.

Схалыхо Р. А., Почешхова Э. А., Теучеж И. Э., Дибирова Х. Д., Агджоян А. Т., Утевская О. М., Юсупов Ю. М., Дамба Л. Д., Исакова Ж. Т., Момыналиев К. Т., Тагирли Ш. Г., Кузнецова М. А., Коньков А. С., Фролова С. А., Балановская Е. В., Балановский О. П. Тюрки Кавказа: сравнительный анализ генофондов по данным о Y-хромосоме // Вестник Московского университета. Серия XXIII: Антропология. — № 2. — 2013. — С. 34–48.

Таймасов Л. А. Этнической истории чувашского народа: савиры (сувары) на Северном Кавказе во II–VIII вв. // Исследования по истории Чувашии и чувашского народа. — Вып. 2. — Чебоксары: ЧГИГН, 2001. — С. 7–33.

Таймасов Л. А. Сувары // Чувашская энциклопедия. Т. 4: Си-Я. — Чебоксары: Чуваш. кн. изд-во, 2011. — С. 140–141.

Таказов Ф. М., сост. Дигорско-русский словарь. — Владикавказ: Б. и., 2015. — 869 с.

Татищев В. Н. История Российская. Т. 1 / Подг. к печати — М. П. Ирошников и З. Н. Савельева. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1962. — 501 с.; Т. 2. — 1963. — 352 с.; Т. 4. — М.; Л.: Наука, 1964. — 557 с.

Тер-Саркисянц А. Е. История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. — М.: Вост. лит., 2005. — 686 с., ил., карты; 2008. — 686 с., ил., карты.

Тер-Саркисянц Алла. Армяне Нагорного Карабаха: История. Культура. Традиции. — М.: Русская панорама, 2015. — 918 с.

Терентьева О. Н., пухса хатёрлекенё. Чăваш халăх пултарулăхĕ: Тавралах халапĕсем. 1-мĕш кĕн. — Шупашкар: Чăваш. кĕн. изд-ви, 2013. — 494 с.

Теучеж И. Э. Генофонд абхазо-адыгских народов, грузин и армян по данным о полиморфизме Y-хромосомы и фамилий. АДК. — М.: ИОГ РАН, 2013. — 25 с.

Тимофеев Г. Т. Тăхăръял: (Сĕве тăршшĕнчи чăвашсем). Этнографии очеркĕсемпе халăх сăмахлăхĕ. — Шупашкар: Чăваш АССР кĕн. изд-ви, 1972. — 492 с.

Тихонов А. Г. Опыт реконструкции физического типа средневекового населения Поволжья по остеологическим данным // Горизонты антропологии. — М.: Наука, 2003. — С. 218–222.

Тишков В. А. Российская полиэтничность в мировом контексте // X Конгресс этнографов и антропологов России. — М.: ИЭА РАН, 2013. — С. XLII–LII.

Тишков В. А. Отечественная этнология и симбиоз наук // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. — М.: ИЭА РАН, 2016. — С. 5–16.

Токарев С. А. К постановке проблем этногенеза // СЭ. — № 3. — 1949. — С. 12–36.

Тортика А. А. Политические центры Хазарского каганата и территория расселения этнических хазар на ранних этапах его истории (середина VII — начало VIII вв.) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. — Вып. XX. — Симферополь: КФУ, 2015. — С. 369–394.

Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э. — VII в. н. э. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1959. — 392 с.

Трофимов А. А. Древнечувашская руническая письменность: Пмятники. Алфавит. Дешифровка. — Чебоксары: НИИЯЛИЭ, 1993. — 49 с., ил.

Трофимова Н. В. Изменчивость митохондриальной ДНК и Y-хромосомы в популяциях Волго-Уральского региона. АДК. — Уфа: ИБГ УНЦ РАН, 2015. — 24 с.

Трофимова Н. В., Литвинов С. С., Хусаинова Р. И., Ахметова В. Л., Ахатова Ф. С., Виллемс Р., Хуснутдинова Э. К. Генетическая характеристика Поволжских татар по данным об однопородительских маркерах // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 15. — № 3. — 2013. — С. 1466–1469.

Трофимова Н. В., Литвинов С. С., Хусаинова Р. И., Пенкин Л. Н., Ахметова В. Л., Ахатова Ф. С., Хуснутдинова Э. К. Генетическая характеристика популяций Волго-Уральского региона по данным об изменчивости Y-хромосомы // Генетика. Т. 51. — № 1. — 2015. — С. 120–127.

Трофимова Т. А. Этногенез татар Среднего Поволжья в свете данных антропологии. Ответы на вопросы // Происхождение казанских татар. — Казань: Татгосиздат, 1948. — С. 27–61, 151–154.

Трофимова Т. А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. — М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. — 264 с.

Трофимова Т. А. Антропологические материалы к вопросу о происхождении чувашей // СЭ. — № 3. — 1950. — С. 54–65.

Умняков И. И. Самая старая турецкая карта мира // Труды Самаркандского государственного педагогического института. Т. 1. — Вып. 1. — 1940. — С. 103–131.

Уразманова Р. К. Обряды и праздники татар Поволжья и Урала (Годовой цикл. XIX — начало XX вв.): Историко-этнографический атлас татарского народа. — Казань: Дом печати, 2001. — 198 с.

Успенский Ф. И. Надписи староболгарские // Известия Русского археологического института в Константинополе. — Т. X. — София: Державна печатница, 1905. — С. 173–242.

Фаверо-Думенжу М. Первое письмо хана Берке султану Бейбарсу по мамлюкским источникам (661/1263 г.) // Золотоордынская цивилизация. — Вып. 4. — Казань: ИИ АН РТ, 2011. — С. 101–113.

Фахрутдинов Р. Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. — М.: Наука, 1984. — 216 с.

Фахрутдинов Р. Мелодия камней. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1986. — 224 с.

Фахрутдинов Р. Г. Волжская Булгария X–XIV вв.: (историко-археологическое исследование). АДД. — МГУ, 1990. — 44 с.

Фахрутдинов Р. Г. История татарского народа и Татарстана: (Древность и средневековье). — Казань: Татар. кн. Изд-во, 2011. — 303 с.

Федотов М. Р. Этимологический словарь чувашского языка. Т. II. — Чебоксары: ЧГИГН, 1996а. — 511 с.

Феофан Исповедник. Хронография. Текст на др. — греч. и рус. яз. / Пер. и коммент. И. С. Чичурова // Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. — М.: Наука, 1980. — С. 24–144.

Феофилакт Симокатта. История / Пер. С. П. Кондратьева. Примеч. К. А. Осиповой. — М.: Арктос, 1996. — 268 с.

Фёдоров Я. А. Хазария и Дагестан // Кавказский этнографический сборник. — Вып. V. — М.: Наука, 1972. — С. 18–40.

Фёдоров Я. А. Историческая этнография Северного Кавказа. — М.: МГУ, 1983. — 128 с.

Фёдоров Я. А., Фёдоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе (историко-этнографические очерки). — МГУ, 1978. — 296 с.

Фёдоров-Гусейнов Г. С. Государственное образование Сувар-Жидан и его роль в истории Юго-Восточной Европы // Кавказ и степной мир в древности и средние века. — Махачкала: ИИАЭ ДНЦ РАН, 2000. — С. 155–162.

Фёдоров-Давыдов Г. А. Тигашевское городище (археологические раскопки 1956, 1958 и 1959 гг.) // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 111. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 49–89.

Филатов К. А., сост., ред. Византийский словарь. Т. 2. — СПб.: Амфора, 2011. — 592 с.

Филиппов Л. К. Этноним *чуваши* и предыстория чувашского этноса: Историко-лингвистическое исследование. — Саратов: СГУ, 2008. — 340 с.

Фирсов Н. Положение инородцев Северо-Восточной России в Московском государстве. — Казань: Университет. тип., 1866. — 261, VII с.

Фредегар. Хроники / Пер. с латин., коммент., вступ. ст. Г. А. Шмидта. — СПб.: Евразия; М.: Клио, 2015. — 464 с.

Фукус К. История города Казани: из русских и татарских летописей. — Казань: Умид, 1914. — VII, 23 с.

Хайретдинов Д. З. Хазары, кипчаки, бургасы: к вопросу об этнических предках нижегородских татар-мишарей // Восток (Oriens). — № 6. — 2015. — С. 28–37.

Халиков А. Х., отв. ред. Культура Биляра: Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. — М.: Наука, 1985. — 216 с.

Халиков А. Х. Татарский народ и его предки. — Казань: Татар. кн. изд-во, 1989. — 222 с.

Халикова Е. А. Погребальный обряд Танкеевского могильника (к вопросу об истоках населения Волжской Булгарии IX–X вв.) // Археология и этнография Татарии. — Вып. 1. — Казань: ИЯЛИ АН СССР, 1971. — С. 64–93.

Хаттори С. О формировании татарского и чувашского языков // Вопросы языкознания. — № 3. — 1980. — С. 86–94.

Хвольсон Д. А., пер., введ., коммент. Ибн-Даста. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадьярах, славянах и руссах Абу-Али Ахмеда бен Омар Ибн-Даста, неизвестного доселе арабского писателя X века, по рукописи Британского музея. — СПб.: Тип. Имп. ун-та, 1869. — XIII, 199 с.

Хисамитдинова Ф. Г. Мифологический словарь башкирского языка. — М.: Наука, 2010. — 455 с.

Хитъ Г. Л. Современные карачаевцы и балкарцы по данным антропологии // Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. — М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. — С. 160.

Хлебникова Т. А. Гончарное производство волжских болгар X — начала XIII вв. // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 111. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 93–152.

Хлебникова Т. А. Керамика памятников Волжской Болгарии: к вопросу об этнокультурном составе населения. — М.: Наука, 1984. — 240 с., илл.

Худяков М. Г. К вопросу о происхождении чуваш // Известия Общества обследования и изучения Азербайджана. — № 4. — Баку, 1927. — С. 135–146.

Хуснутдинова Э. К., Викторова Т. В., Ахметова В. Л., Мустафина О. Е., Фатхлисламова Р. И., Балановская Е. В., Петрова Н. В., Макаров С. В., Кравчук О. И., Пай Г. В., Гинтер Е. К. Популяционно-генетическая структура чувашей (по данным о восьми ДНК-локусах ядерного генома) // Генетика. Т. 39. — № 11. — 2003. — С. 1550–1563.

Хуснутдинова Э. К., Кутуев И. А., Хусаинова Р. И., Юнусбаев Б. Б., Юсупов Р. М., Виллемс Р. Этногеномика и филогенетические взаимоотношения народов Евразии // Вестник Вавиловского журнала генетики и селекции. Т. 10. — № 1. — 2006. — С. 24–40.

Хуснутдинова Э. К., Литвинов С. С., Кутуев И. А., Юнусбаев Б. Б., Хусаинова Р. И., Ахметова В. Л., Ахатова Ф. С., Метспалу Э., Роотси С., Виллемс Р. Генофонд этнических групп Кавказа по данным комплексного исследования Y-хромосомы, митохондриальной ДНК и полногеномного анализа // Генетика. Т. 48. — № 6. — 2012. — С. 750–761.

Цароева Марет. Следы древних цивилизаций в языках и культуре ингушей и чеченцев. — М.: Триумф, 2016. — 320 с.

Чекалин Ф. Ф. Нижнее Поволжье по карте космографа XV в. Фра-Мауро // Труды Саратовской ученой архивной комиссии. Т. II. — Вып. 2. — Саратов, 1890. — С. 247–251.

Чекалова А. А. Пер. с греч., вступит. ст., примеч. // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. — М.: Алетейя, 1998. — 544 с.

Чеченов И. М. К вопросу о ранних этапах тюркизации Центрально-кавказского субрегиона // Е. И. Крупнов и развитие археологии Северного Кавказа. — М.: ИА РАН, 2014. — С. 288–290.

Чичуров И. С. Византийские исторические сочинения. — М.: Наука, 1980. — 215 с.

Чурсин Г. Ф. Очерки по этнологии Кавказа. — Тифлис: Тип. К. П. Козловского, 1913. — 189 с.

Шагинян А. К. Раннесредневековая география Армении и стран Южного Кавказа. — СПб.: Дмитрий Буланин, 2014. — 477 с., 5 л. цв. карты.

Шагиров А. К. Этимологический словарь адыгских (черкесских) языков: А-Н. — М.: Наука, 1977. — 290 с.

Шамильоглу Юлай. Направления в исследовании Золотой Орды // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): От Калки до Астрахани. 1223–1556. — Казань: ИИ АН РТ, 2001. — С. 15–29.

Шамильоглу Юлай. Конец языка волжских булгар // Шпулер Бертольд. «Золотая Орда»: традиции изучения и современность. — Казань: Фэн, 2007. — С. 169–175.

Шамильоглу Юлай. «Джагфар Тарихы»: как изобреталось болгарское самосознание // Фальсификация исторических источников и конструирование этнократических мифов. — М.: ИА РАН, 2011. — С. 275–287.

Шаншиев З. По Сванетии: путевые очерки. — Тифлис: Закнига, 1931. — 8, 197, 2 с.

Шитова С. Н. Скотоводство. Пчеловодство, охота, рыболовство // Башкиры: этническая история и традиционная культура. — Уфа: Башкир. энцикл., 2002. — С. 46–74.

Шнирельман В. А. Междисциплинарный подход: соблазны и реалии // Феномен междисциплинарности в отечественной этнологии. — М.: МЭА РАН, 2016. — С. 434–439.

Шпак Л. Ю., Славолобова И. А., Юдина А. М. Особенности изменчивости пальцевых узоров народов Волго-Камского региона // XI Конгресс антропологов и этнологов России. Сборник материалов. — М.; Екатеринбург: ИЭА РАН, ИИиА УрО РАН, 2015. — С. 162.

Шпилевский С. М. О задачах деятельности Казанского общества археологии, истории и этнографии и о возможном содействии со стороны жителей местного края. — Казань: Имп. ун-т, 1884. — 32 с.

Шушарин В. П. Комментарии к главам 38, 40 // Багрянородный Константин. Об управлении империей. — М.: Наука, 1991. — 496 с., карта.

Шушарин В. П. Ранний этап этнической истории венгров: Проблемы этнического самосознания. — М.: РОССПЭН, 1997. — 512 с.

Щербак А. М. Введение в сравнительное изучение тюркских языков. — СПб.: Наука, 1994. — 192 с.

Эломари Ибн-Фадлаллах. Сочинения // Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: С. Г. Строганов, 1884. — С. 207–251.

Эль-Муфаддаль, сын Абульфадалия. Прямой путь и единственная жемчужина в том, что случилось после летописи Ибнамида // Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: С. Г. Строганов, 1884. — С. 176–199.

Эннувейри Шихабеддин. Краткий предел необходимости по части науки благовоспитанности // Тизенгаузен В. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. — СПб.: С. Г. Строганов, 1884. — С. 128–171.

Эрдман П. Ф. О надгробных надписях в Болгарах // Заволжский муравей. Ч. 3. Казань, 1832. — С. 1219–1230, 1342–1358.

Юсупов Г. В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источники исследования этногенеза казанских татар // Археология и этнография Татарии. — Вып. 1. — Казань: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1971. — С. 217–231.

Юсупов Р. М. Антропологический состав башкир и его формирование. Башкирское общество: внутренняя организация и структура // Башкиры: этническая история и традиционная культура. — Уфа: Башкир. энцикл., 2002. — С. 21–44, 155–186.

Юсупов Р. М. Древние этапы этно — и расогенеза башкир и происхождение этнонимов «башкорт» и «иштяк» // Проблемы востоковедения. — № 4. Уфа, 2009. — С. 59–61.

Юсупов Ю. М., Схаляхо Р. А., Агджоян А. Т., Асылгузин Р. Р., Рыскулов Р. М., Сабитов Ж. М., Жабагин М. К., Богунов Ю. В., Дибирова Х. Д., Балановская Е. В. Родовые объединения северо-восточных башкир в свете данных геногеографии (по полиморфизму Y-хромосомы) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Т. 21. — № 4. — 2016. — С. 16–25.

Ягафова Е. А. Чувашское «язычество» в XVIII — начале XXI века. — Самара: СГПУ, 2007. — 128 с.

Яковлев А. И., науч. ред. Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Т. 1, ч. 2: Социально-экономические отношения в Казанском крае, Саранском и Темниковском уездах XVII в. — Саранск: Мордов. гос. изд-во, 1950. — 583 с.

Якубовский А. Ю. Выступление // Происхождение казанских татар. — Казань: Татгосиздат, 1948. — С. 130–133.

Янина С. А. Новые данные о монетном чекане Волжской Болгарии X в. // Материалы и исследования по археологии СССР. — № 111. — М.: Изд-во АН СССР, 1962. — С. 179–204.

Әхмәтҗанов Марсель. Татар шәҗәрәләре (Беренче китап). — Казан: Татаркитнәшир, 1995. — 127 б.

Agathiae Myrinaei. Historiarum libri quinque. Ἱστοριῶν. — Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1828. — XXXVII, 420 p.

Agyagasi Klara. Some middle Bulgarian loan words in the Volga Kipchak languages // Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 2002. Vol. 55 (1–3). — P. 25–28.

Al-Masûdî. Kitâb at-tanbîh wa'l-ischrâf. — Leiden: E. J. Brill, 1894. — 564 p.

Ammianus Marcellinus. Römische Geschichte. Lateinisch und Deutsch und mit einem kommentar versehen von Wolfgang Seyfearth. Dritter Teil. Buch 22–25. — Berlin: Akademie-Verlag, 1970. — 255 S.

Arik Durmus. Islam among the Chuvashes and its Role in the Change of Chuvash Ethnicity // Journal of Muslim Minority Affairs. — Vol. 27, N1. — 2007. — P. 37–54.

Arnaiz-Villena Antonio, Martinez-Laso Jorge, Moscoso Juan, Livshits Gregory, Zamora Jorge, Gomez-Casado Eduardo, Silvera-Redondo Carlos, Melvin Kristin, Crawford Michael H. HLA genes in the Chuvashian population from European Russia: Admixture of central European and Mediterranean populations // *Human Biology*. Vol. 75. N3. 2003. — P. 375–392.

Bazin Louis. Les calendriers turcs anciens et médiévaux. — Univ. de Lille, 1974. — 800 p.

Bereczki Gábor. A Volga-Káma vidék areális kapcsolatai // *Areális nyelvészeti tanulmányok*. — Budapest: Tankönyvkiado, 1983. — P. 207–236.

Beyer H. — V. Великая Булгария как форпост ислама... // *Античная древность и средние века*. — Екатеринбург: УГУ, 2009. С. 467–488.

Biruni Abu Rayhan Muhammad ibn Ahmad. The Chronology of Ancient Nations: An English Version of the Arabic Text of the Athar-ul-Bakiya of Albiruni or “Vestiges of the Past”. Transl. C. Edward Sachau. — L.: By William H. Allen & Co, 1879. — XIV, 464 p.

Bretschneider E. Mediaeval Researches from Eastern Asiatic Sources. Vol. I. — London: Trübner & Co., 1910. — XII, 334 p.

Castrén M. Alexander. Kleinere Schriften. — St. Petersburg: Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, 1862. — X, 382 S.

Chuvash // *The New Encyclopædia Britannica*. Vol. 3. — Chicago: Encyclopædia Britannica, 1994. — P. 310.

Frähn M. Die ältesten arabischen Nachrichten über die Wolga-Bulgaren aus Ibn-Foszlans Reiseberichten // *Mémoires de l'Académie Impériale des Sciences de St. — Pétersbourg*. VI série. T. I. S. — P., 1832. — S. 527–577.

Georgi J. G. Beschreibung aller Nationen des Russischen Reichs, ihrer Lebensart, Religion, Gebräuche, Wohnungen, Kleidungen und übrigen Merkwürdigkeiten. 2 Bd. Ausgabe 1. — St. Petersburg: C.W. Müller, 1776. — XII, 530 S., 95 Taf.

Golden Peter B. Khazar studies: An Historico-Philological Inquiry into the Origins of the Khazars. Vol. 1. — Budapest: Akadémiai Kiadó, 1980. — 291 p.

Golden Peter B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. — Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. — XIV, 483 p.

Golden Peter B. The peoples of the Russian forest belt // *The Cambridge History of Early Inner Asia*. — Cambridge Univ. Press, 2008. — P. 229–255.

Golden Peter B. The peoples of the south Russian steppes // *The Cambridge History of Early Inner Asia*. — Cambridge Univ. Press, 2008a. — P. 256–284.

Golden Peter B. Studies on the Peoples and Cultures of the Eurasian Steppes. Ed. by Cătălin Hriban. — București: Editura Academiei Române, 2011. — 424 p.

Golden Peter B. Some Notes on the Etymology of *Sabir* // KOINON ΔΩΡΟΝ. Сборник статей к 60-летию В.П. Никонорова. — СПб.: Филфак СПбГУ, 2013. — С. 49–55.

Golden Peter. Some Notes on the Avars and Rouran // The Steppe Land and the World Beyond them. — Iași: Editura Univ., 2013a. — P. 43–66.

Golden Peter B. Qırçaq // Turcology and Linguistics. Hacettepe Üniversitesi, 2014. — P. 183–202.

Goubert Paul. Byzance avant l'Islam. Vol. I: Byzance et l'Occident. — Paris: A. et J. Picard, 1951. — 332 p.

Graf Orion M., Johnson Stephen M., Mitchell John, Wilcox Stephen, Livshits Gregory and Crawford Michael H. Analysis of Chuvash mtDNA points to Finno-Ugric origin // American Journal of Physical Anthropology. — Vol. 147. Issue Supplement 54. — 2012. — P. 17–67.

Graf Orion M., Mitchell John, Wilcox Stephen, Livshits Gregory, and Crawford Michael H. Chuvash origins: Evidence from mtDNA Markers // An abstract from a presentation at the April 14–17, 2010 meeting of the American Association of Physical Anthropologists (AAPA).

Guilielmi Dindorfii Grammatici Græci. Vol. I. — Lipsiae: In Libraria Kuehniana, 1823. — XXXIV, 443 p.

Jean Nikiou. La Chronique de Jean, évêque de Nikiou. Texte éthiopien publié et traduit par H. Zotenberg. — Paris: Imperimerie Nationale, 1883. — 264 p.

Karachanak Sena, Carossa Valeria, Nesheva Desislava, Olivieri Anna, Pala Maria, Kashani Baharak Hooshir, Grugni Viola, Battaglia Vincenzo, Achilli Alessandro, Yordanov Yordan, Galabov Angel S., Semino Ornella, Toncheva Draga, Torroni Antonio. Bulgarians vs the other European populations: a mitochondrial DNA perspective // International Journal of Legal Medicine. — Vol. 126. — 2012. — P. 497–503.

Karachanak-Yankova Sena, Nesheva Desislava, Galabov Angel S., Toncheva Draga. Distribution of East Eurasian Y-Chromosome and Mitochondrial DNA Haplogroups across Eurasia: Insights into the Genetic Ancestry of Bulgarians // Advances in Anthropology, 2015. 5. — P. 205–266.

Kim Hyun Jin. The Huns, Rome and the birth of Europe. — Cambridge: CUP, 2013. — VIII, 338 p.

Malalas Joannes Chronographia. — Bonnae: Impensis E. D. Weberi, 1831. — LXXVIII, 798 p.

Marquart J. Osteuropäische und ostasiatische Streifzüge: Ethnologische und historisch-topographische Studien zur Geschichte des 9. und 10. Jahrhunderts (ca. 840–940). — Leipzig: Theodor Weicher, 1903. — L, 557 S.

Menandri Protectoris Ex Historia // Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii C. F. P. I. — Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829. — P. 279–444.

Minorsky V., translated and explained. *Ḥudūd al-‘Ālam*. ‘The Regions of the World’. A Persian Geography. 372 A.H. — 982 A.D. — L.: E.J.W. Gibb Memorial, 1970. — LXXXIII, 524 p.

Mommsen Theodorvs, Ed. *Monvmenta Germaniae Historica. Chronicaorvm Minorum Saec. IV. V. VI. VII. Vol. I: Accedvnt Tabvlae Dvae.* — Berolini: Apvd Weidmannos, 1892. — XII, 756 p.

Moravcsik Gyula. *Byzantinoturcica. I: Die Byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvolker.* — Leiden: E.J. Brill, 1983. — XXXII, 609 S.

Munkácsi Bernát. *A volgai bolgárokról // Ethnographia. XIV.* Budapest, 1903. — P. 66–76, 147–152, 261–265.

Munkácsi Bernát. *Die heidnischen Namen der Wochentage bei den alten Völker des Wolga-Uralgebietes // Kőrösi Csoma Archivum. II.* Budapest, 1926. — S. 42–64.

Munkácsi Bernát. *A dió szó // Keleti Szemle. XX.* Budapest, 1927. P. 131–135.

Németh Gyula. *Szabirok és magyarok // Magyar Nyelv. XXV.* Budapest, 1929. — P. 81–88.

Németh Gyula. *A honfoglaló magyarság kialakulása. Közzéteszi Berta Árpád.* — Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. — 399 p.

Nesheva D. V., Karachanak-Yankova S., Lari M., Yordanov Y., Galabov A., Caramelli D., and Toncheva D. *Mitochondrial DNA Suggests a Western Eurasian Origin for Ancient (Proto-) Bulgarians // Human Biology. 2015. Vol. 87. N1.* — P. 19–28.

Nicephori *Archiopiscopi Constantinopolitani Opvscvly Historica.* Ed. Carolvs de Boor. — Lipsiae: B. G. Tevbner, 1880. — LII, 280 p.

Poppe Nicholas. *Chuvash-Mongolian Linguistic Contacts // Journal of the American Oriental Society 97.2 (1977).* — P. 111–114.

Prisci *Historica // Corpus scriptorum Historiae Byzantinae. Editio emendatior et copiosior, consilio B. G. Niebuhrii C. F. P. I.* — Bonnae: Impensis Ed. Weberi, 1829. — P. 156–229.

Prisci *Panitae Fragmenta. A cura di Fritz Bormann.* — Firenze: Le Monnier, 1979. — LVI, 207 p.

Procopii *Caesariensis Opera omnia. Recognovit Jaecobus Haury. Vol. I: De bellis libri I–IV.* — Lipsiae: In aedibus B. G. Teubneri, 1905. — LXIV, 552 p.; Vol. II: *De bellis libri V–VIII.* 1905a. — II, 678 p.

Ptolemaei *Claudii Geographia. T. I.* — Lipsiae: Simptibus et typis Caroli Tauchnitii, 1843. — XXIV, 284 p.

Radloff W. *Phonetik der Nördlichen Türksprachen.* — Leipzig: T. O. Weigel, 1882. — XLV, 320 S.

Ramstedt G. J. *Zur Frage nach der Stellung des Tschuwassischen // Journal de la Société Finno-Ougrienne. XXXVIII.* Helsinki, 1922. S. 1–34.

Róna-Tas András. Some Problems of Ancient Turkic // *Acta Orientalia Hungarica*. 32. 1970. — P. 209–228.

Róna-Tas András. Középmongol eredetű jövevényszavak a csuvasban II // *Néprajz és Nyelvtuomány*. 17–18 (1973–1974). — P. 125–141.

Róna-Tas András. A honfoglaló magyar nép. — Budapest: Balassi, 1996. — 412 p.

Róna-Tas András. The Reconstruction of Proto-Turkic and the Genetic Question // *The Turkic Languages*. — L.; N.Y.: Routledge, 1998. — P. 67–80.

Róna-Tas András. Hungarians and Europe in the Early Middle Ages: An Introduction to Early Hungarian History. — Budapest: CEU Press, 1999. — 608 p.

Róna-Tas András. Nutshell Chuvash // URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afro-turkiskaspaparakIP2007NUTSHELLCHUVASH.pdf>

Róna-Tas András, Berta Árpád, Károly László. West Old Turkic: Turkic Loanwords in Hungarian. — Wiesbaden: Harrassowitz, 2011. — XX, 1494 p.

Räsänen Martti. Versuch eines etymologischen Wörterbuchs der Türk-sprachen. [I]. — Helsinki: Suomalais-Ugrilainen seura, 1969. — XVI, 533 S.

Salmin Anton. The Savirs in the Caucasus // *Acta Ethnographica Hungarica: An International Journal of Ethnography*. — 58 (1). — 2013. — P. 197–201.

Salmin A. Kavar e alcune questioni della storia della Chuvashia // *Italian Science Review*. Milano. 2015. 12 (33) — P. 24–28.

Shamiloglu U. The End of Volga Bulgarian // *Varia Eurasiatrica: Festschrift für Professor András Róna-Tas*. — Szeged: Departament of Altaic Studies, 1991. — P. 157–163.

Stepanov Tsvetelin. The System of Succession in Qubrat's 'Magna Bulgaria': A New Approach to an Old Problem // *Central Asia in the Middle Ages: Studies in Honor of Peter B. Golden*. — Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 2016. — P. 383–391.

Stephani Byzantii. *Ethnicorum*. T. I. — Berolini: Impensis G. Reimeri, 1849. — VI, 818 p.

Theophylacti Simocatae *Historiae*. Ed. Carolvs de Boor. — Lipsiae: I Aedibvs B.G Teubneri, 1887. — XIV, 438 p.

Thomsen Vilhelm. *Altürkische Inschriften aus der Mongolei* // *Zeitschrift der Deutschen Morgenländischen Gesellschaft*. Bd. 78. Lpz., 1924–5. — S. 121–175.

Tuite Kevin. A short descriptive grammar of the Svan language // URL: <http://www.uni-jena.de/unijenamedia/Downloads/faculties/phil/kaukasilogie/Svan%5Bslightlyrevised%5D.pdf>

Vásáry István. Hungarians and Mongols as “Turks”: on the applicability of ethnic Names // *Between Byzantium and the Steppe*. — Budapest: IARCH YAS, 2016. — P. 537–544.

Yunusbayev Bayazit, Metspalu Mait, Järve Mari, Kutuev Ildus, Rootsi Siiri, Metspalu Ene, Behar Doron M., Varendi Kärt, Sahakyan Hovhannes,

Khusainova Rita, Yepiskoposyan Levon, Khusnutdinova Elza K., Underhill Peter A., Kivisild Toomas and Villems Richard. The Caucasus as an asymmetric semipermeable barrier to ancient human migrations // *Molecular Biology and Evolution*. Vol. 29. — N1. — 2012. — P. 359–365.

Zhivkov Boris. Khazaria in the Ninth and Tenth Centuries. — Leiden; Boston: Brill, 2015. — XV, 335 p.

Zimonyi István. The Origins of the Volga Bulgars. — Szeged: Univ. Szeged, 1990. — 211 p.

Zimonyi István. History of the Turkic speaking peoples in Europe before the Ottomans // URL: <http://www2.lingfil.uu.se/afto/turkiskasprak/IP2007/ZimonyiIP.pdf>

Zimonyi István. Medieval Nomads in Eastern Europe: Collected Studies. — Bucureşti: Brăila, 2014. — 399 p.

Условные сокращения

АДД — автореферат диссертации докторской.

АДК — автореферат диссертации кандидатской.

ВДИ — журнал «Вестник древней истории».

ДД — диссертация докторская.

ИИМК — архив Института истории материальной культуры,
г. Санкт-Петербург.

ПСЗ — Полное собрание законов Российской Империи.

ПСРЛ — Полное собрание русских летописей.

РА — журнал «Российская археология».

РГИА — Российский государственный исторический архив, СПб.

РНБ — Отдел рукописей Российской национальной библиотеки, СПб.

СА — журнал «Советская археология».

СПбФ АРАН — Санкт-Петербургский филиал Архива Российской
академии наук.

СТ — журнал «Советская тюркология».

СЭ — журнал «Советская этнография».

ЧГИ — архив Чувашского государственного института гуманитарных
наук.

SUS — Suomalais-Ugrilaisen Seura arkisto. Helsinki.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Методология.....	3
Историография.....	11
Глава 1. САВИРЫ	17
Этнонимика.....	17
История	35
География	51
Геногеография.....	60
Антропология	67
Археология	72
Религия.....	79
Язык	87
Этнография	93
Искусство.....	113
Фольклор	114
Глава 2. БУЛГАРЫ	117
Этнонимы	119
История	121
География	129
Геногеография.....	134
Антропология	140
Археология	143
Религия.....	149
Язык	160
Этнография	169
Искусство.....	185
Глава 3. ТЮРКИ И МОНГОЛЫ	187
Этнонимы	187
История	191
География	195
Геногеография.....	197
Антропология	199
Археология	203

Религия.....	203
Язык.....	212
Этнография	227
Фольклор.....	236
Татаризация	238
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	246
CONCLUSION	248
Архивные источники	250
Использованная литература	252
Условные сокращения	292

Научное издание

Антон Кириллович Салмин

**Савиры, булгары и тюрко-монголы
в истории чувашей**

Выпускающий редактор *С. Г. Труфанова*

Корректор *Д. М. Соколова*
Оригинал-макет *М. А. Хромов*

Подписано в печать 25.03.2019. Формат 60×90/16

Бумага офсетная. Печать офсетная

Усл.-печ. л. 18,5

Тираж 300 экз. Заказ № 1605

Отпечатано в типографии
издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг
издательства «Нестор-История»
звоните по тел.: +7 960 243 32 82